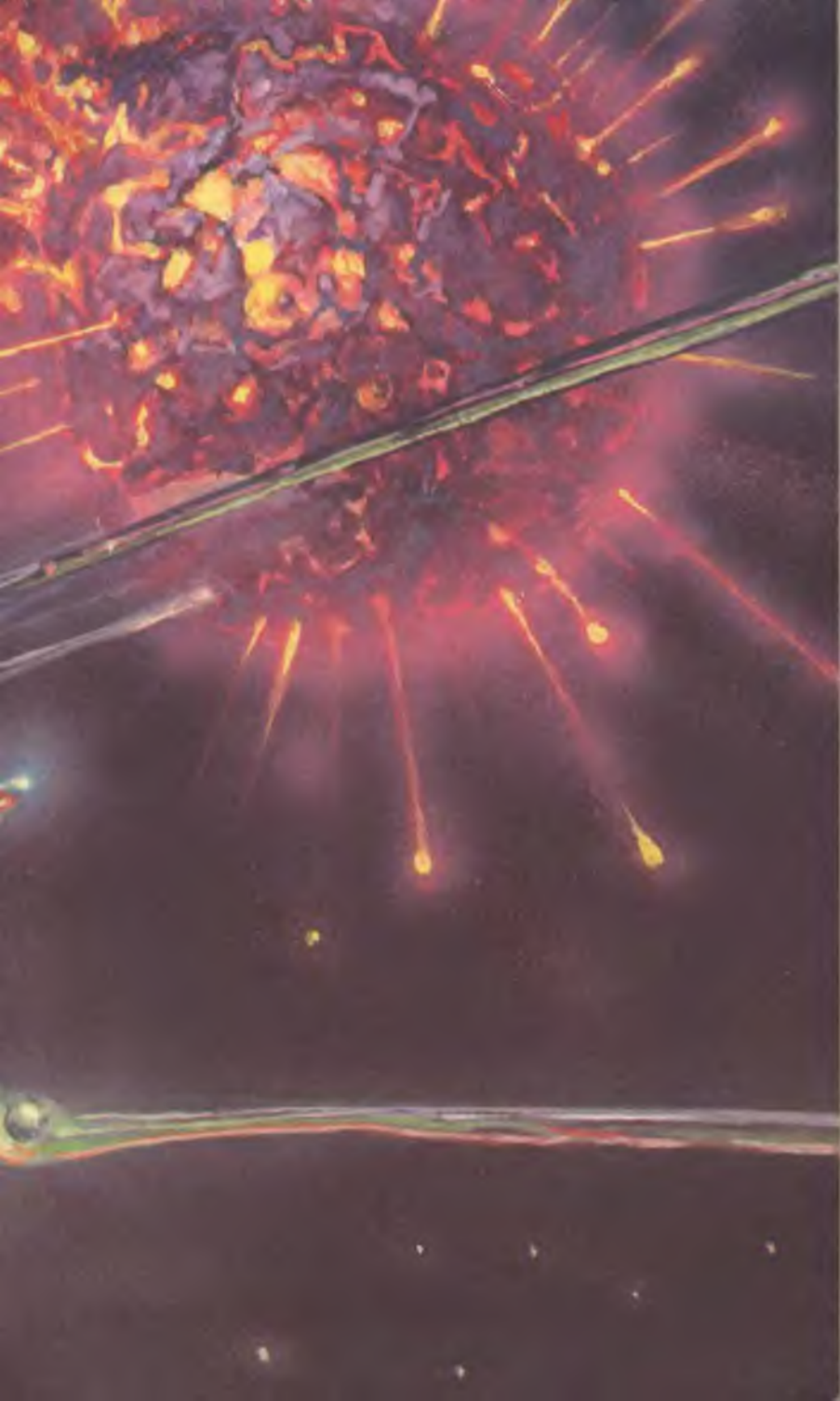

МИРЫ ДЖОНА УИНДЕМА

ДЖОН УИНДЕМ

Сканировал и создал книгу - vtaKhankov

WORLDS OF JOHN WYNDHAM

Volume three

THE OUTWARD URGE

TROUBLE WITH LICHEN

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

МИРЫ ДЖОНА УИНДЕМА

Том третий

ЗОВ ПРОСТРАНСТВА

**ВО ВСЕМ ВИНОВАТ
ЛИШАЙНИК**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995

Миры Джона Уиндема. Т. 3 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1995. — 335 с.

В третий том собрания сочинений Джона Уиндема включены произведения, мало знакомые российскому читателю. Первый из них — «Зов пространства» — составлен из новелл, описывающих несколько поколений семьи Трунов, посвятившей себя покорению космоса. Второй — «Во всем виноват лишайник» — рассматривает проблемы, которые ставит перед человечеством случайное получение вещества, дающего бессмертие.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных произведений и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The Outward Urge
Copyright © 1958 by John Beynon Harris

Trouble with Lichen
Copyright © 1960 by John Beynon Harris

© Издательство «Полярис»,
составление, оформление,
название серии, 1995

Зов пространства
© Г. Корчагин, перевод, 1996

Во всем виноват лишайник
© В. Гольдич, Н. Оганесова, перевод, 1995

ISBN 5-88132-251-7

Из последнего собеседования Маятник Трун вынес самую странную смесь чувств: изумления, воодушевления, почтения и твердую уверенность в том, что ему необходимо отдохнуть.

Как он и ожидал, собеседование начиналось сугубо официально. Едва адъютант доложил о его приходе, Трун браво вошел в кабинет и вытянулся в струнку перед широким столом. По ту сторону стола восседал старичок — еще подревнее, пожалуй, того анекдотичного старого пня в погонах, которого рассчитывал увидеть Трун, зато — настоящая армейская косточка: поджарый, с красивым, чуть тронутым морщинами породистым лицом, безукоризненно подстриженной белоснежной шевелюрой и рядами орденских планок на левой стороне груди.

Старичок оторвал взгляд от скоросшивателя с бланками, чтобы хорошенько рассмотреть посетителя. Вот тут-то и затлело у Маятника подозрение, что это собеседование будет не совсем обычным, ведь старикашка — или, если представлять его по всей форме, маршал ВВС сэр Годфри Уайльд, — не походил на пучеглазых военных чинуш, досужих мастеров судить о человеке по одежке и отыскивать изъяны. Маятнику они успели осточертеть, пока он добирался через все инстанции до этого кабинета. Нет, маршал смотрел на него как на личность, и было в его взоре нечто странное. Не отводя глаз, он два-три раза кивнул своим мыслям.

— Трун, — изрек он задумчиво. — Капитан авиации Джордж Монтомери Трун. Весьма вероятно, в некоторых кругах вы известны как Маятник Трун. Я угадал?

Маятник опешил.

— Э-э... так точно, сэр.

Старичок улыбнулся краями рта:

— Молодежь не бывает чересчур оригинальна. Джи Эм Трун — Джи-Эм-Тэ, а дальше само собой получается: Маятник*.

Он упорно не сводил с Труна изучающих глаз, и это выходило за грань привычного и удобного. Маятника разбирало смущение, он с трудом одолел соблазн поежиться.

От старика это не укрылось. Мышцы его лица расслабились, губы растянулись в дружелюбную, ободряющую улыбку.

— Простите, мой мальчик. Меня унесло на пятьдесят лет назад.

Он посмотрел вниз, на папку. Некоторые анкеты Маятник узнал: они заключали в себе полную историю его жизни. Дж. М. Трун, двадцать четыре года, родственников не имеет, англиканское вероисповедание. Происхождение.. образование... послужной список... медицинская карта.. характеристика от командира... характеристика от службы безопасности, как же без нее... вероятно, сведения о личной жизни... о друзьях, и так далее и тому подобное... В общем, куча всякой ерунды.

Очевидно, старикан был того же мнения, ибо он с некоторой брезгливостью отпихнул папку, взмахом руки указал на мягкое кресло и придвинул к Маятнику серебряный портсигар.

— Присаживайтесь, мой мальчик.

— Благодарю вас, сэр. — Маятник взял сигарету. Он как мог старался не выглядеть скованным.

— Скажите-ка, — благодушно попросил старик, — что вас заставило подать рапорт о переводе из авиации в космонавтику?

Молодой офицер был готов к этому стандартному вопросу, но в тоне маршала не было ничего стандартного, и под его задумчивым взглядом Маятник не решился ответить сухой казенной фразой. Он слегка наморщил лоб и произнес не совсем твердо:

— Сэр, это не очень легко объяснить. Честно говоря, я и сам не уверен, что понимаю. Видите ли... сказать «что-то заставило» будет не вполне правильно. Но мной все время владело такое чувство, что рано или поздно обязательно

* G.M.T — Greenwich mean time' — среднее время по Гринвичу

придется это сделать. Разумеется, следующим моим шагом...

— Следующим шагом?! — перебил маршал ВВС. — Значит, это еще не предел мечтаний? Следующий шаг — куда?

— Я и сам еще не разобрался, сэр. В открытый космос, наверное. Не могу объяснить это ощущение... Какая-то тяга туда, наверх, за пределы. И ведь не с бухты-барахты, сэр. Похоже, она всегда во мне жила, эта тяга, где-то на задворках ума. Боюсь, это немного сумбурно... — Маятник умолк, сообразив, что его признание весьма напоминает бред.

Но старикан не нашел в его словах ничего бредового. Еще разок-другой неторопливо кивнув, он откинулся на спинку кресла и несколько секунд созерцал потолок — должно быть, рылся в памяти. И вдруг продекламировал:

...Я слышал, как звезду звала
Ее далекая сестра
Полночным писком комара.

Его взгляд опустился на удивленное лицо Маятника.

— Знакомое чувство?

Маятник ответил не сразу:

— Думаю, да, сэр. Это откуда?

— Говорят, из Руперта Брука, хотя мне так и не довелось узнать контекст. Однако впервые я это услышал от вашего деда.

— От... моего деда? — у Маятника брови полезли на лоб.

— Да. От другого Джорджа Монтгомери Труна. Возможно, вы удивитесь — его тоже звали Маятник Трун. Дед!.. — Маршал грустно покачал головой. — Для старых пней вроде меня это, должно быть, самое подходящее слово. А вот Маятник... да-а, не сподобился. Погиб, не дожив до ваших лет... Впрочем, вы сами знаете.

— Да, сэр. А вы с ним были хорошо знакомы?

— Еще бы. В одной эскадрилье служили... Там это и случилось. Надо же, как вы на него похожи! Я, конечно, ожидал чего-то подобного, и все-таки глазам своим не поверил, когда вы вошли. — Маршал авиации дал паузу затянуться, а затем произнес: — И у него была эта «тяга

за пределы». Он пошел в летчики, потому что в ту пору выше атмосферы мы подняться не могли, многие даже и не мечтали... Но Маятник был из немногих. Я по сей день помню его привычку глядеть в ночное небо, на луну и звезды, и рассуждать с таким видом, словно он знает наверняка: когда-нибудь мы к ним наведаемся. Правда, была в его словах и печаль — ведь он понимал, что сам туда отправиться не сможет. Мы-то над ним посмеивались, считали: чепуха это все для комиксов, а он только улыбался и в споры не ввязывался, как будто и в самом деле знал. — Маршал снова надолго умолк и наконец добавил: — Его бы порадовало известие, что внуку тоже хочется «за пределы».

— Спасибо, сэр. Приятно это слышать. — Сообразив, что мяч отпасован ему, Маятник спросил: — Он ведь погиб над Германией, верно, сэр?

— Берлин, август сорок четвертого, — ответил маршал ВВС. — Крупная операция. Взорвался самолет. — Он вздохнул, опять уйдя в воспоминания: — Когда мы вернулись, я решил проведать вдову, вашу бабушку. Красивая была девчушка, просто прелесть. Очень переживала. Потом куда-то уехала, и я ее потерял из виду. Она еще жива?

— Жива и здорова, сэр. Она снова вышла замуж... кажется, в сорок девятом.

— Что ж, отрадно. Бедная девочка! Ведь они обвенчались всего за неделю до его смерти.

— Всего за неделю, сэр? Я даже не знал...

— Вот так-то. Получается, что ваш отец, а следовательно, и вы едва-едва успели появиться на свет. Свадьбу сыграли чуть раньше, чем хотели поначалу. Может, у Маятника было предчувствие... Оно у многих из нас бывало, но чаще всего — ложное... — Трун не осмеливался нарушить очередную паузу, пока сам маршал не сказал, отогнав воспоминания:

— Вы тут указали, что одиноки.

— Так точно, сэр. — Маятник тотчас вспомнил о листе бумаги со специальным разрешением и чуть было не опустил голову — взглянуть, не торчит ли он из кармана.

— Разумеется, в анкете был такой вопрос, — сказал старик. — Значит, вы не женаты?

— Так точно, сэр, — повторил Маятник, и у него возникло неприятное ощущение, что карман стал прозрачным.

— И братьев нет?

— Нет, сэр.

Маршал ВВС рассудительно произнес:

— Официальная цель этого условия противоречит моему опыту. На войне я не замечал, чтобы женатые офицеры уступали в отваге холостым. Скорее наоборот. Следовательно, мы вынуждаем людей подозревать, что наше ведомство придает неоправданно большое значение проблеме пенсий и компенсаций. Вам по душе, когда талантливых офицеров чуть ли не на каждом шагу отговаривают от продолжения рода, а заурядным дают плодиться, как кроликам?

— Э-э... нет, сэр, — озадаченно произнес Маятник.

— Отлично, — сказал маршал ВВС. — Рад это слышать.

Под его пристальным взглядом Маятнику захотелось выложить разрешение на стол, и он едва удержался — все-таки благоразумие еще не окончательно его покинуло.

Старик решил перевести беседу в более официальное русло.

— Вы отдаете себе отчет, что эта служба требует исключительной секретности?

У Маятника отлегло от сердца.

— Сэр, все, с кем я тут разговаривал, очень на это упирали.

— А почему, вы знаете?

— В подробности меня не посвящали, сэр.

— Однако вы проникательный молодой человек, и у вас наверняка возникли кое-какие соображения.

— Ну что ж, сэр, насколько я могу судить по тому, что услышал и прочел об экспериментальных космических снарядах, недалек тот день, когда мы начнем строить нечто наподобие космической станции — вероятно, обитаемый спутник. Можно ожидать чего-нибудь в этом роде?

— Вполне, мой мальчик, и я рад заметить, что ваша дедукция немножко отстала от жизни. Космическая станция уже существует, точнее, все ее части. И некоторые из частей уже там. Ваша задача — помочь с монтажом.

Глаза Маятника распахнулись и зажглись восторгом.

— Сэр, это же здорово! Я даже не предполагал... думал, до такого нам еще, как до... Надо же! Монтировать первую космическую станцию... — Он скомкал фразу и умолк.

— А я не говорил, что она первая, — заметил старик. — Вообще-то, есть и другие. — Увидев изумление на лице капитана, маршал сжалился и объяснил: — Не всегда следует принимать на веру то, что видят глаза. В конце концов, мы же с вами знаем: американцы, да и те, Не Наши Ребята, потрудились на славу, — хотя нам ли тягаться с ними по части ресурсов?

Маятник был окончательно сбит с толку.

— Но я считал, сэр, что мы заодно с американцами!

— Конечно, против них мы не работаем, но так уж сложились обстоятельства, что наш народ запомнил их страсть к публичным выступлениям в политически выгодные моменты, а они не забывают кое-каких утечек информации по вине нашей спецслужбы. И вот результат: мы идем разными путями и дублируем друг друга, мирясь с чудовищной потерей времени и сил. С другой стороны, у нас появился шанс встать в космосе на собственные ноги, если можно так выразиться, — вместо того чтобы изредка бывать там на правах бедных родственников. Возможно, это когда-нибудь принесет плоды.

— Думаю, принесет, сэр. А Не Наши Ребята?..

— О, эти тоже не сидят сложа руки. Известно, что еще сорок лет назад они трудились над автоматической станцией, но тогда американцы похитили у них славу, разглагольствуя на весь мир о своих успехах на этом поприще. Потом Не Наши Ребята отыгрались, выведя на орбиту первый спутник. Дорого бы дало наше ведомство за любые новости о том, как далеко они с тех пор продвинулись.

Теперь что касается вас. Прежде всего — физическая и специальная подготовка...

Маршал пустился в подробности, но у Маятника в голове царил сумбур. Он глядел сквозь стены залитого солнцем кабинета и видел черное пространство в оспинах огня. Фантазируя, он ощущал, как плывет сквозь вакуум. Фантазируя, он...

Он спохватился: маршал ВВС замолчал и глядел на него так, будто ждал ответа. Маятник попробовал собраться с мыслями.

— Сэр, искренне прошу прощения. Я не совсем уловил...

— Да, я уже понял, что теряю время, — беззлобно сказал старик. Он даже улыбнулся. — Мне не впервой видеть такие глаза. Быть может, когда-нибудь мне повезет, и вы, будучи в здравом уме и трезвой памяти, соблаговолите объяснить, откуда у Трунов эта привычка впадать в гипнотический транс при одном упоминании о космосе. — Маршал встал, и Маятник мигом оказался на ногах. — Не забывайте насчет требований безопасности — это все совершенно секретно. О служебных делах даже супруга не должна догадываться... если, конечно, вам посчастливится ею обзавестись. Это вы понимаете?

— Так точно, сэр.

— Ну что ж, до свиданья... э-э... Маятник. И — счастливого пути.

Чуть позже, сидя за бокалом виски в первом пригласившемся ему баре, Маятник достал из кармана специальное разрешение на женитьбу и призадумался. Настало время попенять себе: внимательнее надо было слушать старичка, внимательнее, а не витать в заоблачных высях. Что он там говорил насчет спецкурса? Двенадцать недель на тренировки, на изучение станции — и по чертежам, и на макете. А после, кажется, в отпуск. Ой, а это хорошо ли? Если станция частично уже «там», не получится ли, что монтаж закончат раньше, чем он пройдет обучение?

Маятник не на шутку встревожился, но здравый смысл тотчас его успокоил: мыслимое ли дело — закинуть детали всем скопом в небо, а после уповать, что они там сами как-нибудь состыкуются? Э, нет, их необходимо возить мелкими партиями, а это и долго, и трудно, и совсем не дешево. Да, по части издержек станция легко заткнет за пояс самые грандиозные памятники истории. Одному Богу ведомо, сколько потребуются ракетных рейсов на орбиту, прежде чем наступит черед сборки.

Взгляд на проблему под таким углом качнул Маятника в другую крайность. Что, если сборка растянется на многие годы?.. Старик вроде упоминал о режиме работы... Маятник порылся в памяти. Четыре недели — в космосе,

четыре — на Земле, хотя это — ориентировочно, обстановка может потребовать корректив.

Что ж, похоже, все складывается не так плохо...

Взгляд Маятника опустился на листок, который он держал в руке. Безусловно, с точки зрения военных чинуш, подобная бумаженция не имеет права на существование. С другой стороны, если маршал авиации не счел нужным скрывать свое мнение о запрете... Когда тебе покровительствует, пускай негласно, такая шишка... Спрашивается, чего еще ждать? Действовать надо, действовать!

Он аккуратно сложил листок, опустил в карман и твердым шагом двинулся к телефонной кабине.

Маятник стоял в кают-компании, глядел в иллюминатор и угрюмо поглощал завтрак.

Кают-компания располагалась в Корпусе — а он, судя по всему (и в том числе по официальным памяткам) был единственным обитаемым местечком на тысячи миль окрест, служа конторой вкупе с общежитием для рабочих. Почти по всей длине его затененной стороны тянулся ряд иллюминаторов, открывая вид на Сборочную. Солнечная сторона тоже имела несколько иллюминаторов, но все они были закрыты светонепроницаемыми пластинами. На этой — фасадной — стороне Корпуса стояли по кругу параболические зеркала диаметром не более фута; у каждого оптическая ось проходила под точно рассчитанным углом. Когда солнце глядело прямо в центр круга, они пребывали в бездействии, но это всегда длилось недолго. Едва луч смещался на градус-другой, как под ним оказывалось то или иное зеркало, и в фокусе рождалось пекло. Вскоре слабый, невидимый выстрел пара исправлял своей отдачей положение Корпуса, и тот опять едва заметно качался в пустоте, пока не наступала очередь другого корректировочного рефлектора. И так — все время, кроме недолгих «ночей» в тени Земли. Поэтому вид из «подветренных» иллюминаторов никогда не менялся, они постоянно показывали орбитальную станцию в процессе сборки.

Маятник разломил булочку, еще хранившую жар печи, которую снабжало энергией самое крупное зеркало солнечной стороны. Большой кусок он оставил висеть в воздухе, а меньший намазал маслом. Положил в рот, рас-

сеянно сжевал и взял кофейник — пластмассовую бутылку с горячим кофе. Позволил ей свободно витать перед собой и потянулся за недоеденной булочкой, не дав ей уплыть за пределы досягаемости. Все это делалось машинально, но визна таких штучек быстро выцвела на фоне орбитального быта и работы. Удобно, что ни говори, располагать вещи прямо в воздухе; это легко входит в привычку, и в отпуске, дома, избавиться от нее удастся не сразу.

Перемалывая зубами сдобу, Маятник смотрел в иллюминатор и хмурился. Как бы ты ни восхищался проектом в целом, в последние дни смены тебя неизбежно одолевают тоска по дому и ощущение, будто ты не у дел. С Маятником так всегда бывало перед началом отпуска, а теперь — по особым причинам — нетерпение разгулялось вовсю.

Снаружи выпуклым занавесом на пол-окна висела Земля, но нельзя было разобрать, который из континентов обращен к Корпусу в эту минуту. Облака застили поверхность шара и рассеивали солнечные лучи, и так было почти всегда. Маятнику казалось, будто перед ним не планета, а сегмент жемчужины-великанши, что покоится на чернейшем бархате. Что же касается переднего плана сцены, то оным служило привычное глазу столпотворение.

Работа шла полным ходом. Был уже сварен каркас станции — колесовидная клетка из решетчатых ферм, сто сорок футов в диаметре, двадцать четыре фута высотой. Под беспрепятственно падающими лучами солнца каркас играл ослепительными серебристыми бликами. На него уже поставили несколько плит обшивки, и теперь крошечные человечки в округлых, как луковки, скафандрах протаскивали сквозь колоннаду ферм точно такие же листы металла.

Впечатление беспорядочности, захламленности усугубляла пронизывающая Сборочную паутина — страховочные и крепежные тросы тянулись во все стороны. Десяток, если не больше, тросов соединяли Корпус со Сборочной, и ни один человек, ни одна деталь, ни один инструмент не оставались надолго без привязи. Тросы висели свободно, если какой и натягивался, то лишь на секунду-другую, большинство непрестанно извивались, как разомлевшие змеи, остальные почти не шевелились. То и дело кому-нибудь из монтажников приходилось отрываться от ра-

боты — мягко тычась в фермы, к нему подбирался ящик с инструментами или деталь конструкции, получали легкий тычок и уплывал обратно, оставляя за собой изгибы троса

В поле зрения Маятника появился большой цилиндр — часть установки для регенерации воздуха Цилиндр неторопливо плыл от Корпуса к Сборочной К его оболочке пристегнулся человек в скафандре и время от времени выпускал точно нацеленные струи пламени из стволового пистолета Он и его груз парили в безвоздушном пространстве, лишь синусоида тонкого страховочного троса соединяла их с Корпусом И не имело значения, что при этом они летели вокруг Земли, преодолевая сотни миль ежечасно, — этого просто не осознаешь, как не осознаешь скорости, с какой несешься вокруг солнца

Маятник оторвался от трапезы, чтобы полюбоваться ловкостью человека с пистолетом Со стороны-то все выглядит проще некуда, но кому доводилось это испытать, знает преотлично чуть зевнешь, и прокувыркаешься всю дорогу вместе с грузом Раньше такое часто бывало, но теперь самых безруких спровадили на Землю И все-таки достаточно малейшей оплошности, и

Удовлетворенно хмыкнув, Маятник вернулся к еде и раздумьям Четыре дня Еще четыре дня, и он — дома И сколько еще рабочих смен до конца? Дело поставлено с размахом, заработки очень даже приличные Правда, графики, вычерченные в комфортабельных земных кабинетах, на орбите сразу менялись На ранних стадиях темп сборки оставлял желать лучшего Чтобы на ходу исправлять огрехи «мудрых» проектировщиков, изобретали всевозможные приемы и приспособления Серьезных причин для задержки было две во-первых, кто-то из снабженцев составил дурацкое расписание грузоперевозок, а во-вторых, очередная партия ферм так и не прибыла и теперь, вероятно, летала вокруг Земли одиноким спутником, — если только ее не ухитрились послать в открытый космос

Работа в невесомости тоже открыла больше проблем, чем кто-либо ожидал Конечно, в пустоте можно одним касанием пальца передвигать очень большие и тяжелые предметы, так что необходимость в погрузочно-транспортной технике отпадает Но, с другой стороны, любое действие встречает равное по силе противодействие, и к этому надо постоянно принаравливаться Каждый раз, прежде чем

применить силу, необходимо искать, за что бы зацепиться. Для человека привычка полагаться на собственный вес — почти инстинкт; чтобы избавиться от нее, а также выбросить из головы понятия «верх» и «низ», приходится без конца призывать сознание к порядку

Маятник отвел взгляд от цилиндра и его перевозчика и проглотил последнюю струйку кофе. Затем посмотрел на часы. До заступления на вахту еще полчаса; двадцать минут — его, а потом надо будет надевать и проверять скафандр

Он закурил сигарету и, поскольку больше заняться было нечем, вновь уткнувшись в иллюминатор, погрузился в мрачноватые мысли.

Когда он выкурил сигарету до половины, из динамиков внутренней связи раздался скрежет и вслед за ним слова:

— Мистер Трун, зайдите, пожалуйста, в радиорубку. Мистер Трун, для вас радиограмма.

Несколько мгновений Маятник недоуменно взирал на ближайший динамик, потом раздавил окурки о металлическую переборку и двинулся к выходу из кают-компания, шаркая магнитными подошвами. В коридоре, вопреки правилам, он оттолкнулся от двери и полетел вперед, а перед радиорубкой ухитрился одновременно схватиться за дверную ручку и поставить ноги на пол.

Радист поднял голову.

— Ну и скор же ты, Маятник, на подъем! Держи. — Он протянул сложенный лист бумаги.

Маятник взял и обругал себя в душе — рука предательски дрожала. Послание было кратким и незамысловатым:

«Лора и Майкл поздравляют с днем рождения».

Он простоял несколько секунд, глядя в текст, затем провел ладонью по взмокшему лбу. Радист задумчиво смотрел на него.

— Забавные дела в космосе творятся, — прокомментировал он. — Помнится, мы твой день рождения ровно полгода назад отмечали. Впрочем, желаю здравствовать.

— А? Э-э... спасибо, — рассеянно отозвался Маятник и выбрался из рубки.

Майклом было решено назвать мальчика, девочку — Анной. Однако рановато — по меньшей мере, на две недели раньше срока... Впрочем, какая разница? Разве что

самому хотелось бы присутствовать... «Поздравляют» — вот что важно. Это значит, оба здоровы.

Пока он царапал ответ, звякнула рында — пора на работу.

Через несколько мгновений Маятник неся по коридорам к экипировочному отсеку. Когда пришла его очередь, он подступил к краю воздушного шлюза, защелкнул на тросе-проводнике карабин страховочного фала, оттолкнулся от Корпуса обеими ногами и полетел к Сборочной. Для космического монтажника умение двигаться в невесомости — предмет особой гордости. Быстрый разворот всем телом (точно кошка в падении), и ноги упруго встречают конец пути.

Повинуясь «правилу номер один», гласившему, что ни на минуту нельзя оставаться без привязи, Маятник перестегнулся с проводника на местный страховочный фал. Затем двинулся по нему на противоположную сторону каркаса, где шла сборка.

Заметив его приближение, один из рабочих повернул голову так, чтобы его слова погромче звучали в шлемофонах Маятника. Индивидуальные рации монтажников передавали узким лучом.

— Добро пожаловать, — сказал он. — Все — твое. Учти, эта плитка — та еще капризуля.

Маятник подтянулся к нему вплотную, и они обменялись тросами.

— До встречи. — Монтажник ухватился за местный фал и двинулся обратно тем же путем, которым прибыл его сменщик.

Маятник тряхнул страховочный трос, сгоняя петлю в сторону, и повернулся к «той еще капризуле».

Новая смена уменьшила мощность передачи — так удобнее общаться между собой. Монтажники посмотрели, что сделали их предшественники, прикинули, что сами успеют сделать, и взялись за работу.

Маятник оглядел плитку и развернул маркировкой к себе. Вопреки предупреждению сменщика она нисколько не упрямилась и легко скользнула на свое место. Он не удивился. К концу смены всегда устаешь и не так уж редко тупеешь.

Приварив плитку, Маятник решил передохнуть. Повернулся к Земле, поднял солнцезащитный фильтр, чтобы

видеть ее как следует, во всей красе. Огромный мерцающий шар заполнял собой половину неба; на этот раз в облачном покрове тут и там зияли немалые бреши, и в них проступала синева — должно быть, океан, а может, и нет, ведь отсюда любая поверхность покажется синей; точно так же и космос, если смотреть с Земли в солнечный день, выглядит голубым.

Где-то там, на этом гигантском сияющем шаре, у него теперь сын. Воображение нарисовало Лору — как она лучится счастьем, прижимая к груди младенца. Маятник улыбнулся своим мыслям, даже хихикнул. Вопреки запретам он обзавелся семьей, и если теперь пронюхают... Он пожал плечами, очень сомневаясь, что только он один нарушает устав «космического монастыря».

И не то чтобы он был невысокого мнения о парнях из службы безопасности, просто другие шишки под стать маршалу авиации, похоже, смотрят на такие вещи сквозь пальцы. Еще какие-то четыре дня...

Удар в спину прервал его раздумья. Он повернулся и увидел новую плиту — кто-то толкнул ее на Маятника, чтобы привлечь его внимание. Обхватив ногами ферму, он стал поворачивать плиту в нужное положение.

Через полчаса из Корпуса по узкому радиолучу донесся голос — такой громкий, что перекрыл голоса монтажников.

— Приближается неопознанный объект, — сообщил он и дал пеленг на созвездие.

Рабочие повернули головы в сторону Овна, пылавшего крупными звездами на фоне многочисленных искорок, однако не увидели ничего необычного.

— Не «снабженец»? — спросил кто-то.

— С какой стати? Нас не предупреждали.

— Метеорит? — с ноткой тревоги предположил другой монтажник.

— Не думаю. Радар засек его часа два назад, и с тех пор он слегка изменил курс. А это на метеорит не похоже.

— А в телескоп что, не разглядеть?

— Не успеваем. Корпус сильно качается, пытаемся его остановить.

— А может, прибыла партия ферм? Ну, тот «снабженец», что заблудился? Может, мы только сейчас попали в радиус его самонаведения?

— Вероятно, — сказал командир в Корпусе. — Он взял курс прямо на нас, тут сомневаться не приходится. Если это «снабженец», то автопилот остановит его милях в двух. Придется кого-нибудь послать с тросом. Успеем, времени будет вдоволь. Ладно, парни, работайте, постараемся держать вас в курсе, когда поймаем его в телескоп.

Несущая волна оборвалась, и бригада монтажников, тщательно изучив окрестности, вернулась к работе. Миновал без малого час, прежде чем снова донесся голос из Корпуса.

— Алло, Сборочная! — Не дожидаясь ответа, командир сообщил: — А штучка-то эта, в Овне, непростая. И уж точно не груз ферм. Мы вообще не знаем, что это такое.

— На что же оно похоже? — спокойно поинтересовался один из рабочих.

— Ну, как описать... На большой круг, а по его краям, на одинаковых расстояниях друг от друга, три маленьких кружочка.

— Ну да?!

— Да, а больше ни черта не разобрать. Носом эта штукавина повернута к нам, а круги могут быть цилиндрами длиной в милю. Вот и все, что я могу сказать.

Головы в шлемах снова повернулись к Овну.

— Не видать ничего... Выброс из дюз есть?

— Ни единого признака. Похоже, он просто падает на нас. Подождите... — Командир умолк на пять минут, а потом заговорил серьезнее: — Мы отослали в Центр описание объекта, попросили опознать его и сообщить нам. Вот, они ответили. Читаю: «Не «снабженец» точка Повторяю: после вылета номера триста семьдесят семь ка корабли снабжения к вам не отправлялись точка Пентагон утверждает, что объект ему неизвестен точка Повторяю: Пентагону объект неизвестен точка Есть предположение, что это враждебный корабль или снаряд точка Примите меры предосторожности точка Конец связи».

Несколько секунд в эфире царило молчание. Монтажники только вертели головами, изумленно переглядываясь.

— Враждебный? Да тут все враждебное, дьявол его поберет! — сказал кто-то.

— А есть у нас ракеты-перехватчики? — поинтересовался Маятник.

— Есть, — ответил голос из Корпуса. — В списке необходимого. По-прежнему в самом конце.

— Враги, — прошептал другой голос. — Но кто?

— А кто, по-твоему? Для кого наша станция как заноза в задую?

— Враги, — повторил монтажник. — Как же так? Это же получается акт агрессии. Я в том смысле, ежели они нападут...

— Какой там, к черту, акт! — сказал второй монтажник. — Да кто хоть знает, что мы тут? Кто, кроме ведомства, да еще, как теперь выясняется, Не Наших Ребят? Ну, нападут, ну, раздолбают — и что с того? Тишь да гладь по обе стороны. Даже протестов не будет... Тишь да гладь!

— Что-то вы, парни, спешите с выводами. А ведь никто еще не знает, что это за хреновина.

«Пожалуй, он прав, — подумал Маятник в адрес командира. — Но и ребят можно понять. Ну что могло чисто случайно залететь именно в наш уголок пространства? А раз не случайно, раз объект не от нашего ведомства, значит, это либо разведчик, либо диверсант».

Он опять повернул голову и окинул взглядом мириады солнц, плававшие в темноте. Первый отклик на новость был абсолютно верен. Здесь все — враждебное. На мгновение он как никогда остро почувствовал неприязнь окружающего пространства... Что-то подобное Маятник испытал, когда впервые заставил себя выпрыгнуть из воздушного шлюза — в ничто... Воспоминание успело поблекнуть, но теперь он снова — в чуждом мире. Самонадеянная козявка, покинувшая родную среду обитания, без всякой на то необходимости препоручившая себя капризному року. «Странно, — подумал он мимоходом, — надо было заподозрить людей в агрессивных намерениях, чтобы вновь ощутить великую враждебность природы, ни на миг не спускающей с нас ледяного взгляда».

Маятник оторвался от раздумий. Вокруг по-прежнему разговаривали. Кто-то осведомился насчет скорости объекта. Корпус ответил:

— Трудно установить. Разве что очень приблизительно... Он же на нас идет. Похоже, скорость не намного выше нашей. Вряд ли разница больше двухсот миль в час, вполне возможно, что и меньше. Да вы его сейчас увидите, он уже ловит земной свет.

Но пока в секторе Овна не было заметно никакого движения.

Кто-то сказал:

— Шкип, а не лучше ли нам вернуться на борт?

— Не имеет смысла... тем более что эта штукавина идет прямехонько на Корпус.

— Верно, — согласился кто-то и тихо пропел: — «И нет убежища нигде...»

Монтажники возобновили работу и лишь изредка бросали взгляды в темноту. Спустя десять минут двое хором воскликнули, заметив крошечную вспышку среди звездной пыли.

— Коррекция курса правой вспомогательной дюзой, — сообщил голос из Корпуса. — Теперь ясно одно: штукавина идет на нас. Ага, занесло ее чуток... Сейчас исправит.

Монтажники пристально смотрели. Вскоре почти все увидели мгновенный выброс пламени — объект выровнял траекторию полета.

Кто-то выругался:

— И мы тут, как голуби на привязи... Управляемый бы снарядик на перехват!.. Эх, жаль, ни одна ученая голова об этом не позаботилась, верно?

— А как насчет кислородного баллона? Поставить на него прибор самонаведения от «снабженца», и пусть дует навстречу.

— Неплохая идея. К ней бы еще денек, чтобы установить прибор...

Вскоре объект попал в яркий свет Земли, и люди поняли, где он находится, хоть и не могли пока разглядеть его форму. Командир в Корпусе и бригадир монтажников посоветовались и решили не возвращать бригаду на борт. Если объект — на самом-деле управляемый снаряд и рассчитан на взрыв при контакте или тесном сближении с целью, то ситуация безнадежна, где бы ни находились люди. С другой стороны, при попадании снаряд может и не взорваться, и тогда монтажники, оставшиеся снаружи, немедленно окажут Корпусу возможную помощь.

После этого рабочие в скафандрах двинулись сквозь паутину ферм к Корпусу. Там они оставили тросы-проводники и пристегнулись к страховочным, соединенным с обшивкой, чтобы, если понадобится, быстро подтянуться к ней. И застыли в напряженном ожидании — сюрреали-

стическая гроздь карикатурных фигурок, приклеенных к обшивке Корпуса магнитами подошв и стоящих под самыми невообразимыми углами.

«Корабль или снаряд» медленно увеличивался в размерах, и вскоре было уже нетрудно разглядеть описанный командиром силуэт — большой круг в обрамлении трех маленьких. То и дело мелькали вспышки — это вспомогательные джусы корректировали курс.

— По облику и малой скорости, — раздался бесстрастный голос командира, — я могу предположить, что эта штукавина — полуракета-полуторпеда, наподобие торпедоохотницы. Судя по тому, как она на нас наводится, взрывное устройство — контактного типа. Начинка химическая или ядерная. Для ядерной нужен очень сложный взрыватель, кроме того, ядерный взрыв был бы замечен с Земли. Для химического взрыва в наших условиях необходима максимальная концентрация энергии, то есть контакт.

Оспаривать доводы командира, очевидно, не был расположен никто. Не возникало сомнений, что объект нацелился на станцию. Он шел почти по идеальной прямой и был виден только анфас.

— Установлена относительная скорость, — добавил командир. — Примерно сто двадцать миль в час.

«Медленно, — подумал Маятник. — Очень медленно. Это, наверное, чтобы сохранить маневренность, если цель попытается уклониться».

И никто не мог ничего поделать. Оставалось только стоять на месте и ждать.

— Расчетное время контакта — пять минут, — тихо сказал голос из Корпуса.

Теперь строжайшие требования службы безопасности Маятник увидел в новом свете. До сих пор он принимал как должное, что цель секретности — в удержании инициативы. Это же ясно: когда сосед уже монтирует станцию, а твоя пока существует только на чертежной доске, ты будешь лезть из кожи вон, чтобы догнать соседа. А он, конечно, предпочтет скрытничать, даже удивление изобразит — мол, бросьте, о чем вы говорите, это же форменная утопия!.. И его можно понять. Конструирование станции — дело тонкое, спешка тут вовсе ни к чему. Но мысль о диверсии на недостроенной станции никогда не приходила Маятнику в голову.

Вдруг это действительно снаряд, и вдруг он попадет в Корпус? Никто не выживет... И что будет, когда разъяренное ведомство попытается изобличить агрессора? Не Наши Ребята только плечами пожмут — что? мы? помилуйте, да откуда мы знать-то могли о существовании вашей станции? Вероятно, это несчастный случай... которым кое-кто, по всей видимости, готов воспользоваться, чтобы развязать кампанию злобной клеветы и тем самым уклониться от ответственности...

— Три минуты, — сообщил командир.

Взгляд Маятника оторвался от ракеты-торпеды, пробежал кругом и остановился на Луне, поднявшейся из-за голубой жемчужины Земли. Сплошь покрытая шрамами, но безмятежная, висела она в небе четкой сияющей монетой, а может быть, серебряной медалью, что ждет своего героя. Героя следующего прыжка.

А пока — только маленький скачок на десять тысяч миль, чтобы там соорудить трамплин для броска миль этак на двести двадцать четыре тысячи. Будут и другие прыжки, будут обязательно, хоть он до них и не доживет. На его век хватило бы и Луны.

— Луна, — прошептал Маятник. — Слева — луна, справа — закат, луна мне сестра, закат мне брат.

Внезапно его затрясло от гнева. Глупцы, ничтожества, гнусные интриганы, они готовы сорвать грандиознейшее деяние человечества ради сиюминутной политической выгоды! Что будет, если им это удастся? Рискнет ли когда-нибудь правительство Англии начать все сызнова? Не получится ли так, что народы-соперники ограничатся срывом любых попыток строительства чужих космических станций? Не станет ли это концом великой мечты? Не окажется ли человеческая раса на веки вечные прикованной к Земле, не погрознет ли она в тщете и безысходности?

— Две минуты.

Маятник снова посмотрел на снаряд. Он вихлял чуть сильнее, чем прежде, — достаточно, чтобы мельком видеть его бока. Некоторое время Маятник с любопытством разглядывал незнакомый объект. По всей видимости, траектория полета становилась все более изломанной, — вспомогательные дюзы срабатывали намного чаще, и пламя било дольше.

— Что за проблемы у этой штуковины? — поинтересовался кто-то. — Наведение, что ли, барахлит?

Охваченные недоумением и страхом, монтажники смотрели на объект, а он вилял все размашистее, все яростнее плевали огнем вспомогательные дюзы. Вскоре его уже мотало так, что перед глазами рабочих то и дело появлялся профиль — массивное каплевидное «туловище» с тремя каплевидными же придатками основных дюз. Перпендикулярно к их поверхности, радиальными гроздьями, торчали маленькие корректировочные дюзы. Принцип действия снаряда был теперь понятен: как только прибор самонаведения ловит цель, основные дюзы срабатывают на миг, чтобы толкнуть снаряд вперед, а дальше он движется по инерции, и только время от времени вспомогательные дюзы выправляют его полет. Не столь понятным было другое: почему, чем ближе к станции, тем больше движение объекта смахивает на танец пьяного дикаря.

— А, черт! — прошептал бригадир монтажников. — Чего это он, гад, носом крутит?!

— Потому что это не он, а оно. — В голосе командира вдруг появилась надежда. — Оно крутит носом. Оно сбито с толку. Все дело в массе, неужели не ясно? По массе Корпус и Сборочная примерно равны. И дистанции от них до объекта одинаковы. Вот компьютеры и растерялись, не знают, что выбрать. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Если он не выберет в ближайшие секунды, то уже не сможет вовремя произвести коррекцию.

Монтажники по-прежнему зачарованно смотрели на объект. Его скорость немного упала — он неистово вихлял, а вспомогательные дюзы не только корректировали курс, но и тормозили. На полминуты затянулось молчание, затем кто-то шумно выдохнул и сказал:

— Шкипер прав. Похоже, он промажет.

Остальные тоже дали волю легким, и в шлемофонах прозвучал громкий хоровой вздох облегчения. Никто уже не сомневался, что снаряд пройдет точно между Корпусом и Сборочной.

В последней отчаянной попытке исправить курс вспомогательные дюзы левого борта дали залп, от которого снаряд закружился вокруг собственной оси.

— Сейчас он нам вальсок отпляшет, — произнес кто-то.

Все ближе, ближе обезумевший снаряд, и вот, плюясь во все стороны огнем, он просверливает пустоту между Корпусом и Сборочной...

Но Маятник этого уже не видел. Его рвануло с чудовищной силой, голова треснулась о пластик шлема, и перед глазами запрыгали искры. Несколько секунд он ничего не соображал, затем до него дошло, что он уже не пристегнут к Корпусу. В ужасе он пошарил вокруг руками и, не обнаружив ничего, с натугой разлепил веки и стряхнул с глаз пелену. И сразу увидел Корпус и недостроенную станцию — мерцая, они быстро уменьшались.

Брыкаясь в пустоте, Маятник ухитрился повернуться кругом. Понадобилось несколько секунд, чтобы разобраться в ситуации. Он плыл в космосе, сопровождаемый стайей мелких фрагментов станции и двумя людьми в скафандрах, а совсем неподалеку снаряд, опутанный паутиной тросов, все вертелся, дергался и плевал огнем. Постепенно Маятник сообразил: на пути снаряда оказалось с десятков, а то и больше, крепежных и страховочных тросов, и теперь они буксировали прочь все то, что находилось на их концах.

Он закрыл на минуту глаза. Под черепом глухо стучало. Правая сторона лица, похоже, была в крови. Оставалось лишь надеяться, что рана невелика. Если крови будет много, она, свободно летая в шлеме, может попасть в глаза.

В шлемофоне раздался голос командира:

— Отставить разговоры! — Подождав, он окликнул: — Эй, на снаряде! Как там у вас дела?

Маятник облизал губы и сглотнул.

— Алло, шкипер! Это Маятник. Шкип, у меня все в норме.

— По твоему голосу этого не скажешь.

— Мутит немножко. Башкой о шлем стукнулся. Ничего, сейчас полегчает.

— Как там остальные?

Ответил обморочный голос:

— Шкипер, это Нобби. У меня тоже вроде все в порядке. Тошнит, правда, как шавку. Насчет третьего не в курсе. Кто он?

— Должно быть, Доббин. Эй, Доббин, как дела?

Отклика не последовало.

— Шкип, нас здорово дернуло, — сказал обморочный голос.

— Как с воздухом?

Маятник взглянул на шкалы:

— Подача в норме, резерв тоже цел.

— У меня резерва не видно, — сказал Нобби. — Может, пробоина. Но четыре часа — мои.

— Давайте, ребята, отцепляйтесь и дуйте назад на ручных дюзах, — сказал командир. — Ты, Нобби, сразу. Маятник, у тебя с воздухом получше. Сможешь подобраться к Доббину? Если сможешь, возьми на трос и тащи к нам. Справишься?

— Справлюсь, наверное.

— Послушайте, шкип...

— Нобби, это приказ, — оборвал командир.

Пиная пустоту, Маятник перевернулся кверху ногами и увидел, как один из людей в скафандрах ощупывает свой трос. Вскоре от него отделился и поплыл в сторону страховочный трос, но человек не спешил покидать стаю обломков. Он достал из кобуры похожую на пистолет ручную дюзу и поднял перед собой на вытянутых руках, легонько болтая ногами, чтобы Корпус переместился к нему за спину. И в зеркальном прицеле появилось его отражение. Дюза испыхнула, и Нобби полетел прочь — сначала медленно, но все набирая скорость.

— До встречи, Маятник, — попрощался он. — Яичница с ветчиной?

— Не забудь с обеих сторон обжарить! — Маятник достал свой пистолет. Когда в зеркальце появилась вторая человеческая фигура, он на долю секунды коснулся спуска, а еще через несколько секунд доложил:

— Шкип, боюсь, старина Доббин готов. Впрочем, он не мучился. Огромная дырища в левой ноге скафандра. Тащить назад?

Командир колебался.

— Не надо, Маятник, — решил он. — Лишний риск. Он бы этого не одобрил. Отстегни, и пусть летит, бедолага. Забери у него резервный баллон, да и пистолет прихвати, и логоняй Нобби.

Наступило краткое молчание, затем Маятник прошептал:

— А вот это уже забавно.

— Что тебе там забавно? — встревожился командир.

— Секундочку, шкип.

— Маятник, в чем дело?

— Тросы натягиваются, шкипер. Минуту назад я и весь этот хлам неслись одной толпой со снарядом, а теперь, сдается, он идет на отрыв. Непонятно. И вы не там, где должны быть. Ага, понял: эта штуковина делает разворот и тянет нас за собой. Так, отпускаю старину Доббина. Что-то он не туда летит, в другую сторону... Должно быть, широкая траектория поворота. Трудно понять, что затеяла эта чертовка. Много коротких вспышек — выравнивается... Что-то я не возьму в толк, шкип. Весь мусор, что на буксире, и я в том числе, слетаемся в одну кучу, тут ни черта не разберешь.

— Ты лучше отстегивайся и чеши подальше.

— Минуточку, шкип. Я посмотреть хочу. — Голос Маятника звучал рассеянно. — Да, да. По дуге идет, и так уверенно...

Маятник висел на конце страховочного троса, смотрел на медленно проплывающие мимо созвездия и разворачивался сам — тоже медленно. От всего этого голова шла кругом. Компьютеры снаряда избавились от элемента случайности, который был внесен появлением второй цели. Он выровнял полет и теперь четко, уверенно менял направление. Он определенно взялся за старое. Радар обнаружил цель, которую не удалось поразить из-за временного помешательства, и ничто уже не препятствовало ракете сделать новую попытку. Где-то под толстым панцирем металлической капли таились реле, готовые заработать, как только прибор самонаведения возьмет цель. И тогда залп основных дюз снова пошлет ракету в атаку.

Маятник стал подтягиваться к ней на руках по страховочному тросу, расталкивая в стороны обломки

— В чем дело? Ты что, еще не отцепился? — спросил командир.

Маятник не ответил. Он приблизился к ракете и, хоть центробежная сила по-прежнему тащила его в сторону, смог дотянуться ногой и пнуть, чтобы отлететь подальше от вспомогательных дюз. Затем придвинулся по тросу и обхватил руками одну из пластин, соединявших дюзы с корпусом снаряда. За эти-то три пластины и зацепились тросы, когда ракета промчалась через станцию. Маятник нашел в их путанице петлю, которая выглядела достаточно прочной, и привязал к ней свой трос.

— Маятник, какого дьявола ты там делаешь? — спросил командир.

— Я на ракете, шкип.

— Боже правый! Ты — на этой штуковине?! Слушай, я же ясно сказал: отцепись. Приказывать надо, что ли?

— Шкип, надеюсь, вы этого не сделаете. А если прикажете и я подчинюсь, то мне, скорее всего, некуда будет возвращаться.

— Ты к чему клонишь?

— Видите ли, эта милашка, похоже, затеяла еще разок попытать счастья.

— Что? Ты уверен?

— Боюсь, что да. Ума не приложу, что еще она может делать. Идет по ровной дуге, и если я правильно разгадал ее затею, то какой резон с ней расставаться?

— Что ты имеешь в виду?

— Понимаете, если остаться тут, можно испечься, когда она шарахнет из основных дюз. А если прыгнуть, то медленная смерть в скафандре — тоже не ахти какое удовольствие. Зато можно доехать зайцем до дома. Если она промажет, я отцеплюсь, а если нет... Один конец.

— В логике тебе не откажешь, а только все равно мне это не по нутру. Что она сейчас делает?

— Все еще разворачивается. Вы — по левому борту. Еще градусов двадцать. Да вы и сами должны бы видеть.

— Да, мы тебя поймали радаром, но в телескоп никак не разглядеть. Далековато, к тому же — против солнца.

— Ясно. Постараюсь держать вас в курсе, — пообещал Маятник.

Он двинулся вперед по корпусу ракеты. В обшивке хватало железа, чтобы слегка притягивать магнитные подшвы.

— Все еще разворачивается, — доложил он. — Медленно, но верно. — И добавил: — У нее на носу уйма всяких стержней и прочих выступов. Пять больших и несколько маленьких. Что это такое — одному Богу известно. Может быть, тут радар.

— Да, с ограниченным радиусом действия, — предположил командир. — Иначе бы она унеслась взрывать Луну или Землю. Похоже, кое-кто хорошо знает высоту и плоскость нашей орбиты. Располагая этими цифрами, совсем нетрудно добиться, чтобы ракета рано или поздно нас

отыскала. Ты не попробуешь уточнить, который там — радар, а? Не мешало бы по нему хорошенько врезать

— Вся беда в том, что я в жизни не видел ничего похожего на эти штуки, — посетовал Маятник — Вряд ли будет толк, если я ошибусь и врежу по взрывателю

— Не теряй времени, выясняй. Что она сейчас делает?

— Почти развернулась. Еще три-четыре градуса

Он съехал чуть-чуть назад, туда, где можно было обхватить руками крепежную пластину основной дюзы. Прекратилась мелкая вибрация, шедшая от вспомогательных дюз правого борта, но тотчас слева началась такая же дрожь

— Разворот закончен, — сказал Маятник командиру — Вы — в прицеле.

Он застыл в ожидании, держась изо всех сил руками и ногами. Основные дюзы дохнули огнем. Последовал рывок — ракету задержали натянувшиеся тросы. Снова вспышка, снаряд и его груз мотнуло взад-вперед, но только один трос сорвался, и висящий на нем кусок фермы кувырком полетел прочь. Остальные обломки только подергались, да поизвивались их тросы, а затем вся куча мала двинулась новым курсом, к далекому Корпусу, чуть медленнее, чем при первой атаке ракеты.

— Шкипер, идем на вас, — сказал Маятник. — Я сейчас полезу вперед, попробую найти радар

На носу ракеты он еще раз по очереди заэкранировал все выступы руками в перчатках. Это не дало заметных результатов. Тогда он слегка удлинил страховочный трос и свесился перед носом ракеты, чтобы заслонить собой как можно больше поверхности. И опять — никаких отклонений от курса.

Маятник еще раз оглядел выступы. Один из них походил на миниатюрный аккумулятор солнечной энергии, о предназначении других оставалось только догадываться. Впрочем, можно было с уверенностью предположить, что некоторые из них передают информацию автопилоту

Он снова оседлал нос ракеты. Хотелось курить, — раньше это желание посещало его редко

— Будь я проклят, шкип, если хоть что-нибудь сообщаяю. Тут сам черт ногу сломит

Его взгляд устремился в испещренную блестками мглу позади Корпуса и Сборочной, которые висели точно по курсу и яркостью уступали разве что солнцу

— Шкипер, я лишь одно хочу сказать, — произнес Маятник. — Сдается мне, третьей попытки не будет. Она так развернулась, что вы и Сборочная теперь на одной линии с ней.

— Неужели нельзя как-нибудь обездвижить или обездоружить эту гадину! Посмотри еще раз на стержни, может, вывинтить удастся.

— Один-два вроде на резьбе, только у меня нет с собой ключей, да и плоскогубцы потерялись.

Маятник вновь переместился вперед, как мог надежнее устроился на носу ракеты и попытался отвинтить руками в рукавицах ухватистую деталь. Напрасная трата сил! В конце концов он сдался и, пока переводил дух, глядел вперед. Ракета шла точнехонько на цель, легкие толчки коррекции едва ощущались. Судить о дистанции было трудно, но едва ли она превышала двадцать миль. Считанные минуты...

Маятник обнаружил, что со лба стекает пот и жжет уголки глаз. Он потряс головой и заработал веками, выжимая капли. Затем неуклюже съехал обратно на пластину основной дюзы. Сел, как можно надежнее привязался страховочным тросом, уперся в бок дюзы ногами, прижался спиной к корпусу ракеты, вытащил ручные дюзы — собственную и Доббина — и поставил на максимальную мощность. Затем направил перед собой широкие стволы и упер рукоятки в обшивку ракеты. И весь обратился в ожидание.

— Маятник! Прыгай сейчас же! — приказал командир.

— Шкип, я же сказал, мне не улыбается медленная смерть в скафандре.

Казалось, Корпус и полузаслоненная им Сборочная несутся к нему на сумасшедшей скорости. У Маятника вдоль позвоночника бежал зуд — из-за пота, а еще из-за мыслей о сотнях килограммов взрывчатки, отгороженных от его тела только жалким листом металла. Мысли эти все назойливей лезли в голову, за ними рвался страх перед огромной разрушительной силой, ожидающей лишь удара, который ее освободит.

Из каждой поры сочился пот, пропитывая одежду. Маятник сидел, повернув голову направо, и, преодолевая резь в глазах, смотрел, как растет, приближается Корпус. «Не спеши, — велел он себе. — Слишком рано — нельзя. Но и опоздать не годится».

В шлемофоне снова зазвучал голос командира, но Маятник не обратил на него внимания. На какой дистанции надо действовать? В милю? Или это слишком далеко? Нет, пожалуй, в самый раз.

Он ждал, сжимая рукоятки дюз.

До Корпуса еще мили две...

Он стиснул зубы и на миг отжал назад спусковые крючки. Ракета дернулась сильнее, чем рассчитывал Маятник, и опрокинулась набок, как оступившийся танцор. Но тотчас сработали корректировочные дюзы, нос двинулся обратно к цели и... ушел далеко в сторону! Полыхнули дюзы по левому борту, чтобы скомпенсировать переხлест, однако в тот же миг Маятник нажал оба спуска, да так и оставил их. Двойная вспышка пистолетов усилила импульс вспомогательной дюзы, ракета вильнула и сразу же сильно отклонилась от курса. Над головой Маятника пронеслись по дуге созвездия; он поискал диким взглядом Корпус и обнаружил его у себя за левым плечом, не далее чем в миле. И взмолился, чтобы ракета опоздала с коррекцией...

Если бы это происходило в земной атмосфере и если бы снаряд обладал плоскостями для опоры на воздух и управления полетом, он бы успел вернуться на прежний курс, но в космосе любое движение — штука очень деликатная, а время — исключительно важный фактор. Невозможно единым махом вернуть потерянное равновесие. Угол отклонения от курса рос с каждой секундой, и Маятник вскоре понял, что ракета уже не может ничего исправить. Только основные двигатели обладают достаточной мощностью, чтобы одним толчком развернуть ракету на цель, но они, судя по всему, предпочитали срабатывать, когда ракета находилась в покое и в ее прицеле виднелась мишень.

Впрочем, вспомогательные дюзы не сдавались. Маятник изо всех сил старался удержаться на ракете, а она все вращалась и заставляла кружиться небеса. Ярдах в пятидесяти расплывчатым пятном промелькнул Корпус...

— Готово! Отличное представление, Маятник.

— Эй, парни, а ну утихните! — рявкнул командир. — Маятник, это и вправду было шикарно. А теперь можешь уходить. Прыгай скорее!

Все еще сжимая в руках трос, Маятник расслабился. Страх отступил. Мечась из стороны в сторону, ракета уносилась в космос вместе с ним.

— Маятник, слышишь меня? Прыгай!

— Шкип, я вас слышу, — устало сказал Маятник. — Но в дюзах маловато горючки, вряд ли дотяну

— Ерунда! Тормози тем, что осталось, мы тебя выловим. Только не тяни резину.

Наступила тишина, затем прозвучал усталый голос Маятника:

— Простите, шкип, но ведь мы не знаем, чем теперь займется наша малютка.

— О Господи! Маятник!

— Простите, шкип. Боюсь, я вынужден взбунтоваться.

Маятник закрыл глаза и попытался отдохнуть. Его мутило от качки, от вида мечущихся туда-сюда созвездий. Сил совершенно не осталось. Жутко болела голова, вся одежда пропиталась потом. Он сидел неподвижно, пока не ощутил, что трос, который удерживает его на месте, больше не провисает от толчков.

Он разлепил веки и увидел, что летит прямоком на Луну. Она медленно проплыла влево, а справа вздыбился огромный горб Земли.

— Опять разворачивается, — уныло проговорил Маятник. — Слушайте, у нее когда-нибудь выйдет топливо?

Он опустил глаза и обнаружил, что по-прежнему сжимает рукоятки дюз. Позволив им болтаться на ремешках, он руками в перчатках нашарил страховочный трос. Спустя некоторое время удалось распустить узел, и Маятник снова залез на корпус ракеты. Она уже шла совершенно уверенно; разворачивая ее, дюзы правого борта то и дело плевались пламенем. Едва ли можно было сомневаться, что она изготавливается к очередной атаке.

Маятник добрался до носа, устроился верхом, держась за металлические стержни, перевел дух и огляделся. Под левой ногой висела голубая жемчужина, на нее уже напознала ночная тень. В вышине справа похало солнце. Слева над головой покоилась на черном янтаре с вкраплениями алмазной пыли мертвенно-бледная луна. Слева сбоку к носу ракеты медленно смещались по дуге Корпус и мерцающая паутина ферм, которая могла бы когда-нибудь превратиться в космическую станцию.

Он еще раз опустил взгляд на гигантский шар, что полз под левой ступней, и несколько секунд пристально смот-

рел, затем подняв правую руку к рычажку на поясе и немного увеличил подачу воздуха.

— Шкипер!

— Слышу тебя, Маятник, — откликнулся командир. — Только что сумели навести на тебя телескоп. Что ты там делаешь, а?

— Хочу как-нибудь ослепить эту упрямицу. Тут передо мной короткий и толстый стержень, надо бы по нему врезать. Видите?

— Да, вижу. А ты уверен, что он от радара?

— Вполне уверен, шкип.

— Врешь ты, Маятник. Оставь его в покое.

— Может, получится маленько загнать в корпус. Лишь бы сбить ее с толку..

— Маятник!

— Шкип, я знаю, что делаю. Все, приступаю.

Маятник расположился поудобней, зажав под коленями два выступа, поднял над головой ручные дюзы и из всех сил обрушил их рукояти на короткий, толстый стержень. После пяти-шести ударов он признался, тяжело дыша:

— Без толку. Ни царапины, будто спичками тычешь. — Еще выше поднял рычажок воздухоподачи и зажмурил глаза, изгоняя из них пот.

Ракета описывала широкую дугу. Еще двадцать градусов, и она снова встанет на линию удара.

— Попробую еще разок, — пробормотал Маятник, поднимая пистолеты.

Командир увидел в телескоп, как упрямец принялся бить по одному из тонких стержней. Правой, левой, правой, ле...

Вспыхнуло пламя — такое яркое, что резануло по глазам. И все. Только эта беззвучная вспышка — мгновенная, но жаркая, как солнце.

Спустя секунду телескоп не показывал ничего, кроме густой мглы с крошечными равнодушными блестками в тысячах световых лет от Земли..

Маршал ВВС расстелил депешу на столе и задумчиво изучал ее несколько долгих минут. Мысли его погрузились на полвека в прошлое, в ту ночь, когда другой Маятник Трун не вернулся на базу. Одна судьба и для деда, и для внука.. Но тогда было легче. Тогда шла война, а с войны возвращаются не все.

ЛУНА, 2044 год

Кто-то дважды стукнул в дверь из легированной стали. Казалось, стоявший к ней спиной и глядевший в окно командир станции ничего не услышал, но, едва повторился стук, он обернулся.

— Войдите, — произнес он блеклым, нерадушным тоном.

Вошла женщина — высокая, прекрасно сложенная; ее годы — пбд тридцать — слегка бросались в глаза из-за аскетической строгости лица, которую, правда, несколько сглаживали светло-каштановые локоны. Особенно хороши были голубовато-серые глаза — удивительно красивые, спокойные, светящиеся умом.

— Доброе утро, капитан, — по-уставному четко, отрывисто поздоровалась она.

Подождав, пока закроется дверь, он предупредил:

— Так и без друзей остаться недолго.

Она легонько повела головой из стороны в сторону:

— Я исполняю свой долг. К врачам тут отношение особое. Кое в чем у нас привилегии, зато в другом нас и за людей-то не считают.

Женщина прошла в глубь комнаты, и он, глядя на нее, в который раз задался вопросом: почему она здесь? Потому, что шелковый мундир офицера космических войск идеально подходит к ее глазам? В любом другом месте она бы гораздо быстрее выросла в чине. . И все-таки форма великолепно подчеркивала изящество ее фигуры.

— Мне не предложат сесть?

— Разумеется, вы можете присесть, если угодно. Я думал, вы предпочитаете стоять.

Плавной поступью, которая в космосе быстро становится второй натурой, она подошла к креслу и уселась. Не сводя глаз с лица капитана, достала пачку сигарет.

— Прошу прощения. — Он поднял со стола портсигар, раскрыл и протянул ей.

Женщина взяла сигарету, прикурила от поднесенной им зажигалки и неторопливо выдохнула дым.

— Итак, в чем ваша проблема? — спросил капитан с оттенком раздражения.

Посмотрев ему прямо в глаза, она ответила:

— Майкл, ты отлично знаешь, в чем моя проблема. В том, что дальше так продолжаться не может.

Он нахмурился:

— Элен, я тебя об одном прошу: не вмешивайся, сделай милость. Если и остался среди нас человек, не увязший с головой в дразгах, то это ты.

— Чепуха! Никого не осталось. Как раз потому, что я тоже увязла с головой, я и решила с тобой поговорить. Должен ведь кто-то объяснить тебе, что нельзя ждать сложа руки, когда грянет гром. Нельзя сидеть и дуться, как Ахиллес у себя в шатре.

— Неудачное сравнение, Элен. Я не ссорился со своим командиром. Это они ссорятся со своим — со мной.

— Майкл, люди смотрят на это иначе.

Он повернулся и подошел к окну. В ярком сиянии Земли его лицо казалось неестественно бледным.

— Я знаю, как они на это смотрят. Они даже не считают нужным скрывать свои чувства. Между нами вырос айсберг. Командир станции теперь — неприкасаемый. Вспомнились все старые обиды. Я — сын Маятника Труна, баловень судьбы, попавший сюда благодаря отцовской славе. По той же причине я все еще здесь в свои пятьдесят, хотя еще пять лет назад должен был списаться на Землю и не стоять на дороге у молодых офицеров. Всем известно, что я на ножах с полудюжиной политиков и большинством чинов из Космического Дома. Моим доводам не верят, ведь я — энтузиаст, фанатик с одной извилиной в голове. Меня бы давно вышвырнули из космонавтики, если бы не боялись общественного мнения... Опять же, вот оно, отцовское наследство. А теперь еще и это...

— Но почему же ты, Майкл, — тихо произнесла она, — ждешь, когда тебя затянет? Что за этим стоит?

Несколько секунд он пристально смотрел на нее, затем спросил с подозрением в голосе:

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, о чем я спрашиваю. Что стоит за этой, так не свойственной тебе патетикой? Ты же отлично знаешь, не соответствовал бы этой должности, так и года бы на ней не продержался. Отправился бы в канцелярию штаны протирать. А что касается остального, то по большей части ты прав, но ведь жалеть себя — вовсе не в твоём стиле. Ты бы мог преспокойно снимать пенки и почивать на лаврах до конца дней своих, и все же не стал этого делать. От отца тебе досталась прославленная фамилия, однако имя ты сделал себе сам, — и превратил его в оружие. Мощное оружие, с таким невозможно не нажить врагов, а у врагов есть привычка злословить. Но и тебе, и мне, и сотням тысяч других людей известно: не воспользуйся ты этим оружием, нас бы сейчас тут не было. И не было бы на свете Английской Лунной станции, и не было бы смысла в героической гибели твоего отца.

— Я — жалею себя? — возмущенно начал он.

— Притворяешься, будто жалеешь, — перебила Элен, не дрогнув под его взглядом.

Майкл отвернулся.

— В таком случае не откажи в любезности, просвети, какие чувства надлежит испытывать в самый трудный час, когда от твоих товарищей вместо былого уважения и даже симпатии веет стужей? Гордость за свои достижения, что ли?

Элен не спешила с ответом. Выждав несколько секунд, она предположила:

— Может быть, просветление? Понимание чужой точки зрения, чужого настроения? — Она снова помолчала, затем добавила: — Сейчас никто из нас не способен нормально соображать. Переизбыток эмоций в тесном замкнутом пространстве, — какая уж тут объективность? Кое-кому тяжелее, чем другим. И я бы не сказала, что тут на всех одна шкала ценностей.

Трун промолчал. Он стоял к ней спиной, прикипев глазами к окну. Элен пересекла комнату и остановилась рядом.

Вид из окна не способствовал душевному подъему. На переднем плане — совершенно голая равнина, только разнобразные обломки горных пород нарушают пыльную гладь, да кое-где — колечки кратеров. Контрасты язвят глаз: под солнцем — ослепительный блеск, в тени — крошечная мгла. Если чересчур долго разглядывать какую-нибудь деталь этого ландшафта, то может закружиться голова и всё вокруг пустится в пляс. За равниной торчали горы — как

будто вырезанные из картона. Новичкам, привычным к округлым от древности горам Земли, становилось не по себе от высоты, остроты и зубчатости лунных пиков. При виде их новички всегда испытывали благоговение и нередко страх. «Мертвый мир», — говорили они, разглядывая эту картину.

«Слишком убогий, приземленный эпитет, — часто думалось Труну. — Смерть означает гниение, распад, метаморфозу. Но на Луне нечему гнить, нечему меняться. Здесь ничего нет, кроме безликой свирепости естества — слепого, вечного, стылого, бесчувственного. Не отсюда ли греки вычленили концепцию хаоса?»

Справа над горизонтом висела краюшка Земли — широкая долька, сверху обстриженная линией ночи, снизу иззубренная о голые клыки гор. Больше минуты Трун ловил глазами ее холодный туманный свет, затем произнес:

— Забава для идиотов.

Врач неспешно кивнула:

— Конечно. — Она отошла от окна и возвратилась в кресло. — Я знаю... Точнее, правильное будет сказать, что мне кажется, будто я знаю, чем для тебя стал наш мирок. Сначала ты боролся за его создание, потом — за то, чтобы в нем теплилась жизнь. Ты занимался этим с молодых ногтей и не мыслил иной судьбы. Второй трамплин для прыжка «за пределы...» Ради этого погиб твой отец, а ты ради этого жил.

Ты выкормил идею, как любящая и заботливая мать, и теперь узнал, как рано или поздно узнают все матери, что ребенку уже не нужна твоя грудь. А тут еще эта война! Она бушует уже десять дней, и одному Богу известно, какой ущерб несет человечество. В истории не бывало войны страшнее, может быть, эта — последняя. На месте огромных городов — воронки. Целые страны обращены в ядовитый прах. Выкипают моря, и влага льется из черных туч смертоносным дождем. Но к небу вздымаются новые клубы дыма, новые огненные озера растекаются по земле, и новые миллионы людей превращаются в пепел.

Ты говоришь, идиотская забава? Но где в твоих словах ненависть к ней за то, что она есть, и где — страх за дело всей твоей жизни, страх перед роком, который может изгнать нас с Луны?

Трун медленно отошел от окна и присел на край стола

— Хороши все причины ненавидеть войну, — сказал он. — Правда, некоторые лучше других. Если ненавидишь только потому, что на ней гибнут люди... Многие известные изобретения тоже губят людей, машина, к примеру, или самолет, — так что же, прикажешь их уничтожить? Убивать людей на войне — это неправильно, это жестоко, но ведь война — не причина болезни, а симптом. Я ненавижу ее еще и потому, что она — дура. Она всегда была полоумной, а теперь окончательно свихнулась. Теперь она чудовищно расточительна. Чудовищно кровожадна.

— Не спорю. Тем более что пожираемые ею ресурсы очень быгодились для дальнейшего развития Космической Программы.

— А почему бы и нет? Вот мы с тобой наконец стоим у самого порога Вселенной, отсюда один шаг до величайшего приключения человеческой расы. И тут, как назло — пошла дворовая свара. И мы в который раз на грани расового самоубийства!

— И все-таки, — возразила Элен, — если бы не стратегические интересы, мы бы с тобой тут не разговаривали.

Он отрицательно покачал головой:

— Допустим, стратегические интересы — причина явная, но не единственная. Ибо отличительная черта нашего поколения такова, что на его веку воплощаются мечты человечества. Сама посуди, мы тысячелетиями мечтали летать и наконец научились. Мы испокон веков грезили скоростями, и теперь можем перемещаться быстрее, чем сами в состоянии выдержать. Нам хотелось общаться с людьми в дальних краях Земли, исследовать морское дно и так далее, и тому подобное. Все это теперь в наших силах. А еще мы стремились раздобыть мощь, способную в мгновение ока сокрушить любого врага, — и раздобыли ее. Об одном только мы не мечтали по-настоящему — о мире. И не пошли дальше антивоенных проповедей, годных лишь на то, чтобы слегка успокоить совесть. Воистину, мечта, которая живет во многих сердцах, мечта по-настоящему страданная, — это недолимая сила. Она неизбежно становится явью. Но мы всегда идем окольным путем и всегда утыкаемся в оборотную сторону медали. Мы научились летать — и возим бомбы. Мы развиваем сверхскорости — и тысячами губим своих братьев. Мы вещаем на весь мир — и лжем всему миру. Мы умеем крушить врагов, но при этом крушим и себя. Иные мечты — очень сомни-

тельные повивальные бабки истории, хотя они упрямо принимают роды.

Элен кивнула:

— Дотянуться до Луны — это, как ты говоришь, настоящему выстрадавшая мечта?

— Конечно. Сначала до Луны, а потом и до звезд. И сейчас она сбывается. Но для тех, кто внизу, — он махнул рукой в сторону окна, за которым маячила Земля, — мы — ненавистный серебряный месяц, несущий гибель всему живому. Вот. обратная сторона этой конкретной медали. А ведь никто не питал ненависти к Луне, пока мы на ней не обосновались. Издревле ее боготворили и почитали, ей молились. Под ней вздыхали влюбленные, ее окликали дети. Она была Изидой, Дианой, Селеной, она целовала своего спящего Эндимиона, а теперь мы ее обручили с разрушителем Шивой. Да, нас теперь ненавидят, и поделом, ведь мы осквернили древнюю тайну, нарушили вечный покой, втоптали в грязь античные мифы и замарали кровью прекрасный лунный лик. Такова обратная сторона — подлая, уродливая. Но это — лучшее из того, что было нам по карману. Иначе мы вообще остались бы ни с чем. Обычно роды проходят болезненно и смотрятся отнюдь не умильно.

— Весьма красноречиво, — произнесла врач немного озадаченно.

— А ты разве не красноречива? — парировал Майкл. — Когда говоришь о сокровенном?

— Уж не пытаешься ли ты мне объяснить столь вычурным образом, что цель оправдывает средства?

— При чем тут это? Я просто хочу сказать, что некоторые деяния, по сути своей неблагоприятные, способны дать результаты совершенно иного рода. Иные цветы вырастают только на унавоженной почве. Римляне строили свою империю с варварской жестокостью, но на ее руинах поднялась европейская цивилизация. Америка добилась независимости отчасти из-за того, что разбогатела на рабском труде. Подобным примерам несть числа. А теперь у нас появился шанс продвинуться в космос — только потому, что военные алчут стратегического преимущества.

— Значит, для тебя эта станция, — Элен обвела вокруг рукой, — только трамплин для прыжка к планетам?

— Не только. Сейчас это стратегический форпост, но его потенциальные возможности — гораздо шире.

— Ты хочешь сказать, гораздо важнее?

— Мне кажется, да.

Врач закурила сигарету и, подумав несколько секунд, промолвила:

— Майкл, полагаю, для тебя не новость, что очень немногие люди на этой станции хорошо представляют себе твои жизненные принципы. Думаешь, кто-нибудь их разделяет, кроме трех-четырех парней из астрономического отдела, у которых звездочки в глазах?

— Думаю, нет. Так было все эти годы, а только теперь, к прискорбию моему, это имеет значение. Но ведь даже миллионы людей могут ошибаться. Такое бывало нередко.

Она кивнула и произнесла все тем же ровным голосом:

— Что ж, давай рассмотрим ситуацию с их точки зрения. Все твои подчиненные — добровольцы и прибыли сюда для несения гарнизонной службы. Они не считали и не считают Лунную станцию трамплином для прыжка, хотя некоторые, наверное, допускают, что когда-нибудь она им станет. Сейчас они видят в ней то, чем она и является, — стратегический объект, начиненный ракетами, любую из которых можно положить в радиусе двух с половиной миль от любой точки, выбранной на земном шаре. И по-своему они совершенно правы. Наша станция построена и вооружена с той же целью, что и остальные лунные станции, — чтобы представлять собой угрозу. Правда, раньше мы надеялись, что она так и останется угрозой и одного факта ее существования будет достаточно, чтобы сохранился мир. Надежда рассыпалась в прах — так уж вышло... Бог знает, кто или что развязал войну, но она все-таки началась, и как же она выглядит отсюда? Русская станция дает ракетный залп. Американская ведет систематический обстрел. По сути, Луна вступила в сражение. Но какую роль во всем этом играет Английская станция? Запускает всего три средние ракеты! Американская станция засекает приближающийся русский «снабженец» и подбивает его легкой ракетой. Русская станция и, по ее примеру, один из советских спутников сразу начинают молотить по американцам, те какое-то время швыряются легкими и тяжелыми ракетами, а потом вдруг успокаиваются. Русская станция продолжает запускать ракеты через короткие промежутки времени, но теперь и она не подает признаков жизни. А чем, спрашивается, занимались мы, пока все это происходило? Запустили еще три средние ракеты, и еще три после того, как замерла русская станция. Девять средних ракет! Вся наша

доля на сегодняшний день! А ведь война еще не кончилась, и можно лишь догадываться, что происходит на Земле. Изредка в эфире мелькают новости, через несколько минут за ними вдогонку летят исправления, а то и опровержения. Пропаганда для подъема боевого духа, пропаганда для снижения боевого духа, желаемое, выдаваемое за действительное, ложь хитро завуалированная, ложь откровенная, истерия... Может, и есть в этом несколько крупин истины, но поди их разыщи! Одно мы знаем точно: две величайшие силы, каких еще не бывало в истории планеты, стараются уничтожить друг друга всеми существующими видами оружия. Сотни городов и сел со всеми жителями, целые континенты обречены на гибель в огненных руинах. На чьей стороне перевес? И вообще, может ли кто-нибудь победить? Какова судьба нашей страны, наших домов? Мы не знаем! И ничего не делаем. Просто сидим на Луне и смотрим на Землю, такую безмятежную, жемчужно-голубую, и гадаем на кофейной гуще — час за часом, день за днем воображаем ужасы, что творятся под облаками. Цепенеет от страха за свои семьи, за друзей... Среди нас пока сломались единицы, и мне это кажется удивительным. Но предупреждаю тебя как врач: если так будет и впредь, очень скоро не выдержат и остальные. Конечно, люди переживают и волнуются; конечно, падает дисциплина. Зачем вообще мы здесь нужны, — спрашивают они себя, — если не сражаемся, если не запускаем большие ракеты? Естественно, в масштабе всей войны они бы погоды не сделали, но хоть чуть-чуть помогли бы нашим. Ведь именно для этого нас сюда и прислали, так почему же мы сидим сложа руки, почему сразу не отправили ракеты, когда они могли причинить врагу наибольший урон? Другие станции это сделали. Почему мы бездействуем по сей день, ты можешь объяснить?

Элен умолкла и жестко посмотрела на него. Майкл одарил ее точно таким же взглядом.

— Я не участвовал в стратегическом планировании. Не мое это дело — разгадывать замыслы командования. Я здесь для того, чтобы выполнять приказы.

— Очень удобная позиция, капитан, — заключила врач и, не дождавшись отклика, сообразила, что продолжение разговора зависит от нее.

— Насколько мне известно, — сказала она, — у нас около семидесяти тяжелых ракет с атомными боеголов-

ками. Нам часто внушали, что чем раньше они упадут на Землю, тем эффективнее ослабят неприятельский потенциал, тем больше ответных ударов предотвратят. В сущности, наша задача — сделать все от нас зависящее, чтобы враг пал как можно быстрее. Но все наши тяжелые ракеты по-прежнему в шахтах.

— Их предназначение, — снова подчеркнул Трун, — вне нашей компетенции. Не нам решать, когда их выпустить. Может быть, межконтинентальные ракеты уже сделали все, что нужно, а значит, расходовать наши — бессмысленно. Весьма вероятно, нас держат в резерве, — на случай, если от нашей способности продолжать обстрел будет зависеть исход войны.

Элен недоверчиво покачала головой:

— Если стратегические цели разрушены, что остается для решающего обстрела? А против армий, развернутых на полях, это оружие не годится. Нашим людям не дает покоя вопрос: почему ракеты не выпущены по самой подходящей цели в самое подходящее время?

Трун пожал плечами:

— Пустой разговор, Элен. Если бы мы и могли выпустить их без приказа, то куда, спрашивается, наводить? Мы совершенно не представляем, какие цели уничтожены, а какие нет. Вдруг вместе с неприятельским городом мы уничтожим и наши оккупационные войска? Когда мы понадобится, нам прикажут.

Врач размышляла добрые полминуты, затем сказала со всей прямотой:

— Майкл, я думаю, ты все прекрасно понимаешь. Если в ближайшем будущем наши ракеты не востребуются или из штаба не придет другой вразумительный приказ, начнется мятеж.

Капитан неподвижно смотрел в окно.

— Неужели все так серьезно?

— Да. Пожалуй, серьезнее некуда. Станция на грани бунта.

— Гм-м... И к чему, по их мнению, это приведет?

— Об этом они почти не думают. Люди донельзя измучены страхом и неизвестностью, они в отчаянии и должны хоть что-то сделать, чтобы не свихнуться.

— Поэтому они решили стащить меня с седла и запустить атомные ракеты? Просто ради развлечения?

Тоскливо глядя на него, Элен покачала головой:

— Не совсем так, Майкл. Дело в том... О Господи, как это трудно... Дело в том, что прошел слух, будто ракеты уже должны были улететь.

Элен увидела, что ее слова угодили в цель. Через некоторое время он сказал с ледяным спокойствием:

— Ясно. Стало быть, у меня слепой глаз, как у Нельсона.

— Кое-кто так и говорит. Остальные начинают задумываться.

— Что ж, логично. И все-таки даже командиру станции необходимы причины для своеволия, тем паче если оно пахнет государственной изменой.

— Конечно, Майкл.

— И каковы же они, можно полюбопытствовать?

Элен глубоко вздохнула:

— Вот каковы. Пока мы не запускаем эти ракеты, нам ничто не угрожает. Но стоит их отправить, как нам отомстят — или станция русских, если она еще существует, или один из их спутников. Девять средних ракет — недостаточно серьезный повод для драки с нами. Но если мы начнем лупить тяжелыми — нам конец, тут сомневаться не приходится. Всем хорошо известно, как трепетно ты любишь станцию, ты и сам это только что подтвердил. Чем не причина для своеволия, а? Американская станция, скорее всего, погибла, возможно, русская тоже, если и нас расколошматят, «на пороге Вселенной», как ты изволил выразиться, не останется никого. Но если мы уцелеем в войне, то будем единственными хозяевами Луны, будем «на пороге»... Так?

— Так. Твои доводы убийственны. Но мечта, как тебе должно быть известно, далеко не всегда перерастает в психопатическую одержимость.

— Мы — замкнутый социум на пике нервного напряжения, — жестко проговорила Элен

Подумав несколько секунд, он спросил

— Можешь дать прогноз? Что будет, дворцовый переворот или массовый бунт?

— Дворцовый переворот, — ответила она без промедления. — Твои же офицеры тебя арестуют, как только наберутся храбрости. То есть завтра или послезавтра. Им это будет не очень приятно. Тем более что командир — фигура популярная. — Она пожала плечами

— Надо подумать. — Трун пересел в кресло и оперся локтями на стол. В комнате воцарилась тишина, насколько это позволяла конструкция станции, — он думал с закрытыми глазами. Через несколько минут Майкл размежил веки.

— Допустим, меня арестуют. Тогда следующим их шагом будут поиски радиogramм с Земли, чтобы уличить меня в измене и тем самым оправдать свои действия. И узнать, были ли приказы на запуск ракет и можно ли еще их выполнить. То-то они расстроятся, когда ничего не найдут, кроме трех приказов насчет девяти средних ракет. Шуточное ли дело — арестовать командира по обвинению в предательстве... За такое по головке не погладят. Останется только одна надежда, и кто-нибудь посмелее запросит у штаба копии всех приказов на старт ракет, под предлогом моего помешательства или чего-нибудь в этом роде. Когда и это ничего не даст, начнется настоящая паника, а там и до раскола недалеко. Кое-кто всерьез задумается о последствиях. Другие решат: погибать, так с музыкой, — и предложат выпустить ракеты куда попало. Третьи пойдут на попятную и будут доказывать, что штаб четко и недвусмысленно приказал бы отправить ракеты, если бы хотел этого; спрашивается, зачем бунтовать, рискуя навлечь на себя вражеское возмездие? Допустим, осторожность и здравый смысл победят, но и в этом случае мой авторитет и репутация будут безнадежно подорваны, и мы останемся в тупике. В общем, мне кажется, все мы только выиграем, если я придушу самолюбие и нанесу упреждающий удар. — Он помолчал, разглядывая Элен. — Ты знаешь, просить о таких вещах — не в моем характере, но, думаю, вреда не будет, если по станции пройдет слух о возможных последствиях моего ареста. Ты согласна?

Она кивнула. Майкл вышел из-за стола.

— Сейчас я сюда приглашу Ривза, да и Кэлмора, пожалуйста. Надеюсь, я сумею им объяснить, не потеряв лица, каковы наши шансы в этой войне. Поскольку утечка информации нам теперь практически не грозит, я рассекретчу распоряжения штаба. Я хочу, чтобы старшие офицеры хорошо представляли себе положение и были готовы к любым неожиданностям. Все это изрядно охладит их пыл и не позволит им наломать дров. Ты меня понимаешь?

— А вдруг они скажут, что ты просто уничтожил самые важные приказы?

— Не думаю. Это же целая процедура. Кроме того, они могут заглянуть в аппаратный журнал радистов и журнал шифровальщиков, а там все отмечено

— И все-таки я не понимаю, почему мы не запустили ракеты, — медленно произнесла Элен, буравя собеседника взглядом.

— Не понимаешь? Ну что ж. Может быть, когда-нибудь выяснится. А пока давай договоримся: мы исполняем приказы, и точка. Правда, так намного проще. Я тебе очень благодарен, Элен. Не думал, что все так далеко зашло. Будем надеяться, что завтра мы увидим если не перемену в отношении ко мне, то по крайней мере неуклюжие поиски козла отпущения.

Когда за Элен закрылась дверь, он смотрел на нее целую минуту, а потом нажал на кнопку и вызвал своих заместителей Ривза и Кэлмора.

После разговора с офицерами Трун дал им несколько минут, чтобы пришли в себя. Затем они удалились, совершенно растерянные; один унес папку капитана, другой — подписанный им допуск к зашифрованной документации. Почувствовав острое желание прогуляться, Трун тоже покинул свой кабинет и направился к шлюзу.

При его появлении дежурный по экипировочному отсеку вскочил на ноги и отдал честь.

— Вольно, Хьюджес. Занимайся своим делом. Я на часок выйду.

— Ясно, сэр. — Хьюджес сел и склонился над полуразобраным скафандром.

Трун снял с крючьев собственный алый скафандр и внимательно его осмотрел. Не найдя повреждений, снял китель и брюки и забрался в скафандр. Проверил все как положено, включил рацию, связался с девушкой в центре управления и приказал вызывать его только в случае необходимости. Вскоре его голос зазвучал снова — из громкоговорителя на стене, и достиг ушей дежурного. Тот встал и двинулся к меньшему, рассчитанному на двух человек, воздушному шлюзу.

— Значит, час, сэр?

— Пусть будет час десять, — ответил Трун.

— Есть, сэр. — Хьюджес поставил сигнальную стрелку часов на семьдесят минут вперед. Если через этот срок командир не вернется или не отзовется на вызов, немедленно будет поднята на ноги группа спасателей.

Дежурный включил механизм открывания шлюза, и через минуту Трун оказался снаружи — яркое пятнышко живой краски в одноцветном ландшафте, единственная подвижная точка в беспредельной пустыне. Он пошел на юг забавными лунными полушагами-полупрыжками, которые долгая служба превратила в неискоренимую привычку.

Примерно через полмили он остановился и сделал вид, будто осматривает ракетные шахты. Как им и полагалось, они были почти невидимы; сверху каждую шахту прикрывала плита из твердого волокнистого материала цвета окружающего грунта; дополняла маскировку россыпь песка и камней. Под ней плиту нелегко было обнаружить даже с нескольких ярдов.

Минут пять Трун бродил от шахты к шахте, потом остановился и посмотрел на станцию. На фоне гор она выглядела карлицей. Радиоантенны, радар и котлы солнечных батарей на верхушках мачт напоминали высоченные искусственные цветы и позволяли приблизительно прикинуть масштаб, но все-таки было нелегко судить о величине станции — то ли она с половинку воздушного шарика, то ли с половинку гриба-дождевика. Трудно было поверить, что диаметр ее первого яруса — сто двадцать ярдов, а высота потолков в коридорах, соединяющих его с меньшими — складскими — куполами, на четыре фута превышает человеческий рост.

Трун глядел на станцию еще с минуту, затем повернулся кругом и зигзагом двинулся между ракетными шахтами. Зайдя за скальный выступ, он сел, оперся спиной о камень и в относительном уюте скафандра занялся созерцанием перспективы, в которой господствовал яркий сегмент Земли, и раздумьями о будущем опаленного мира.

Всю его жизнь и, если на то пошло, всю жизнь его отца война маячила на заднем плане. Временами ее угроза казалась неотвратимой, но потом страны-соперницы возобновляли дружественные отношения; и опять возрастала напряженность, и опять враги находили общий язык. Совещания, соглашения, компромиссы, кризисы, блеф, временами — истерические демарши, но при всем при том палец почему-то держался на безопасном расстоянии от ядерной кнопки.

Три года назад Трун опять — наверняка в последний раз — ухитрился не попасть в списки «приземленных» космонавтов. В нем уже тогда крепло предчувствие неизбежной катастрофы. В отпусках жизнь на Земле казалась

все суматошнее, все утомительнее. Он был готов допустить, что блаженный покой лунных вахт располагает к чрезмерной пристрастности, но одно знал твердо: ему вовсе не улыбается провести остаток жизни в стране, где растет напряженность, где два-три раза в год случаются массовые волнения.

Рассудив таким образом, Трун продал дом, который достался его матери в память отцовских заслуг, и переправил семью за четыре тысячи миль, на Ямайку. Нужно было избавиться от дома и по другой причине — он олицетворял собой сверхчеловеческую ответственность, требовал жить достойно легендарного отца, нести его идею.

И теперь, глядя в прошлое, Трун понимал: детство было по-настоящему солнечным и безмятежным лишь до двенадцати лет, пока он с матерью и дедом тихо и счастливо жил в просторном коттедже. У семьи были друзья, соседи, у маленького Майкла вдобавок — приятели в деревенской школе, где он учился. За пределами этого узкого круга людей никто о них не знал, разве что дед славился как талантливый преподаватель классических дисциплин.

А потом, в тринадцатом сентябре Майкла, все изменилось. Однажды некто Толленс случайно услышал историю о Маятнике Труне и ракете и обратился к правительству с вопросом, по какой причине это событие держится в секрете двенадцать лет спустя? Убедительного оправдания власти не нашли. Уже несколько лет ни для кого не было тайной существование четырех орбитальных станций: британской, двух больших русских и огромной американской; весь мир также знал о космических торпедах и о том, что станции располагают средствами защиты от них. В общем, Толленс добился своего и вскоре выпустил книгу.

Книга удалась, и издатели не пожалели усилий, чтобы сделать ее бестселлером. Помогло этому и запоздалое известие о посмертном награждении Труна крестом королевы Виктории. За биографию космического героя мигом ухватились переводчики, и она вышла во всех странах, кроме Союза Шести Непримиримых, где бытовало мнение, что первую космическую станцию построили Советы. По книге снимали кинофильмы, ставили телеспектакли, ей посвящали критические статьи, на ее сюжет рисовали комиксы, и год спустя не осталось, пожалуй, взрослого или ребенка

за пределами советской империи, который бы не знал о подвиге Маятника Труна.

Что же касается его сына, он поначалу был на седьмом небе от счастья. И то сказать, разве не чудесно, когда вдруг оказывается, что твой отец — национальный герой, и тебя приглашают на большие празднества, к тебе рвутся очеркисты и фоторепортеры, и ты сидишь на премьерах в почетной ложе, а на вокзалах тебя осыпают цветами? Однако вскоре появились неприятные и назойливые мысли, что сам-то он, в сущности, никто и люди разочаровываются, когда любой вопрос о космосе мгновенно ставит его в тупик. Поэтому Майкл уселся за книги по астрономии и космонавтике и вскоре обнаружил зияющие дыры в программе своего классического образования — дед его учил, что Плеяды — это семь дочерей Атласа, что Венера вышла из моря, что Орион был великим охотником под стать Диане. И он, читая о космосе, казалось, тоже услышал «полночный писк комара».

Вскоре ему прискучило ходить в любимцах публики, он устал жить на виду у всех. В школе от него ждали выдающихся успехов, это давило на психику и почти не отпустило, когда он переехал в Оксфорд. Дом, который его мать скрепя сердце приняла в дар от правительства, никак не мог заменить ему родной деревенский коттедж. Мать с головой ушла в общественную жизнь, дед совершенно не разделял нового увлечения Майкла, и казалось невозможным хоть на час забыть о том, что он — сын Маятника Труна. С таким же успехом можно было бы оказаться сыном сэра Френсиса Дрейка, лорда Нельсона или кого-нибудь из основателей Национальной Галереи.

Новоявленный интерес к космическим проблемам сослужил худую службу. Как будто часть души Майкла обернулась изменницей и норовила оторвать его от давних увлечений, столкнуть в отцовскую колею. Напрасно он внушал себе, что Феб — Аполлон интереснее «Аполлона» — небесного глаза, что буйный сын Зевса и Геры, прозванный в Италии Марсом, важнее, чем Марс — ближайшая к Земле и самая достижимая планета, что Аристотель Перипатетик главнее кратера на Луне, удостоенного имени этого философа. В нем разгорелась неугасимая любознательность, и вскоре он был вынужден признать себе уж одну-то отцовскую черту он точно унаследовал, может,

не самую лучшую, зато самую яркую. Придя однажды к этому выводу, Майкл перестал стесняться своей фамилии и пошел служить в космические войска.

Первое время он действовал очень осторожно, не козырял без нужды своей родословной и избегал дешевой сенсационности в высказываниях перед газетчиками. Однако от него не укрылось, что сдержанная самореклама быстро приносит плоды; в глазах общественности он приобрел репутацию специалиста. Когда пресса интересовалась его точкой зрения на ту или иную проблему космонавтики, он давал тщательно продуманный ответ, и та же репутация позволяла не слишком переживать из-за ошибок в изложении.

Трун вел очень тонкую политику и не спешил, однако успел к двадцати пяти годам добавить к харизме сына звездного героя ореол космического оракула. Понятно, это не могло не вызвать ревности в известных кругах, но ведь он был не простым офицером и к тому же не заходил за грань дозволенного. Он славился своим трудолюбием, заботился о послужном списке и знал, что его идеи начинают приобретать вес.

Первая стычка с политиками случилась после заявления русских (вообще-то, преждевременного) о том, что на Луне почти готова к открытию их станция. Эффект был подобен взрыву атомной бомбы.

Американцы привыкли считать Луну своим необъявленным именем, которое они обустраивают как-нибудь на досуге. Их настолько потрясла сенсация, что они тут же бросились сооружать станцию.

Пресса, по своему обыкновению, спросила у Труна, какие у него мысли на этот счет, а у того уже была наготове статья, вышедшая на другой день в «Санди» — respectable газете с внушительным тиражом. Он прекрасно разбирался в ситуации.

Лунная станция — это не стадион какой-нибудь за несколько миллионов фунтов. Если показать смету правительству, у него волосы встанут дыбом и оно непременно постарается развенчать идею британского форпоста на Луне, — мол, это не более чем легкомысленный и расточительный каприз. И бесполезно спорить, любые доводы будут встречены в штыки или пропущены мимо ушей. В статье Трун коснулся научной и стратегической выгоды, но

упирал главным образом на престиж. Отстать в этом деле от русских и американцев — все равно что расписаться в собственном бессилии. Такого позора авторитет Британии не выдержит; по сути, она себя признаёт второразрядной, а то и третьеразрядной державой, — а ведь и так кое-где бытует мнение, что лучшие дни Англии уже миновали, близок закат, и скоро ее величие ляжет в могилу рядом с греческим, римским и испанским.

Первым Труна вызвал «на ковер» его непосредственный начальник. Потом молодой командир постоял на множестве ковров «по вертикали» и наконец щелкнул каблуками перед помощником министра — человечком с несколько помпезными манерами.

Начало разговора выглядело ничуть не оригинально — вы-де нарушили служебные инструкции, опубликовали статью, не предъявив ее военной цензуре... Затем чиновник высказал пожелание, чтобы молодой человек как следует подумал и сам пришел к выводу о нецелесообразности строительства лунной станции. Ведь у такого стратегического объекта очень мало преимуществ перед вооруженными орбитальными станциями, а русским и американцам завидовать не стоит — они просто бросают на ветер деньги и материалы. «Более того, могу вам сказать конфиденциально, — понизил голос помощник министра, — даже американское правительство разделяет эту точку зрения».

— В самом деле, сэр? — спросил Трун. — В таком случае непонятно, почему они не оставят эту затею.

— Уверяю вас, они бы оставили, если бы не русские. Нельзя отдавать Луну в безраздельное владение Советам. Вот американцам и приходится нести убытки. А раз они добровольно на это идут, почему бы нам не сберечь деньги?

— Сэр, вы полагаете, мы не понесем убытков, плетясь в хвосте у Америки?

— Молодой человек, — осерчал помощник министра, — пора бы вам усвоить, что не всякая овчинка стоит выделки. Вы поступили весьма непатриотично, раструбив на весь мир, будто бы наше солнце клонится к закату. Я с этим категорически не согласен! Однако вынужден признать: сегодня мы — не самый преуспевающий народ и не можем тратить на показуху огромные средства.

— Но если этого не сделать, сэр, то пострадает наш престиж. И тут не помогут никакие оправдания. Что касается жалоб, будто станции — сплошное разорение, то это

старая американская песня и, на мой взгляд, самое настоящее очковтирательство. Лунную станцию гораздо легче оборонять, чем орбитальную, и огневая мощь у нее будет несравнимо больше.

— Сведения, которыми я располагаю, — ледяным тоном произнес помощник министра, — отнюдь не склоняют к подобным выводам. Как и политика нашего правительства. Исходя из этого, я вынужден вас просить...

Трун слушал терпеливо и вежливо, не сомневаясь, что помощник министра вполне отдает себе отчет: политике правительства в отношении космоса — во всяком случае официальной — нанесен очень серьезный урон. Теперь не избежать газетной кампании за строительство лунной станции. Даже если Трун публично откажется от своих взглядов или просто умолкнет, то репортеры азартно накинутся на тех, кто осмелился выступить против. От него требуется всего ничего: несколько недель, пока кампания набирает размах, вести себя осмотрительно, не разбрасываться интервью и напускать на себя печально-задумчивый вид перед камерами... Да и незачем ему выступать, и так общественность видит в нем главного защитника лунной станции. Теперь дело за акулами пера из популярных изданий...

В считанные недели мнение избирателей прояснилось настолько, что у правительства возникли основания для тревоги. Гораздо более уступчивым тоном оно высказалось в том смысле, что можно будет подумать насчет строительства лунной станции, если его ориентировочная стоимость окажется терпимой. Получив от экспертов смету, министры схватились за голову, и газетная полемика вспыхнула с новой силой.

И тут американцы очень своевременно протянули руку помощи. Они явно изменили свое мнение насчет рентабельности лунного строительства и рассудили, что Западу куда выгоднее иметь на Луне две станции против одной русской. Поэтому они изъявили готовность взять на себя часть затрат и предоставить почти все необходимое оборудование. Жест был поистине шикарным.

«Старый добрый Дядя Сэм, — усмехнулся Трун, когда узнал эту новость. — Ты все тот же — щедрый покровитель с цилиндром на рожках и лакированными туфлями на копытцах».

Он, конечно, был прав, и очень много народу поинтересовалось у властей: чьей же в таком случае будет

лунная станция? И все же обилие нулей в цифре оставалось ужасающим. Но вскоре разнесся слух, что власти предрежающие, мягко говоря, заблуждаются, что уже существует проект, позволяющий обойтись вдвое меньшей суммой, и что над ним основательно поработал Трун. (Да-да, тот самый! Сын Маятника Труна!)

Трун терпеливо ждал. Вскоре его снова пригласили «наверх». «...Ну что вы, для меня самого — загадка, каким образом тут замешано мое имя... Да, такой план действительно имеется... Но я к нему не имею отношения, уверяю вас, нет никаких оснований приписывать мне авторство... Проект разработан мистером Флендерисом. Да, действительно в нем есть несколько интересных моментов. Да, я знаком с мистером Флендерисом, хоть нельзя сказать, что близко. Смею полагать, он будет рад изложить свои идеи...»

Американская и русская экспедиции появились на Луне одновременно — так, во всяком случае, было решено считать впоследствии, когда разобрались с их сообщениями. Первая высадилась в кратере Коперник, вторая — в Птолемея. Каждая заявила о своем первенстве, а позднее — об аннексии всей территории Луны.

История орбитальных спутников уже показала, что любые романтические мечты о рах caelestus* лучше всего сразу отбросить. Поскольку экспедиции были совершенно беззащитны, они занялись главным образом прокладкой туннелей в скальной породе и строительством бункеров, откуда бы могли с большей уверенностью извлекать свои притязания.

Примерно через полгода в кратере Архимед прилунилась скромная английская экспедиция. В шестистах милях от нее, за Апеннинскими горами, находились русские, милях в четырехстах к северу — американцы. В отличие от соседей, основательно зарывшихся в грунт, британцы начали обустраиваться на поверхности. У них была одна-единственная буровая установка — не ровня громадным советским и американским туннелепрокладчикам — но она сразу взялась за добычу урана и скоро многожды окупила затраты на ее транспортировку. Еще она просверлила серию шахт шестифутового диаметра.

* Мир по-лунному (лат.).

Купол Флендериса имел немало сходства с куполами, одно время применявшимися в Арктике. Его сооружение не представляло особой сложности. Достаточно было уложить базовые конструкции на ровном участке дна кратера, подсоединить шланги и пустить по ним воздух. В ничтожной гравитации Луны внешняя оболочка поднялась уже под давлением восемь земных фунтов на квадратный дюйм, при пятнадцати фунтах на дюйм она разгладилась полностью. Затем через воздушные шлюзы внесли грузы из различных ракет и контейнеров, наладили регенерацию воздуха и температурный контроль, и под куполом началось строительство станции.

Американцам, вспомнил Трун, идея понравилась. Они бы ее охотно позаимствовали, не будь на Луне красных. Но ведь красные здесь — не иначе, англичане тронулись умом. И сами русские так считали, с ухмылкой подумал Трун. В самом деле, разве не безумие чистой воды — ставить хлипкую палатку, которая от одного старомодного химического снаряда разлетится в клочья? Прямо-таки руки чешутся... Однако они не дали рукам волю, ибо это почти наверняка повлекло бы за собой несвоевременные репрессалии с американской стороны.

Как бы то ни было, идея насчет упадка английской империи окрепла, — настоящие сверхдержавы так себя не ведут, они на Луне высаживаются с помпой и сразу наперегонки зарываются в камень. Им бы не пришло в голову явиться чуть ли не к шапочному разбору и надуть на открытом месте убогий мыльный пузырь. Что за нелепая бравада? Нет, явно тут дело нечисто... Чтобы об этом догадаться, вовсе не обязательно страдать, как русские, маниакальной подозрительностью...

Советская агентура получила приказ: разузнать, что прячут у себя под куполом британцы. Довольно скоро поступили первые разведанные, и были они не слишком утешительны.

Как и предполагалось, одновременно со станцией англичане энергично сооружали ракетные шахты. Тем же занимались и две другие экспедиции — с той лишь разницей, что русские предпочитали шахтам пусковые установки. Дальнейшая разведка открыла еще один, отнюдь не благостный, аспект Английской Лунной станции — как выяснилось, большой компьютер, в отличие от прочих станционных компьютеров, укрывался на дне весьма глубокой

шахты. В числе его самых ярких достоинств была программа автоматического запуска ракет. Помогали ему в этом очень несложное устройство, тасующее перфокарты, и хронометр. Каждая карта соответствовала конкретной цели; а для того чтобы она попала в компьютер, требовалось, в частности, падение воздушного давления на станции. Нормой считались пятнадцать фунтов на квадратный дюйм. Конечно, был значительный допуск в ту и другую сторону, но если бы купол подвергся серьезной декомпрессии — ниже семи фунтов на квадратный дюйм, — автоматическое управление ракетами пришло бы в действие тотчас. В общем, русским ничего другого не оставалось, как желать от всего сердца, чтобы купол Флендериса всегда пребывал в целости и сохранности.

За годы между открытием станции и вступлением Труна в должность ее начальника ему довелось попутешествовать со многими экспедициями. Некоторые из них, как, например, апеннинская, состояли из полутора десятков человек; они везли припасы на тракторах, фотографировали местность и ночевали в крошечных — на несколько мест — куполах Флендериса, которые позволяли снять скафандры, нормально поесть и поспать в относительно уюте.

В других походах Труна сопровождали один-два спутника, и они уже не шли пешком, а летели на реактивных платформах. Проходимость тракторов оставляла желать лучшего — как правило, от кратера радиально убежали многочисленные трещины, подчас создавая неодолимые препятствия. Иные тянулись на сотни миль в длину и Бог знает на сколько уходили в мглистые глубины. Лишь подгадав время, когда солнечные лучи падали отвесно, в нескольких милях внизу можно было разглядеть завалы из камней. В такие часы геологи превращались в спелеологов.

Трун и сам быстро освоил профессию селенолога. Со дня своего прилета он лелеял мечту побывать с фотокамерой на другой стороне Луны. По слухам, русские в первый же год отправили на темную сторону экспедицию, и она сгинула. Но насколько это соответствует истине, не позволяла узнать столь любимая Советами завеса секретности. К прискорбию Труна, поход отложили до усовершенствования реактивных платформ.

Впрочем, не было оснований надеяться, что темная сторона преподнесет какие-то диковины. Да Труна и не слишком огорчало, что лавры первопроходца могут достаться другому. Он всего себя отдал строительству лунной станции. Он лавировал и хитрил. Он подбросил Флендерису идею лунного купола и помог с конструированием, а когда возникла опасность, что купол отвергнут из-за его уязвимости, он предложил другому своему знакомому разработать систему автоматического возмездия. Этот проект получил название «Пат».

«Тут лучше действовать с соавторами, чем в одиночку, — рассуждал он и тогда, и потом. — Главное, чтобы дело двигалось».

Еще совсем недавно Трун считал свою задачу в основном выполненной и собирался через восемь месяцев сдать станцию преемнику. За ее будущее едва ли стоило беспокоиться: после открытия месторождений редких элементов в ней стали видеть не только дорогостоящую игрушку для военных, но и источник практической выгоды. К станции прониклись уважением астрономы, да и медиков заинтересовали эксперименты в особых условиях.

Но тут разразилась война, и приходилось гадать: не означает ли она конец лунной станции? А если станция и спасется, хватит ли у Земли средств после Апокалипсиса, чтобы поддерживать в ней жизнь? Разве не напрашивается предположение, что в разоренном мире все будут озабочены только собственным выживанием и никому не будет дела до таких экзотических проблем, как покорение космоса? Впрочем, тут ничего не изменишь, а значит, остается только ждать и хвататься за любую соломинку, если она появится. И можно лишь надеяться, что проект «Пат» и дальше будет удерживать от атаки русские орбитальные станции, если они еще целы... Как ни крути, почти семь десятков атомных и водородных бомб — многовато для одной страны, даже если эта страна раскинулась на одну шестую земной суши. Слишком высокая цена за уничтожение крошечной лунной станции...

«Да, — подумал Трун, — если нам повезет и врагу не изменит здравомыслие, у Английской Лунной будут хорошие шансы на спасение».

Он поднялся на ноги и вышел из-за скалы. Несколько секунд, не шевелясь, созерцал лунную станцию — одино-

кая алая фигурка посреди черно-белой пустыни. Затем неспешно двинулся назад между ракетными шахтами.

В конце обеда он попросил врача не отказать в любезности и зайти к нему в кабинет на чашку кофе. Там, глядя поверх чашки ей в глаза, он сказал:

— Похоже, действует.

Элен с усмешкой посмотрела на него сквозь дым своей сигареты.

— Да, ты прав. Действует, как изголодавшийся бактериофаг. Кажется, будто я смотрю фильм, который крутят с удвоенной скоростью. — Помолчав немного, она добавила: — Разумеется, я не знаю, как обычно реагируют командиры станций, когда их подозревают в измене и чуть ли не собираются линчевать, но меня бы не удивила несколько меньшая... э-э... невозмутимость.

Трун ухмыльнулся:

— По-твоему, мне недостает самолюбия? — Он отрицательно качнул головой. — Элен, наш мирок — штука не совсем обычная. Поживи в нем подольше, и я посмотрю, что уцелеет от твоих нынешних принципов.

— Меня это уже сейчас беспокоит.

— И все-таки необходима мера. Однажды мой предшественник сказал так: «В этом странном, малопригодном для жизни муравейнике я открыл неоспоримый закон: эмоциональный компонент любой ситуации как минимум на семьдесят пять процентов выше нормы». Уж не знаю, откуда он взял эту цифру, но принцип абсолютно верен. Вспомни, не далее как сегодня утром ты была вполне готова разделить общую точку зрения. Это рождало драматизм, чувство сопричастности к жизни, излечивало от скуки. Дома бы тебе ничего такого не понадобилось, да и я вел бы себя по-другому, но здесь надо знать, когда необходима твердость, а когда — гибкость. Теоретически я — командир станции, за мной — все могущество короны, и это позволяет нам сохранять определенную форму отношений. Однако на практике я больше похож на патриарха. Иногда я вынужден вспоминать устав и козырять своим чином, но чем реже я это делаю, тем лучше.

— Я это заметила, — кивнула она.

— Собираясь обосноваться на Луне, мы знали, что возникнут частные проблемы, хотя предвидеть их все не могли

Мы выбирали людей, способных ужиться в маленьком коллективе, не подверженных клаустрофобии, — ведь им придется почти безвылазно жить в тесноте станционного купола. Но никому не пришло в голову, что, помимо клаустрофобии, надо бояться и агорафобии — ведь мы заперты в громадной пустоте. Для большинства это противоречие оказалось почти невыносимым, оно не могло не сказаться на моральном состоянии, и через год такой жизни первый командир станций начал хлопотать о введении новых должностей — делопроизводителей, санитаров и поваров. Специально для женщин. Письменное обоснование было исполнено патетики: «Если наша задача — поддерживать боеготовность станции, — писал он, — то в нынешних условиях она практически невыполнима. По моему глубокому убеждению, необходимы срочные практические шаги к тому, чтобы персонал станции приобрел облик нормального человеческого социума, к тому, чтобы в душах не гнезвился леденящий страх перед кошмарами бесконечности, перед дикарской свирепостью окружающей природы».

Мрачновато, конечно, однако правильно. По этому поводу на Земле хватало опасений, зато и недостатка в женщинах-добровольцах не возникло. Как потом выяснилось, большинство из них гораздо легче мужчин приспосабливаются к лунному быту. И тут еще четче обозначился патриархальный аспект командирской должности. Лунная станция теперь совершенно не годится для солдафона, пестующего свое честолюбие. Роль командира свелась к тому, чтобы поддерживать порядок и нормальные человеческие отношения. Я достаточно давно тут живу, чтобы хорошо чувствовать пульс станции. Только на этот раз дал маху и уж постараюсь, чтобы это не повторилось. Поэтому буду очень благодарен, если ты и впредь не откажешь мне в помощи. Один источник неприятностей мы устранили, но успокаиваться рано. Котел все кипит, и скоро опять понадобится выпускать пар. Я хочу получать новости, едва они появятся. Могу я в этом положиться на тебя?

— Но ведь причина — главная причина — в том, что штаб не находит нам применения, и я не вижу, на что еще люди могут излить свое недовольство.

— И я не вижу. Да, им не добраться до высокого земного начальства, но они и здесь найдут, на ком сорвать злость. Уж поверь.

— Что ж, ладно, я согласна быть твоими ушами. И все-таки не понимаю, почему штаб не расходует наши ракеты. Всем известно, что при попытке вывести из строя главный компьютер от нас останется мокрое место, но мало кто об этом задумывается. Это похоже на пир во время чумы, на *gotterdammerung** для истерзанных тревогами душ. «Может быть, наши семьи, дома и города уже погибли, — говорят они, — и какая теперь разница?» Остается только надежда, что нас берегут для последнего решающего удара, но когда же придет его час? Боюсь, они так и не дождутся приказа и попытаются выпустить ракеты на свой страх и риск.

Подумав немного, Трун сказал:

— Мне кажется, кризис уже миновал. Сейчас люди точно знают, что приказы на запуск не поступали, и большинство должно склониться к мысли, что нас решили держать в резерве до переломного момента. Отсюда вывод: если в этот момент мы не сумеем отправить ракеты, то проиграем всю кампанию. Вот он, тот самый случай, когда от двух враждующих армий остается по одному солдату и побеждает тот, кто сберег боеприпасы. А вдруг именно наши ракеты позволят выдвинуть противнику условие: «Или безоговорочная капитуляция, или мы ударим по вам с Луны!»? И тогда мы попадем в число тех, о ком говорят: «Они тоже ковали победу».

— Н-да... — вымолвила Элен по размышлении. — Вероятно, все именно так и обстоит. Ума не приложу, какая еще может быть причина.

Трун проводил ее задумчивым взглядом. Подобную версию, выданную за свою собственную, ее предшественница смогла бы за полчаса распустить по всей станции. А в какой срок уложится Элен? И с кем будет говорить?

Скоро это выяснится, а пока надо заняться канцелярией. Трун просидел час над станционным журналом и своим дневником, а затем подошел к окну, которое показывало несколько не изменившуюся картину: дно кратера в грубой

* Сумерки богов (нем.).

мозаике теней и отблесков, за ним — «картонные» горы, точно такие же, как и десять миллионов лет назад. Земля сместилась на считанные градусы, и вуаль ночи по-прежнему скрывала половину ее лица.

Он вздохнул и повернулся к двери спальни.

Звонок телефона с прикроватного столика оборвал сон. Еще не успев как следует раскрыть глаза, Трун поднес трубку к уху.

— Это радар, сэр, — послышался чуть взволнованный голос. — Мы засекли два неопознанных летающих объекта, приближаются с юго-юго-востока. Высота одна тысяча, скорость около ста.

— Два... чего? — спросил Трун сквозь сонную оторопь.

— Неопознанных летающих объекта, сэр.

Трун хмыкнул — он почти забыл этот термин, так давно его не слышал.

— Реактивные платформы, что ли?

— Возможно, сэр, — неуверенно ответил оператор.

— Вы предупредили охрану?

— Да, сэр. Они уже в шлюзе.

— Хорошо. Далеко эти энэло?

— Примерно сорок миль, сэр.

— Ладно, поймайте их в телекамеру и сразу дайте мне знать. Передайте на пульт, чтобы переговоры охраны вывели ко мне.

Трун положил трубку и сбросил одеяло. Едва он успел опустить на пол ноги, за дверью, в кабинете, зашумели голоса. Один из них, властный, перекрыл гомон:

— Все, парни, на нуле. Отворяем.

Трун вышел из спальни в пижаме и приблизился к столу. Из настенного громкоговорителя раздался вздох, затем — скрежет запора. Когда солдаты вышли из шлюза, один из них проворчал:

— Будь я проклят, если вижу хоть один энэло.

— Так ведь, приятель, надо на юго-юго-восток смотреть, — терпеливо сказал сержант.

— Ладно. Ну и все равно ни хрена.... А ты, сержант, видишь?

— Сержант Уитли, — произнес Трун в микрофон. Разногласица мигом стихла.

— Слушаю, сэр.

— Сколько у вас людей?

— Шестеро, сэр. И еще шестеро на подходе.

— Вооружение?

— Легкие автоматы и по шесть гранат на брата. Две базуки на отделение.

— Годится. Сержант, вам приходилось стрелять на Луне?

— Никак нет, сэр.

Трун пропустил мимо ушей укоризненный тон сержанта. На Луне патрон, с учетом доставки, стоит несколько фунтов, никто не позволит просто так жечь боеприпасы.

— Прицел постоянный. По понятным соображениям никаких поправок делать не надо. Прежде чем стрелять, упритесь спиной в камень, в крайнем случае лягте. Не вздумайте палить стоя, а то после первого же выстрела кувырнетесь раз шесть. Усвоили?

Солдаты утвердительно забормотали.

— Я совершенно уверен, что стрелять не придется, но все-таки будьте наготове. Враждебности не проявлять, однако при малейшем признаке агрессии действовать быстро и решительно. И только по приказу сержанта. Никакой самостоятельности, ясно?

— Так точно, сэр.

— Отлично. Командуйте, сержант Уитли.

Под отрывистые реплики сержанта, расставлявшего людей по местам, Трун поспешил одеться. Он уже застегивал куртку, когда послышалось знакомое ворчание:

— И все-таки ни черта я не вижу. Э, нет, вижу! Ага, есть! Только что сверкнуло. Вон там, справа от Старого Бивня Мамонта. Видите?

В этот миг зазвонил телефон. Трун схватил трубку.

— Навел телекамеру, сэр. Две платформы, на одной — четверо, на другой пятеро. Почти налегке. В скафандрах русского образца. Летят прямо к нам.

— Оружие есть?

— Не видно, сэр.

— Отлично. Проинформируйте охрану.

Трун повесил трубку и услышал, как сержант получает и подтверждает сообщение. Он закончил одеваться и снова взял трубку, чтобы связаться с пультом.

— Предупредите мичманскую кают-компанию, что я буду наблюдать оттуда. И сразу давайте мне охрану.

Он посмотрел в зеркало, надел фуражку и вышел из кабинета неспешной, но решительной поступью.

Когда он вошел в мичманскую кают-компанию на юго-восточной стороне купола, за окном уже виднелись две большие блески, выхваченные солнечным светом из черного в звездных крапинах неба. Заместители пришли одновременно с ним и теперь стояли рядом, наблюдая, как увеличиваются пятнышки. И вскоре изрядное отдаление не помешало разглядеть в безвоздушной черноте реактивные платформы. Они опирались на столбы мутного розовато-белого пламени, а на них виднелись яркие грозди скафандров.

Трун даже не пытался прикинуть расстояние — знал, что без дальномера это нереально. Он нажал кнопку на ручной рации.

— Сержант Уитли, растяните людей полукругом. Когда приблизятся платформы, пусть им кто-нибудь сигналист, чтобы садились в пределах оцепления. Пульт, отключите меня от охраны, но оставьте на вашей волне.

Голоса солдат стихли.

— Ваша напарница рядом?

— Так точно, сэр.

— Пусть поищет русских, обычно их волны немного короче наших. Как найдет, пусть слушает и ждет моих распоряжений. Она говорит по-русски?

— Так точно, сэр.

— Хорошо. Если уловит в их разговоре хоть намек на враждебные намерения — немедленно докладывать! Дайте охрану.

Обе платформы полохо снижались к станции. Растянувшись в широкий полумесяц, солдаты ждали с автоматами на изготовку. В середине полумесяца стоял сержант в пламенно-фуксиновом скафандре и махал руками; его оружие висело на плече.

Платформы затормозили в дюжине ярдах от сигналившего, на высоте футов десять, а затем, разбрасывая огнем пыль и песок, медленно сели на грунт. Люди в скафандрах отпустили скобы и показали пустые руки.

— Сэр, — доложили с пульта, — один из них спрашивает вас. Он знает английский, сэр.

— Давайте, — распорядился Трун и услышал голос с легким славянским акцентом и оттенком американского произношения:

— Капитан Трун, разрешите представиться: генерал Алексей Гуденкович Будорьев. Я имел честь командовать Советской Лунной станцией.

— Говорит капитан Трун. Генерал, я не ослышался? Вы сказали «имел честь»?

Он разглядывал платформы, выискивая собеседника. Было в осанке одного из пришельцев нечто такое, что выделяло его среди фигур в оранжевых скафандрах.

— Да, капитан. Советская Лунная пала несколько дней назад. И теперь я привел к вам моих людей. Дело в том, что мы здорово проголодались.

Не сразу дошел до Труна весь смысл этих слов.

— Генерал, вы хотите сказать, что привели всех ваших людей? — недоверчиво спросил он.

— Всех, кто уцелел, капитан.

Трун рассматривал горстку ярких скафандров. В последнем донесении разведки указывался полный состав русского гарнизона: триста пятьдесят шесть человек.

— Добро пожаловать, генерал. Сержант Уитли, проводите генерала и его людей к воздушному шлюзу.

Генерал обвел взглядом офицеров, собравшихся в кают-компании. После двух трапез, разделенных десятью часами сна, он и его заместитель выглядели намного лучше. Разгладились морщины, исчезли тени из-под глаз, но кое-какие следы недавних испытаний еще остались.

— Господа, — начал он, — я хочу вам поведать о последних днях жизни Советской Лунной станции, пока эти события еще свежи в моей памяти. Я исхожу из двух соображений. Во-первых, мой рассказ может пригодиться историкам и военным экспертам. Во-вторых, пусть кампания на этом театре военных действий и завершена, но война в целом еще не окончена, и никто из нас не в состоянии предсказать ее исход. Ваш командир совершенно прав в том, что сведения, хранящиеся во множестве голов, имеют гораздо больше шансов дойти до всего человечества, чем если бы они оставались секретом двух-трех человек. Поэтому он высказал пожелание, чтобы вы узнали обо всем из первых рук, то есть от вашего покорного слуги. Смее вас заверить, для меня это не только большая честь, но и желанная возможность рассказать о том, как наша станция

познакомилась с новейшим способом ведения боевых действий — с атакой мертвецов.

Генерал помолчал, снова окинув взглядом заинтригованные лица, и повел рассказ:

— Вы, англичане, называете это капканом-болваном. Он срабатывает уже после того, как человек, поставивший его, уходит или умирает. Своего рода слепая месть, попытка утащить недруга за собой в могилу. Ничего оригинального тут нет, этот трюк стар, как сама война. Нова лишь техника — она позволяет мертвецам не только нажимать на спусковой крючок, но и доводить пулю до цели. Да, пожалуй, это и вправду ново, и я пока не знаю, к чему нас приведет такой прогресс.

Он опять задумался и молчал, глядя на стол, пока не заерзал кто-то из слушателей. Генерал уловил шевеление и поднял глаза.

— Господа, пожалуй, я открою вам секрет: для меня чрезвычайно важно, что все живое на Луне ныне собрано здесь, под вашим куполом. Как же это могло случиться? Вы, несомненно, знаете, каким образом начиналась война на Луне. Мы открыли ракетный обстрел одновременно с американцами. Но мы не лупили друг по другу. У нас был приказ не обращать на американскую станцию внимания и полностью сосредоточиться на запуске ракет класса «Луна—Земля». Готов побиться об заклад, что янки получили аналогичный приказ.

Это продолжалось до тех пор, пока мы не израсходовали все тяжелые ракеты, оставив только стратегический резерв, и продолжалось бы и дальше, если бы легкая американская ракета не уничтожила на подходе к Луне наш грузовой корабль. Чтобы спасти второй «снабженец», уже стартовавший с Земли, я попросил у штаба разрешения нанести удар по американской станции.

Как вы понимаете, использовать в подобных целях тяжелые ракеты бессмысленно. Трогать резерв средних ракет нам тоже запретили, поэтому мы были вынуждены запустить легкие — под высоким углом, чтобы не задеть горы вокруг кратера Коперник.

Вам известно, сколь мала тут гравитация; слишком большая вероятность отклонения от цели привела к тому, что наши ракеты не нанесли ущерба противнику. Американцы ответили такими же ракетами и с тем же результатом. Одна наша стартовая установка получила легкие повреж-

дения, и только. Вскоре после этого наша орбитальная станция, оказавшись в выгодном положении для стрельбы, выпустила две тяжелые ракеты. Первая, судя по донесению со спутника, отклонилась на две мили в сторону, зато вторая легла прямо в цель. Это походило на правду, так как американская станция сразу умолкла в эфире и больше не подавала признаков жизни.

Возмездие пришло с американского спутника и имело облик тяжелой ракеты, упавшей в миле от нас. В основном мы отделались трещинами в стенах верхних ярусов и значительной утечкой воздуха. Пришлось надевать скафандры, ставить временные перегородки и заливать стены и крышу герметиком. Площадь искалеченных стен была велика, и работу затрудняли обвалы с крыши; во избежание новых ударов противника я решил сохранять радиомолчание. Мы рассчитывали на помощь своих спутников — возможно, пока мы устраняем повреждения, они подавят американцев «осами».

— «Осами»? — удивился кто-то.

— Вам не доводилось о них слышать? Странно. Как бы то ни было, сейчас уже незачем скрытничать. «Осы» летят густым роем, который в полете постепенно рассеивается. Одну или несколько обычных ракет спутник может на безопасном расстоянии от себя взорвать противоракетами, но от большой стаи защититься очень непросто, — так утверждали специалисты.

— И они оказались правы, генерал? — Трун ничем не выдал, что ему известно о печальной судьбе британского спутника, который строил его отец. Как и американский спутник, он умолк на вторые сутки войны.

Генерал пожал плечами:

— Я не знаю. Когда мы остановили утечку воздуха и починили радиомачту, штаб сообщил, что потерял связь с нашими орбитальными станциями.

От официального тона не осталось и следа; генерал волновался, как самый обыкновенный человек, который делится своими бедами.

— Мы уж было решили, что пронесло, как говорят у нас на родине. Однако новые удары и появление трещин в своде все еще не исключались, поэтому мы держали скафандры под рукой, и кое-кому они спасли жизнь.

Пять земных суток назад, или спустя четыре дня после уничтожения американской станции, солдату у телеэкранов

наружного наблюдения показалось, будто на дне кратера к северу от нас что-то промелькнуло. Это было невероятно, однако он навел камеру на тот участок и вскоре опять уловил движение. Что-то быстро пронеслось от камня к камню. Солдат немедленно сообщил дежурному офицеру. Тот посмотрел и согласился: да, в кратере что-то есть, однако, не будучи уверенным в этом, задействовал телеобъективы и тем самым сузил поле зрения камер. Не обнаружив ничего подозрительного, дежурный включил простые объективы и тотчас увидел, как из-за самого обыкновенного, в сколах и выбоинах, камня выскочило на секунду нечто вроде морского голыша. Офицер доложил мне, и я сразу поспешил к пульту.

Из-за перекрестного освещения видимость была неважной — Земля уже окунулась в рассвет, и на кратер легла решетка из длинных теней. Появляясь на солнце, «голыш» тоже отбрасывал длинную тень — прямо на наши линзы. Я понаблюдал несколько минут и вынужден был признать: что-то и впрямь перемещалось по дну кратера короткими внезапными рывками. Наконец оно замерло на открытом месте, и мы поспешили включить телеобъективы, но не успели их сфокусировать, как «голыш» метнулся прочь и исчез из виду в тени.

Мы подняли по тревоге охрану, приказали вооружиться гранатометами и приготовиться к бою. А «голыш» знай себе носился среди скал, то появляясь на глаза, то снова пропадая. Вскоре мы поняли, что странная тварь вовсе не спешит добраться до нас.

Кто-то сказал: «Похоже, их двое». Он мог и ошибиться — «голыш» метался совершенно хаотично. Мы направили радар, но при таком наклоне и такой уйме громадных камней толку не добились. Оставалось только ждать, когда «голыш» задержится на виду.

Спустя некоторое время охрана засекла чуть западнее еще один подвижный объект. Мы навели туда камеру — действительно, точная копия «голыша» самым непредсказуемым образом сновала между камней.

Через час с лишним первый достиг ровной площадки в одиннадцати километрах от нас. Но и тогда не сразу удалось разглядеть его как следует. Для простого объектива он был слишком мал, а для телевика — чересчур непоседлив. Зато мы довольно скоро поняли, что их трое. Все они резвились на дне кратера, бросаясь то вперед, то назад, то

вбок, то наискось, не задерживаясь на месте и не позволяя нам разглядеть их в перекрестном освещении.

Будь у нас в запасе тактические ракеты, мы бы их запустили, не медля ни секунды. Увы, такое оружие считалось ненужным для лунной станции. Мы решили дожидаться, когда «голыши» приблизятся на выстрел из реактивного гранатомета.

А твари все носились по кратеру дикими зигзагами, и выглядело это поистине жутко. Они напоминали огромных светлых пауков — только паук хоть на минуту, да замрет, а «голыш» останавливался лишь на долю секунды, и невозможно было угадать, в какую сторону он кинется на этот раз. При этом они уверенно подступали к нам, пробегая метров тридцать—сорок, чтобы продвинуться к станции на метр, и шли такой растянутой цепью, что нам ни разу не удалось поймать в камеру всех трех одновременно.

Мы все-таки сумели их довольно хорошо разглядеть, пока они преодолевали следующие два километра. Выглядели твари незамысловато — возьмите яйцо, удлините его вдвое, вот вам и форма корпуса. Добавьте две оси на концах и четыре колеса — повыше и пошире, для устойчивости и прочного сцепления с грунтом. Дайте каждому колесу дополнительную степень свободы, чтобы оно поворачивалось вправо и влево на сто восемьдесят градусов, и эта машина сможет двигаться в любом направлении или вертеться на месте. Установите четыре мотора — по одному на колесо — и радар, чтобы избегать ударов о скалы. Технически это вполне осуществимо, но нас в тот момент интересовал не принцип движения «голыша», а принцип поиска цели.

Было вполне очевидно, что дело тут не в жесткой программе. Следовательно, он мог реагировать на луч передатчика или радара или на вращение телекамеры. Мы проверили каждое из этих предположений, даже отключили на несколько минут все три устройства разом, однако наружная охрана не заметила никакого эффекта. Не интересовались «голыши» и нашими электромоторами, — мы остановили их на целую минуту. Безрезультатно! Реакторы были вне подозрений — на них стояла надежная защита, а кроме того, мы давно соорудили радиационные приманки для ракет, наводящихся на лучистые цели. Сам я считал и теперь считаю, что «голышей» «ведет» неизбежное повыше-

ние температуры грунта на подступах к станции. А в этом случае мы уже ничего не могли предпринять.

Генерал хмуро покачал головой и продолжил:

— Короче говоря, к нам «в гости» явились ракеты на колесах. В техническом отношении они примитивны и были бы легко уязвимы, если бы американцы не придумали дьявольскую хитрость: они вмонтировали в управление «голыша» генератор случайного импульса. Догадываетесь, к чему я веду? Случайный процесс, подчиненный одной цели... — Генерал опять умолк, задумавшись на несколько мгновений. — Машина — создание неживое, а следовательно, неразумное. Тем не менее в природе машины лежат железные законы логики. Концепция нелогичной машины выглядит в корне противоречивой, но если вы осознанно вооружитесь ею, то у вас получится нечто небывалое, чужеродное. У вас получится безумие, и страшно даже вообразить, что произойдет, если выпустить его на волю... А в «сознании» этих машин, что носились по дну кратера, точно водомерки по глади пруда, была-таки путеводная ниточка; петляя сквозь рукотворное безумие, она достигала конечной цели. Сиюминутные действия машин были непредсказуемы, абсурдны, однако в целом «голыши» были надежны, как взрывные устройства, которые несли в своих металлических брюхах. Вообразите маньяка в белой горячке, одержимого единственным желанием — убивать... Вот что собой представляли эти машины. Они упорно приближались к нам, совершая беспорядочные рывки — то очень короткие, то средние, то довольно длинные. Вперед, назад, вбок, наискось, по дуге... Лишь одно мы могли предсказать с уверенностью: через пять-шесть таких рывков они окажутся чуть ближе к нам.

Наши гранатометчики попытались их остановить на дистанции пять километров. Напрасная трата боеприпасов, конечно. С тем же успехом можно стрелять из тростинки горошинами по летящей мухе. Тут бы, наверное, пригодились мины, если у машин не было миноискателей, но кто бы выделил для них дефицитнейший грузовой объем? Наши люди могли уповать только на случайное попадание.

То и дело какая-нибудь машина скрывалась в столбе пыли и каменного крошева, но всякий раз появлялась вновь, совершенно невредимая. От напряжения у нас болели глаза, ломило в висках, — мы не успевали следить за изображениями на экране, не могли обнаружить системы в

движениях машин. Впрочем, я уверен, никакой системы и не было.

Когда машинам осталось три километра до цели, охрана, ничуть не преуспевшая в стрельбе, начала проявлять беспокойство. Мы решили подождать, пока дистанция сократится еще на километр, а затем отозвать гранатометчиков в укрытие.

А «голыши» все приближались. Поверьте, господа, я за всю жизнь не видел ничего кошмарнее. Это смахивало и на неистовую пляску дервиша, и на мельтешение насекомых; то и дело приходилось напоминать себе, что перед нами вовсе не живые существа. Время от времени гранатный разрыв осыпал их осколками, но не причинял вреда. Как только они подошли на два километра, я приказал полковнику Зиночку снять заслон. Он поднес к губам микрофон, и тут одна из машин нарвалась на гранату. На наших глазах ее опрокинуло взрывом. Достаточно большой диаметр колес позволял ездить вверх тормашками, и она поехала... потом вспыхнуло ослепительное пламя, и экран померк.

Даже на глубине нашего укрытия встряска была чудовищной. Пол вздыбился, по двум стенам разбежались трещины.

Я включил систему общего оповещения. Она еще действовала, но везде ли меня слышат — этого я знать не мог. Я приказал всем надеть скафандры и ждать дальнейших распоряжений. Была надежда, что взрыв одной машины вывел из строя и остальные. Впрочем, это выглядело маловероятным, ведь они в этот момент могли случайно укрываться за скалами, к тому же на Луне нет воздуха, а значит, нет и ударной волны. Только осколки.

Может, было и еще что-нибудь... Кто знает? Эффекты взрывов на Луне почти не изучались. Так или иначе, мачта снова рухнула, и мы остались без радара и телекамеры, а потому не могли выяснить, миновала ли беда, или машины-убийцы все еще носятся по дну кратера, как свихнувшиеся пауки. Если они уцелели, то, по нашим расчетам, минут через тридцать пять должны были добраться до нас.

Это были самые долгие полчаса в моей жизни. Мы надели скафандры, мы включили индивидуальные рации, мы сделали все возможное, чтобы определить размеры повреждений. Вероятно, на верхних ярусах они были огромны, — оттуда нам почти не отвечали. Я приказал всем,

кто мог двигаться, пробираться на нижние ярусы. Потом нам оставалось лишь ждать... и гадать, носятся ли снаружи эти твари, и смотреть, как ползет по кругу минутная стрелка.

Им, или ей, потребовалась ровно тридцать одна минута. Пол рванулся вверх и свалил меня с ног. Я мельком увидел громадные трещины на потолке, и тут погас свет и на меня обрушилось что-то неимоверно тяжелое...

Пожалуй, нет необходимости подробно описывать остальное. Нас осталось четверо живых в контрольном центре и еще пятеро — непосредственно над нами. Естественно, никто бы не спасся, если бы камни имели земной вес, — и так за четверо суток мы еле расчистили проход к аварийному шлюзу. Весь воздух, конечно, вытек, и нам пришлось забирать у мертвецов баллоны и неприкосновенные пайки. Есть мы могли только по очереди в двухместной надувной камере. Впрочем, еды хватило ненадолго.

Аварийный выход располагался в некотором отдалении от основного шлюза, но и ему досталось: частично обрушился потолок ангара и завалил реактивную платформу. К счастью, две другие почти не пострадали. Шлюз находился в основании утеса, и хотя сама скала устояла, перед наружным люком выросла такая куча камней, что пришлось взрывать. Получился довольно широкий проход, и мы благополучно вывели платформы, не пачкаясь в радиоактивной саже и не подвергаясь прямому облучению, за что спасибо утесу, отгородившему нас от эпицентра.

Генерал посмотрел на собравшихся:

— Господа, приютив нас, вы поступили очень великодушно. Позвольте вас уверить, что мы не намерены оставаться в долгу. Совсем напротив. У нас на станции много продуктов, а если уцелели цистерны, то есть и вода. Кроме того, найдется все необходимое для регенерации воздуха. К сожалению, без бурильной техники до всего этого не добраться. Конечно, моим людям необходимо отдохнуть, но если вы потом одолжите нам технику, то ваши запасы основательно пополнятся. — Он глянул в окно, на яркий сегмент Земли. — А они нам очень пригодятся, я это чувствую.

Когда собрание закончилось, Трун привел генерала и его заместителя к себе в кабинет. Угостил их сигаретами, закурил сам и сказал:

— Генерал, как вы догадываетесь, наша станция не рассчитана на содержание военнопленных. Какие вы можете дать гарантии, что не будет диверсии?

— Диверсии?! — воскликнул генерал. — Помилуйте, с какой стати? Мои люди — отнюдь не сумасшедшие, они точно так же, как и я, понимают, что авария на вашей станции для нас смерти подобна!

— Но вдруг среди вас найдется одиночка... скажем так, беззаветно преданный родине, который сочтет своим долгом уничтожить станцию пусть даже ценой собственной жизни?

— Едва ли, сэр. У меня в подчинении сливки армии, умнейшие люди, они прекрасно понимают, что на этой войне победителей не будет. Главное — пережить ее.

— Но, генерал, не упускаете ли вы из виду, что мы — все еще боевое подразделение, причем единственное на этом театре военных действий?

У генерала чуть-чуть приподнялись брови, и он несколько мгновений задумчиво смотрел на Труна. Затем улыбнулся уголками рта:

— Я вас понял. Признаться, это несколько неожиданно. Значит, ваши подчиненные до сих пор в это верят?

Трун наклонился вперед, чтобы стряхнуть в пепельницу сигаретный пепел.

— Генерал, мне кажется, я вас не совсем понимаю.

— В самом деле, капитан? Я говорю о вашей боеспособности.

Их взгляды встретились на несколько секунд, затем Трун пожал плечами:

— А как бы вы ее оценили, генерал?

Генерал Будорьев скептически покачал головой:

— Боюсь, не слишком высоко. — И пояснил, будто оправдываясь: — До того как наша станция подверглась нападению, мы засекали старт девяти ваших средних ракет. Значит, сейчас в вашем распоряжении максимум три средние ракеты. А может, и вообще ни одной.

Трун отвернулся и посмотрел в окно, на замаскированные шахты. Его голос дрогнул:

— Могу я спросить, генерал, давно ли вам это известно?

— Месяцев шесть, — мягко ответил Будорьев.

Трун закрыл глаза ладонью. Минуту или две все молчали, наконец генерал произнес:

— Позвольте от всей души поздравить вас, капитан Трун. Должно быть, свою роль вы сыграли великолепно.

Убрав ладонь, Трун увидел, что генерал не кривит душой.

— Теперь придется им все объяснить, — сказал он. — Какой будет удар по самолюбию... Они ко всему готовы, только не к этому.

— Я тоже думаю, что больше ни к чему держать людей в неведении, — согласился Будорьев. — Но разве нужно им говорить, что мы были осведомлены?

— Спасибо, генерал. А то все похоже на фарс...

— Капитан, не принимайте этого так близко к сердцу. В конце концов, блеф и дезинформация — важнейшие элементы стратегии. А блефовать двадцать лет, как это делали вы, — настоящее искусство. Представьте себе, мои люди первое время даже не верили разведсводкам. И еще, давайте вспомним, какова была самая главная задача лунных станций. И вашей, и моей, и американской. Воевать? Нет. Являть собой угрозу, чтобы предотвратить войну. И мои, и ваши люди искренне верили, что от них это зависит. Но драка все-таки началась, и мы больше не у дел. Абсолютно неважно, сколько ущерба могут добавить наши ракеты к общей катастрофе. Ведь каждый из нас давным-давно понял, что эта война будет не из тех, которые можно выиграть. Что же касается вашего покорного слуги, то у меня просто камень упал с души, когда мы получили сведения о вашем боезапасе. Думаете, приятно все время размышлять о том, что однажды тебе придется бомбить совершенно беззащитную станцию? И заметьте: только потому, что ваше оружие было мифическим, английская станция ныне цела и невредима. А значит, у нас остается форпост на Луне. Поверьте мне, капитан, это исключительно важно.

Трун поднял взгляд:

— Генерал, вы тоже так думаете? Мало кто разделяет эту точку зрения.

— В любые времена не бывает много — как вы, англичане, их называете? — неумных душ? Провидцев? Большинству людей от жизни ничего не надо, кроме домашнего уюта и таблички на двери: «Прошу не беспокоить!». Они бы вешали эти таблички у входа в пещеру, если бы среди них не рождались непоседливые одиночки. Нам очень важно удержаться здесь, не потерять достигнутого. Понимаете?

Трун кивнул и едва заметно улыбнулся:

— Понимаю, генерал, еще как понимаю. Как вы думаете, почему я бился за эту станцию? Зачем сюда прилетел и почему я здесь до сих пор? Чтобы в один прекрасный день сказать молодому непоседливому одиночке: ну, вот и все. Мы привели тебя сюда, а дальше иди сам. Перед тобой — звезды! Да, генерал, я все понимаю. Только одно меня теперь беспокоит: наступит ли когда-нибудь этот прекрасный день?

Генерал Будорьев кивнул и надолго устремил взгляд на жемчужно-голубую Землю.

— Интересно, там еще остались космические корабли? И пилоты, способные их привести?

Трун тоже повернул голову к окну. На лицо упал бледный свет Земли. И в этот момент у него растаяли все сомнения.

— Прилетят, — сказал он. — Кто-нибудь непременно услышит полночный комариный писк. Они прилетят... и однажды отправятся дальше.

Если верить часам с календарем, дома сейчас двадцать четвертое июня, утро — пора завтракать. А не верить нет причин. Выходит, я провел на Марсе ровно десять недель. Немало. Любопытно, сколько их, недель, еще осталось?

Рано или поздно сюда опять прилетят люди и обнаружат корабль. Надо бы вести журнал — регулярно, как полагается, однако до сих пор я не видел в этом особого смысла, да и какая тут регулярность, когда ты... скажем, малость не в себе. Но так было раньше. Сейчас же я отважился взглянуть правде в глаза и почти смирился с судьбой.

И чувствую, будет неправильно, если я унесу нашу тайну на тот свет. Сюда однажды обязательно кто-то прилетит, — зачем же ему разыскивать следы и разгадывать головоломку? Так и ошибиться недолго. А мне хочется кое-что рассказать. Если на то пошло, я должен кое-что рассказать. К тому же надо как-нибудь скоротать время. Да, это жизненно необходимо. Не желаю снова тронуться умом.

Забавно, в голову лезет всякая душещипательная чепуха, вроде той салонной песенки для чувствительных дам: «Ты смерть в бою дозвошь мне возлюбить!» Конечно, безвкусица, и все-таки...

Но спешить некуда. Да, время, наверное, еще есть. Я уже переступил некую грань, за которой раздумья о смерти пугают гораздо меньше, чем перспектива жизни в этой пустыне. Скорбь моя теперь изливается вовне: милая Изабелла, как тебе сейчас нелегко, и как трудно будет потом, когда подрастут Джордж и Ана!

Не знаю, кому доведется прочесть эти строки. Вероятно, участнику экспедиции, которому известно о нас все, вплоть

до часа посадки. Мы передали по радио координаты, поэтому вряд ли возникнут сложности с нахождением нашего корабля. Впрочем, как знать. Радиограмма могла не дойти или еще что-нибудь в этом роде... Нельзя исключать, что нас обнаружат много лет спустя и совершенно случайно, — вот тут-то от моего дневника, пожалуй, будет больше толку, чем от бортового журнала.

Разрешите представиться: Трунхо. Капитан Джеффри Монтгомери Трунхо, космический дивизион ВВС Бразилии, последнее место жительства — Америка-ду-Сул, Бразилия, Минас-Жерайс, Претарио, авенида Ойто де Майо, 138. Двадцать восемь лет, штурман и единственный уцелевший член экипажа космического корабля «Фигурао».

Мои дед и отец — уроженцы Британии, в 2056 году получили бразильское гражданство и по фонетическим соображениям сменили фамилию Трун на Трунхо. Мы — династия космонавтов. Мой прапрадед — знаменитый Маятник Трун, тот самый, что ехал верхом на ракете и строил первую орбитальную станцию. Прадед командовал Английской Лунной, и дед, наверное, унаследовал бы этот пост, если бы не Великая Северная война. Так уж вышло, что война разразилась, когда дед проходил подготовку в Британском Космическом Доме, точнее, в одном из секретных и зарытых глубоко в землю центров оперативного управления, и начало военных действий застало его в отпуске на Ямайке; вместе с женой — моей бабушкой — и шестилетним сыном — моим будущим отцом — он гостил у своей матери, которая незадолго до этого приобрела там дом.

О тех проклятых днях написано много книг, в них доказывается, что война была неизбежной, что правительство знало об этом и готовилось к худшему, — но дед всегда это отрицал. Высшие круги власти, утверждал он, точно так же как и общественность, тешились иллюзией, что угроза войны так и останется угрозой.

Видимо, наши лидеры не отличались особым умом; угодив в затяжной клинч, они слишком рано успокоились. Они не были преступниками и психопатами и вполне представляли себе, какими бедами чревата такая война. В мире периодически случались кризисы, поднималась паника, но сколь бы ни были тревожны эти инциденты, они не отража-

лись на торговле и бирже, а потому довольно хладнокровно воспринимались политиками.

С точки зрения высших военных чинов, они даже шли на пользу. Без регулярных встрясок общественность размлеет, считали военные, и тогда нам урежут бюджет, да и технический прогресс основательно пострадает. И мы здорово отстанем от Не Наших Ребят, а уж они-то своего не упустят. Усовершенствуют оружие, накопят сил...

С точки зрения Космического Ведомства, рассказывал дед, конфликт выглядел не более вероятным, чем и два года, и пять, и десять лет назад. Оно работало в самом обычном ритме: обновляло технику и вооружение, реорганизовывало структуры, переставляло кадры, и все это напоминало шахматную партию, в которой фигуры уступают не противнику, а моральному износу. И не было ни единой гарантии того, что война не разразится по прихоти какого-нибудь маньяка, а то и просто случайно. По обе стороны рубежа давно считалось аксиомой, что в случае ракетной атаки противника надо сразу же обрушить на него как можно больше собственных ракет, беспощадно расправиться с его военным потенциалом. А в 2044 году в это понятие входило почти все, от фабрик и складов до урожаев на полях и боевого духа.

И вот однажды вечером мой отец уснул в зыбком мире, а проснулся в разгар четырехчасовой бойни, когда счет потерь шел на миллионы.

По всей Северной Америке, по всей Европе, по всей Российской Империи полыхал огонь, перед которым бледнело солнце. На своем пути волны жара испепеляли целые страны. Чудовищные черные столбы упирались в небеса, рассеивая по ним смертоносный пепел и пыль.

Мой дед не колебался ни минуты. Он был обязан любым способом добраться до своего боевого поста в Северной Канаде, где размещались части Британских Космических Войск. Два дня он провел в Кингстоне почти без сна и отдыха, уговаривая тамошние власти и вообще всех, от кого хоть что-то зависело. На аэродроме хватало разных самолетов — огромных авиалайнеров, тесных транспортных, маленьких частных машин, — но все они прибывали с севера, многие садились только для дозаправки и отправлялись дальше на юг, как перелетные птицы. Возвращаться не желал никто.

В эфире царил сущий бедлам. Невозможно было понять, какие аэродромы еще целы и долго ли они протянут. Пилоты не соглашались рисковать даже за огромные деньги. Администрация аэропорта запретила северные рейсы, и напрасно мой дед и множество других измученных тревогой людей пытались ее уломать.

На второй вечер ему посчастливилось выкупить у кого-то билет на южный рейс, и он улетел с Ямайки, чтобы добраться кружным путем — через бразильский порт Натал, Дакар, Лиссабон в Англию, а оттуда на служебной машине — в Канаду. Восемь дней спустя он застрял во Фритауне, столице Сьерра-Леоне. Туда доходили очень скудные и противоречивые новости, но и их было достаточно, чтобы убедить не только летчиков, но и потенциальных пассажиров: если самолету и посчастливится дотянуть до Европы, посадка на любом аэродроме будет означать массовое самоубийство.

Возвращение на Ямайку заняло два месяца, и за этот срок война ушла в историю, — правда, так неглубоко, что не затронутое ею население планеты все еще тряслось от страха, и никто даже не помышлял о том, чтобы приблизиться к границам разоренных земель. Людям все еще не верилось, что они сами и их дома остались целы и невредимы. Мир пребывал в шоке; жизнь не спешила возвращаться в нормальную колею.

И очень скоро посыпались проблемы — не только остаточного излучения, радиоактивной пыли в воздухе, зараженной воды, эпидемий, грозящих и фауне, и флоре, и тому подобные, — но и проблема экономической и политической глобальной переориентации, с учетом того, что Северное полушарие превратилось в пустыню, губительную для всего живого.

Легко было догадаться, что Ямайке не суждено особое процветание. Для традиционного экспорта у нее почти не осталось рынков. Конечно, себя бы она худо-бедно прокормила, но едва ли стоило начинать там новую жизнь.

Бабушка ратовала за переезд в Южную Африку — там жил ее отец, глава правления маленькой самолетостроительной компании.

«С твоими знаниями и опытом, — говорила она деду, — тебе самое место в правлении. В мире почти не осталось

крупных авиационных предприятий, значит, начнется бурный рост мелких».

Дед не разделял ее оптимизма, однако согласился нанести тестю визит. Вернулся он, как говорится, при своих: Южная Африка ему совсем не приглянулась, веяло там чем-то таким... тревожным.

Бабушка, хоть и огорчилась, настаивать не стала — и слава Богу, потому что год спустя и ее отец, и вся остальная родня, вместе с миллионами других людей, погибли в Великом Африканском восстании.

Но еще до того как это случилось, дед сделал выбор.

«Китай, — сказал он, — не погиб, хотя от него остались жалкие клочки, и он еще нескоро оправится. Япония понесла невосполнимый урон из-за чрезмерной перенаселенности. Индия, как всегда, ослаблена внутренними раздорами. Африке суждено и дальше плестись в хвосте. Австралия теперь — центр уцелевшей Британии, и вероятно, станет процветающей страной, но — не в обозримом будущем. Южная Америка невредима и, как мне кажется, имеет неплохие шансы на мировое лидерство. Значит, либо Бразилия, либо Аргентина. Я очень удивлюсь, если это будет Аргентина. Летим в Бразилию!»

Он отправился первым — предлагать свои технические навыки — и почти сразу получил под свое начало тогда еще лишь едва народившийся Космический Дивизион Бразильских ВВС. Ему поручили занять разбитые искусственные спутники, доставить продовольствие на Английскую Лунную станцию, эвакуировать весь ее персонал (в том числе собственного отца) и аннексировать территорию Луны в пользу Эстадос-Унидос-ду-Бразил.

Цена всего этого — тем более в такое тяжелое время — была громадной, но дело того стоило. Как известно, престиж на дороге не валяется, его, как золото, добывают по крупице. И пускай в Северной войне лунные и орбитальные станции совершили ничтожно мало, при этом едва ли не полностью уничтожив друг друга, и пускай в бразильском небе никогда не показывается Луна, — сам по себе тот факт, что она теперь целиком в руках бразильерос, основательно поднял авторитет Эстадос-Унидос.

И это — в те годы, когда погруженные в хаос осколки цивилизации искали новый центр притяжения.

Как только Космическая Программа надежно «встала на ноги», дед, хоть и не был тогда еще бразильским гражданином, возглавил дипломатическую миссию в Британской Гвиане и там талантливо расписал выгоды, которые ампутированная колония могла бы получить от объединения — при условии полного равенства, естественно, — с могущественным соседом.

На западную границу Гвианы уже напирала Венесуэла, и предложение не встретило отказа, а несколько месяцев спустя точно так же поступили Суринам и Французская Гвиана. Карибская Федерация подписала договор о дружбе с Бразилией. В Венесуэле, лишенной североамериканской поддержки и рынка, вспыхнула короткая, но жестокая революция, и новое правительство тоже взяло курс на интеграцию с Бразилией. Колумбия, Эквадор и Перу поспешили заключить договоры о дружбе и сотрудничестве, Чили вступили в оборонительный союз с Аргентиной, Боливия, Парагвай и Уругвай чуть ли не хором провозгласили нейтралитет и добрососедские намерения.

За свои заслуги дед получил свидетельство о натурализации и стал полноправным, лояльным и уважаемым гражданином республики.

Мой отец в 2062 году окончил университет Сан-Паулу с дипломом магистра внеземного инженерного дела, а затем несколько лет работал на государственной испытательной станции в Рио-Бранко.

Дед мой долго был фанатиком космического кораблестроения и твердил, что разработка новых моделей — вовсе не дорогостоящая забава, как думают некоторые, а мудрая предосторожность, которая обязательно себя оправдывает. Во-первых, если Бразилия пренебрежет космосом, то его рано или поздно присвоит другая страна. Во-вторых, в недалеком будущем может возникнуть острая нужда в экономичном космическом грузовозе. В основе современной технологии лежат металлы, и обойтись без них никак невозможно. Но сейчас богатые месторождения Канады, Аляски и Сибири недосыгаемы, Африка сама потребляет всю свою добычу, Индия скупает на рынке все, что ей по карману, а у Южной Америки аппетит растет не по дням, а по часам. Уже ощутим дефицит редких металлов, и скоро он станет острым. Следовательно, необходимо искать месторождения за пределами Земли. Цена, конечно, покажется

большой, но если упустить время, она будет непомерной. Однако затраты можно существенно снизить, если сконструировать практичный грузовой корабль. И тогда в один прекрасный день Бразилия получит монополию, по крайней мере на редкие металлы и металлоносные территории.

Уж не знаю, верил ли мой отец хоть чуть-чуть в здравомыслие политиков. Может, и вовсе не верил, но всегда пользовался логикой — хотя бы для того, чтобы поднимать проблемы. Самыми живучими среди его любимых коньков были: «ящик», как мы прозвали экономичный беспилотный грузовоз, и собираемый в космосе крейсер. На чертежных досках отца родилось немало разных моделей «ящика», но концепция крейсера — принципиально иного корабля, которому незачем бороться с земной гравитацией, — пока выглядела несколько расплывчато.

Сам я, хоть и унаследовал почти патологический семейный интерес к проблемам, лежащим за пределами ионосферы, не обладал отцовским талантом выражать свою увлеченность в чертежах и формулах. Поэтому, отучившись в университете Сан-Паулу, я поступил в Академию ВВС, а по ее окончании получил назначение в космический дивизион.

Что ни говори, семейные связи — штука полезная. Иначе бы меня вряд ли предпочли людям, чья квалификация ни в коей мере не уступала моей. Сначала в списке претендентов на должность штурмана космического корабля «Фигурао» стояло двадцать фамилий, потом нас осталось четверо, одинаково умелых и опытных. Вот тут-то, я думаю, и пригодилась фамилия Трунхо, в прошлом — Трун.

Весьма вероятно, Рауль Капанейро стал нашим капитаном по очень сходным причинам, — он был сыном маршала ВВС Бразилии. А вот Камилло Ботоес попал к нам только благодаря своей уникальности. Похоже, намерение посетить другую планету созрело у него еще в колыбели, и чуть ли не в ту же пору его осенило: чтобы одолеть соперников, надо освоить какую-нибудь необычную профессию. Он столь целеустремленно взялся за воплощение этой идеи, что ВВС Бразилии, объявив конкурсный набор участников марсианской экспедиции, с удивлением обнаружили в своих рядах офицера, который великолепно разбирался в электронике и вдобавок был специалистом по геологии, о чем свидетельствовали его яркие публикации.

Едва ли кто-нибудь мог усомниться в том, что он вполне способен выполнить свою задачу на первом этапе археологических исследований.

Мое назначение в экипаж встревожило мать и расстроило бедную Изабеллу, но тяжелее всех его воспринял отец. «Фигурао» был детищем его ведомства, чуть ли не до последней заклепки — его собственным творением, и принес ему нетленную славу конструктора первого межпланетного корабля. Если бы я отправился на нем в полет, это бы связало отца с кораблем дополнительными узами, упрочило семейную традицию. С другой стороны, я — единственный его сын, и он терзался раздумьями о том, что его искусства, опыта и усердия никак не достаточно, чтобы предвидеть все возможные неполадки, а значит, он подвергает меня непредсказуемому риску. Подобные мысли остро конфликтовали с пониманием того, что любые возражения против моего полета неизбежно будут расценены как неверие в надежность корабля. Таким образом, я вверг его в поистине кошмарную ситуацию, и теперь ни о чем другом так не мечтаю, как о возможности передать, что ему не за что себя корить, — я не вернусь на Землю совсем по другой причине...

Мы стартовали девятого декабря, в среду. Первый прыжок ничем особенным не запомнился; следуя обычной процедуре для ракет снабжения, мы вышли на околоземную орбиту и стали ждать, когда нас отнесет к станции.

В моем сердце теплилась сентиментальная радость — станция носила имя «Эзатреллита Примейра», и от этого экспедиция еще больше напоминала семейное предприятие, ведь спутник помогал строить мой прапрадед. Впрочем, из-за износа и различных повреждений, в том числе от вражеских ракет, на нем пришлось заменить львиную долю деталей.

Мы подлетели к «Примейре» и провели на ней больше земной недели. За это время с «Фигурао» сняли атмосферозащитное покрытие, дозаправили его и погрузили всю необходимую провизию. Каждый из нас троих проверил свою аппаратуру и снаряжение и устранил малочисленные неисправности. Потом мы ждали, сетуя на безделье, когда

«Примейра», Луна и Марс займут положение, оптимальное для нашего старта.

Наконец во вторник 22 декабря, в 03.35 по Рио, мы врубили двигатели и отправились в путешествие... Я не буду подробно его описывать, все технические нюансы занесены Раулем в бортовой журнал, который я вместе с этим отчетом запру в металлическом ящике..

До этого момента я писал из двух соображений: во-первых, на тот случай, если нас, как я уже говорил, найдут не скоро, и во-вторых, чтобы любой, кому захочется проверить мою психическую адекватность, располагал фактами. Я сам внимательно прочел все вышеизложенное и не нашел причин сомневаться в том, что нахожусь в здравом уме и трезвой памяти. Думаю, те, кому доведется ознакомиться с этим дневником, тоже не усомнятся в моей вменяемости. А значит, и нижеследующие строки будут представлять для них ценность.

Последняя запись в бортовом журнале — о том, что мы приблизились к Марсу. Последняя радиограмма, отправленная на Землю из пространства, гласит: «Попробуем сесть в районе Изида—Большой Сырт. Предполагаемые координаты...»

Закончив передачу, Камилло придвинул рацию к стене. Шелкнули фиксаторы. Убедившись, что аппарат надежно закреплен, он улегся на койку. Рауль уже сидел на своей, я лежал, оставшись не у дел, — мог только ждать. У Рауля поперек койки был пристегнут дистанционный пульт — это позволяло управлять кораблем даже при многократных перегрузках.

Все шло по плану, с той лишь разницей, что температура обшивки корабля в несколько раз превысила расчетную, — видимо, атмосфера оказалась несколько плотнее, чем мы ожидали. Но эта ошибка была пустяковой.

Рауль наблюдал за разворотом корабля, заботясь о том, чтобы крен соответствовал тормозящему импульсу вспомогательных дюз. Мы теряли скорость. Койки поворачивались вместе с нами на карданных механизмах. Постепенно нашей главной вертикальной опорой стали выбросы основных дюз, которые теперь работали на торможение.

В конце концов скорость упала практически до нуля; корабль стоял, балансируя на плазменных струях. На этом задача Рауля была выполнена; он включил систему авто-

матической посадки, вытянулся на койке и стал следить за приборами.

Под нами, вокруг оси корабля, располагались восемь одинаковых радаров, их узкие лучи шли вниз; каждый радар контролировал маленькую горизонтальную дюзу. При отклонении корабля хоть на градус от вертикали один или два радара давали команду дюзам, и мгновенные вспышки пламени устраняли крен. Еще один вертикальный радар был совмещен с основными двигателями; он следил за расстоянием до поверхности планеты и регулировал скорость спуска.

Аппаратура превосходно справилась со своей ролью — только легкий толчок сообщил нам о том, что тренога корабля коснулась грунта. Двигатели умолкли, прекратилась вибрация, и нависла не слишком уютная тишина.

Никто не спешил ее нарушить, но вскоре мы услышали потрескивание и пощелкивание остывающего металла. Рауль сел и освободился от пристежных ремней.

— Ну, вот и прилетели. Молодчина твой старик, — сказал он мне.

Он осторожно встал и, привыкая к забытому чувству тяжести, двинулся к ближайшему иллюминатору. Я последовал его примеру и стал отвинчивать защитную пластину иллюминатора. Камилло извлек из фиксаторов радиопередатчик и отправил в эфир:

— «Фигурао» совершил мягкую посадку. Марс, ноль три сорок три по Рио. Координаты посадки, похоже, не расходятся с ранее переданными. Приступаем к наблюдениям и проверке бортовых систем. — Он тоже потянулся к ближайшему иллюминатору.

Я уже успел откинуть со своего металлическую зашторку, и вид, открывшийся глазам, полностью совпал с моими ожиданиями. До самого горизонта убегали ржаво-бурые барханы. Где-нибудь на Земле такая картина навевает любые эмоции, кроме благоговейного трепета. Но мы были не на Земле. Мы были на Марсе, и видели то, чего еще никто не видел. Мы не ликовали, не хлопали друг друга по спине. Мы просто смотрели во все глаза.

Наконец Рауль произнес довольно блеклым тоном:

— Вот, значит, какой Марс. Мили и мили голой пустыни. И все это теперь наше. — Он отвернулся и шагнул к приборной панели. — Атмосфера процентов на пятна-

дцать плотнее, чем нам предсказывали. Оттого, наверное, и перегрев корпуса. Придется сидеть тут, пока не остынет. Кислорода и вправду очень мало, судя по этому пейзажику, он почти весь — в окислах. — Рауль подошел к встроенному шкафу и стал доставать скафандр и принадлежности.

Смотрелось это забавно; пожив в невесомости неделю-другую, легко забыть, что в поле тяготения планеты вещам свойственно падать, когда ты их отпускаешь.

— Все-таки странная ошибка, — проговорил Камилло. — Я насчет плотности атмосферы.

— Что тут странного? — отозвался Рауль. — Просто чья-то гениальная теория об утечке воздуха в пространство высосана из пальца. Да и чего ради ему утекать, если рядом нет большого небесного тела? Если так рассуждать, то наш воздух должен был улетучиться на Луну, а потом вернуться обратно. Интересно, как эти идиотские «прозрения» находят себе поддержку? Думается мне, нас ждет еще немало таких сюрпризов.

— Насчет гравитации тоже просчитались? — спросил я. — По-моему, сила тяжести здесь гораздо выше.

— Нет, все точно, просто надо привыкнуть к самому весу.

Я пересек рубку и посмотрел в иллюминатор Рауля. Та же картина, только вдаль между небом и землей тейнеет тонкая полоска. Меня это заинтриговало, но как я ни старался, не сумел разглядеть детали или хотя бы прикинуть расстояние до горизонта.

Решив вооружиться телескопом, я повернулся к иллюминатору спиной, и тут пол вырвался из-под ног...

Рубка накренилась, я заскользил под уклон. Массивная заслонка иллюминатора откинулась и едва не задела меня, а на Рауля обрушилась всей тяжестью, швырнув его на пульт управления. Рубка накренилась еще сильнее, я рухнул спиной на только что покинутую койку и вцепился в нее изо всех сил; не сумев ухватиться за кронштейны койки, мимо проехал Камилло...

За несколькими приглушенными ударами последовал жуткий хруст, скрежет, и меня подбросило на пружинах койки. На этом все кончилось.

Я огляделся: то, что за недолгий срок полета мы привыкли считать палубой, теперь стояло вертикально. Очевидно, «Фигурао» повалился набок. Под новой «перебор-

кой» на вогнутой «палубе» съежился Камилло; рядом валялись скафандры вперемешку с их принадлежностями. Рауль распластался на панели управления, и еще я увидел на ней струйку крови.

Я свалился с койки, подполз к Раулю и хотел было поднять его голову, но это не удалось, и я сразу обнаружил почему: он ударился виском о рычаг управления, и рукоятка вошла в череп. Ему уже ничем нельзя было помочь. Я перебрался к Камилло. Он был без сознания, но никаких травм на теле я не увидел. Пульс был достаточно сильный, и я попытался привести его в чувство. Через несколько минут он открыл глаза, посмотрел на меня и зажмурил дрожащие веки.

Я разыскал бренди и заставил товарища сделать несколько глотков. Вскоре он глубоко вздохнул, размежил веки, и его взгляд, поблуждав по рубке, снова замер на мне.

— Марс, — вымолвил он. — Марс, кровавая планета. Мы на Марсе?

При этом у него было такое глупое выражение лица, что я упал духом.

— Да, на Марсе. — Я поднял его, перенес на койку и устроил поудобнее. Затем у Камилло вновь закрылись глаза, и он погрузился в беспамятство.

Я огляделся. В рубке царил беспорядок — в основном из-за скафандров, которые вылетели из шкафов. Из аппаратуры сорвался только передатчик — Камилло не успел его закрепить, и он ударился о раму одной из коек. Теперь его оставалось только списать.

Сидеть сложа руки и разглядывать своих несчастных товарищей — занятие не для меня, поэтому я расправил скафандр, присоединил к нему баллоны с воздухом и батареи и проверил бортовые системы. Они работали превосходно; судя по наружному термометру, обшивка порядком остыла, и я решил выйти наружу — посмотреть, что же с нами приключилось.

К счастью, при падении корабля воздушный шлюз оказался сбоку, точнее, справа, если глядеть в направлении носа. Окажись он внизу, уж не знаю, как бы мне удалось выбраться. И так пришлось повозиться — шлюз в нормальном положении вмещал двух человек в скафандрах, в лежачем же — одного, и то согнутого в три погибели.

Однако механизм замка благополучно сработал, наружный люк открылся, — вот только раздвижную лестницу не удалось выпустить под удобным углом, и пришлось спрыгнуть с шестифутовой высоты.

В общем, когда нога человека впервые ступила на поверхность Марса, это выглядело не слишком величественно. Стоять же на ней было и вовсе неуютно, ибо со всех сторон меня окружал один и тот же вид: мили и мили иссушенного рыжего песка. А еще — оттого, что я был одинок.

Вот он, долгожданный момент! Мы так мечтали, столько говорили о нем; мы не жалели сил ради него и шли на смертельный риск. Да, этот миг настал — и что с того? Конечно, реакция перегруженной психики и все такое, но несравнимо легче было бы мне, если б рядом находилась хоть одна живая душа. Если б мы могли отметить это событие какой-нибудь пустяковой церемонией... Но нет — я стоял один-одинешенек под маленьким чахлым солнцем, под багровыми небесами; я казался себе крошечным хрупким мотыльком посреди голой пустыни, придавившей все мои чувства, кроме уныния.

И не сказать, что все это чересчур отличалось от моих давешних представлений. Напротив, слишком совпадало. Однако теперь я понимал: то было только внешнее сходство, воображение не осмеливалось раскрыть передо мной истинную суть Марса. Он рисовался мне безучастным, нейтральным; я не подозревал, что он таит враждебность... И все-таки не было в нем ничего страшного, кроме самого худшего — самого страха. Бесформенного, беспричинного, безудержного. Того липкого, всепоглощающего ужаса, что тянет из тьмы к детской кроватке черные осьминожки щупальца.

В душе пробуждались давно забытые кошмары детства. Воля и смелость, накопленные с тех лет, пропали без следа. Я снова превратился в беспомощного младенца; со всех сторон меня осаждало непостижимое. Я чуть было не бросился к кораблю, как к матери — за утешением и защитой... Едва удержался — все-таки во мне еще оставались крохи здравомыслия, они предупредили: если сейчас поддашься, то потом с каждым разом будет все хуже. И я остался на месте, взял себя в руки и отогнал страх. Не сразу, нет. Но постепенно в жилах согрелась кровь, и мне полегчало. Я уже мог более-менее сносно соображать.

Я внимательно огляделся по сторонам, но не заметил черной полоски, которая маячила в иллюминаторе, пока «Фигурао» не рухнул, — видимо, я выбрал слишком низкое место для обзора.

Кругом рыжий песок незаметно сливался с краями громадного пурпурного котла, опрокинутого кверху дном. И не было на лике пустыни ничего, кроме корабля и крошечной человеческой фигурки.

Потом я осмотрел корабль. Довольно скоро обнаружилась причина крушения — под тонким поверхностным слоем песка образовалась корка, и ее продавила одна из ног треножника «Фигурао».

«Как теперь поднимать корабль? — спросил я себя. — Может, Рауль что-нибудь придумает?..» — И тотчас спохватился: Рауль больше ничего никогда не придумает.

Я вернулся на борт. Камилло не шевелился — похоже, спал нормальным сном.

Я решил поискать что-нибудь пригодное для рытья, и вскоре мне повезло: кто-то предусмотрительно оснастил экспедицию миниатюрным шанцевым инструментом. Пожалуй, даже слишком миниатюрным, — но это все-таки лучше, чем ничего.

Вытаскивать Рауля наружу было малопривно и вовсе не легко, но кое-как я справился. Потом он лежал на песке, а я копал могилу — тоже работенка не из простых, когда на тебе скафандр. Я было настроился на долгую возню с перерывами, но тут лопата, углубившись дюймов на двенадцать, пробила слой рыхлого песчаника, и моим глазам открылась черная дыра. Можно было предположить, что такие норы тут повсюду и злополучная нога «Фигурао» провалилась в одну из них.

Расширив отверстие, сбросил в него тело бедняги Рауля, а потом как можно аккуратнее прикрыл дыру плиткой спекшегося песка и возвратился на борт.

Выйдя из шлюза, я увидел Камилло: он уже проснулся и сидел на койке, ощупывая меня тревожным взглядом.

— Не люблю марсиан, — заявил он.

Я взглянул на товарища повнимательнее. Лицо его было серьезным и очень недружелюбным.

— Кажется, я тоже от них не в восторге, — сказал я без тени насмешки.

В его глазах настороженность уступила недоумению, но лишь на миг.

— Ну и хитрющий вы народ, марсиане!

Когда мы поели, ему как будто полегчало. Правда, время от времени я ловил косые взгляды. Он ни на секунду не упустил меня из виду и потому нескоро вспомнил, что нас должно быть трое.

— А где Рауль?

Я рассказал о нашей беде, показал рычаг, причинивший смертельную травму, и место, где теперь лежал капитан. Камилло внимательно выслушал, глядя в иллюминатор, и несколько раз кивнул, хотя не каждый кивок выглядел одобрительным.

Трудно было судить, правильно ли он воспринимает мой рассказ, или помраченный рассудок делает собственные выводы. Известие о гибели Рауля не вызвало у него никакой печали — только спокойную задумчивость. Затем Камилло погрузился в глубокомысленное молчание.

Это действовало на нервы, и спустя примерно четверть часа я решил отвлечь товарища и показал на передатчик.

— Его здорово шарахнуло. — Я мог бы этого и не говорить — рация выглядела плачевно. — Как считаешь, получится исправить?

Камилло несколько минут разглядывал передатчик, а после изрек:

— Верно, шарахнуло что надо.

— Ага, — буркнул я, начиная злиться. — Но не в этом дело. Ты можешь его наладить?

Камилло повернул голову и впился взглядом в мои зрачки.

— Ты хочешь связаться с Землей, — заявил он.

— Еще бы мы не хотели связаться с Землей!.. Там ждут немедленного донесения! Им известно время нашей посадки, но и только. Надо срочно сообщить об аварии и гибели Рауля. Наладь передатчик, расскажи им, как мы жили...

Он неторопливо обдумал мою просьбу и с сомнением покачал головой:

— Ну, не знаю. Вы, марсиане, такие коварные...

— Господи Боже! Слушай, ты... — Я прикусил язык: не стоило бередить в нем ослиное упрямство. Лучше говорить спокойно и убедительно.

Камилло терпеливо выслушал, слегка хмурия лоб, будто взвешивал все «за» и «против». Наконец, ни словом не обмолвясь о том, можно ли отремонтировать передатчик, сказал, что вопрос очень даже нешуточный, тут надо хорошенько раскинуть мозгами.

Я пришел в бешенство и наорал бы на него, если б не испугался, что от этого он окончательно свихнется.

Камилло снова улегся на койку — видимо, чтобы «раскинуть мозгами». А я постоял, глаза в иллюминатор, потом спохватился: темнеет уже, хватит бездельничать. Взял фотокамеру с цветной пленкой и занялся первой в истории съемкой марсианского заката.

Зрелище это, надо сказать, не из чарующих. Краснея все гуще, маленькое солнце потихоньку клонится к горизонту, а как только исчезает из виду, пурпур неба мигом уступает черноте. Остается только косматый жгутик облака — интересно, откуда вообще он взялся? — но и он, половив минуту-другую розовые солнечные лучи, исчезает без следа. В другом иллюминаторе, как раз над нижним его краем, появился крошечный яркий диск; было заметно, как он ползет вверх по лоснящейся мгле. Я решил, что это Фобос, и направил на него телескоп. Ничего особенного, вроде нашей Луны, только гор поменьше и кратеры можно по пальцам сосчитать...

И ни на секунду не удавалось забыть о Камилло. Когда бы я ни поворачивался, лицо его было обращено ко мне и взгляд ощупывал меня с бдительным любопытством. Не замечать этого было очень трудно, однако я старался. Я привинтил фотоаппарат к телескопу и нащелкал уйму снимков, хотя спутник все время норовил выползти из кадра. Пока я этим занимался, Камилло снова уснул. Я так вымотался, что рухнул на койку и забылся тяжелым сном.

Когда я проснулся, за иллюминаторами было светло, а Камилло стоял возле одного из них и разглядывал пустыню. Наверное, он услышал, как я шевелюсь, потому что произнес, не поворачиваясь:

— Не нравится мне Марс.

— Мне тоже не нравится, — согласился я, — хоть я и не ожидал ничего другого.

— Забавно, — промолвил он, — мне вчера втемяшилось в голову, что ты марсианин.

— Ты крепко стукнулся башкой, — объяснил я. — Должно быть, все мозги перетряхнуло. А сейчас как, лучше?

— Сейчас? Полный порядок. Мутит немного, и висок болит... Это ж надо было придумать: ты — марсианин! Идиотизм какой-то. Ты ведь на марсианина ни капли не похож.

Я оборвал зевоту на середине.

— Что?! А на кого похож марсианин?

— То-то и оно, — сказал Камилло, не отрываясь от иллюминатора. — Его совсем не просто разглядеть. Только заметишь краешком глаза, а он шаст — и след пропал.

— Ну да? Что-то я вчера ни одного не встретил, когда выходил.

— Ты ведь и не искал, — совершенно обоснованно возразил Камилло.

Я спустил ноги с койки.

— Как насчет завтрака?

Он кивнул, но не отходил от иллюминатора, пока я стряпал.

Не такое уж простое дело — готовка, когда изогнутый борт служит тебе палубой, и вообще, все торчит под прямым углом к подобающему ему положению.

Камилло то и дело мотал головой и недовольно восклицал, будто никак не успевал что-то разглядеть. Меня это раздражало, но я терпел. «Ничего, все будет в норме, — убеждал я себя. — Главное, ты уже не марсианин».

— Садись, поешь, — предложил я, когда завтрак был готов. — Они подождут.

Он без особой охоты покинул свой наблюдательный пост, но на еду накинулся с волчьим аппетитом.

— Ну, так что, можно рацию починить? — спросил я через несколько минут.

— Наверное, — ответил Камилло. — Только будет ли это разумно?

— То есть? — поинтересовался я, сдерживая ярость.

— Ну, видишь ли... — протянул он. — А вдруг они перехватят радиogramму? И узнают, что мы влипли? И отважатся напасть?

— Придется рискнуть. Сейчас самое главное — связаться с Землей, попросить помощи. Потом, мне кажется — только кажется — можно как-нибудь поставить корабль

вертикально. Сила тяжести тут низкая. Я берусь проложить курс и рассчитать время старта, ну и все такое, но как ты думаешь, мы справимся без Рауля? Ведь из нас троих лишь он прошел специальную подготовку и имел опыт пилотирования. У меня — только общие представления, у тебя, надо думать, тоже. Этот корабль не рассчитан на обычные стартовые перегрузки, потому-то и нужен был первый рейс — с Земли на «Примейру». Чтобы убраться отсюда, надо взлетать и разгоняться по особой программе. Такая программа есть, но с учетом большей плотности атмосферы ее необходимо исправить, иначе за просто можно сгореть или расплавить дюзы. Что касается меня, то я совершенно не в курсе насчет процедуры ускорения и факторов риска. Черт побери, если на то пошло, я даже не знаю скорости отрыва от Марса...

— Все это можно рассчитать за две минуты, — перебил меня Камилло.

— Допустим, но есть уйма других мелочей, которые нам никак не рассчитать без данных. Разумеется, можно кое-что взять из бумаг Рауля, и все равно не обойтись без консультаций у спецов.

— Гм-м... — с сомнением протянул Камилло, стрельнул глазами в иллюминатор и снова устремил их на меня. — А ты, часом, не общался с ними, когда выходил?

— Черт бы тебя побрал! — вспыхнул я и тотчас упрекнул себя за неосторожность. — Камилло, честное слово, там никого и ничего нет, один песок. Давай выйдем вместе, сам убедишься.

Он медленно поводил головой из стороны в сторону и улыбнулся с таким видом, будто хотел сказать: «Видали мы ловкачей!»

А мне никак не шло на ум, что бы еще попробовать. Незавидное нас ждет будущее, решил я, если ему не надоест шарахаться от марсианских призраков. Чем скорее они разойдутся по домам, тем лучше.

Видимо, я ошибался. Видимо, надо было ждать и надеяться, что наваждение мало-помалу выветрится. В конце концов, особых причин для беспокойства, кроме неисправной рации, не было. Солнечные аккумуляторы даже на таком расстоянии от светила хватали достаточно энергии, бортовые системы жизнеобеспечения, в том числе регенератор воздуха, работали почти по замкнутому циклу, с

минимальными потерями. Еды достало бы обоим на восемнадцать месяцев. В общем, стоило подождать. Но одно дело — анализировать ситуацию в ретроспективе, и совсем другое — жить в одном тесном отсеке с маленько чокнутым напарником, гадать, вылечится он или вовсе рехнется.

Как бы то ни было, я убедился, что в его воспаленном мозгу починка рации тесно связана с происками коварных марсиан, и счел за лучшее отложить эту тему. Я решил испробовать новый подход и показал Камилло кусок рыхлого песчаника, который прихватил с собой на корабль.

— Что это, по-твоему?

Камилло едва удостоил его взглядом и тотчас посмотрел на меня так, будто я не мог задать вопроса глупее.

— Гематит, феррум два о три. — И добавил назидательно: — Марс — это скопление всевозможных оксидов. Гематит — самый распространенный.

— Тут у меня вот такая мысль, — сказал я. — Среди наших основных задач — предварительный отчет о марсианской геологии...

— Ареологии, — поправил Камилло. — Нельзя говорить «марсианская геология». Это абракадабра.

— Ладно, пусть будет ареология, — уступил я, сочтя его педантичность благим признаком, хоть и не слишком приятным. — Так вот, не мешало бы нам заняться делом. Вон там, на горизонте — темная полоска. Надо бы взглянуть, а вдруг это растительность? Если сумеем вывести платформу, то почему бы не слетать? Заодно и фотосъемку района проведем.

Все это я высказал с оттенком беспечности, но ответа ждал не без волнения, поскольку чувствовал: если не удастся разбудить в нем интерес к геологии, или ареологии, и выманить наружу хоть ненадолго, чтобы он сам убедился в отсутствии гадких марсиан, то о радиосвязи с Землей можно будет и не мечтать.

Камилло медлил с ответом, а я держал очи долу — боялся вновь разбудить в нем подозрения. Я уж было начал подумывать о новой попытке, но тут он спросил:

— Они ведь не достанут нас на высоко летящей платформе, верно?

— Конечно. — Я решил не давать никакой пищи для его фантазий. — Хотя я не видел там никаких марсиан.

— Полминуты назад я чуть не засек одного, но они такие прыткие, дьявол их побери! — пожаловался он.

— От наблюдения сверху им не укрыться. Если они существуют, мы их легко обнаружим.

— Что значит «если существуют»?.. — возмущенно начал Камилло, но осекся — очевидно, под натиском какой-то новой идеи. После некоторых раздумий он сказал совершенно иным тоном: — Похоже, мысль и впрямь стоящая. Давай найдем платформу и попробуем ее вывести.

Столь резкая перемена заставила меня взглянуть на товарища с изумлением. Его лицо уже сияло азартом, и он так энергично кивал, что я приободрился. Неужели это и вправду верный подход? Оставалось лишь надеяться, что Камилло не отбросит эту идею так же внезапно, как загорелся.

Пока он, очевидно, был целиком поглощен ею и достал из шкафчика кипу бумаг.

— Где-то здесь должен быть план размещения груза, — пояснил Камилло. — Впрочем, я почти не сомневаюсь, что платформа — во втором трюме.

Вскоре выяснилось, что фраза «давай найдем и выведем платформу» — наполовину пустой звук. Заниматься этим мне пришлось в одиночку. Надевать скафандр и помогать Камилло отказался наотрез, и я не рискнул уговаривать, — чего доброго, вообще не захочет покидать корабль. Позову его, когда соберу платформу, а там мы сразу поднимемся повыше, и он убедится, что в пустыне нас никто не подстерегает.

С такими мыслями я вскоре вышел из шлюза один и открыл люк второго трюма, где хранилась разобранная реактивная платформа. В свое время из-за вездехода для экспедиции было сломано немало копий. Та модель реактивной платформы, что свыше полувека назад прекрасно зарекомендовала себя на Луне, для нас не годилась. Если на Луне она имела одну шестую земного веса, то на Марсе весила бы вдвое больше, а значит, требовалось нечто полегче и помощнее. Колеса не годились из-за неизвестного рельефа местности. Платформа может скользить над любыми препятствиями, и мой отец решил остановиться на этом варианте. В конце концов он сконструировал удобную

разборную модель, ее переправили на «Примейру», а потом разместили на борту «Фигурао». Таким образом, при старте с Земли нас не обременял вес платформы, а при отлете с Марса ее можно было оставить за ненадобностью.

Монтаж платформы при ее марсианском весе оказался мне как раз по плечу, и даже скафандр не мешал делу спориться. Самое трудное — достать три секции и разложить на песке друг подле друга, а скреплять несложно.

Камилло включил рацию одного из скафандров и время от времени осведомлялся самым что ни на есть идиотским тоном:

— Ну что, никого еще не видел?

Всякий раз я уверял, что не видел, но даже от его молчания веяло скепсисом.

Собрав платформу, я начал водружать на нее столбовидный пульт управления. Поглощенный работой, я начисто забыл об окружающем мире, — только голос Камилло, изредка звуча в шлемофонах, возвращал меня в неподвижную, чуждую реальность. Часа через два с половиной я закончил сборку, осталось только проверить двигатель и установить топливные баки. И тут на меня нахлынула усталость, а вслед за ней вплотную подступили уныние и чувство одиночества.

Для первого дня — достаточно, спохватился я, теперь можно и на борт, в знакомую обстановку, в уют. Пора ужинать.

Я прошел через воздушный шлюз. Камилло сидел на моем выдвижном кресле перед штурманским пультом; слышав шаги, он резко обернулся и встретил меня испуганным взглядом. Когда я снял шлем, он как будто успокоился.

Я взглянул на передатчик — тщетная надежда, Камилло к нему даже не притрагивался.

Он поинтересовался, как дела, кивнул, услышав мой ответ, и сказал:

— Раз уж ты этим занялся, то мог бы выгрузить все канистры, чтобы были под рукой, и вообще, какой смысл держать их на борту? И ящики с едой, и фляги с водой, и...

— Угомонись, — перебил я. — Мы же не на неделю собираемся. Завтра только поднимем платформу, ну, может, слетаем недалеко, глянем, что там за темная полоса.

Купол, конечно, прихватим, и еды на сутки, но на кой дьявол брать лишний вес?

— Завтра? — переспросил Камилло. — А я думал... Ну, до рассвета часов пять всего...

— Пусть так, — кивнул я, — но я сейчас три часа проишачил, не вылезая из скафандра. Торопишься? Можешь меня сменить.

Я не ждал, что он согласится, и он не согласился. Вместо этого он минуту-другую паялся на меня, пока я собирал на стол, а потом снова прилип к иллюминатору, то и дело мотая головой, как болельщик в разгаре яростного поединка теннисистов.

От усталости я был порядком на взводе, и не буду врать, что поведение Камилло меня успокаивало.

— Ты же ни черта не видишь, — не вытерпел я наконец. — Лучше иди пожуй.

Как ни странно, он безропотно подчинился.

— Похоже, ты велел марсианам не попадаться мне на глаза... Но все равно им меня не одурачить.

— А, черт!

Видя, что я едва сдерживаюсь, Камилло заторопился на попятную.

— Ладно, ладно! Должно быть, это они тебе велели не распространяться насчет их. Неважно. Разницы ведь никакой.

Я попытался уловить в этих словах хоть толику смысла, потом выругался про себя и махнул рукой. До конца ужина и еще некоторое время мы соблюдали тактическое перемирие, но когда Камилло в пятый раз подскочил к иллюминатору, чтобы застигнуть марсианина врасплох, мне пришлось задуматься, как бы его отвлечь. Он не отказался от партии в шахматы и, казалось, на время забыл обо всем на свете. Строя великолепную комбинацию, он превзошел самого себя и разгромил меня наголову, и после этого выглядел совершенно нормальным, пока не заявил:

— Вот так-то, брат. Марсиане — народ ушлый, но и вас можно одолеть, если пустить в дело мозги.

Наутро я выбрался из корабля, проверил надежность сборки, достал из трюма две канистры с топливом и поставил на платформу. Камилло, следивший через иллюми-

натор, снова включил радио и предложил выгрузить все припасы. Собственно, я был не против, — все равно придется облегчать корабль, когда мы рискуем поставить его вертикально, — но канистры весили немало, и я не понимал, с какой стати должен надрываться в одиночку. Нет, уж лучше дождусь, когда этот барин соизволит выйти на подмогу!

Я перенес на платформу ящик съестного, две фляги с водой и двухместный купол Флендериса — на кой черт в походе провизия, если шлем скафандра не дает съесть ни крошки? А коли так, надо брать и декомпрессор, чтобы откачивать из купола воздух, и полдюжины портативных баллонов с воздухом для скафандров.

Пока я все это доставал и закреплял на платформе, прошел без малого час. Велев Камилло наблюдать и быть наготове, я ступил на платформу и поочередно проверил нижние дюзы. Все они работали удовлетворительно, и я решился врубить их всем скопом. Платформа затряслась и, вздыбив тучу красноватой пыли, оторвалась от грунта, чуть задирая ближайший ко мне правый угол. В восемнадцати дюймах от поверхности я ее выровнял и, дождавшись устойчивости, поднял на десять футов. Потом дал небольшой крен в каждую сторону.

В общем, платформа мне понравилась — прочнее и устойчивее лунной, хоть и не такая послушная. Она плавно вознесла меня футов на сто, и оттуда я смог как следует разглядеть пустыню. Темная полоса заметно расширилась, к северу и югу стелились однообразнейшие пески, а на восточном горизонте виднелись холмы — точно огрызки коренных зубов дряхлого старца.

Я хотел рассказать об этом Камилло, но его не интересовали особенности ландшафта. Он нетерпеливо спросил:

— Ну, заметил кого-нибудь?

— Нет, — ответил я. — Ни души.

— Я тебе не верю!

— Прекрасно! В таком случае надевай скафандр и выходи. Сам увидишь.

— Ну уж дудки, я не вчера родился! Думаешь, я не знаю, как ты стал Джефом?

— Что за дичь? — опешил я. — Я и есть Джеф.

— Брось, меня на это не купишь. Я тебя раскусил, можешь больше не притворяться.

— Слушай, Камилло...

— Знаю я, что случилось с бедолагой Джефом, когда он вышел наружу. Ты его подстерег, накинулся, забрался в его тело, а самого Джефа вышвырнул. И теперь маскируешься под него!.. Но я-то сразу засек твоих дружков, и теперь все понял. Вы, марсиане, хотите меня выманить наружу и там расправиться со мной, как с Джефом. Да только на этот раз номер не пройдет. Бедолага Джеф ни о чем не подозревал, но я-то вас насквозь вижу!

Я двинулся вниз.

— Камилло, хватит молоть чепуху. Это я, твой старый друг. Мы же пуд соли вместе съели. Неужели тебя так здорово треснуло, что даже друзей не узнаешь? В жизни не слышал такой несусветной белиберды...

— Э, да ты настоящий лицедей! — добродушно перебил Камилло. — Напрасно стараешься. Потому-то я тебя и раскусил, что очень хорошо знаю Джефа.

Я затормозил примерно в футе от поверхности. Платформа снова подняла тучу пыли, но с грунтом соприкоснулась мягко.

— Знаю я вашу задумку, знаю, — продолжал он. — Только и ждете шанса смыться с проклятой планеты. Я, конечно, вас не виню, на вашем месте любое разумное существо мечтало бы убраться с этого песочного шарика. Вот вы и сговорились захватить корабль и улететь на Землю. Да только просчитались, понятно?

— Лейтенант Ботоес! — рявкнул я самым властным тоном, на какой только был способен. — Немедленно надеть скафандр и выйти ко мне!

Камилло расхохотался:

— Думаешь, я уже у тебя в руках, да? Ты повалил корабль, убил Рауля, выдернул Джефа из тела... Теперь на твоём пути — только я, верно? Но до меня тебе не добраться. Я тебе еще покажу!

Чудовищный грохот ударил по барабанным перепонкам. Я сообразил, что Камилло разговаривал со мной, держа шлем в руках, а сейчас бросил его. И тут я заметил, что наружный люк воздушного шлюза закрывается!

При мне был универсальный ключ, но изнутри замок блокировался специальной автоматикой. Я оставил эту затею и подошел к иллюминатору. Он находился слишком высоко, пришлось подпрыгнуть, чтобы мельком заглянуть в

рубку. Однако Камилло опередил меня, закрыв иллюминатор металлической заслонкой.

Я снова бросился к двери шлюза, приладил ключ к замку... Должно быть, внутри сработал датчик, предупредив Камилло, — автоматический запорный механизм вновь вернулся на место.

Я с проклятием выдернул ключ.

— Камилло! — заорал я, надеясь, что мой голос из брошенного шлема достигнет его ушей. — Камилло, ты все совершенно не так понял! Не валяй дурака,пусти меня!

Ответом был только еле слышный глумливый хохоток.

— Камилло!

Но тут вдруг корабль затрясся, и в землю ударили огненные струи, подняв огромную тучу песка и пыли. Вмиг сообразив, что происходит, я бросился наутек. Скафандр — не лучшая одежда для бега, но и в нем у меня получались гигантские, в десятки ярдов, прыжки. Через несколько мгновений меня уже отделяли от корабля ярдов восемьдесят, и тут я оступился.

Распластавшись на земле, я оглянулся. Из-под «Фигурао» все еще летели пыль и песок, и мелкие камешки барабанили по моему шлему. Внезапно нос корабля задержался и приподнялся над грунтом. Пламенем сразу развеяло пыль, и теперь я достаточно ясно видел корабль, чтобы понять замысел Камилло. Три нижние вспомогательные дюзы натужно ревели, поднимая нос «Фигурао». В целом мысль верная, но хватит ли мощности, чтобы поднять его вертикально?

Камилло добавил тяги, и корабль еще немного приподнялся на свободных ногах треножника. Нос уже не смотрел вниз, а чуточку задрался над линией горизонта.

«Сейчас, — решил я, — врубит на полную».

Третья нога судорожными рывками пошла вон из грунта, да только нос никак не желал подниматься выше. Вот когда я сообразил, почему Камилло так настаивал на разгрузке корабля. Освобожденный от платформы, топлива и всего остального, он бы, может, и поднялся... Однако почти весь груз остался в трюмах.

Дюзы ревели и выбрасывали огонь, нос дрожал, зависнув в воздухе, — но больше не происходило ничего. «Может, держит нога?» — предположил я. Было уже ясно,

что расчет на вспомогательные дюзы не оправдался. И в этот миг зажглись основные!

Идиот! Он же спятил! Вообразил, что боковые дюзы вскинут нос к небу, едва он освободит провалившуюся ногу!

Корабль рванулся вперед почти параллельно земле; точно огромное орало, утопленная нога пропахала в песке широченную борозду. Затем «Фигурао» грохнулся оземь всей тяжестью, снова приподнялся на вспомогательных дюзях, и опять заработал основной двигатель!

Клянусь Иовом, это была отличная попытка! Секунду мне казалось, что Камилло добился своего! Злополучная нога едва касалась песка, корабль разгонялся, удаляясь от меня под таким углом, что я не видел почти ничего, кроме облака пыли с огненным вихрем в середине.

Должно быть, он снова клюнул носом... Не знаю. Я видел только, как из пылевой тучи вдруг вырвалась серебряная птица с пламенно-красным хвостом, совершила сальто и упала обратно, а затем опять подпрыгнула, не так высоко, и кувырнулась на этот раз по-другому... И снова... Потом выросла бурая стена пыли, как водяной столб, поднятый разрывом снаряда.

Я вжался в землю и замер. Между мной и кораблем лежали теперь мили три — все равно неприятно, когда ждешь чудовищного взрыва. А я ждал... ждал...

В конце концов я осторожно приподнял голову. Но «Фигурао» так и не увидел, только тучу пыли и в ней — алое пламя.

Я все еще ждал. Ничего не происходило, лишь таяла туча — песок оседал, пыль рассеивалась. Через несколько минут я отважился встать и, почти не отрывая глаз от места катастрофы, вернулся к платформе. Она наполовину зарылась в песок, но осталась невредима.

Я благополучно поднял ее, накренил, чтобы сбросить песок, отогнал на безопасное расстояние и опустил на землю. Дольше часа я прождал, сидя на платформе. Пыль редела, все отчетливей виднелся серебристый корпус корабля и огонь, непрерывно бьющий из дюз.

Вероятно, от первого удара о грунт здорово приглушился основной двигатель, иначе корабль улетел бы намного дальше и пламя было бы намного сильнее. И все-таки я не исключал возможности взрыва. И понятия не имел, на сколько еще хватит топлива при такой подаче. Регули-

ровать его давление после удара Камилло уже никак не мог, даже если и пристегнулся к койке. У него не было ни малейшего шанса спастись. В таких переделках люди не выживают. Даже карданные механизмы коек не выдерживают.

С этими мыслями пришло страшное понимание: взорвется корабль или нет, но я теперь — один!

И почти в тот же миг я ощутил враждебность пустыни, обступившей меня со всех сторон. В душу снова проник кошмар великого одиночества...

Я снял с платформы купол, расстелил на песке, накачал воздухом. Как бы ни был он жалок, но все-таки дарил иллюзию убежища, отгораживал от угрюмого взора пустыни, ненадолго отваживал навязчивых чудищ.

Смеркалось. Вскоре исчезло маленькое красное солнце, засияли созвездия — знакомые, ибо по меркам небесного свода путешествие с Земли на Марс — всего лишь блошинный скачок. Но однажды над человеком зажгутся другие звезды. В это я верю свято, хоть и представляю, как нескоро это произойдет...

Воцарилась ночь. За крошечными оконцами купола все утонуло во мгле, кроме маленькой алой точки в нескольких милях от меня. Это все еще горели основные дюзы «Фигурао».

Я сорвал обертку с сухого пайка. Голода не было, но привычное занятие — еда — сама по себе возвращала силы, и вскоре меня немного отпустило. Я понял, что еще способен бороться...

И вдруг ощутил тишину.

Я снова глянул в окно — ракетные дюзы больше не светились. Ничего не осталось, кроме мглы и звезд. И безмолвие, какого не бывает нигде на Земле. Не просто отсутствие звуков — осязаемая, как сама смерть, тишина. Она заползала в уши, раздирала мозг, а тот пытался отгородиться несуществующей какофонией: далеким боем колоколов, близкими вздохами, тиканьем часов, невесть откуда доносящимся завыванием...

Почему-то вспомнился отрывок из стихотворения — дед любил повторять его вслух:

...Я слышал, как звезду звала
Ее далекая сестра
Полночным писком комара...

И показалось, будто я тоже слышу звездный клич — беззвучный, бессловесный, но — ободряющий...

Господь свидетель: лежа калачиком в убогом куполе, я так нуждался в ободрении... В небесах перекликались звезды, но в пустыне вокруг меня рыскали ночные ужасы. Люди — странные создания. Когда нас много, нам сам черт не брат. Но в одиночестве человек слаб и незащищен. Выуженный из пруда объединенной силы, он задыхается, он корчится в ужасе...

А может, это голоса сирен? Нет. Я верю: это зов судьбы. Он манит не на рифы, а в открытое море. За пределы... Я знаю, мы пойдем на этот зов, мы должны идти... Только не так, как сейчас... Боже! Только не в одиночку...

Над горизонтом встало крошечное солнце, точно рыцарь в сияющих латах, и я едва подавил искушение благоговейно преклонить колени, ведь оно отогнало — пусть не совсем, но довольно далеко, — ужасы, что всю ночь ощупывали меня ледяными пальцами. Меня уже не так страшило беспределье за стеной купола.

Я так и не позавтракал — пожалел времени. Мне не терпелось вернуться под защиту корабля. Дрожащими руками я надел шлем, взгромоздил купол на платформу, поднял ее на несколько футов и на максимальной скорости заскользил над песком к «Фигурао». Две ноги треножника были истерзаны и скручены, третья — оторвана совсем, а вот корпус, как ни удивительно, почти не пострадал. Лежал он неудобно: чтобы добраться до воздушного шлюза, понадобилось смести уйму песка. В этом мне основательно помогли дюзы платформы, но пришлось и руками потрудиться.

Замок, слава Богу, на этот раз не упрямялся. На борту я почти не нашел повреждений, только бедолаге Камилло очень не повезло. Потом я даже немного гордился собой — мне хватило самообладания, чтобы вынести его наружу и похоронить, как Рауля.

Да иначе было и нельзя — если б я не заставил себя сразу, потом ни за что бы не смог... Короче говоря, я кое-как справился и поспешил назад.

А затем наступил провал... большущая дыра в памяти, если верить часам с календарем. Кажется, я пытался отремонтировать передатчик. И еще зачем-то разместил по

всему кораблю лампы, чтобы из каждого иллюминатора падал свет.

Платформа так и лежала снаружи, правда, не совсем на том месте, где я ее оставил. Было вроде еще что-то странное... Не знаю... не могу вспомнить...

Может, кто-нибудь заглянет на огонек?..

Еды у меня вволю, почти на три года... Еды-то вволю, а вот воли...

Тут еще письмо для моей дорогой Изабеллы. Передайте ей, пожалуйста...

Пробежав глазами радиogramму, Джордж Трун придвинул бумагу по столу к заместителю. Артур Догет взял ее, прочел и после некоторых раздумий кивнул.

— Ну что ж, значит, все открылось, — произнес он не без удовлетворения в голосе. — Чего б я не отдал, чтобы заглянуть в сегодняшние бразильские газеты. Апоплексический удар — это, пожалуй, самое мягкое сравнение. Воображаю картинку: двести миллионов бразильерос кипят от злости и требуют от правительства немедленных действий. Что теперь будет, как думаешь?

Трун пожал плечами:

— Нас это все мало касается. Даже миллион миллионов разъяренных бразильерос никак не повлияет на космическую арифметику. Придется им дожидаться нового сближения планет. А пока, надо думать, власти отдадут толпе на растерзание несколько министров и заявят, что уже намыливают веревку для преступников.

— Их счастье, что продержаться надо всего полгода, — заметил Артур. — Даже не представляю, как это они до сих пор ухитрялись хранить тайну. В общем, мы их обставили, и это самое главное. И ничего они теперь с нами не сделают.

— Верно, — кивнул Трун. — Ничего не сделают.

Оба повернули головы, будто сговорились одновременно посмотреть в окно. Там был обыкновенный венерианский день. Куда ни глянь, светящийся белый туман; из-за ветра, дувшего со скоростью двадцать миль в час, постоянно менялась видимость, но почти всегда удавалось разглядеть редкие и высокие заросли «тростника» — они начинались в сорока ярдах от купола. На ветру растения слегка пригибались и покачивались, чем-то напоминая жесткие волосы.

Изредка туман рассеивался настолько, что в двухстах ярдах показывались удивительно гибкие деревья, прозванные кем-то «кончиками перьев». Они клонились в разные стороны, образуя высокие арки. По земле — и рядом с куполом, и в отдалении — стелился ковер бледных сочных усиков, венерианский эквивалент травы. А вообще-то даже самые четкие фрагменты пейзажа не вызвали душевного подъема; лишь кое-где мертвенно-бледная однотонность нарушалась розоватым мазком мясистого стебля или жиденькой прозеленью, да и их вскоре заволакивали жгуты тумана. Водяные капли сбегали по этиолированным стволам, сыпались дождем под внезапными порывами ветра, прокладывали мокрые дорожки на оконных стеклах.

— По мне, так лучше и быть не может, — заметил Артур. — Для чего нас сюда прислали, то мы и сделали — первую успешную посадку. Теперь, как я понимаю, это любому по плечу, добро пожаловать на Венеру!

— Нет, Артур. — Трун медленно покачал головой. — В нас вложили деньги не ради одних рекордов. По контракту, мы ее еще и удержать должны.

— А вдруг твой кузен Джейми пойдет на попятную, когда увидит, на что она похожа?

— Джейми не пойдет на попятную, — убежденно ответил Трун. — Он всегда знает, что делает. Беда в том, что у них со стариком планы, что твой айсберг, — неискушенному оку виден только краешек. Нет, Джейми вполне доволен.

Артур Довет снова глянул в окно и с сомнением покачал головой:

— Думаешь, доволен? Если так, могу себе представить, сколько у него на то причин. Должно быть, куда побольше, чем нам отсюда видится.

— Нисколько не сомневаюсь. Джейми и его старик — настоящие стратеги, фельдмаршалы в штатском. Старик никогда не боялся трудностей, не терял головы, — и Джейми вырос ему под стать.

— Одного я никак не могу взять в толк, — проговорил Артур. — Откуда у твоего кузена, австралийского гражданина, бразильское имя Джейми Гонвейя?

— Ну, это довольно просто. Когда на Марсе погиб мой дед, Джеффри Труно, осталось трое детей: Ана, Джордж и Джеффри, мой отец. Джеффри родился уже «посмертно», во всяком случае после того, как дед высадился на Марсе.

Потом тетя Ана вышла замуж за Энрике Поликарпо Гонвейю — старика Гонвейю, эмигрировала с ним в Австралию и там родила Джейми. Дед Джейми Гонвейи дружил с моим дедом, и когда тот не вернулся с Марса, кто, потвоему, больше всех ратовал за вторую марсианскую экспедицию? Правильно, дедушка Гонвейя. В конце концов он собрал группу сторонников, они вложили половину денег, а вторую выжали из бразильского правительства. В случае успеха экспедиции две тысячи сто первого года он бы претендовал на сущую безделицу: эксклюзивные права на половину биологических находок. Ко всеобщему удивлению, таковые действительно встретились на дне рифтов — так называемых каналов. Гонвейя быстренько выкупил права на вторую половину у другого пайщика и усадил своих экспертов за работу. Лет двадцать они провозились с адаптацией растений, а после старик Гонвейя с двумя сыновьями и дочерью взялись покорять мировые пустыни, чем и по сей день занимаются.

Джоао, старшему сыну, достался север Африки, Беатрис отправилась в Китай, а моему дядюшке Энрике, как я уже говорил, приглянулась Австралия. Брат тети Аны, дядя Джордж, остался в Бразилии, сейчас его сын Хорхе Трунхо — командор Космических Сил. Моего отца посылали в Австралию учиться в школе, потом он вернулся, окончил университет в Сан-Паулу, снова уехал в Австралию, женился там на дочери судовладельца и отправился в Дурбан управлять делами тестя. Там и погиб случайно во Втором Африканском восстании, когда негры вышибали индусов. Меня, совсем еще ребенка, мать увезла домой в Австралию, и там мы сменили фамилию на исконную Трун.

— Понятно. Ты только одно забыл сказать: как в это дело впутался твой кузен Джейми? У него вроде в пустынях дел по горло.

— Не совсем, пока его старик еще сидит на своем стуле. Они же из одного теста слеплены. Джейми пожил в пустыне год с лишним, поразводил цветочки, а там взял да придумал себе занятие для настоящего мужчины. Так что у него теперь другие интересы. Впрочем, разве удивительно, что человек, у которого в жилах смешалась кровь Трунов и Гонвейя, увлекся космосом? Правда, у него нет нашей тяги за пределы — видать, кровь Гонвейя сильнее. Космос ему нужен, чтобы там работать. И чем дольше он глядел в небо, тем больше злился оттого, что никому оно не нужно. Потом

он сумел заинтересовать старика и еще кое-кого. Вот почему мы сегодня здесь.

— И завтра будем здесь, и послезавтра, — подхватил Артур. — Пока не нагрянут браззи, чтобы вышвырнуть нас вместе с его интересами!

Трун небрежно махнул рукой:

— Не бери в голову. Джейми и старик не из тех, кого вышвыривают. По-моему, старик — самый богатый человек в Австралии, и к тому же самый ценный иммигрант в ее истории. Бьюсь об заклад, в нас вложена львиная доля состояния семейства Гонвейя. Можешь мне поверить, эти люди просто так рисковать не станут.

— Надеюсь, ты прав. Сейчас, наверное, браззи на улицах лопаются от злости. Как же, такой удар по самолюбию! Они ведь привыкли ходить задрав нос и твердить: «Космос — провинция Бразилии!»

— Все так, но они бы могли гордиться собой еще больше, если б хоть палец о палец ударили. А посмотри на Гонвейя, как они вкальвают! Сколько пустынных земель спасли! Сотни тысяч квадратных миль! Думаю, мы не зря с ними связались.

— Что ж, надеюсь, ты прав, — повторил Артур. — В противном случае нам не позавидуешь.

Вскоре Артур ушел, оставив командира в одиночестве.

Трун снова перечитал радиogramму и задумался о своем кузене. Каково ему сейчас на Земле?

Его мысли погрузились на три года в прошлое, когда точно в назначенный час над домом завис маленький частный самолет, а потом опустился на траву взлетно-посадочной площадки. Из кабины вышел молодой Джейми Гонвейя. Он казался великаном — как только в самолете помещается? — и щеголял белым костюмом, шелковой голубой рубашкой и белой шляпой.

Не отходя от машины, Джейми поглядел на строгий узор парка, где холеные толсторукие марсианские деревья наподобие гладкокожих кактусов чередовались со столь же ухоженными кустами, и опустил взгляд под ноги, на войлок из тонкой и жесткой, как проволока, травы, сквозь который кое-где — пока еще редко — пробивались широкие вертикальные лезвия.

Джордж, подойдя ближе, догадался, что гостю не совсем по вкусу холодная геометрическая точность планировки, но в целом парк ему нравится.

— Не так уж плохо, — сказал Джейми. — Пять лет?

— Да, — кивнул Джордж. — Пять лет и три месяца. От голого песка.

— А как вода?

— Ничего, сносная.

Джейми кивнул:

— Еще через три года высадишь деревья. Через двадцать лет у тебя будет настоящий ландшафт, климат. Не плохо, хотя можно и получше. Мы только что вывели новую траву, не чета этой. Быстрее растет, сильнее вьется. Я скажу, чтобы тебе прислали семян.

Они пересекли патио и вошли в дом, в большую прохладную комнату.

— Жалко, Доротея в отъезде, — посетовал Джордж. — Решила недельки две отдохнуть в Рио. Тут ей, боюсь, скучновато.

Джейми снова кивнул:

— Знаю. Женщинам это дело быстро надоедает. Возрождать пустыни — скучно до жути, особенно на первых порах. Она бразилофилка?

— Не сказал бы, — ответил Джордж. — Но ты ведь понимаешь... Рио — это огни, музыка, платья. Пуп земли и все такое. Она от этого подзаряжается. Обычно мы там бываем вместе, раза два в год, но иногда Доротея не выдерживает и уезжает одна. Друзей у нее там уйма...

— Да, жалко, что не застал, — вздохнул кузен.

— Она тоже расстроится. Вы так давно не виделись.

— Ладно, нет худа без добра, — сказал Джейми. — Никто не помешает поговорить о деле.

Не дойдя до бара, Джордж повернулся кругом и просительно поднял брови.

— О деле? С каких это пор считается, будто я разбираюсь в делах? Что за дело такое?

— Да так, пустяки, — ответил Джейми. — Самое обычное дело для Трунов. Космос.

Джордж вернулся и осторожно поставил на стол бутылки, бокалы и сифон.

— Космос, — напомнил он кузену, — провинция Бразилии.

А еще — что-то вроде вируса безумия в крови Трунов.

— Сейчас этот вирус у всех у нас под спудом, кроме, разве что, Хорхе Трунхо.

— А что, если выпустить его на волю?

— Вот это уже интересно. Продолжай.

Джейми Гонвейя откинулся на спинку стула.

— Сказать по правде, мне уже порядком осточертела пустая трескотня насчет бразильской провинции. Пора бы с этим поспорить.

— Пустая трескотня?! — воскликнул Джордж.

— Пустая трескотня, — повторил Джейми. — Бразилии слишком легко досталось местечко на вершине мира. Слишком давно она там блаженствует и почему-то возомнила, что это продлится вечно, — мол, такова воля Господа. Она размякла. После Северной войны, в годы жуткой разрухи, она работала, причем серьезно. Она сумела подняться над всеми, и с тех пор никто не бросал ей вызов, не наступал на пятки. Вот Бразилия и сидит на космосе как собака на сене. Помнишь, когда она провозгласила его своей провинцией, были заняты разбитые спутники, три даже отремонтированы, а еще она восстановила старую Английскую Лунную, но с тех пор... Погоди, у меня тут записано... Ничегошеньки не сделала до злосчастной марсианской экспедиции дедушки Трунхо в две тысячи девятью четвертом. И второй марсианской, в две тысячи сто первом, не было бы, если б дедушка Гонвейя и его приятели не нажали на все рычаги. Третью экспедицию, в две тысячи сто пятом, целиком снарядили на общественные пожертвования, ни гроша из госбюджета! И с тех пор на Марс не ступала нога человека. В две тысячи восьмидесятом они посыпали нафталином самый маленький спутник Земли. Второй — в две тысячи сто пятнадцатом, и теперь в исправности только «Примейра». В две тысячи сто одиннадцатом пресса учинила шумиху насчет пренебрежения космосом, и власти скрепя сердце отправили первую венерианскую экспедицию... снаряженную так убого, что до сих пор не совсем ясно, дотянул ли корабль до планеты. Да ты и сам помнишь эту скандальную историю. Десятью годами позже они позволили общественности, наученной горьким опытом, собрать пожертвования на новую экспедицию. Когда и та сгинула без следа, власти умыли руки. И за последующие двадцать лет — ни шага дальше! Они тратят ровно столько, чтобы подпитывать жизнь на «Примейре» и Лунной станции, тем самым удерживая монополию на космос и пугая оттуда всех нас. Ну и как тебе это нравится?

— Не слишком, — согласился Джордж. — А значит?..

— А значит, судьба закономерно накажет их за лодырничество и расхлябанность. Скоро кое-кто перейдет им дорожку.

— Ты имеешь в виду Джейми Гонвейю?

— С неким синдикатом, который ему удалось сколотить. Неофициально, конечно. Разве может себе позволить австралийское правительство что-нибудь знать о таких делах? Поддержка любых идей такого рода — недружественный акт по отношению к бразильской нации. Тем не менее мы испытываем острую нужду в конструкторах и космических верфях, поэтому между нами и кое-какими министерствами возникли довольно тесные связи. Официально это названо весьма старомодным именем «приватизация».

У Джорджа участился пульс, но он постарался ничем не выдать возбуждения.

— Так, так, — сказал он, подражая тону кузена. — Я не ошибусь, если предположу, что в твоих планах отведена роль и для меня?

— Джордж, ты сама пронизательность. Помню тебя еще мальчишкой — даже в ту пору наследственная одержимость космосом была через край. Знаю, Труны эту болезнь не перерастают. Бьюсь об заклад, ты и сейчас слышишь полночный комариный писк?

— Пришлось заткнуть уши, — усмехнулся Джордж, — но не очень-то помогло.

— Надо думать. Ну что ж, если позволишь, я расскажу, чем бы мы могли тебя занять.

Годом позже отправилась в полет «Афродита» с экипажем в десять человек, в том числе с капитаном Джорджем Труном. Принципиально новая конструкция корабля предназначалась для принципиально новой задачи: достижения Венеры в один прыжок, без помощи орбитального спутника или лунной станции. Это позволяло обойтись минимальным весом; запасы еды и прочего были рассчитаны только на путешествие в один конец и несколько недель жизни на Венере. Всем остальным грузам предстояло отправиться вдогонку на ракетах снабжения.

Ракета снабжения (или «челнок», или «ящик») стоила гораздо меньше, чем корабль, управляемый людьми. Она не нуждалась в жилых помещениях, герметизации, снабжении воздухом, очистке воды, а потому могла нести груза в

полтора раза больше, чем «Афродита». Посадка тоже обходилась дешевле: за вхождением в атмосферу на добавочной тяге следовало торможение, при этом возникали перегрузки в несколько раз выше, чем мог бы выдержать человеческий организм. После старта и жесткого наведения на цель она летела по инерции, пока не улавливала по радио зашифрованную команду. Довести ракету снабжения до Венеры было не сложнее, чем до спутника или Луны, и особой мощности двигателей для этого не требовалось. Правда, для мягкой посадки корабль нуждался в дополнительном запасе топлива.

Все это сняло большинство проблем с обеспечением экспедиции. Сложность заключалась в том, что главному кораблю, «Афродите», предстояли нешуточные дела: взлетать с минимальным грузом на борту, в течение полета обеспечивать экипаж всем необходимым для жизни и вдобавок обладать достаточной маневренностью в атмосфере, чтобы садиться в выбранном месте.

Последнее условие требовало серьезных усовершенствований конструкции. Было известно, что обе прежние экспедиции вошли в венерианскую атмосферу. Затем приключилось нечто фатальное, — по убеждению большинства космонавтов, корабли очень плохо слушались управления и не могли своевременно изменить курс, чтобы сесть в безопасном месте. Кроме того, на планете, сплошь окутанной туманом, видимость может быть нулевой до последнего мига.

Много лет назад бытовала уверенность, что Венера целиком, или почти целиком, покрыта водой. Позднее в моду вошла другая гипотеза: непроницаемые облака состоят вовсе не из пара, а из пыли, которая непрерывно вздымается с планетарной поверхности, иссушенной жаркими ветрами. В последующие годы эти полярные точки зрения состязались с переменным успехом, пока ученые не пришли к компромиссу: вероятно, Венера на самом деле покрыта огромным океаном, но все-таки нет доказательств полного отсутствия суши.

К сожалению, радару не под силу отличить горное плато от болотистой низины или даже от плавучего ковра водорослей, если таковые существуют. Инфракрасный сканнер в таких делах куда надежнее, но только на относительно малых высотах. А значит, чрезвычайно важно, чтобы у пилота, обнаружившего под дюнами болото или топкий

берег, была возможность увести корабль и поискать более подходящий участок.

На Земле такой проблемы никогда не возникало — там корабли садились с помощью радио или электронных устройств наведения. Не доставлял хлопот и безводный Марс, где видимость практически всегда была идеальной.

На заключительном этапе путешествия «Афродиты» опасения конструкторов оправдались: не обладай она маневренностью на малых высотах, тут бы ей и конец. Пока она носилась над планетой в поисках места для посадки, ее экипаж пришел к выводу, что суша составляет ничтожный процент от общей поверхности Венеры, да и сушей ее можно назвать с большой натяжкой.

Наконец Трун остановил свой выбор на самом крупном из замеченных островов. Достигая примерно ста пятидесяти миль в длину и ста — в самом широком месте, он кутался в туман и мок под вечным дождем. Но и на нем не оказалось места, где бы корабль мог опуститься без риска. Трудно было понять, что это за однообразная сероватая растительность внизу: низкие кустарники или лепящиеся друг к дружке кроны деревьев, и уж совсем невозможно было разобрать, какая под ними почва.

Шесть попыток посадить корабль не привели к успеху. При двух из них он касался грунта, сразу начинал тонуть, и спастись удавалось лишь благодаря тяге основного двигателя. На седьмой попытке треножник погрузился в жижу всего на два-три дюйма и встретил твердь. Только после этого Трун позволил себе оторваться от пульта и, дрожа от изнеможения, упасть на койку; в тот миг его совершенно не интересовала планета, на которую еще ни разу не ступала нога человека.

Посадка «Афродиты» произошла за две недели до максимального сближения планет. Через неделю экспедиция поймала сигналы «снабженца», взяла управление на себя и повела его по нисходящей спирали. На первом витке, когда транспортник оказался по ту сторону планеты, контакт нарушился часа на два, но потом благополучно восстановился и не пропадал до самой посадки ракеты в миле южнее «Афродиты», в пределах наспех исследованной территории.

Из семи «снабженцев», которые прибыли за две следующие недели, только «номер пять» доставил хлопоты. Перед самой посадкой случилась авария основного двигателя, и

ракета камнем упала с двухсотфутовой высоты. От удара она раскололась, как орех, но груз большей частью удалось спасти.

В первую очередь космонавты вытащили купол из «номера два» — им опротивела теснота «Афродиты», а в куполе хватало места и для жилья, и для работы, он надежно защищал людей и припасы от нескончаемого дождя. Его еще не успели достроить, а от Джейми пришла весточка: «Джордж, они в курсе. Ты засвечен. На подготовку встречи пятьсот восемьдесят четыре дня, может, чуть меньше».

Под словом «они», как верно догадался Трун, могли подразумеваться только высшие эшелоны власти Бразилии, но подтверждать, что «они в курсе», эти господа вовсе не спешили.

Предав огласке тот факт, что чужая экспедиция не только совершила возмутительное вторжение на территорию «бразильской провинции», но и похитила славу первопроходцев Венеры у номинальных хозяев этой планеты, Космическое Ведомство, да что там, все правительство Бразилии выставило бы себя на посмеище. По всей видимости, они решили держать событие в тайне до тех пор, пока не будут подготовлены контрмеры, — а там, глядишь, и вовсе ничего разглашать не потребуется.

Другую заинтересованную сторону тоже устраивало молчание: пока оно длится, никто не полезет к австралийскому правительству с неуклюжими обвинениями, не решится на явные или тайные репрессалии. Обе страны решили извлечь максимум выгоды из отсрочки, которую им предоставили законы движения небесных тел.

Как только на Венере установили и накачали купол, все участники экспедиции принялись лихорадочно составлять карты, фотографировать, собирать пробы воздуха и воды, образцы горных пород, растительности и насекомоподобной живности. Люди трудились от зари до зари, даже не помышляя о стационарных исследованиях и классифицировании материала, — лишь бы поскорее погрузить все подряд на опустевшую «Двойку» и отправить к удаляющейся Земле. Только после старта снабженческой ракеты экспедиция позволила себе передышку, а потом занялась благоустройством купола, насколько это позволяли ее средства.

А в Рио командование Космических Сил столь же лихорадочно снаряжало венерианскую экспедицию, доставало

«из нафталина» специалистов и формировало отряд, способный не только достичь планеты, но и провести, если потребуется, полицейскую операцию.

Когда встал вопрос о подборе командного состава, само собой всплыло имя Хорхе Мануэля Трунхо, командора Космических Сил. И почти никто не осмелился возразить против кандидатуры превосходного специалиста с безупречным послужным списком, выходца из семьи со славными традициями первопроходцев космоса.

Узнав по своим каналам о назначении Хорхе Трунхо, Джейми Гонвейя в Сиднее удовлетворенно хмыкнул. В его сценарии командору Трунхо отводилась не последняя роль.

Между тем спутник «Примейра», приведенный в боевую готовность, засек летящую к Земле «Двойку» и запросил штаб, не следует ли послать ей навстречу управляемую ракету. Наспех собранный в Рио Совет Безопасности разрывался от сомнений, его участники никак не могли знать, что обнаруженный корабль — всего-навсего грузовоз. А вдруг на нем возвращается экспедиция, или хотя бы часть ее? Правда, с Венеры все еще идут радиogramмы (проклятый шифр, никак его не «расколоть»!), но что, если это всего лишь «дымовая завеса», запись, которую шлет в эфир специально оставленный передатчик? Что скажет мировая общественность, когда выяснится, что вместе с ракетой бразильцы разнесли на куски покорителей Венеры? А ведь такого шила в мешке ни за что не утаишь, рано или поздно правда всплывет, и придется терпеть обвинения чуть ли не в преднамеренном убийстве. И жертвы в одночасье станут кумирами всей планеты.

В конце концов «Примейре» велели воздержаться от любых опрометчивых действий, а наземным станциям слежения — засечь ракету, когда она приблизится к Земле, и наблюдать за ней до посадки.

С первой задачей станции справились, но вскоре потеряли «Двойку» где-то над Тихим океаном, и с тех пор ее след простыл. После этого около года обе стороны держали рот на замке и не мотали друг другу нервы.

И вот наконец кролика вытащили из цилиндра. В Рио это вызвало страшный переполох, но и только; даже праведному гневу бразильской нации не под силу ускорить сближение планет. Впрочем, времени и так оставалось немного, и что бы ни сулили министры в своих публичных

выступлениях, было еще неизвестно, уложатся ли Космические Силы в график.

В сиднейском аэропорту Джейми Гонвейя сел на самолет бразильского рейса — чтобы изучать эффект взрыва в его эпицентре. Эта стадия операции отводилась для тщательных наблюдений и оценки ситуации; не исключалось, что в критический момент потребуются небольшое личное вмешательство. Почти все прогнозы сбылись, и было даже удивительно, что тайное не стало явным гораздо раньше.

Джейми ожидал утечки информации, но никак не мог предвидеть, по чьей вине она произойдет. Оставалось лишь надеяться, что к возвращению Джорджа Труна этот случай отойдет в разряд пустяковых.

Год соломенного вдовства — не сахар, и если ему предшествовал год с лишним медленного и малоинтересного возрождения пустыни, то можно ли осуждать женщину за привычку время от времени посещать Рио и разгонять тоску? Однажды Доротея — миссис Трун — попала с друзьями на вечеринку, где веселье оставляло желать лучшего. Она попыталась взбодриться несколькими бокалами охлажденного агуаденте с дольками плодов страстоцвета, хинином и прочими горькими добавками, но отчего-то вместо настроения поднялась волна жалости к себе. И пока Доротея сетовала на долю несчастной отвергнутой жены, ни словом, правда, не обмолвившись о местонахождении мужа, стало очевидно, что он уже давно не живет дома, — достаточно очевидно, чтобы Агостино Таропе, душа компании, наострил ухо.

Агостино был обозревателем в «Диариу ду Сан-Пауло», и продолжительная отлучка члена семейства Трун показала ему весьма странной. Хотя дальнейшее журналистское расследование не извлекло на свет Божий особых сенсаций, оно дало немало косвенных доказательств, которые убедили Агостино, что в такой ситуации не грех рискнуть и восполнить недостаток фактов полетом воображения.

Другие газеты азартно подхватили его версию. Никому не удалось разыскать Джорджа Труна и посоветовать, чтобы он опроверг нелепые слухи. И разразился скандал...

Артур Доget угодил в точку: бразильцы в самом деле попались на улицах от злости. Они собирались в огромные толпы, размахивали флагами «космической провинции Бразилии» и требовали от властей дать отпор австралийской агрессии.

В ответ на официальную ноту правительство Австралии заверило, что не располагает никакими сведениями о венерианской экспедиции, однако не забыло подлить масла в огонь, напомнив, что «Австралия — свободная страна свободных граждан».

Государственные и общественно-политические мужи Бразилии были далеки от единодушия. Сразу возникли фракции: одни — откровенно шовинистического толка — вопили: «Ни пяди космоса врагу!»; другие — умеренные — считали Космическую Программу дорогостоящим, но, увы, необходимым элементом обороны. Были те, кто видел в ней только пустую трату денег. Хватало и недовольных бездейтельностью правительства, откровенно «положившего под сукно» освоение пространства.

Космические Силы тоже ощутимо расслоились. Генералы неистовствовали, когда газеты прохаживались насчет их служебного соответствия и эффективности вверенных им войск. В молодых офицерах и солдатах перспектива «защиты космических рубежей» пробудила боевой задор, который разделяли далеко не все старослужащие: многие из них когда-то мечтали о далеких походах и славных подвигах, а вместо этого всю службу простояли на часах и начисто растеряли иллюзии. В их разговорах частенько сквозила если не крамола, то неприкрытый цинизм: «Слышь, братцы, а на кой черт нам в это лезть? Сами-то чем занимались сто лет? В собаку на сене играли. Ну, вышвырнем их, — что, лучше будет? По мне, так ежели кому-то захотелось там потрудиться, лучше не совать ему палки в колеса, а наоборот, удачи пожелать».

Именно такой точке зрения Джейми Гонвейя уделял самое пристальное внимание...

Между тем выдержка участников венерианской экспедиции подвергалась серьезнейшему испытанию.

Как только они благоустроили купол, смонтировали три реактивные платформы, сфотографировали остров в инфракрасных лучах и составили его карту, большинство осталось не у дел.

Поверхность острова была почти идеально ровной, «срединный хребет» едва превышал сотню футов. Начертить линию побережья не представлялось возможным — океаны Венеры не знали приливов и отливов, и берег являл

собой широкую кайму из непролазных болот, заводей и ковров растительности — поди разберись, где под ними мутная вода, а где — пропитанная влагой почва. Многообразие фауны сводилось к насекомым, нескольким разновидностям ракообразных напоподобие морских пауков (они редко встречались вдали от берега) и двум-трем видам рыб с легкими вместо жабр, — вероятно, даже не рыб, а недоразвитых амфибий. В океане хватало и мелкой, и крупной живности, но прибрежные болота не давали к нему подступиться, а дюзы нависающих над водой платформ вызывали среди обитателей моря такую суматоху, что на улов нельзя было смотреть без слез.

Кое-где в различных частях острова люди решались сойти на землю. Покидать платформы в низинах Трун строго-настрого запретил: даже относительно приподнятые участки рельефа подчас таили угрозу. Всякий раз, когда надо было взять образцы, платформа зависала над растительным покровом, и один из ее пассажиров осторожно испытывал почву длинным шупом. Иногда под несколькими дюймами ила попадалась скала, и можно было без опасений сажать платформу. Гораздо чаще металлический стержень фут за футом погружался в тошнотворную слякоть, в вековое скопище растительной гнили, но так и не встречал дна. Поэтому большинство экземпляров фауны было выловлено с изрядной высоты черпаками на длинных рукоятках.

— В этой распроклятой вонючей клоаке, — сказал как-то Догет, — под этим распроклятым вечным дождем генна огненная покажется санаторием!

О вылетах за пределы острова не могло быть и речи. Исследователи уже знали, сколь мало на Венере суши, а платформы не предназначались для далеких рейдов. Никто не видел смысла испытывать судьбу в незакартированных морях.

Легче всего приходилось четверем биологам. Они не уставали восторгаться, разглядывая в микроскоп свежепрепарированные находки. А их товарищей после разгрузки «челноков» ничто не заставляло и не соблазняло покидать купол, где надежные кондиционеры берегли уютную сухость. Поэтому за них основательно взялась скука. Не зная, как еще ее можно одолеть, они стали помогать биологам и мало-помалу сами освоили эту специальность — по крайней мере на уровне лаборантов.

Глядя на это, Трун не скрывал одобрения.

— Отлично, — сказал он однажды. — Вы меня избавляете от воспитательных лекций на тему «Они тоже ковали победу». Терпеть не могу этого пошлого штампа. Всякий раз, когда его слышу, хочется спросить: «Дружок, ты сам-то хоть в это веришь?» Так что продолжайте в том же духе, ребята. Главное — не раскисать. Тут любые средства хороши, даже водяные жуки. Сближение планет — штука не такая уж частая, за пятьсот восемьдесят четыре дня запросто можно по уши увязнуть в болоте.

— Вообще-то я сомневаюсь, что браззи смогли бы подготовить экспедицию за меньший срок, — сказал Догет. — А если б они пронюхали, что тут творится, то и вовсе не стали бы дергаться.

— Еще как стали бы! Тут дело принципа. Пока мы здесь, кто всерьез воспринимает чепуху насчет бразильской провинции? Вдобавок может оказаться, что Венера не такая уж и бесполезная.

— Гм-м, — с сомнением произнес Артур. — Сказать по правде, меня самого тошнит от этих напыщенных притязаний. Космос — для тех, у кого есть желание изучать его и осваивать.

Трун ухмыльнулся:

— Слова, достойные истинного британца! То же самое англичане когда-то говорили о неосвоенных землях в ответ на столь же напыщенные притязания. В эпоху папской власти над королями Александр Шестой назвал именем церкви весь мир и в безмерной щедрости своей пожаловал Восток португальцам, а Запад испанцам. И что с того? Буквально на следующий год хартию разорвали в клочья, и португальцы предприимчиво объявили своей всю Южную Америку, а шестью годами позже Кабрал открыл для них Бразилию.

— Вот как? И что по этому поводу сказал папа?

— Он был не в том состоянии, когда можно что-нибудь сказать. Этого папу звали Родриго Борджиа, и он выпил кубок отравленного вина, приготовленный, по слухам, для его приятеля. Но я клоню к тому, что привычка заявлять о своих правах на незанятые территории — в крови у португальцев. Васко да Гама «подарил» соотечественникам Индию, но они удержали только Гоа. От Южной Америки у них оставалась только Бразилия, и той бразильцы в конце

концов лишились. А теперь их потомки претендуют на весь космос, хотя держат в своих руках только спутник и Луну. Прежде их глобальные притязания не помешали британцам, голландцам и прочим занять нетронутые земли, и сейчас я не вижу серьезных причин, по которым все должно произойти иначе.

Артур снова хмыкнул:

— Что ж, времена и впрямь изменились. Мы — здесь. Но даже если этот комок грязи стоит того, чтобы за него держаться, я не возьму в толк, как ты себе представляешь устойчивую связь между ним и Землей? Ведь за каждым нашим кораблем будут охотиться управляемые снаряды. Мне бы все-таки хотелось знать реальный план. А то появляется иногда неприятное чувство, будто мы... вроде живцов.

— Насчет живцов ты отчасти прав, — кивнул Трун. — Необходимо как-то сломать тупиковую стену, и наш способ, по-моему, очень даже неплох. Конечно, бразильцы называют нас пиратами, а то и похлеще, хотя кое-кто из них с этим не согласен. Но что остальные народы? У них совершенно иное мнение. Держу пари, почти во всех краях Земли нас считают героями человечества. По двум причинам: во-первых, мы успешно высадились на Венере, и во-вторых, натянули Бразилии нос. Вторая причина — главная. Ведь браззи не просто сели в калошу — они не знают, как из нее выбраться. Сбросить на нас бомбу нельзя — пострадают международные отношения, для всей мировой общественности, да, пожалуй, и для многих своих граждан, Бразилия превратится в большую злую бяку. Тут вообще никакое оружие не годится — сраму не оберешься. Значит, единственный пристойный выход — захватить нас в плен и с позором выпроводить с «бразильской территории», позаботившись о том, чтобы с наших голов не упал ни один волос. Так что надо ждать гостей с сетями и веревками. Однако тут есть один нюанс: мы здесь первыми высадились и можем устроить теплую встречу. Придется, конечно, хорошенько подумать, но, по-моему, шансы у нас неплохие.

— А что потом?

— Пока не знаю. Ну, по крайней мере у нас будут заложники.

— Думаешь, кузен Джейми все предусмотрел?

— Ничуть не сомневаюсь, хотя так далеко в его планы я не заглядывал.

— Что ж, надеюсь, ты в нем не разочаруешься.

— Дорогой мой Артур, в это предприятие вложены огромные деньги, в том числе львиная доля состояния семьи Гонвейя. Кроме того, умнейший человек нашей эпохи, рискующий несравнимо больше нас с тобой, убежден, что Джейми свое дело знает.

— Ладно, будем надеяться, что ты прав. Просто хотелось бы видеть всю картину...

— Не волнуйся, увидим. Я и сам мало знаю, но готов поспорить, что о стратегии Джейми отлично позаботился, ну а тактика, естественно, зависит от нас. По-моему, лучше всего подготовить несколько вариантов операции — на все случаи жизни. А там обстановка подскажет. Выясним, как бразильцы намерены действовать и какое у них снаряжение, и проработаем в деталях самый подходящий план. А после примем дорогих гостей как полагается. Есть у меня одна задумка...

Для полета на Венеру бразильской экспедиции не требовалось стартовать прямо с Земли. Глупо было бы не воспользоваться спутником «Примейра», вместо того чтобы конструировать новые корабли, которым ничем земное притяжение. Бразильцы тоже так рассудили, а потому еще несколько недель после первого известия об успехе экспедиции Труна на «Примейре» царила уютная летаргия, которую нарушали только визиты «снабженцев» и пассажирской ракеты, ежемесячно доставляющей свежую смену obsługi. Потом косяком пошли приказы: открыть давно законсервированные за ненадобностью отсеки, осмотреть, произвести необходимый ремонт, вернуть в жилое состояние. Один за другим начали прибывать «челноки» со стройматериалами, за ними — корабли со специалистами, длинными цилиндрами баллистических ракет нового типа, контейнерами с воздухом, водой, пищей, топливом и тому подобным; системы слежения ловили их электронными арканами и подтягивали к станции.

Затем прибыли детали больших «челноков». Из «Примейры» выбрались инженеры в скафандрах, пронеслись сквозь пустоту на реактивных струях и приступили к сборке.

Несколько месяцев окрестности «Примейры» напоминали громадную свалку: повсюду дрейфовали россыпи металлических деталей и контейнеры самой разной конфигурации и величины. Мало-помалу их подтягивали друг к другу, привинчивали и приваривали, облекая в постижимую форму.

Работа шла круглосуточно, посменно, а в краткие «ночи», когда на станцию наползала земная тень, — при искусственном освещении. И наконец там, где только что царил кажущийся хаос, появились пять огромных новых «челноков». После этого напряженный труд уже не бросался в глаза — инженеры работали в «челноках», наспиговывая их электроникой, налаживая телеуправление основными двигателями и дюзами стабилизации и коррекции, добиваясь от них «беспрекословного» подчинения радиосигналам, на которые целиком возлагалась задача пилотирования.

Тем временем были вскрыты корпуса баллистических ракет, и снова прилегающее к станции пространство заполнилось людьми в скафандрах, которые аккуратно доставляли и грузили на «челноки» всевозможные ящики. Баллистические ракеты стоили дорого, но еще дороже обошлись бы их возвращение на Землю и подготовка к новому рейсу. А потому, как только закончилась разгрузка, каждую из них вместе с зарядом взрывчатки послали на лунные утесы, чтобы обломки не угрожали космической навигации.

Дело спорилось, и кратковременные задержки не помешали на целый месяц опередить график. После этого окрестности станции снова очистились. В радиусе двадцати миль от нее висели, точнее, плыли по орбите пять «челноков», связанные тросами друг с другом и радиолучом — со станцией. А сама станция — сложная машина, мало чем напоминающая первый искусственный спутник Земли — уверенно двигалась по своей вечной траектории, и две маленькие вспомогательные ракеты послушно сопровождали ее и терпеливо ждали своего часа.

«Как я и предсказывал, браззи тоже выбрали “челноки”, — радовал Труну Джейми Гонвейя. — Правда, они улучшили наш метод — иначе бы им, как и тебе, пришлось дожидаться “снабженцев”, а это, во-первых, тактически невыгодно, а во-вторых — потеря времени. Поэтому возникла идея общего управления всеми кораблями — вести

их вместе и вместе же посадить. Вся группа будет пилотироваться как один корабль. Отсюда вывод: ты должен очень многое успеть, прежде чем они развернутся...»

Главный корабль «Санта-Мария» прибыл за две недели до назначенной даты отправления экспедиции и лег в дрейф, зависнув в пустоте не далее чем в миле от «Примейры». Он покинул Землю с пятью членами экипажа на борту; остальные пятнадцать дожидались на станции. С его прилетом возобновилась лихорадочная деятельность: из шлюзов «Примейры» выныривали люди в скафандрах, одни мчались к кораблю налегке, другие толкали контейнеры. Снова начались испытания и проверки, и заняли они, вместе с погрузкой продовольствия и снаряжения, еще неделю.

Наконец завершилась последняя проверка, и «Санта-Мария» отошла от станции на несколько миль. Потом к ней подплыла гроздь «челноков» и распалась на составные части. Каждую подталкивали и подтягивали, пока она не заняла отведенное место.

Как только это было сделано, люди отцепили от «челноков» миниатюрные буксиры, сняли приставные дюзы и возвратились на «Примейру», оставив на каждом «снабженце» бригаду из четырех человек, связанных между собой тросами и вооруженных индивидуальными дюзами для коррекции полета. Примерно в центре равностороннего пятиугольника, образованного «челноками», ждала «Санта-Мария»; с ее борта капитан Хуао Камерелло и его первый помощник командор Хорхе Труно следили за удаляющимися буксирами.

— «Челноки» готовы? — спросил капитан.

Со «снабженцев» пришли утвердительные ответы.

— Отлично, — одобрил капитан. — Начинаем. Точно через десять минут войдем с вами в контакт. Отсчет!..

Люди в скафандрах, цепляясь за корпуса «челноков», продолжали в меру своих сил удерживать их от смещения и вращения.

— Две минуты до наведения, — сказал капитан. — Держитесь подальше от труб и проверьте короткие страховочные тросы. Все нормально? Отлично. Еще минута... Тридцать секунд... десять... Начали!

Старший электроник нажал первую кнопку. Дюзы коррекции «челноков» плюнули огнем. Каждый корабль при-

шел в движение, развернулся и встал параллельно главному кораблю; тотчас, устраняя перебор, засверкали дюзы на противоположном борту. Вскоре все шесть кораблей застыли параллельно друг другу, наведя сопла основных двигателей на яркий полумесяц Земли.

— Первый этап выполнен, — сообщил капитан. — Все в порядке?

Привязанные к «челнокам» люди отозвались один за другим.

— Две минуты до построения... Отсчет пошел!

Напряженно следя за стрелкой часов, старший электроник нажал вторую кнопку и перевел взгляд на маленький экран. Снаружи опять замелькали огоньки; светящиеся фигуры на экране медленно поплыли. Вскоре фигурка под номером четыре поменяла свой цвет с белого на зеленый и застыла на месте.

— Сэр, четвертый номер встал, — доложил офицер.

Капитан бросил взгляд на экран:

— Отлично. Ориентируйтесь на него.

Остальные фигуры изменяли направление полета, замирали, зеленели. Когда остановилась последняя, старший электроник доложил:

— Они в строю, сэр.

Капитан поднял микрофон:

— Спасибо, мальчики, отличная работа. Командор, можете забирать ваших людей. Начинаем предстартовую проверку.

Люди в скафандрах отцепили тросы, оттолкнулись ногами от бортов, зажгли ручные дюзы и помчались сквозь пустоту к спутнику. Возле него они обернулись посмотреть на дело своих рук.

«Санта-Мария» пребывала в относительной неподвижности. Вокруг застыли «челноки» — каждый находился в вершине равностороннего пятиугольника и в двух милях с лишним от главного корабля; с «Санта-Марией» и двумя ближайшими соседями его связывали невидимые лучи. Время от времени тот или иной корабль мигал вспомогательными дюзами, автоматически исправляя малейшее нарушение строя.

Через шесть земных суток личный состав «Примейры» столпился вокруг станционного экрана, чтобы полюбоваться стартом. Напутственные речи были давно произнесены, и теперь все молчали, только динамик отсчитывал секунды

голосом одного из офицеров «Санта-Марии». Потом капитан Камерелло отрывисто скомандовал:

— Поджигай!

Из основных дюз «Санта-Марии» и всех «челноков» вырвались струи пламени; они удлинялись, ширились на глазах... Шесть кораблей двинулись как единое целое. Пламя хлестало все неистовей, и через несколько минут корабли исчезли, зато в черном янтаре космоса ярко загорелось новое созвездие...

— Разумеется, мы будем вести передачу, — терпеливо объяснял Трун, — и разумеется, нас по ней обнаружат. Да мы и не собираемся прятаться. Какой прок, если они сядут у черта на куличках? Ведь потом ни они до нас, ни мы до них не сможем добраться. Нет уж, чем ближе опустятся бразильцы, тем лучше, потому что мы быстрее их найдем. Ты хоть чуть-чуть представляешь, что их тут ждет? Забыл, как мы с одним-единственным кораблем намутились?

— Ну, как раз это я отлично представляю, — сказал Артур. — Насколько я понял их систему, это пятеро слепцов с одним зрячим поводырем — главным кораблем с людьми на борту. Принцип «делай, как я». Об индивидуальном пилотировании каждого «челнока» при спуске не может быть и речи — это же еще пятеро пилотов в рубке, форменный дурдом, да и технических сложностей не оберешься. Значит, как летели пятиугольником, так и опустятся. Разве что немного расширят или сузят строй; это, наверное, им по силам. На главном корабле при посадке забудут обо всем на свете — самим бы уцелеть, и «челноки» сядут как Бог на душу положит. Держу пари, этим ребятам даже во сне не снилось, что их тут ждет. Такие фокусы — для ровнехонькой прерии, а не для этой навозной кучи. Им еще очень повезет, если хоть один «челнок» встанет прямо. Не удивлюсь, если они всем скопом утонут в болоте.

— Все это — не наши проблемы, — резонно указал Трун. — У нас своя забота: надо при посадке оказаться как можно ближе к главному кораблю, и чтобы при этом на голову не уселся «челнок». Знать бы дистанцию... Попробую еще разок связаться с Джейми, вдруг он что-нибудь раскопал...

Но как ни великолепно была разведка Джейми, тут она помочь не смогла. «По всей видимости, — передал он в ответ, — решение увеличить или сократить пятиугольник зависит только от капитана».

Зато его источники давали много достоверной информации о продвижении бразильских кораблей, и поэтому их прибытие не осталось незамеченным. Их засекли радаром на огромной высоте, еще до того как они вошли в облачный покров Венеры. Шестерка тусклых пятнышек двигалась с огромной скоростью — вероятно, облетала планету по сужающейся спирали.

Трун немедленно отправил на Землю весточку о прилете бразильцев.

Корабли зашли на второй виток. Они еще находились на значительной высоте, но скорость заметно сбросили, а вдобавок изменили курс, из чего Трун заключил, что его радиостанция запеленгована.

— Приготовиться, — велел он своим людям. — Похоже, еще круг, и они будут садиться.

Люди осмотрели оружие и боеприпасы в непромокаемых чехлах, уложенные на три реактивные платформы. Потом надели скафандры — лучшую защиту от бесконечного дождя за стенами купола, — и застыли в ожидании со шлемами в руках.

Наконец на экране вновь появился строй кораблей, только теперь он медленно двигался с севера всего в двадцати пяти тысячах футов от поверхности планеты. Затем все шесть кораблей развернулись почти вертикально, хотя равносторонний пятиугольник остался почти идеальным. Теперь они снижались, «опираясь» на пламя основных двигателей. Но экран этого не показывал — на нем только горстка круглых пятнышек неторопливо подбиралась к центру.

Люди в куполе надели шлемы и разошлись по платформам. На месте остался лишь оператор радара. Он поднял микрофон, и во всех шлемофонах зазвучал его голос:

— Главный корабль — к востоко-северо-востоку. Расстояние пять миль. Интервал между главным и вспомогательными — одна миля. Похоже, интервал постоянный.

Платформы отделились от фиксаторов и, чуть кренясь, приподнялись.

— Пока интервал не изменится, о «челноках» не заботься, — сказал Трун оператору. — Все внимание — главному кораблю.

— Хорошо, Джордж. Снижение медленное, осторожное. Примерно тысяча двести в минуту. Высота — восемнадцать тысяч, может, чуть поменьше. Идут ровно, вертикально.

Платформы мчались, едва не сбывая верхушки деревьев, которые росли из склизкой путаницы мертвенно-бледной травы. Вскоре Трун остановил свою платформу и послал две другие на фланги.

Стоя над верхушками «кончиков перьев», лениво качающих ветвями, он включил наружный микрофон скафандра и услышал громовой раскат в вышине. Спускаясь тесным строем, шесть ракетных кораблей ревели почти невыносимо.

Трун отключил микрофон. Несколько минут, показавшихся чуть ли не вечностью, три человека на платформе напряженно вглядывались в облака.

— Восемь тысяч, — доложил оператор радара, а чуть позже добавил: — Пять тысяч.

Рев уже проникал сквозь шлем, его сопровождали удары звуковых волн.

— Одного вижу! — крикнули на другой платформе. Почти в тот же миг сосед схватил Труна за руку и показал вверх.

Там расплывчато сияло алое пятно, чем-то напоминая закатное солнце. Оно прорывалось сквозь туманный небосвод и, казалось, целилось прямо в голову. Трун схватился за рычаг и бросил платформу вперед, подальше от опасного места.

Натиск звуковых волн нарастал, от него уже содрогалась платформа.

Трун разглядел в облаках четыре сияющих пятна: впереди, сзади и два потусклее — по сторонам. Они росли, и платформа закачалась, как на штормовых волнах.

— Около тысячи, — доложил оператор радара.

— Ну и везет же им, чертям! — донесся голос Артура. — Тут кругом твердая земля.

Трун лихорадочно вертел головой, пытаясь уследить за происходящим. Самое ближнее пламя бушевало позади. Он отогнал платформу еще дальше и стал наблюдать за передним кораблем — по всей видимости, главным.

Платформу так трясло и раскачивало, что троим ее пассажирам пришлось вцепиться в скобы. Сияние почти невыносимо резало глаза, и Трун был вынужден приложить

к лицевой пластине шлема растопыренные пальцы свободной руки.

В двух сотнях футах впереди плазменные струи буравили землю, и пар вздымался клубами, сгущаясь в большое облако; уже через секунду ничего нельзя было разглядеть, кроме ослепительного белого нимба вокруг разгорающегося пятна.

Трун быстро огляделся по сторонам: повсюду сиял белый пар. Внезапно рев оборвался, платформа перестала качаться, в клубах пара погасли яркие белые пятна. Наступила мертвая тишина.

— Артур, — спросил Трун. — Ты нашел главный корабль?

— Да, Джордж.

— А ты, Тед?

— Вроде нашел. Выясню, когда пар сойдет. У главного должны быть иллюминаторы, а «челнокам» они ни к чему.

— Хорошо. Пока не убедитесь, не трогайтесь с места, затем найдите шлюз и приблизьтесь к нему на пятьдесят футов.

Он повел платформу вперед. Облако пара над пропитанной влагой землей редело, но разглядеть корабль, затаившийся в самой его середине, все еще не удавалось. Не видно было и «челноков». Одно можно было сказать с уверенностью: главный корабль сел нормально.

Постепенно видимость улучшалась, и довольно скоро глазам Труна открылась верхняя половина ракеты. На ней вполне отчетливо виднелись иллюминаторы — значит, никакой ошибки, перед ним действительно стояла чуть наклоненная «Санта-Мария», а не безымянный «снабженец».

Трун придвинул платформу вплотную к облаку, которое окутывало нижнюю часть корабля. Через некоторое время он убедился, что бразильской экспедиции и впрямь очень повезло. Нога треножника, вызвавшая крен, вроде бы не должна была погрузиться глубже.

Трун опустил платформу на высоту человеческого роста и еще чуть приблизил ее к основным дюзам корабля. Они до сих пор светились от жара, и дождевики, не успевая достигнуть металла, превращались в крошечные облачка. Прямо под дюзами чернело пятно выжженной растительности, и его с шипением отвоевывали водяные струйки.

Трун опять умерил тягу и остановил платформу между двумя ногами треножника, в нескольких дюймах от почвы.

— Приступайте! — скомандовал он.

Его спутники освободили от пристежных ремней длинный прямоугольный ящик в водонепроницаемом чехле и перекантовали через край платформы. Ящик звучно плюхнулся в грязь. Трун ловко устранил резкий крен платформы и, не теряя ни секунды, дал задний ход.

— Артур? Тед? Ну как? Нашли шлюз?

— Это Артур. Да, Джордж. Он смотрит прямехонько на юг.

— Хорошо, держите на мушке. Лечу к вам.

Трун уступил пульт одному из спутников и покрутил верньер на шлеме. Долго искать волну общей связи Космических Сил Эстадос-Унидос-ду-Бразил не пришлось.

— Говорит Трун, говорит Трун, — сказал он на португальском. — Трун вызывает капитана Камерелло.

Пока длилась пауза, его платформа успела занять позицию рядом с платформой Артура. Затем в шлемофонах зазвучал голос:

— Это «Санта-Мария», космический корабль Эстадос-Унидос-ду-Бразил. С вами говорит капитан Хуао Камерелло.

— Бонс диас, капитан, — поздоровался Трун. — Счастлив поздравить вас с удачной посадкой.

— Муито обригадо, сеньор Трун. Разрешите и мне поздравить вас и ваших подчиненных, сумевших выжить в тяжелейших условиях этой крайне непривлекательной на вид планеты. К моему глубокому сожалению, я обязан информировать вас о том, что по решению Конгресса Соединенных Штатов Бразилии вы и ваши спутники с этой минуты находитесь под арестом и обвиняетесь в попрании суверенитета бразильской территории. Надеюсь, вы хорошо понимаете ситуацию и не вынудите нас пойти на крайние меры.

— Сеньор, признаюсь, мы ожидали услышать нечто в этом роде, — произнес Трун. — В свою очередь, я обязан информировать вас о том, что притязания Бразилии на эту территорию лишены правовой основы. Не ваше государство открыло эту планету, и не бразильская нога ступила на нее первой. Следовательно, мы не можем рассматривать ваше заявление всерьез. Вовсе не мы, а вы совершили незаконную посадку. А посему я вправе требовать, чтобы вы и ваши подчиненные признали себя нашими пленниками. В

противном случае я буду вынужден лишить вас возможности сойти с корабля

— Мистер Трун, я не сомневаюсь, что вы осведомлены о численном составе нашей экспедиции. Осмелюсь напомнить, что нас вдвое больше, чем вас. Если, конечно, вы никого не потеряли по вине ужасного местного климата.

— Ваш расчет совершенно верен, капитан Камерелло. Но советую обратить внимание, что не мы, а вы сидите в металлическом капкане. Более того, полезно учесть, что мы держим под прицелом воздушный шлюз. Вдобавок считаю своим долгом отговорить вас от любых попыток взлететь и поискать более гостеприимное место. Видите ли, под вашими дюзами лежит большой ящик тола, и, как только вы врубите двигатели, он обязательно взорвется и причинит кораблю значительные повреждения. А то и вовсе опрокинет, оставив вас без единого шанса на возвращение. Как видите, капитан, положение у вас очень незавидное.

Прошло несколько секунд, затем Камерелло ответил:

— Весьма хитро, мистер Трун. Верю вам на слово. Лишь одно меня утешает: нам не придется торчать под дождем до скончания века.

— Нам тоже не придется, сеньор. Если в ближайшее время я не добьюсь от вас капитуляции, то мы просто-напросто обмотаем корабль проволокой, чтоб нельзя было открыть наружный люк. А потом будем ждать вашего решения в более уютной обстановке. Хоть до скончания века!

Трун заметил, что Артур машет ему рукой с соседней платформы, и вернулся на свою волну.

— Если он уступит, — заговорил Артур, — а я бы не сказал, что у него богатый выбор, — как нам быть? В наручниках, что ли, их держать? Их ведь действительно двое на одного нашего. Думаешь, при таком раскладе можно им поверить на слово?

— Не волнуйся, — ответил Трун. — Наберись терпения и смотри. Сейчас мы сядем, чтобы топливо зря не жечь. Но с люка глаз не спускать! Попробует кто высуниться — пошли пулю.

Чтобы не топить дюзы в грязи, три платформы опустились в тех местах, где слой растительного войлока был потолще. Трун опять настроился на чужую волну, но прошло больше часа, прежде чем он услышал незнакомый голос:

— Алло? Джордж Трун?

Трун отозвался.

— Это Хорхе Трунхо.

— Здравствуйте, кузен, я надеялся вас услышать. Что новенького?

— Смена власти, — ответил Трунхо. — Теперь этим кораблем команду я. Экипаж, за исключением капитана Камерелло и еще четырех, которые сидят под замком, готов выполнять ваше распоряжения.

— Значит, вы поняли, что тянуть со сдачей бессмысленно, — проговорил Трун. — Что ж, очень рад.

Он перечислил свои требования, а когда перенастроил радию, услышал голос Артура:

— Джордж, что происходит? Мне это вовсе не нравится. Слишком легкая победа.

— Не о чем беспокоиться, — уверил его Трун. — В Бразильских Космических Силах полно разочарованных молодых людей. Их годами держали в черном теле, и они понимают, что так будет и впредь, если Бразилия не потеряет монополию на космос. Они давно созрели для перемен. Даже перезрели. В таких ситуациях все зависит от удобного случая. И от организатора, конечно.

Артур немного поразмыслил.

— Ты имеешь в виду, что все было предусмотрено? Ты создал для Трунхо все условия, чтобы он захватил корабль? Ты знал, что он это сделает?

— Да, Артур, это входило в план. Тупиковая ситуация позволила ему устранить нерешительных.

— Понятно. Значит, все это придумал твой гениальный кузен Джейми?

Трун кивнул:

— Во всяком случае, без его содействия тут не обошлось. Я тебе не раз говорил: кузен Джейми свое дело знает.

«Санта-Мария» медленно разворачивалась, в иллюминаторе вот-вот должно было ослепительно вспыхнуть солнце, но Артур Доget опередил его на миг, — он поставил заслонку, щелкнул фиксатором и окинул взглядом голые переборки. Каюта, в которой путешествовали Трун и его товарищи, напоминала танк нефтеналивного судна. Артур

добрался до противоперегрузочной койки, лег, пристегнулся ремнями, которые создавали слабую иллюзию веса, и нахмурил лоб.

— Одного себе никак не могу простить, — вымолвил он через некоторое время. — Надо же было так купиться! Чувствовал же: не к добру такое везение. Знал.. Даже тебе говорил, помнишь? Эх, осел я, осел.

Трун покачал головой:

— А что бы ты мог изменить? Все было просчитано заранее и шло как по маслу, пока мы не вернулись в купол и Хорхе не раскрыл карты. Ни к чему себя упрекать за излишнюю доверчивость. Их двадцать, нас десять. Долго бы мы их продержали в плену? Это был неизбежный риск. Джейми делал ставку на кровь Трунов, верил, что тяга за пределы пересилит верность бразильскому правительству. И просчитался. Или нет? Кто знает. Может, дело тут вовсе не в верности, а просто Хорхе прикинул, что после такой встряски бразильцы займутся наконец космосом, а его пошлют на передний край...

— Ну, медалька за поимку космических пиратов тоже карьере не повредит, — с горечью перебил один из спутников Труна.

— Не повредит, — согласился он. — Только если ты волнуешься насчет суда за пиратство, то могу тебя смело утешить. Суд, конечно, будет, но ведь мы ничьей крови не пролили, так что можем надеяться на оправдательный приговор, в худшем случае на символическое наказание. Мы ведь не кто-нибудь, мы — покорители космоса, первыми ступившие на Венеру. Для бразильцев мы больше не угроза, а значит, вправе рассчитывать на сочувствие. Да и не так-то просто засадить нас в кутузку, не лишившись уважения мировой общественности.

— Что ж, может, ты и прав, — вздохнул Артур. — Ладно. Вот кому и впрямь не мешает поволноваться, так это твоему кузену, гениальному организатору, и кто там еще вкладывал деньги? Мне с самого начала не верилось, что эта вшивая планетка возместит им хоть сотую долю затрат, но коли все так сложилось, браззи деваться некуда, придется ее осваивать. Выходит, перемудрили твои родственнички.

— Возможно, — согласился Трун, — хотя спешить с выводами не стоит. Все-таки мы отправили Джейми одну

ракету с образцами, помнишь? Теперь его люди на два года впереди бразильских ученых, а для биологического концерна Гонвейя это очень даже немалый срок.

— Пускай твой кузен Джейми — чудо-бизнесмен, — упрямылся Артур, — зато по части стратегии он, да и мы все, кузену Хорхе в подметки не годимся! Подумать только у браззи теперь и корабль наш, и купол, и припасы, и все научные материалы! Да и мы сами в придачу! Прямо-таки чудо-перебежчик!

— Ну и что? — произнес кто-то из его товарищей. — Будто мы не знали, что семейство Трунов хлебом не корми, дай перекинуться в картишки с космосом? И ставки у них — ого! Иногда они срывают куш, бывают и в прогаре. Раз на раз не приходится. На этот раз сначала шла масть, а потом блеф взял, да и лопнул. И не о чем тут больше толковать. Сколько тему ни жуй, слаще она не станет. Нам еще лететь и лететь, а от таких разговоров, чего доброго, кидаться начнем друг на дружку. Забыли, идет?

Лететь и в самом деле пришлось еще долго, и ничто не нарушало томительного однообразия путешествия, кроме регулярных визитов двух охранников. Пока один стерег выход, второй вталкивал в отсек закрытые котелки с пищей. И никаких новостей, никаких сообщений о ходе полета, — сиди в четырех стенах, потеряв счет времени, и жди, когда же кончится эта пытка.

И наконец они дождались.

В первый раз с минуты старта скрытый в переборке динамик подал голос — щелкнул, захрипел и дважды приказал на португальском:

— Все незакрепленные предметы закрепить.

Затаив дыхание, члены экипажа «Афродиты» переглянулись между собой. Неужели все?! Через полчаса вновь раздался голос из динамика:

— Все незакрепленные предметы закрепить. Занять койки. Застегнуть ремни безопасности. Торможение через десять минут. Отсчет пошел.

Трун отодвинул заслонку иллюминатора. Корабль медленно разворачивался, в поле зрения входил огромный полумесяц Земли. Он плавно скользил по черному бархату пространства.

Трун закрыл иллюминатор и улегся на койку

— Мы не приземляемся, — сказал он. — Должно быть, останавливаемся у «Примейры».

— Четыре минуты, — объявил динамик.

«Примейра», — подумал Трун. — Старый космический трамплин. Интересно, что бы сказали его строители, увидев, как первую венерианскую экспедицию везут под охраной, точно шайку бандитов?»

Динамик уже считал секунды. Трун приготовился встретить тормозной рывок и натиск тяжести.

Один за другим члены экипажа «Афродиты» покидали борт «Санта-Марии» и улетали на ручных дюзях к «Примейре». Пройдя через воздушный шлюз, каждый снимал скафандр и опускался на скамью под бдительным взглядом охранника.

Сидеть пришлось больше часа, и все это время мимо шагали люди и исчезали в шлюзе. Похоже, народу на станции было видимо-невидимо. Наконец появились капитан Камерелло и его первый помощник Хорхе Трунхо. Под скафандрами у них оказались безупречно чистые парадные мундиры — очевидно, передача пленников командиру спутника должна была происходить в торжественной обстановке.

На Труна это не произвело особого впечатления. Он ловил взгляд кузена. Один раз ему удалось встретиться с холодными, как у истукана, глазами, но после этого Хорхе старался не глядеть в его сторону.

Подошли еще двое вооруженных конвоиров. Первую венерианскую экспедицию отвели в каюту командира спутника и заставили построиться в две шеренги.

И тут случилась непонятная заминка. Минут пять все молча ждали, потом Камерелло шепнул несколько слов Хорхе Трунхо, и тот вышел в коридор — выяснять, в чем дело.

Прошло еще пять минут, затем отворилась дверь, ведущая в соседнюю каюту, и знакомый голос сказал по-английски:

— Господа, прошу прощения, что заставил вас ждать.

В каюту вошел Джейми Гонвейя в скромном гражданском костюме. Он кивнул Труну

— Рад тебя видеть, Джордж. Надеюсь, тебя не слишком утомило путешествие без удобств.

— Как тебе это удалось? — спросил Трун, едва они остались наедине.

— Гораздо проще, чем ты, наверное, думаешь, — улыбнулся Джейми. — Шесть месяцев назад наши люди высадились на двух законсервированных спутниках и готовили их к акции, без которой мы надеялись обойтись. Еще две группы наших тайных агентов проникли сюда и на лунную станцию. На этом главное было сделано, оставалось только ждать подходящего момента. Все бы закончилось гораздо раньше, если б я не ошибся в Хорхе. Возможно, я ему слишком мало рассказал. Если б он яснее видел положение вещей, то вряд ли удержался бы от соблазна играть в нашей команде. Как бы то ни было, он не сорвал нам операцию, а добился только отсрочки. Мы не хотели раскрывать карты до прибытия «Санта-Марии», — боялись, что уйдет, а она нам нужна целой и невредимой.

Главные роли в спектакле играли радисты. Неделю назад тут, на «Примейре», по общей связи прошла наша «липа» — мол, лунный гарнизон восстал, арестовал офицеров и призывает личный состав «Примейры» сделать то же самое. Аналогичный текст прочитал и радист лунной станции. После этого оба радиста на всякий случай вывели передатчики на время из строя, но по общей связи регулярно передавались сочиненные загодя «новости».

Между тем с занятых нами спутников стартовали маленькие ракеты наподобие «челноков». Одна села неподалеку от лунной станции, остальные появились у «Примейры». Как тебе известно, в рядах Космических Сил полным-полно недовольных. Наши агенты взяли их обрабатывать, и это не показалось слишком трудной задачей. Когда мятежники были организованы и готовы действовать, мы дали сигнал к выступлению, и они управились без особых хлопот. Те, кто не пожелал к нам присоединиться, посидят пока на расконсервированном спутнике. Единственным слабым звеном была твоя экспедиция.

«Санта-Мария» уже везла вас сюда, но если б мы выступили с заявлением, она бы повернула. И мы бы потеряли не только ваши драгоценные персоны, но и драгоценный ко-

рабль. Поэтому мы сочли за благо не спешить. Возобновили радиообмен, извинившись, конечно, за неполадки в аппаратуре. Как ни в чем не бывало, слали обычные депеши. Целую неделю прикидывались, пока ждали тебя и «Санта-Марию». Правда, за это время разжились двумя «челноками» с провизией.

Еще примерно час, и все обо всем узнают. Камерелло и твой кузен Хорхе полетят к остальным упрямам, — дожидаться, когда правительство Бразилии придет за ними корабль. Не знаю, когда это случится, все зависит от того, скоро ли до государственных мужей дойдет, что космос больше не провинция Бразилии.

Трун несколько секунд обкатывал новости в голове, а затем сказал:

— Знаешь, Джейми, я даже не подозревал о таком размахе.

— Наверное, Джордж, мне следует извиниться перед тобой. Видишь ли, я счел за лучшее раскрывать план по частям, пока это было возможно. Думаю, я поступил правильно, избавив тебя от лишних раздумий и боязни ошибиться.

— Но теперь операция закончена, и ты готов ошарашить весь мир, провозгласив космос штатом Австралии..

— Штатом Австралии?! — воскликнул Джейми. — Господи Боже! Да ты, никак, вообразил, будто я хочу развязать войну между Бразилией и Австралией? Еще чего не хватало! Космос провозглашает себя независимой территорией, если, конечно, слово «территория» употребимо в таком значении.

Трун глядел на него с изумлением.

— Независимый космос? Джейми, ты смеешься надо мной! Космос... да на каком основании, позволь спросить? Мне такое и в голову... Нет, Джейми, это совершенно невозможно!

Джейми Гонвейя добродушно улыбнулся и покачал головой.

— Напротив, Джордж. Если ты задумаешься над первоначальным *raison d'être** спутников и лунных станций, то, наверное, поймешь: космос как некая целостность сегодня находится в самом выгодном положении, чтобы выдвигать условия. Возможно, когда-нибудь он будет хорош для тор-

* Смысл существования (фр.)

говли, ну а до тех пор, по крайней мере, послужит всемирным полицейским — причем таким, который не даром ест свой хлеб.

Добрую минуту Джордж Трун задумчиво разглядывал пол, а когда поднял голову, с его лица исчезло скептическое выражение. Он молчал, но Джейми Гонвейя, казалось, прочел его мысль.

— Да, Джордж, — сказал он. — С этого дня комариный писк будет раздаваться чуть ближе.

**ВО ВСЕМ ВИНОВАТ
ЛИШАЙНИК**

Прощание получилось великолепным.

Похожие на печальных ангелов хористки в белоснежных одеяниях, с золотыми нитями в волосах, пели так сладостно...

Церемония закончилась, и в переполненной часовне воцарилась напряженная тишина, а в душном, тяжелом воздухе медленными волнами плыл аромат тысяч цветов.

Гроб украшали сложенные в пирамиды венки. По его углам застыл почетный караул в классических одеяниях из пурпурного шелка, расшитого блистающими золотыми шнурами, склоненные головы покрывали золотые сеточки, в руках девушки держали позолоченные пальмовые ветви.

Епископ бесшумно поднялся по низенькой лесенке и подошел к кафедре. Положил перед собой раскрытую книгу, немного помолчал, а потом поднял глаза.

— ...Наша возлюбленная сестра Диана... незавершенная работа, которую ей теперь так и не придется закончить... ирония судьбы — не самые подходящие слова — ведь речь идет о воле нашего Господа... Он дает; Он берет... если Он забирает оливковое дерево, которое дал нам, еще до того, как оно начало плодоносить, значит, мы должны принять Его волю... Сосуд Его вдохновения... Преданность целям... Стойкость... Изменение в самом ходе человеческой истории... Тело Твоего слуги... Диана...

Глаза сотен женщин — мужчин здесь почти не было — обратились к гробу, который начал медленно опускаться. Тщательно уложенные цветы посыпались на ковер. Пошли тихие, торжественные звуки органа, и воздух вновь наполнился печальным пением. А через несколько мгновений гроб окончательно скрылся из глаз. Негромкие всхлипывания, маленькие белые платочки...

Когда Стефани с Ричардом выходили из церкви, толпа оттеснила их в сторону, но, обернувшись, она заметила отца в нескольких ярдах позади. Среди окружавших его женщин он казался выше, чем был на самом деле. Красивое лицо не выдавало никаких чувств — он выглядел усталым, словно происходящее не имело к нему ни малейшего отношения.

Снаружи, у церкви, собралась огромная толпа — те, кому не хватило места внутри. Почти все лица были мокрыми от слез. По обе стороны от двери землю устилали цветы, так что люди, выходящие из церкви, шли словно по пестрому благоухающему ковру. Кто-то в толпе держал длинный шест с большим сгук *ansata**, целиком сделанным из белых лилий, которые придерживала широкая черная шелковая лента.

Стефани и Ричард выбрались из потока устремившихся от церкви людей и остановились. И хотя в глазах девушки стояли слезы, она грустно улыбнулась.

— Бедная, милая Диана, — сказала Стефани. — Ты только представь себе, как бы все это ее позабавило.

Потом она достала платочек, приложила его к глазам и уже совсем другим, деловым тоном заявила:

— Пошли. Нужно найти папу и увести его отсюда.

Похороны, надо сказать, получились просто замечательные.

«Ньюс-Рекорд» писала:

«...Женщины из всех слоев общества, из каждого уголка Британии собрались сегодня, чтобы отдать последний долг мисс Диане Брекли. Вскоре после рассвета к тем, кто всю ночь провел перед воротами кладбища, присоединились многие тысячи скорбящих.

Когда наконец долгое бдение закончилось и появилась медленно движущаяся, утопающая в цветах процессия, люди бросились вперед, но их остановили плотные кордоны полиции, и тогда под колеса траурного кортежа полетели цветы. Он медленно продвигался вперед, по щекам скор-

* Буквально — крест, снабженный ручками. Символ вечности у древних египтян (*лат.*).

блящих женщин текли слезы, над рядами собравшихся пронесли стенания¹.

С похорон Эмили Дэвисон² Лондон не видывал подобных почестей, которые женщины оказывали бы женщине»

А потом, поскольку «Ньюс-Рекорд» всегда беспокоилась о том, чтобы ее читатели понимали написанное для них, были сделаны сноски:

¹ Стенания — плач или горестные стоны.

² Похороны Эмили Уилдинг Дэвисон состоялись 14 июня 1913 года. Дэвисон была представительницей женского движения за равноправие и умерла в результате травм, полученных после того, как она бросилась под копыта королевского скакуна во время дерби 4 июня того же года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Из зала все вынесли. Кто-то украсил стены мрачного вида ветками вечнозеленых растений. Кто-то другой, вероятно, решил, что мишура немного поднимет настроение. Столы у стены, словно длинная, застеленная белой скатертью стойка бара, были уставлены тарелками с бутербродами, разноцветными пирожными, пирожками с сосисками, кувшинами с лимонным и апельсиновым соком, вазами с цветами и кофейниками. Сама же комната напоминала ожившую палитру. Издалека казалось, что целая стая скворцов распевает свои вечерние песни.

В колледже святого Меррина праздновали окончание семестра.

Мисс Бенбоу, преподавательница математики, слушая скучный рассказ Авроры Трегг о непревзойденных умственных способностях ее щенка, не спеша оглядывала комнату, мысленно составляя список тех, с кем обязательно следует поговорить сегодня вечером. В дальнем конце комнаты она заметила Диану Брекли, которая на несколько мгновений осталась одна. Диана, несомненно, была среди тех, кто заслуживал похвалы и самых теплых поздравлений, поэтому, воспользовавшись короткой паузой в восторженном повествовании Авроры, мисс Бенбоу похвалила сообразительного щенка, пожелала ему всего самого наилучшего в будущем и поспешно ретировалась.

Проходя по комнате, она неожиданно взглянула на Диану глазами постороннего человека. Школьница превратилась в прелестную девушку. Возможно, дело в том, как она одета. Простое голубое платье, казалось, ничем не выделяется среди остальных, но если рассмотреть его повнимательнее. Совсем недорогое — мисс Бенбоу знала это совершенно точно — и все же в нем есть стиль. Диана всегда одевалась со вкусом, а еще обладала качеством, благодаря которому вещь стоимостью в три гиней казалась

дорогой. Мисс Бенбоу улыбнулась, отметив, что, пожалуй, этот редкий дар достоин уважения. Неожиданно она подумала, что внешность является одним из талантов Дианы. Впрочем, ее нельзя, собственно, назвать хорошенькой. Хорошенькие девушки прелестны, как цветы в мае, но весной их такое множество! Ни один человек, владеющий чувством языка, не назвал бы Диану хорошенькой...

Восемнадцать — всего восемнадцать — было тогда Диане. Довольно высокая — пять футов и десять дюймов — стройная и хрупкая. Темно-каштановые волосы с легким красноватым оттенком. Линии лба и носа не в чистом виде греческие, но их так и хотелось назвать классическими. Едва заметно подкрашенные губы — все-таки она пришла на вечеринку — выгодно выделяли их обладательницу среди множества пурпурных бутонов. Рот сам по себе ничего не обещал постороннему наблюдателю, однако при случае волшебным образом улыбался, не слишком часто, впрочем. А стоило вам подойти к Диане поближе, как вы окунались в ее чудесные серые глаза, оторваться от которых было почти невозможно. Они смотрели на вас и оценивали, поражая своей спокойной уверенностью. Поскольку обычно мисс Бенбоу обращала внимание на способности девушки, а не на ее внешность, она с некоторым удивлением вдруг поняла, что Диана стала настоящей «красавицей», как было принято говорить во времена молодости ее родителей.

Эта мысль вызвала приятные чувства — в школах вроде колледжа святого Меррина не только ставили своей целью дать ребенку хорошее образование; здесь старались получше подготовить девушек к вступлению во взрослую жизнь — а у красивого, привлекательного человека всегда больше шансов выжить в суровых джунглях современного общества, где ты нередко оказываешься в окружении совершенно невежественных особей.

Всякие болваны предлагают дурацкую работу, вьются, словно бабочки с радужными крыльями из банкнот, стараются завлечь, в воздухе витают самые разные соблазны, клейкая паутина раннего замужества пытается заманить в свои сети, мамы с куриными мозгами неожиданно выскакивают из кустов, а близорукие папы неуверенно бредут по тропе жизни; прямоугольные мерцающие глаза гипнотически горят в темноте, тамтамы выбивают безумный ритм и, перекрывая гвалт, кричат пересмешники: «Какое

это имеет значение, пока она счастлива?.. Какое это имеет значение?.. Какое это имеет?..»

Поэтому вы, естественно, будете испытывать некоторую гордость, наблюдая за теми, коим помогли преодолеть все эти опасности.

Однако мисс Бенбоу была вынуждена напомнить себе, что Диана не особенно нуждалась в подобной помощи. Жизненные бури не слишком ее тревожили. С полнейшим равнодушием наблюдала Диана за различного рода искушениями, словно ей и в голову не приходило, что они могли быть направлены на нее. Девушка вела себя как образованный путешественник, попавший в интересную страну. Возможно, конечная цель еще не совсем понятна, но она, несомненно, находится где-то впереди, а то, что кого-то привлекают остановки в маленьких придорожных городках, вызывает удивление, да и только.

Можно радоваться, что Диана многого добилась, но ставить это себе в заслугу вряд ли будет правильно. Девушка напряженно трудилась и заслужила успех. Единственное, о чем можно пожалеть — впрочем, наверное, это неправильно, учитывая, с какими инертными и равнодушными детьми приходится иметь дело — можно пожалеть, что у нее... ну, уж слишком яркая индивидуальность, что ли?..

К этому моменту мисс Бенбоу добралась до середины зала, и Диана заметила ее приближение.

— Добрый вечер, мисс Бенбоу.

— Добрый вечер, Диана. Я хочу тебя поздравить. Это замечательно, просто замечательно. Конечно, никто из нас и не сомневался — более того, мы были бы ужасно разочарованы, если бы обстоятельства сложились иначе. Однако такой полный успех — я даже боялась надеяться.

— Огромное вам спасибо, мисс Бенбоу. Но дело тут не во мне. Я хотела сказать, что без всех вас я бы не смогла ничего добиться. Ведь вы говорили мне, что нужно делать, не так ли?

— Ну, именно для того мы здесь и находимся, но и мы у тебя в долгу, Диана. Даже в нынешние времена стипендия, которую ты получила, делает нашей школе честь — а результаты, которые ты показала, едва ли не самые лучшие за все годы существования колледжа святого Мерина. Я полагаю, тебе это известно.

— Мисс Фортиндейл была очень довольна.

— Ну, это еще мягко сказано. Она просто в восторге. Как и все мы.

— Благодарю вас, мисс Бенбоу.

— И, конечно, родители тоже восхищены твоими успехами.

— Да, — с некоторым сомнением согласилась Диана. — Папа рад. Ему нравится, что я буду учиться в Кембридже, потому что он сам мечтал об этом. Если бы я не получила стипендию, на это нельзя было и надеяться, мне пришлось бы поступить, — тут она вспомнила, что мисс Бенбоу заканчивала лондонский университет, и в последний момент успела поправиться: — в какой-нибудь «кирпичный университет»*.

— В некоторых «кирпичных» очень даже неплохо учат, — заметила мисс Бенбоу с легким укором.

— О да, конечно. Просто когда ты уже что-то решила, любой другой вариант кажется неудачей. Вы понимаете, что я имею в виду?

Мисс Бенбоу не захотела вступать в дискуссию на эту тему.

— А что думает твоя мама? Она тоже должна тобой гордиться.

Диана посмотрела на мисс Бенбоу своими серыми глазами, которые, казалось, видели дальше и больше, чем глаза большинства других людей.

— Да, — ответила девушка равнодушно, — именно так она к этому и относится.

Мисс Бенбоу слегка приподняла брови.

— Я хотела сказать, что она, наверное, ужасно гордится моими успехами, — пояснила Диана.

— Но все так и есть, — запротестовала мисс Бенбоу.

— Она пытается. Мама и в самом деле вела себя очень мило, — сказала Диана, еще раз взглянув на мисс Бенбоу. — Только я никак не могу взять в толк, почему матери продолжают считать, что быть красивой, чтобы мужчины просто умирали от желания затащить тебя к себе в постель, гораздо важнее и достойнее, и что умной при этом быть совершенно не обязательно? По-моему, правильнее было бы как раз наоборот.

* То есть сложенный из кирпича, а не из камня, как три самых известных английских университета — оксфордский, кембриджский и лондонский.

Мисс Бенбоу заморгала. Разговор с Дианой принимал неприятный оборот. Впрочем, есть ли у нее право пасовать перед трудностями?

— Я думаю, — серьезно проговорила она, — что следует заменить слово «достойнее» на слово «естественнее». Ведь мир «умников» для большинства матерей является таинственной книгой за семью печатями, они чувствуют себя в нем весьма неуверенно; зато большинство женщин, и это вполне понятно, считают, что являются крупными специалистами в другой области, что они прекрасно все понимают и могут оказать бесценную помощь своим дочерям.

Диана задумалась.

— И все же слова «достойно» и «прилично» все равно каким-то образом возникают — хотя я и не очень понимаю почему, — проговорила девушка, слегка нахмурившись.

Мисс Бенбоу чуть покачала головой:

— Тебе не кажется, что ты смешиваешь два совершенно разных понятия: приличия и конформизм? Родители, естественно, хотят, чтобы дети жили по понятным им правилам и законам. — Она поколебалась несколько мгновений, потом заговорила снова: — Тебе никогда не приходило в голову, что, когда дочь домохозяйки решает сделать карьеру, она тем самым подвергает критике жизненные принципы матери? Она словно говорит: «Та жизнь, что была вполне подходящей для тебя, мамочка, совершенно не годится для меня». Знаешь, матерям, как, впрочем, и всем остальным людям, такие идеи не очень-то по душе.

— Я никогда не думала об этой проблеме с такой точки зрения, — задумчиво призналась Диана. — Значит, получается так: в глубине души матери не перестают надеяться, что их дочери, решив сделать карьеру, потерпят неудачу и таким образом предоставят им еще одно доказательство извечной правоты старшего поколения?

— По-моему, это уж слишком прямолинейно, ты со мной не согласна?

— Но... ведь получается именно так, разве нет, мисс Бенбоу?

— Думаю, нам следует переменить тему разговора, Диана. Где ты собираешься провести каникулы?

— В Германии, — ответила Диана. — По правде говоря, гораздо больше я хотела бы побывать во Франции, но Германия гораздо полезнее.

Они еще немного поговорили о каникулах, а потом мисс Бенбоу снова поздравила Диану и пожелала ей успехов в университетской жизни.

— Я ужасно благодарна за все. И так рада, что вы мной довольны, — сказала ей Диана. — Вот что представляется мне ужасно забавным, — задумчиво продолжала она, — мне кажется, любая девушка способна стать желанной кандидаткой в жены, стоит ей только использовать свои мозги по назначению, даже если у нее их не так и много. Поэтому я никак не возьму в толк...

Однако мисс Бенбоу не дала ей снова втянуть себя в дискуссию.

— О, — воскликнула она, — вот и мисс Таплоу! Не сомневаюсь, что она просто сгорает от желания поговорить с тобой. Идите сюда.

Ей очень ловко удалось скользнуть в сторону, и в тот момент, когда мисс Таплоу начала довольно скучным голосом поздравлять Диану, мисс Бенбоу развернулась — и тут же оказалась лицом к лицу с Брендой Уоткинс. Пока она поздравляла Бренду, на пальчике которой красовалось совсем маленькое и совсем новенькое колечко, знаменующее помолвку и являющееся гораздо более значительной ценностью, чем все стипендии во всех университетах мира, она услышала голос Дианы у себя за спиной:

— Ну, быть просто женщиной и больше ничем кажется мне совершенно бессмысленным и бесперспективным занятием, мисс Таплоу. Я хочу сказать, что рассчитывать на повышение по службе тут ведь не приходится, не так ли? Если только ты не станешь содержанкой или чем-нибудь в таком же роде...

— Никак не могу понять, в кого она такая, — удивленно проговорила миссис Брекли.

— Ну, уж не в меня, это точно, — объявил ее муж. — Знаешь, мне иногда даже хотелось, чтобы в нашей семье нашелся кто-нибудь с настоящими мозгами, но насколько я знаю, таких родственников у меня не было. Впрочем, не очень понимаю, какое значение имеет то, откуда в ней это взялось.

— Я не имела в виду ее способности. Отец должен был неплохо соображать, иначе он никогда не добился бы успеха в своем бизнесе. Нет, дело в... ну, наверное, это

можно назвать независимостью... Она постоянно задает самые разнообразные вопросы. Ее интересуют темы, о которых нет никакой необходимости спрашивать.

— При этом она находит на свои вопросы такие забавные ответы — судя по тому, что мне иногда удается от нее услышать, — добавил мистер Брекли.

— Она какая-то беспокойная, — настаивала на своем Мальвина Брекли. — Конечно, молоденькие девушки становятся беспокойными — это совершенно естественно и этому не следует удивляться, — но я хочу сказать, что тут все как-то не так.

— Никаких молодых людей, — проворчал ее муж. — Знаешь, дорогая, не стоит жалеть об отсутствии неприятностей — еще накликаешь беду.

— Но ведь это же было бы только нормально. Такая хорошенькая девушка, как Диана...

— Она могла бы иметь кучу поклонников, если бы захотела. Научилась бы хихикать — а вместо этого говорит парням вещи, от которых те впадают в панику.

— Диана не задавака, Гарольд.

— Конечно, нет, мне это прекрасно известно. Но все находят ее именно такой. Мы живем в районе, где принято считаться с условностями. Существует три типа девиц: «веселые», хохотушки и задаваки, других просто нет. Ужасно противно жить в таком вульгарном районе; вряд ли ты бы хотела, чтобы Диана влюбилась в какого-нибудь местного кретина?

— Нет, естественно, нет. Только...

— Да знаю я! Это было бы гораздо более нормально. Дорогая, когда мы последний раз разговаривали с мисс Паттисон в школе, где учится Диана, она предсказала, что девочку ждет блестящее будущее. Она так и заявила: «блестящее будущее», а это уже само по себе не может быть нормальным. Знаешь, полного счастья не бывает, нельзя получить и то и другое одновременно.

— Мне кажется, гораздо важнее быть счастливой, чем выдающейся.

— Дорогая, не хочешь ли ты сказать, что все те, кого ты называешь нормальными людьми, счастливы? Ну и предположение! Посмотри-ка по сторонам... Нет, надо благодарить судьбу за то, что девочка не втрескалась ни в одного из тех балбесов, что населяют нашу округу. Тут уж о блестящем будущем пришлось бы забыть; впрочем, балбесу тоже не

поздоровилось бы, в этом я не сомневаюсь. Не волнуйся. У нее будет все в порядке. Ей нужно только хорошенько развернуться.

— Ну да, конечно, у моей матери была младшая сестра, тетя Анни, — задумчиво проговорила миссис Брекли. — Она была не совсем обычной особой.

— Да? А что с ней было не так?

— В 1912 году — или в 1913 — ее посадили в тюрьму за то, что она устроила фейерверк на Пиккадилли.

— Господи Боже мой, зачем?

— Она бросила несколько хлопушек под ноги лошадям и устроила такой переполох, что возникла грандиозная пробка — от Бонд-стрит до Свон и Эдгарс, а затем она забралась на крышу автобуса и принялась вопить: «Женщинам право голоса!» и скандалила до тех пор, пока ее оттуда не сняли. Она получила месяц. А семья чувствовала себя по-настоящему опозоренной.

Вскоре после этого тетя Анни швырнула в окно кирпич, когда проходила по Оксфорд-стрит, и ее посадили уже на два месяца. Она не слишком хорошо себя чувствовала, когда ее выпустили на свободу, поскольку в тюрьме объявила голодовку, так что моей бабушке пришлось вывезти ее на природу. Однако тетя Анни умудрилась вернуться в Лондон и швырнуть бутылочку с чернилами в мистера Бельфура, так что ее снова арестовали — в тот раз она чуть не спалила целое крыло тюрьмы Холлоуэй.

— Предприимчивая женщина, эта твоя тетушка. Но я не совсем понимаю...

— Ну, она не была нормальной. Так что Диана могла унаследовать свои странности по моей материнской линии.

— Нет, я не совсем понимаю, что именно могла Диана унаследовать от своей агрессивной тетушки, и, откровенно говоря, моя дорогая, меня абсолютно не волнует, откуда это взялось. Важно одно — она наша дочь. И я считаю, что у нас получился очень неплохой, хотя и несколько неожиданный, результат.

— Кто же спорит, дорогой. У нас есть все основания гордиться ею. Вот только, Гарольд, всегда ли блестящая жизнь оказывается к тому же самой счастливой?

— Понятия не имею. Ты и я знаем — во всяком случае я знаю — что можно быть счастливым, не обладая выдающимися способностями, а как себя чувствует человек одаренный и что ему требуется, чтобы быть счастливым, —

даже не представляю. Однако мне хорошо известно, что это может сделать счастливыми других. Например, меня — и причины тут чисто эгоистические. С тех пор как Диана была еще совсем маленькой девочкой, меня мучила мысль, что я не смогу послать ее учиться в первоклассную школу — о, я знаю, в колледже святого Меррина хорошие учителя, Диана это доказала, но я про другое. Когда твой отец умер, я предполагал, что мы сможем себе позволить дать девочке приличное образование. И отправился к нашим адвокатам. Они ужасно сожалели, что вынуждены ответить мне отказом. Инструкции в завещании сформулированы предельно четко, сказали они. К деньгам нельзя притрагиваться до тех пор, пока Диане не исполнится двадцать пять лет. Более того, под них даже нельзя взять заем на ее образование.

— Ты никогда не говорил мне об этом, Гарольд.

— Я решил сначала все выяснить. Ну а когда оказалось, что деньги нельзя трогать... Знаешь, Мальвина, я считаю, что это самый отвратительный поступок, который твой отец совершил по отношению к нам. То, что он ничего не оставил тебе, — ну, это вполне в его духе. Но завещать нашей дочери сорок тысяч фунтов при условии, что она не сможет ими воспользоваться в первые, самые важные для формирования личности годы, не извлечет из них никакой пользы!.. Так что я очень рад за Диану. Она добилась для себя того, чего не сумел сделать я. И, сама того не зная, утерла старому ублюдку нос.

— Гарольд, дорогой!

— Знаю, милая, знаю. И хотя я стараюсь не думать о твоём так-его-и-так, но когда такое случается... — Гарольд замолчал.

Обвел взглядом маленькую гостиную: совсем неплохо — конечно, мебель следовало бы обновить, но в комнате достаточно уютно. Впрочем, сам маленький домик, стоящий среди множества других в бедном районе... Замкнутая жизнь... Постоянная нехватка денег, повышение жалованья никогда не поспевало за растущими ценами... Множество вещей, о которых Мальвина мечтала, но не могла получить...

— Ты по-прежнему ни о чем не жалеешь?

— Нет, дорогой. Ни о чем.

Он поднял ее на руки и подошел к креслу. Она положила голову ему на плечо.

— Ни о чем, — негромко повторила она. А потом добавила: — Я не стала бы счастливее, если бы получила стипендию

— Дорогая, все люди разные. Так или иначе, я пришел к выводу, что мы отличаемся от других. Многие ли из живущих на нашей улице могут честно сказать, вот как ты сейчас? «Я ни о чем не жалею»?

— Наверное, такие тоже есть.

— Не думаю, что это распространенное явление. И даже если тебе ужасно хочется, чтобы у других людей все обстояло так же, как у тебя, не в твоих силах что-либо изменить. Более того, Диана не слишком на тебя похожа — да и на меня тоже. Один Бог знает, в кого она пошла. Так что нет никакого смысла переживать из-за того, что она не желает вести себя так, как вела бы себя ты на ее месте — если бы тебе удалось вспомнить, что чувствует девушка в восемнадцать лет... Блестящее будущее, говорят они. Единственное, что нам остается, — наблюдать за воплощением в жизнь этого пророчества, ну и всячески поддерживать Диану, конечно.

— Гарольд, значит, она ничего не знает о деньгах?

— Диана, естественно, знает, что дед завещал ей что-то. Но она не стала спрашивать сколько. Так что мне не пришлось лгать. Я просто постарался создать впечатление, что сумма не слишком велика, скажем триста или четыреста фунтов. Так, мне казалось, будет лучше.

— Ты совершенно прав. Я постараюсь не забыть об этом, если она когда-нибудь меня спросит.

После короткого молчания Мальвина поинтересовалась:

— Гарольд, это звучит, наверное, очень глупо, но чем в действительности занимаются химики? Диана объяснила мне, что химики не имеют никакого отношения к фармацевтам, мне это нравится, только я все равно не совсем поняла.

— Да и я тоже, дорогая. Наверное, нам следует еще раз спросить у Дианы. Да. Все поменялось — наступил момент, когда она рассказывает нам.

Оказалось, что родителям Дианы Брекли нет никакой необходимости пытаться понять, чем занимаются химики, поскольку уже во время первого года обучения Диана

решила, что ее гораздо больше привлекает биохимия — Мальвина так и не поняла, что же это такое.

Решение было принято после прослушивания лекции на тему: «Некоторые тенденции эволюционного развития в современном мире», которая состоялась в обществе «Середина Двадцатого Столетия». Название не показалось Диане особенно интересным, для нее так и осталось загадкой, почему она туда отправилась. Это решение определило всю ее будущую жизнь.

Лекцию читал Френсис Саксовер, обладатель множества титулов, занимавший в свое время должность профессора биохимии в Кембридже, а в последние годы считавшийся интеллектуальным ренегатом. Его семья происходила из Стаффордшира, где многие поколения Саксоверов жили, ничем не выделяясь, до тех пор, пока в середине восемнадцатого столетия в семье не появился ген предпринимательства. Этот ген в сочетании с надвигающейся эпохой индустриализации позволил Саксоверам придумать новые способы применения парового двигателя, по-иному организовать производство и, воспользовавшись преимуществами новых навигационных каналов, начать широкую торговлю со всем миром. Так родилось огромное состояние.

Последующие поколения не ударили в грязь лицом. Ничто не могло остановить Саксоверов. Они постоянно шли в ногу с прогрессом и даже начали работать с пластмассами, когда почувствовали, что спрос на посуду сильно возрос. Во второй половине двадцатого столетия семья продолжала процветать.

Однако во Френсисе ген предпринимательства принял иную форму. Он предоставил управлять производством старшим братьям, а сам решил избрать собственный путь и занять некую высокую должность. Так он, во всяком случае, думал.

Тем не менее случилось так, что здоровье Джозефа Саксовера, его отца, ухудшилось. Обнаружив это, старший Саксовер, который всегда реально смотрел на вещи, не стал терять времени зря и передал управление всеми своими делами двум старшим сыновьям. Последние восемь или девять лет жизни он посвятил хобби, которое отнимало у него все время, — Джозеф изобретал самые разнообразные способы нанесения урона ненасытному министерству финансов. Хотя определенные принципы мешали ему добиться столь же головокружительных успехов, как некото-

рым из его конкурентов, деятельность Джозефа Саксовера, тем не менее, привела к тому, что правительству пришлось ввести ряд новых указов, пресекающих кое-какие махинации, — уже после его смерти. В результате отцовских маневров материальное положение Френсиса оказалось куда более прочным, чем он мог предполагать, и это его раззадорило. Вероятно, знаменитый саксоверский ген активизировался, как только почувствовал, что капитал лежит без движения. Целый год беспокойство Френсиса росло, пока наконец он не решился оставить свою должность и ринуться в битву за рынок.

С несколькими надежными помощниками он организовал свой собственный исследовательский центр и был полон решимости доказать, что вопреки общепринятому мнению открытия могут делать не только крупные компании с полувоенными нравами.

«Дарр Девелопментс» — так он назвал свою компанию, дав ей имя поместья, которое купил специально для этих целей, — существовала вот уже шесть лет. Френсису удалось продержаться, по крайней мере, на пять лет дольше, чем предсказывали все его друзья — многообещающее начало. Компания владела несколькими патентами, заинтересовавшими крупных производителей и вызвавшими зависть бывших коллег. Поэтому некоторая толика злобы присутствовала в догадках о причинах возвращения Френсиса в места своей юности: многие говорили, что процесс обучения подрастающего поколения ученых его совершенно не занимает, просто он намерен завербовать для работы в «Дарре» новых толковых работников.

Как ни странно, потом Диана не могла вспомнить никаких подробностей лекции. Френсис заявил, причем представил это утверждение не как предположение, а как общепризнанный факт, что главной фигурой вчерашней жизни был инженер, сегодня ей является физик, а завтра главенствующее место займет биохимик. Услышав это, Диана задала себе только один вопрос: почему ей самой это не приходило в голову раньше? Ее словно посетило откровение — она впервые поняла истинное значение слова «призвание». Тем временем лекция продолжалась — во всяком случае у Дианы сложилось именно такое впечатление, хотя потом ей мало что удалось вспомнить — все слилось в некое единое понятие, ощущение призвания.

Френсису Саксоверу тогда еще не исполнилось и сорока лет. Худощавый мужчина с орлиным носом, довольно высокий — больше шести футов. Темные волосы, немного седины на висках. Не очень густые брови сильно выступают вперед, слегка затеняя глаза, которые из-за этого кажутся глубоко посаженными. Держался он весьма непринужденно, скорее вел диалог, чем читал лекцию, беспрестанно ходил вокруг кафедры, активно жестикулируя загорелыми руками с длинными пальцами.

Главное, что Диана вынесла с этой лекции, — впечатление от личности самого лектора, его энтузиазма и уверенности. И еще... что она наконец нашла единственную достойную цель жизни...

Отсюда и переход на отделение биохимии.

Отсюда напряженная работа.

Отсюда отличное окончание университета.

Наступил момент выбора работы.

Диана хотела пойти в «Дарр Девелопментс». Это не вызвало особого восторга.

— Гм-м. Возможно, учитывая ваши результаты, — вынуждена была признать ее научная руководительница. — Но Саксоверу не просто угодить. Конечно, он столько платит, что может себе позволить выбирать, однако многие говорят, что у него уж слишком часто меняется персонал. Почему бы вам не рассмотреть предложение какой-нибудь крупной фирмы? Шире возможность выбора, стабильность, может быть, не так завлекательно, зато хорошая, надежная работа, а в конечном счете, что может быть важнее.

И все-таки Диана предпочитала «Дарр Девелопментс».

— Я бы хотела попытаться поступить именно туда, — твердо заявила она. — А если ничего не выйдет, я всегда смогу обратиться в большую компанию — насколько мне известно, такие варианты вполне возможны, а вот наоборот — нет.

— Ну что ж, — не стала больше возражать руководительница, и на ее лице появилась улыбка. — По правде говоря, — призналась она, — в вашем возрасте я поступила бы так же. В подобных ситуациях обычно возражают родители.

— Только не в моем случае, — сказала Диана. — Если бы я была мужчиной, они, скорее всего, настаивали бы на крупной компании, но с девушками все обстоит иначе. Их серьезные интересы являются всего лишь легкомысленным

прологом к тому, чтобы начать серьезно относиться к легкой-мысленной жизни, так что считается, что это все не имеет особого значения, понимаете?

— Понимать — слишком определенное слово для подобных рассуждений, но я представляю, что вы имеете в виду, — проговорила наставница. — Хорошо, я сообщу о вас Саксоверу. Там может быть очень интересно. Кстати, вы читали о том, что они вывели вирус, делающий стерильными мужские особи саранчи? Конечно, женские особи в течение нескольких поколений продолжают производить другие женские особи без участия самцов, однако никто не сомневается, что рано или поздно это должно каким-нибудь образом сказаться, иначе секс теряет всякий смысл, не так ли?

— Я надеюсь, ты получишь эту работу, если тебе так хочется, милая, но что такое этот «Дарр»?

— Научно-исследовательский центр. Частная компания, которая принадлежит доктору Саксоверу. Огромный дом конца восемнадцатого века, окруженный парком. Знаешь, из тех поместий, которые слишком велики для того, чтобы кто-нибудь захотел в них жить, но не представляют ни малейшего интереса для государства. Доктор Саксовер купил его почти десять лет назад. Он с семьей занимает одно крыло здания. Все остальное переделано под офисы и лаборатории. Конюшни и дома для слуг превращены в небольшие квартирки для персонала. По всей территории поместья разбросаны маленькие коттеджи. Некоторое время назад доктор Саксовер построил еще несколько лабораторий и новых домов для супружеских пар, ну и тому подобное. Это что-то вроде общины.

— Тебе придется там жить?

— Да, или где-нибудь неподалеку. Мне говорили, что там сейчас многовато народу, но если повезет, я смогу получить одну из квартир. В самом большом здании есть что-то вроде столовой для персонала, ее услугами пользуются все работники, если захотят, конечно, и, естественно, можно уезжать на выходные. Все твердят, что это чудесное место, прямо на природе. Но там требуется работать как следует, нужно интересоваться всем, что происходит в компании. Доктор Саксовер не терпит бездельников.

— Кажется, неплохое место, — сказала миссис Брек-ли. — Дорогая, мы совсем ничего не знаем про такие места, я и твой отец. И никак не можем понять, что они там делают? Что производят?

— Ничего не производят, мамочка. Они разрабатывают идеи, а затем дают возможность другим пользоваться этими идеями.

— Но если это хорошие идеи, почему бы им не взять их себе?

— Работа исследователя заключается в другом. Пони-маешь, «Дарр» — это не фабрика. Все происходит следу-ющим образом... ну, например, доктор Саксоверу пришла в голову идея насчет термитов — знаешь, есть такие белые муравьи, которые поедают дома и много еще чего другого в тропиках...

— Дома, дорогая?

— Ну, то, что сделано из дерева... а потом рушится и все остальное. Так вот, доктор Саксовер и другие ученые из «Дарра» занялись этой проблемой. И выяснили, что термит, откусывая кусочек дерева и глотая его, не в состоянии переварить пищу самостоятельно — внутри его организма живет простейший паразит, который разрушает целлюлоз-ную структуру дерева, после чего термит уже может при-ступать к пищеварению. Итак, ученые исследовали пара-зита и придумали химическое соединение, которое явля-ется для него смертельным. Оно эффективно и абсолютно безопасно для человека. Ученые ввели его термитам, те продолжали питаться деревом, но без помощи паразита не могли его переварить, поэтому просто умирали от голода.

Ученые из «Дарра» назвали это вещество АП-91 и запатентовали его, а доктор Саксовер представил его на рас-смотрение государственных химических предприятий и пред-положил, что в тропиках его будут очень охотно покупать. Был проведен ряд тестов, которые дали прекрасные ре-зультаты, позволившие начать производство. Теперь это вещество продается в тропиках повсюду под торговой мар-кой «Терморб-6», доктор Саксовер получает прибыль с каждой проданной баночки, что приносит не одну тысячу фунтов в год, а ведь это всего один из множества его патентов. Так они и работают.

— Белые муравьи. Какой кошмар! — возмутилась мис-сис Брек-ли. — Лично я не хотела бы работать с белыми муравьями.

— Ну, это лишь один из проектов, мамочка. Они одновременно занимаются целой кучей самых разнообразных проблем.

— Слушай, а народу там много?

— Ну, не знаю сколько, думаю, человек шестьдесят

— И девушки?

— Да, мамочка. С приличиями там все в порядке. Мне говорили, что процент заключенных в «Дарре» браков очень высок. Только вот не знаю, хорошо ли это с твоей точки зрения. Впрочем, можешь не беспокоиться, в мои намерения не входит в ближайшее время присоединиться к большинству.

— Дорогая, обычно это выражение употребляется для того...

— Я знаю, мамочка. Знаю... ой, ты же еще не видела мое новое платье, я купила его для собеседования. Пойдем, покажу

ГЛАВА 2

Диана так никогда и не узнала, что новое платье чуть не стоило ей желаемой работы. Нет, с ним все было в порядке — в полном порядке. Оно было сшито из тонкой шерсти мягкого зеленого цвета, который так шел к ее каштановым волосам, и, как и все, что носила Диана, казалось немного дороже своей настоящей цены. Но, несмотря на то что молодые ученые в отличие от представителей мира искусства, не носят никакой специальной одежды, выделяющей их среди простых смертных, они, тем не менее, имеют тенденцию принадлежать к двум основным типам: те, кто носят не очень хорошо скроенную аккуратно-приличную одежду, и те, кто вообще не считают нужным обращать внимание на такие пустяки. Диана, вне всякого сомнения, не относилась ни к тому, ни к другому типу. Ее внешний вид вызвал у Френсиса Саксовера опасения.

Его вполне удовлетворили характеристики Дианы, ее оценки и рекомендации говорили сами за себя, да и письмо, которое девушка написала руководителю «Дарр Девелопментс», произвело на него благоприятное впечатление. Вполне можно было бы сказать, что все обстоятельства складывались в пользу Дианы, пока она не предстала перед Френ-

сисом Саксовером собственной персоной — вот тогда-то в его сознании и загорелся тревожный сигнал.

Потому что за десять лет управления «Дарр Девелопментс» Френсис Саксовер научился быть даже немного слишком осторожным. Намереваясь стать — и добившись в этом успеха — вдохновителем и разумным руководителем удачного предприятия, Френсис не предполагал, что судьба уготовила ему роль патриарха, возглавляющего некую общину, созданную его собственными стараниями. Так что он рассматривал кандидатов, оценивая их сразу с нескольких сторон. Как раз сейчас патриарх с сомнением поглядывал на симпатичную и со вкусом одетую мисс Брекли.

Она выглядела так, что вполне могла стать причиной возникновения одной из тех ситуаций, которые уже не раз заставляли Френсиса обращаться к жене Кэролайн с предложением заменить слово «Девелопментс» в названии их предприятия на «Лагерь отдыха, или место, где утешаются одинокие сердца».

Сама Диана никак не могла понять, почему после целого ряда благоприятных предзнаменований и весьма многообещающего начала она стала опасаться за исход собеседования. Конечно же, причина колебаний Френсиса Саксовера была бы ей ясна, если бы она смогла хотя бы краешком глаза заглянуть в сознание своего возможного начальника — там проносились воспоминания о нескольких инцидентах, произошедших за десятилетнюю историю мирного существования «Дарра».

Вот, например, волоокая и страстная мисс Трегарвен. Она была способным биологом, но, к сожалению, обладала одним недостатком — главным украшением ее комнаты были крошечные фарфоровые сердечки, которые она, одно за другим, разбивала специальным церемониальным молотком, когда, по ее мнению, обстоятельства складывались благоприятным образом для увеличения счета. Или мисс Блю, похожее на хорошенькую куколку существо, являвшееся юным химическим гением. Ее удивительные глаза излучали ангельскую невинность (что было абсолютным обманом, естественно) и рождали в особях противоположного пола рыцарские замашки сэра Галахада. Охватившее всех, словно эпидемия, желание помогать мисс Блю привело в конце концов к дуэли — химик и биолог, абсолютно ничего не сведущие в этих делах, встретились ранним роси-

стым утром на поляне у опушки леса, в результате чего химик прострелил биологу левую руку. Тот ужасно расстроился от такого поворота событий и, бросив оружие, решил разобраться с химиком при помощи честного кулачного боя. А мисс Блю, которая, одевшись весьма легкомысленно, потихоньку выбралась из теплой постели и отправилась понаблюдать из каких-нибудь кустов за тем, как будут разворачиваться события, подхватила ужасающую простуду. Или вот еще мисс Котч. Она просто виртуозно разбиралась в аминокислотах, зато абсолютно не справлялась со своими собственными проблемами, поскольку обладала чересчур нежным сердечком. Мисс Котч настолько боялась задеть чьи-либо чувства, что каким-то образом умудрилась тайно согласиться выйти замуж сразу за троих молодых людей, являвшихся ее коллегами, а затем, не в состоянии найти выход из безвыходного положения, посчитала, что ей остается только бегство. Она исчезла, оставив у себя за спиной полнейшую эмоциональную неразбериху, впрочем, и в ее рабочих делах царил совершеннейший беспорядок.

Учитывая этот опыт и некоторые похожие инциденты, сомнения Френсиса были вполне понятны и объяснимы. С другой стороны, в пользу Дианы говорило то, что она держалась совершенно спокойно, рассчитывая только на свои собственные силы и не делая ни малейших попыток очаровать Френсиса, чтобы получить работу. Стараясь быть справедливым, Френсис решил, что этот случай требует консультации — а так как именно Кэролайн приходилось время от времени заниматься эмоциональными травмами, являвшимися результатом нарушения размеренного течения жизни «Дарра», он обратился за помощью к ней. Поэтому вместо того, чтобы представить Диану будущим коллегам во время обеда в общей столовой — как Френсис собирался сделать сначала — он решил пригласить девушку на ленч в кругу своей семьи.

Во время ленча его опасения несколько уменьшились. Диана легко и разумно отвечала на вопросы хозяев, поделилась с Полом, которому недавно исполнилось двенадцать лет, своими соображениями по поводу сроков предстоящей успешной экспедиции на Марс; сделала все, что было в ее силах, чтобы вытянуть несколько слов из Стефани, рассматривавшей гостью широко раскрытыми глазами, в которых застыло почти благоговейное восхищение, лишившее девочку дара речи.

Позже он спросил у жены:

— Ну что, рискнем или опять нарвемся на неприятности?

Кэролайн грустно посмотрела на мужа:

— Френсис, дорогой, тебе давно следует перестать рассчитывать на то, что здесь все будет действовать с четкостью машины... пустая трата сил, да и только

— Мне кажется, я уже начинаю это понимать, — признал Френсис. — Тем не менее, когда возникает обычный кризис — это одно, а когда ты сам, собственными руками создаешь все условия для возникновения более серьезных проблем — это совсем другое.

— Ну, если ты считаешь, что, устраивая для желающих работать у нас что-то вроде конкурса красоты наоборот, ты дашь возможность тем, кому не очень везет в жизни, попробовать прыгнуть выше собственной головы и проверить свои силы, тебе следует еще раз хорошенько все обдумать. Мне нравится эта девушка. Она необычна, умна, и мне кажется, у нее есть здравый смысл, а это не одно и то же. Поэтому, если она действительно обладает необходимыми знаниями и способностями, ее следует принять на работу.

Так Диана стала сотрудником «Дарра»

Ее появление вызвало немалый интерес — у кого-то проснулись новые надежды, другие расстроились. Любители молниеносных побед сразу попробовали свои силы, но на них просто не обратили внимания. Тогда за дело принялись более тонкие стратеги, однако и они довольно быстро поняли, что этой крепости им не взять. В результате после тщательной разведки в «Дарре» сложилось определенное мнение о Диане.

— Красивая, но глупенькая, — печально поставил диагноз один из химиков.

— Глупенькая! Побойтесь Бога!.. — возразил биолог — Но даже если вы и правы, с каких пор это считается недостатком? Кстати сказать, она весьма охотно разговаривает — только вот результата никакого

— Именно это я и имел в виду, — терпеливо продолжал химик. — Она глупа совсем не в тех областях, в которых положено быть глупой хорошенькой девушке; такого просто не должно быть, — добавил он для ясности

Жены и незамужние женщины позволили себе немного расслабиться.

— Ледышка! — говорили они друг другу, и в их головах слышалось удовлетворение

Однако некоторые сомнения оставались, поскольку мысль о том, что их мужчины кого-то могут не интересовать, не слишком радовала благородных дам. Тем не менее большинство вполне удовлетворила подобная классификация, за одним исключением: уж слишком хорошо Диана одевалась — дамы никак не могли взять в толк, зачем тратить на это столько сил, если не стремишься получить хоть что-нибудь в награду...

Когда Елена Дэйли, жена Остина Дэйли, биохимика, который фактически был заместителем Саксовера, в одном из разговоров с мужем обмолвилась об этом, он высказал иную точку зрения.

— Всякий раз, когда в коллектив попадает новый человек, начинаются разговоры. Ползут слухи. Я не понимаю почему, — пожаловался он. — Юные существа появляются среди нас, считая себя замечательными во всех отношениях, уверенные, что мир вращается вокруг них — как это считали их родители, бабушки и дедушки, — а потом они сталкиваются с теми же проблемами и с тем же упрямством повторяют ошибки, которые в свое время совершали их родители. Здесь нет ничего интересного: каждый из нас относится к одному из четырех, максимум пяти типов; единственное, что можно ожидать нового, — попытаться прожить свою молодость еще раз — но тут на страже стоит Бог.

— Мне очень нравилось быть молодой, — сказала его жена.

— Тебе раньше нравилось быть молодой — и мне тоже, — уточнил Остин. — А сейчас — нет уж, спасибо, больше не надо.

— Но мне и правда нравилось! Бесконечные волнения, прелестные платья, вечеринки, прогулки при луне, предчувствие нового романа...

— Как чудесное лето нашего детства? Когда забылись все разочарования, ненависть соперников, горечь поражений, ощущение одиночества, жестокость равнодушного мира, сомнения и муки, слезы в подушку?. Даже воспоминания о юности не вызывают у меня радости. Золотые мальчики и девочки жили лишь в золотом веке.

— Только не надо прикидываться циником передо мной, Остин.

— Любовь моя, я совсем не циник. Но и мечтателем, который сожалеет об утраченной молодости, меня не назовешь. Поэтому я сочувствую юношам и девушкам, которым предстоит болезненное расставание с иллюзиями и взросление. Однако я продолжаю считать, что наблюдать за этим процессом со стороны — довольно скучное занятие.

— Ну хорошо, а к какому типу относится наша новая сотрудница?

— Молодая Диана? Еще слишком рано об этом судить. Она, как это принято говорить, поздний фрукт. В настоящий момент бедняжка страдает от детского увлечения Френсисом.

— О, брось...

— Тут не может быть никаких «брось». Возможно, он и не является для тебя идеалом, но Френсис отлично соответствует подобному образу. Я это и раньше замечал. И не сомневаюсь, что история еще не раз повторится. Он сам, конечно, ничего не видит; Френсис никогда не отличался особой наблюдательностью в подобных вопросах. Тем не менее Диана очень необычная молодая женщина, и я не могу себе представить, какой она станет, когда повзрослеет.

Был Остин Дэйли прав или нет, но в первые несколько недель в «Дарре» в поведении Дианы не произошло никаких изменений. Она продолжала вести себя дружелюбно, однако совершенно независимо. Ее отношения с коллегами-мужчинами носили или товарищеский характер, или постепенно приняли несколько холодноватый оттенок, что достаточно быстро привело к тому, что Диана подружилась с рядом молодых женщин. Таким образом почти с самого начала она заняла необычное положение. То, что она уделяла своему внешнему виду столько времени, было воспринято, как причуда, как нечто искусственное, вроде увлечения декоративными цветами или акварельными пейзажами — Диана занималась этим ради собственного удовольствия. Вскоре выяснилось, что она охотно рассказывает о своем увлечении и даже готова помочь овладеть некоторыми тайнами. Несколько необычное, хоть и дорогое, хобби — впрочем, оно никому не доставляло неприятностей, ведь Диана занималась этим, не выходя из дома. Считалось, что все свои деньги Диана тратит на одежду.

— Странная девушка, — заметила Кэролайн Саксвер. — Способности Дианы предполагают образ жизни, не соответствующий некоторым ее вкусам. В настоящий момент она, как мне кажется, похожа на спокойное море — полный штиль — и не слишком стремится выйти из этого состояния. Но наступит момент, когда она проснется — и это будет весьма неожиданно.

— Ты хочешь сказать, что последует очередной эмоциональный взрыв, и мы потеряем еще одного хорошего работника? — мрачно проговорил Френсис. — Я начинаю превращаться в реакционера и сомневаться в том, можно ли разрешать хорошеньким девушкам получать первоклассное высшее образование. Наша экономика тратит на это слишком много денег — и все зря. Правда, боюсь, что даже если исключить из всех высших учебных заведений всех красоток, гарантий это не даст никаких. Тем не менее я надеюсь, что придет день, когда у нас будут работать девушки, чье стремление добиться научных результатов будет сильнее стадного чувства.

— Может быть, ты имеешь в виду секс, а не стадный инстинкт? — предположила Кэролайн.

— Да? Не знаю. Разве тут есть какая-нибудь разница, когда речь идет о молодых женщинах? — проворчал Френсис. — Ладно, будем рассчитывать на то, что она продержится хотя бы пару месяцев.

Миссис Брекли, в разговоре с мужем, высказала противоположную точку зрения.

— Кажется, Диана вполне довольна местом своей работы, — заметила она после того, как дочь навестила их. — Жаль только, что она там долго не продержится. Такая девушка, как Диана — нет, ни в коем случае!

Подобного рода заявления не нуждались в комментариях, поэтому мистер Брекли промолчал.

— Похоже, она восхищается этим доктором Саксвером, — добавила его жена.

— Как и многие другие люди, — ответил мистер Брекли. — Среди ученых он пользуется уважением. Когда я рассказал своим знакомым, что Диана у него работает, они ей даже немного позавидовали. По-видимому, попасть в «Дарр Девелопментс» не так-то просто.

— Он женат, двое детей. Мальчику двенадцать, а девочке почти десять, — сообщила миссис Брекли.

— Ну, тогда все в порядке. Или ты хочешь сказать, что в этом и заключается проблема?

— Какие глупости, Гарольд! Он почти в два раза старше ее.

— Ладно, — мирно согласился он. — Тогда о чем же мы говорим?

— На данный момент все в порядке, но из ее слов следует, что это совсем не подходящее место для такой привлекательной девушки, как Диана. Не может же она похоронить себя там навечно! Ей необходимо подумать о будущем.

На это мистеру Брекли опять нечего было сказать. Он пытался понять, решила ли Диана, стремившаяся найти общий язык с матерью, и в самом деле обмануть ее, или убежденность Мальвины Брекли в том, что всякая дочь должна быть выдана замуж, причем как можно быстрее, является полной и окончательной.

Тем временем Диана устраивалась в «Дарре» Френсис Саксовер убедился в том, что получил хорошего работника; более того, он с облегчением заметил, что в ней нет никаких проявлений стадного инстинкта, за которыми всегда следует миграция. Отношения с коллегами сложились у Дианы в основном ровные, хотя и несколько отстраненные. Она изредка позволяла себе выпустить стрелу, которая заставляла иных вздрагивать и бросать на нее внимательные взгляды. Однако после того как Диана отразила все наскоки завзятых сердцедедов и повела себя достаточно разумно, на нее перестали обращать внимание, как не обращают внимания на красивую, но в общем ничем не примечательную деталь ландшафта.

— Среди нас, но не с нами, — заметил Остин Дэйли, когда подошли к концу два месяца пребывания Дианы в «Дарре». — В этой девушке есть нечто неуловимое. У нее странная манера улыбаться совсем не в те моменты, когда следует. Рано или поздно она обязательно преподнесет нам какой-нибудь сюрприз.

ГЛАВА 3

Однажды утром дверь комнаты, в которой работала Диана, резко распахнулась. Она оторвалась от микроскопа и увидела, что в дверях с блюдцем в руках стоит расстроенный Френсис Саксовер

— Мисс Брекли, — сказал он, — мне сказали, что вы добровольно взяли на себя обязанность следить за тем, чтобы Фелиция могла ночью перекусить. Если в этом действительно есть необходимость — в чем лично я сильно сомневаюсь, поскольку она даже не притронулась к вашему дару, — не будете ли вы так любезны ставить это блюдо в сторону от того места, где ходят люди? Я уже в третий раз чуть не наступил на него!

— Ой, мне очень жаль, доктор Саксовер, — извинилась Диана. — Как правило, я не забываю убрать его, когда прихожу на работу. К тому же она обычно все съедает, вы же знаете. Возможно, ее испугала гроза, которая разразилась прошлой ночью.

Она взяла блюдо и поставила на скамейку.

— Я обязательно позабочусь...

Когда Диана ставила блюдо, оно разбилось, и девушка наклонилась, чтобы посмотреть, что случилось.

Видимо, из-за грозы молоко свернулось. Во всяком случае, почти все молоко свернулось, осталось одно пятнышко диаметром чуть меньше полудюйма, в центре которого находился какой-то темный сгусток. Казалось, в этом месте молоко не скисло.

— Как странно, — пробормотала Диана.

Френсис бросил небрежный взгляд на молоко, а потом посмотрел внимательнее.

— Над чем вы вчера работали непосредственно перед тем, как налили молоко в блюдечко? — спросил он.

— Над новой популяцией лишайников Макдональда. Почти весь день занималась с ними, — ответила Диана.

— Гм-м, — сказал Френсис.

Он нашел чистое смотровое стекло, вытащил из молока сгусток и положил его туда.

— Вы можете это идентифицировать? — спросил он.

Диана поставила стекло под микроскоп. Френсис бросил взгляд на заросли серо-зеленых «листьев» под разнообразными стеклянными колпаками. Все они были похожи друг на друга. Диана довольно быстро справилась с задачей, которую задал ей Френсис.

— Это из той серии, — уверенно заявила она, показывая на кучу рассеченных кусочков, покрытых желтыми пятнышками вдоль разрезов. — Пока, — пояснила она, — я назвала его «*Lichens imperfectus tertius mongolensis secundus Macdonaldi*»

— Вот это да, — усмехнулся Френсис.

— Ну, — сказала она, оправдываясь, — вы же знаете, не так-то просто придумать хорошее название. Почти все лишайники оказываются imperfecti, а этот был третьим, во второй серии Макдональда.

— Ладно, будем помнить, что название носит временный характер, — утешил ее Френсис.

— Антибиотик? Как вы думаете? — спросила Диана, снова посмотрев на блюдо.

— Может быть. Очень многие лишайники обладают свойствами антибиотиков, так что это вполне вероятно. Конечно, существует всего один шанс из сотни, что мы получим полезный антибиотик. И все же я возьму ваш образец, а о результатах сообщу позже.

Френсис взял пустую колбочку, наполнил ее лишайником, оставив половину под стеклянным колпаком. Потом он повернулся к двери. Однако выйти из комнаты Френсис не успел — его остановил голос Дианы.

— Доктор Саксовер, как сегодня чувствует себя миссис Саксовер?

Он повернулся; теперь на Диану смотрел совсем другой человек, словно с его лица сдернули маску спокойной уверенности. Френсис медленно покачал головой:

— Врач говорит, что утром у нее было хорошее настроение. Надеюсь, это правда. Больше они ничего не могут сказать. Понимаете, она не знает — и думает, что операция прошла успешно. Наверное, так лучше. Да, действительно так лучше — но, о Господи!..

Он снова повернулся к двери и вышел, прежде чем Диана успела как-нибудь отреагировать на его слова.

Саксовер унес с собой лишайник, и прошло очень много времени, прежде чем Диана снова о нем вспомнила.

Через несколько дней Кэролайн Саксовер умерла.

Френсис, казалось, погрузился в транс. Приехала его сестра Айрин, которая была вдовой; она взяла на себя все обязанности по дому, те, что раньше выполняла Кэролайн. Френсис ее практически не замечал. Айрин попыталась убедить его уехать на время, но он не соглашался. Две недели Френсис бродил по дому, как нечто обратное призраку — его тело присутствовало здесь, а дух витал где-то далеко. Затем, неожиданно, он совсем исчез. Закрылся в

своей лабораторий. Сестра стала посылать ему еду, но она часто возвращалась нетронутой. В эти дни Френсис почти не показывался на людях, а его кровать часто оставалась нерасстеленной.

Остин Дэйли, который чуть ли не силой пробился к Френсису, рассказал остальным, что Саксовер, как сумасшедший, работает сразу над дюжиной различных проектов, и выразил опасение, что их руководителю грозит нервный срыв. В тех редких случаях, когда он все-таки появлялся за столом, Френсис держался так отчужденно и напряженно, что дети начали его бояться. Однажды Диана увидела горько плачущую Стефани. Она постаралась утешить девочку и взяла ее с собой в лабораторию, где позволила поиграть с микроскопом.

На следующий день, в субботу, Диана повела Стефани на прогулку — подальше от дома.

Тем временем жизнь продолжалась, а Остин Дэйли выживал из сил, стараясь сделать все возможное, чтобы «Дарр» оставался на плаву. К счастью, он был в курсе нескольких проектов, задуманных Френсисом, и смог запустить их в работу. Изредка ему удавалось заставить Саксовера подписать некоторые бумаги, но большую часть времени он тратил на то, чтобы оттянуть принятие решений, которые находились только в компетенции шефа. В «Дарре» постепенно начали появляться признаки застоя, персонал охватило беспокойство.

Однако у Френсиса не случилось нервного срыва. Возможно, из-за воспаления легких. Он болел очень тяжело, но когда начал медленно выздоравливать, оказалось, что ему почти удалось оправиться от потрясения, вызванного смертью жены — Френсис Саксовер снова становился самим собой.

Впрочем, он довольно сильно изменился

— Папа стал спокойнее, чем был раньше, и как-то мягче, — сказала однажды Стефани Диане. — Иногда мне хочется плакать, когда я на него смотрю

— Он был очень привязан к твоей матери. Ему, наверное, ужасно без нее одиноко, — ответила Диана

— Да, — согласилась Стефани, — теперь он стал про нее говорить, и это хорошо. Ему нравится ее вспоминать, даже несмотря на то что его это огорчает. Но он все равно слишком часто просто сидит и думает — и совсем не

кажется грустным. Он скорее похож на человека, решающего задачи.

— Вероятно, он именно этим и занимается, — проговорила Диана. — Чтобы в «Дарре» все было в порядке, нужно решить не одну задачу. Ведь пока твой отец болел, тут все немного разладилось. Может быть, он просто пытается придумать, как побыстрее справиться с проблемами, и тогда все снова встанет на свои места.

— Надеюсь. У папы такой вид, словно ему приходится разбираться с очень сложными задачами, — сказала Стефани.

Занятая множеством разнообразных проблем, Диана совершенно забыла о возможности существования антибиотика в «*Lichenis tertius...*» и вспомнила о нем лишь через несколько месяцев. Она была уверена, что Френсис тоже забыл о лишайнике, иначе он наверняка сообщил бы ей о результатах экспериментов. Ведь шеф всегда следил за безоговорочным соблюдением приоритета исследователя. Открытия, патенты и, следовательно, все авторские права становились собственностью «Дарр Девелопментс», но слава первооткрывателей принадлежала отдельным личностям или группам исследователей. Учитывая человеческую природу, нельзя сказать, что все и всегда были довольны — например, совсем не просто честно разделить славу между ученым, открывшим некий общий принцип, и тем, кто детально его разработал, — но все с уважением относились к стремлению Френсиса быть справедливым. Ведь он тратил немало сил на то, чтобы ни одно из предложений не было приписано незаслуженно или пропало без следа, лишившись имени первооткрывателя. Если бы все шло своим чередом, Диана обязательно услышала бы что-нибудь про лишайник — каким бы ни был результат, положительным или отрицательным. Неожиданно вспомнив об этой истории несколько месяцев спустя, она пришла к выводу, что колба с лишайником скорее всего была отставлена в сторону, когда умерла Кэролайн Саксовер, а ее содержимое постепенно сгнило. Когда же Френсис начал постепенно приходить в себя, Диана подумала, что все-таки следует сделать необходимые записи относительно необычных свойств, замеченных в «*Tertius*», по крайней мере для порядка. Поэтому она решила дожидаться какого-нибудь подходящего момента, чтобы напомнить шефу про лишайник, но постоянно забывала о нем сама, поскольку была

занята другими проблемами. В конце концов во время одной из проводимых раз в месяц вечеринок — их придумала Кэролайн, чтобы создать в «Дарре» дух сотрудничества, — Диана вспомнила о лишайнике — вероятно, потому, что незадолго перед этим к ним прибыла новая партия ботанических материалов, доставленных от имени путешествующего в дальних краях мистера Макдональда. Кроме того, во время вечеринки возникла подходящая возможность поговорить с шефом.

За ужином Френсис, который уже практически оправился, занимался тем, что болтал по очереди со своими сотрудниками. Увидев Диану, он поблагодарил ее за заботу о Стефани.

— Для девочки это очень важно. Ей в сложившихся обстоятельствах как раз и нужно было, чтобы кто-то проявил к ней интерес. Я вам невероятно признателен.

— Я получаю удовольствие от общения со Стефани, — призналась Диана. — Мы прекрасно ладим. С ней я веду себя как старшая сестра, не очень взрослая, и стараюсь сделать все возможное, чтобы она не чувствовала себя слишком маленькой. Я всегда жалела, что у меня нет сестры, так что, возможно, моя дружба со Стефани — своего рода компенсация. По крайней мере, я с радостью провожу с ней время, и она мне совершенно не в тягость.

— Что ж, прекрасно. Она только о вас и говорит. Однако не позволяйте ей быть слишком навязчивой.

— Ни в коем случае, — заверила его Диана. — Впрочем, в этом не возникнет никакой необходимости. Стефани очень чуткий ребенок.

А через несколько минут, когда Френсис Саксовер уже собрался отойти, Диана вдруг вспомнила, что хотела спросить его про лишайник.

— Да, кстати, доктор Саксовер, я уже давно собираюсь вас спросить: вы помните лишайник Макдональда — *Teg-tius*, о котором мы с вами говорили в июне или июле? Вы обнаружили в нем что-нибудь интересное?

Она задала свой вопрос просто так, не сомневаясь, что он забыл про колбочку с лишайником. К несказанному удивлению Дианы, на лице Френсиса Саксовера появился испуг — всего на одно мимолетное мгновение, но она не сомневалась, что не ошиблась. Френсис очень быстро взял себя в руки, и все же Диана запомнила выражение его

лица Да и ответил он на ее вопрос не сразу, а после короткого колебания:

— Ох, как некрасиво с моей стороны! Мне давно следовало поставить вас в известность. Боюсь, я ошибся. Оказалось, что это вовсе не антибиотик

Через несколько мгновений он уже заговорил с кем-то из сотрудников «Дарра», проходивших мимо.

В первый момент Диана подумала, что ответ прозвучал как-то странно. Только позже она сообразила, что Френсис сморозил самую настоящую глупость. Но она приписала это напряжению и болезни, которую он перенес. Впрочем, где-то в подсознании ее продолжали мучить сомнения. Если бы шеф сказал, что забыл или был слишком занят. Или заявил, что лишайник обладает ярко выраженными токсическими свойствами и с ним небезопасно экспериментировать, или привел бы любую другую причину, Диана, вполне возможно, была бы удовлетворена. Но вопрос почему-то застал Френсиса врасплох, тот дал на него совершенно необдуманный ответ — ответ, который, если хорошенько его проанализировать, не имел никакого отношения к самому вопросу. Почему доктор Саксовер не захотел ответить Диане честно?

Она вдруг поняла, что слова «оказалось, что это вовсе не антибиотик» не случайно сорвались с языка Френсиса, а имели свое собственное значение. Так станет реагировать человек, который обычно говорит правду и, следовательно, не может быстро соврать, когда ему неожиданно задают неприятный вопрос.

Чем больше Диана думала о поведении доктора Саксовера, тем яснее ей становилось, что следует обратить серьезное внимание на значение сказанных им слов лишайник *Tertius* действительно обладал свойствами, напоминающими свойства антибиотиков; однако, если оказалось, что он не является антибиотиком, в таком случае, что же он такое? И почему Френсис не сказал ей правды?

Эти вопросы продолжали мучить Диану где-то на втором уровне подсознания. Позже она смущенно приписывала свои сомнения несоответствию мелкий обман был совершенно не свойствен Френсису, его репутации и тому, как шеф обычно себя вел. Однако тогда она понимала только, что ее что-то беспокоит.

Кроме того, возник еще один фактор. Из хранилища прислали просьбу передать им данные на все имеющиеся у

нее материалы для проверки наличия и количества. Она начала послушно составлять список, а затем, когда добралась до *Lichens tertius*, в ее сознании неожиданно соединились две идеи: во-первых, она заговорила с Френсисом о лишайнике всего несколько дней назад на вечеринке; а во-вторых, хранилище обычно проводило проверки по понедельникам, а не по пятницам, и обычная квартальная проверка должна была состояться только через две недели.

Диана сидела несколько минут, разглядывая свой список. Она попыталась не поддаться соблазну, который не имел ничего общего с обычным, потому что вряд ли она могла рассчитывать на выгоду. Диану мучило любопытство, и оно в конце концов победило.

— Я сделала то, — говорила она позже, — что всегда презирала, на что считала себя неспособной. Я сознательно фальсифицировала отчет. И вот что странно: я не испытывала ни угрызений совести, ни вины; мне казалось, это неприятная необходимость.

Таким образом, *Lichens tertius*, который прибыл с одной из последних посылок Макдональда, так и не был внесен ни в какие списки.

На ранних стадиях исследования лишайника Диана имела перед Френсисом одно преимущество — ей уже было известно, что она имеет дело не с антибиотиком. Она знала, что ищет нечто, напоминающее по свойствам антибиотик, но в действительности таковым не является. Кроме того, проанализировав поведение Френсиса, она поняла, что имеет дело с чем-то необычным и, возможно, опасным; впрочем, пользы от этого было немного, разве что ее интеллект получил широкое поле деятельности. Однако Диана чуть не отбросила в сторону то, что искала, посчитав эту идею абсолютно невероятной. Лишь в последний момент она дала волю сомнениям. Какой бы невероятной ни была идея, необходимо доказать ее абсурдность. Хотя бы для порядка, если нет другой причины, следует провести один тест... и еще... и еще...

Многие годы спустя она сказала:

— Это не было интуицией или здравым смыслом. Все началось с логического предположения, чуть не было уничтожено предубеждением, а спасено привычкой к систематической работе. Я могла бы легко пройти мимо этого

великого открытия и долгие месяцы топтаться на месте. Можно сказать, мне просто повезло. Даже проверяя и перепроверяя полученные результаты, я не очень верила тому, что у меня получалось. По крайней мере, я находилась в весьма странном состоянии: как профессионал, я доказала верность своих выкладок и не смогла обосновать их ошибочность, следовательно, была обязана в них верить; в свободное же от работы время я не могла с чистым сердцем принять собственные идеи — так же точно мы не в состоянии до конца осознать всем известный постулат о том, что Земля круглая. Мне кажется, именно поэтому я вела себя так исключительно глупо. Я даже не понимала, какое значение может иметь мое открытие, а ведь смысл его был бы очевиден даже дураку. Лишь многие недели, нет, месяцы спустя до меня наконец дошло, что я нашла. Сначала это было всего лишь интересное научное открытие, из которого я намеревалась извлечь максимум пользы, поэтому и сосредоточила все свои силы на том, чтобы выделить активный компонент, совершенно не думая о последствиях. Если поразмыслить как следует, немного похоже на тех, кто насаждает религиозные принципы.

Работа стала чем-то вроде вызова для Дианы. У нее теперь почти не было свободного времени, и она часто засиживалась в лаборатории допоздна. Стала реже ездить домой на выходные, а приехав туда, стремилась поскорее вернуться в «Дарр». Стефани, которую отослали в частную школу, была разочарована, когда она, вернувшись на каникулы, увидела, что Диана не может уделять ей столько внимания, сколько хотелось бы девочке.

— Вы всегда работаете, — грустно говорила она. — У вас усталый вид.

— Теперь уже скоро, я думаю, — попыталась утешить ее Диана. — Если только не возникнет каких-нибудь неожиданностей, я должна закончить через пару месяцев.

— А чем вы занимаетесь? — поинтересовалась Стефани.

Но Диана только покачала головой.

— Это слишком сложно, — ответила она. — Я просто не смогу объяснить, в чем заключается моя работа, человеку, не занимающемуся химией всерьез.

Она проводила свои эксперименты главным образом на мышах, и к началу зимы, почти через год после смерти Кэролайн Саксовер, наконец почувствовала уверенность в

успехе своих тестов. Диане удалось обнаружить группу животных, которыми занимался Френсис, и она стала наблюдать и за ними тоже. С удовольствием. К этому моменту настоящая работа была завершена. Выводы не вызывали никаких сомнений. Оставалось только провести ряд экспериментов, которые дали бы достаточно данных, чтобы надежно контролировать процесс — рутинная работа, отнимавшая сравнительно мало времени и позволившая Диане немного расслабиться. Только сейчас она по-настоящему задумалась о том, что же ей удалось открыть...

На ранних стадиях работы она редко размышляла о намерениях Френсиса — ее занимало, что же он намеревается сделать со своим открытием. Теперь же Диана начала задумываться об этом всерьез. Ей пришлось напомнить себе, что Саксовер опережает ее на шесть месяцев. Должно быть, он успел проверить все самым тщательным образом еще летом, у него было достаточно времени подумать о возможностях применения открытия, однако никто ничего о нем не слышал. Очень странно. Френсис доверял своим сотрудникам. Он прекрасно понимал, что слишком строгая секретность подорвет эффективность работы компании и понизит дух корпоративности. И никто никогда не подводил своего руководителя: случаи утечки ценной информации были чрезвычайно редкими. С другой стороны, это означало, что в «Дарре» можно было узнать о любом проекте, находящемся в работе. Но о последнем открытии Саксовера никто даже не подозревал. Судя по всему, Френсис все делал сам и ни с кем не делился результатами. Возможно, он вступил в переговоры с какими-нибудь крупными производителями, но Диана в этом сильно сомневалась — даже на данной стадии она отдавала себе отчет в том, что открытие такого масштаба нельзя реализовать обычным способом. Поэтому она решила, что Френсис собирается сделать доклад перед одним из научных обществ. В этом случае ей, конечно, придется немедленно передать ему свои результаты. Но зачем тогда окутывать свою работу плотной завесой тайны, если все результаты тщательно проверены?..

Поэтому Диана решила подождать.

Кроме того, ее беспокоила этическая сторона вопроса. По закону вина Дианы не вызывала ни малейшего сомнения. По условиям контракта все открытия, сделанные во время работы в «Дарр Девелопментс», принадлежат

компании. Следовательно, она должна немедленно ознакомиться Френсиса с результатами своих исследований. Однако с точки зрения морали тут у нее имелись некоторые сомнения. Ну, представим себе следующую ситуацию. Если бы она не уронила лишайник в молоко, никакого открытия просто не было бы. Если бы Френсис не принес блюда, странный эффект мог остаться незамеченным. Если бы Диана не обратила на него внимания, он бы ушел и все на этом закончилось бы. Она не украла у Френсиса его открытие. Самое обычное любопытство заставило ее исследовать необычное явление, на которое она обратила внимание — первая. Напряженная работа принесла результаты. Диана не собиралась с ними расставаться — разве что в этом возникнет необходимость. Она решила немного подождать и посмотреть, какие ходы предпримет Френсис.

Ожидание располагает к размышлениям; от размышлений начинает расти беспокойство. Диана словно отошла в сторону и сумела за деревьями разглядеть лес — зрелище получилось пугающим. До нее начал доходить скрытый смысл открытия. Френсис наверняка столкнулся с аналогичными проблемами; теперь Диана сообразила, что его сдерживает.

Так, шаг за шагом, в ее сознании начала складываться общая картина, кусочки головоломки занимали свои места, а когда они окончательно сложились, получившаяся картинка совсем не понравилась Диане.

Только сейчас она осознала, что речь идет не просто об очередном открытии, а о чем-то кардинальном: они узнали один из самых ценных и взрывоопасных секретов в мире. Она, наконец, поняла, что Френсис — сам Френсис Саксовер — не знает, что с ним делать.

Годы спустя Диана сказала: «Теперь я думаю, что совершила ошибку, когда продолжала ждать, ничего не предпринимая. В тот момент как я сообразила, какие могут быть последствия, мне следовало пойти к Френсису и рассказать о полученных результатах. У него по крайней мере появилась бы возможность поговорить о мучившей его проблеме — и мы вместе могли бы принять решение. Но он был знаменитым человеком, моим боссом. Я нервничала, потому что попала в, мягко говоря, не слишком красивое положение. А главное, я была чересчур молодой и не справилась с потрясением».

В этом, вероятно, и состояло настоящее препятствие. Даже когда Диана училась в школе, она свято верила, что всякое знание, как и сама жизнь, есть дар Божий — отсюда следовало, что сокрытие знания есть тяжкий грех. Сейчас она скорее всего не стала бы пользоваться такими возвышенными словами, но убежденность осталась. Тот, кто ищет знание, делает это не для себя — он лишь выполняет заповедь: делиться со всеми людьми всяким знанием, которым тебе удалось овладеть.

Мысль о том, что крупный ученый может нарушить эту заповедь, была для нее невыносима; то, что этим человеком оказался Френсис Саксовер, который всегда был для нее образцом ученого-профессионала, так сильно ранила Диану, что она совершенно растерялась...

«Я была тогда очень молода — и еще не успела расстаться с иллюзиями. Френсис был моим идеалом, и вдруг выяснилось, что он ему совсем не соответствует. Эгоцентризм, конечно. Я не могла простить Френсису, что он оказался колоссом на глиняных ногах; мне казалось, что он меня предал. Я совершенно запуталась. Не хватило гибкости. Я словно попала в ад. Пережила самый настоящий шок — чувствовала, что мой мир лишился чего-то навсегда. Конечно, я ошибалась...»

В результате Диана ожесточилась. И решила не сообщать шефу о своей работе с лишайниками. Саксовер совершил преступление, утаил новое знание — пусть это остается на его совести, она не собирается становиться соучастником. Подождет еще немного, в надежде, что он изменит позицию, но если он не опубликует результаты своих исследований, Диана сделает это сама. Она позаботится, чтобы мир узнал...

Однако когда Диана начала более внимательно обдумывать возможные последствия, оказалось, что возникает множество трудностей. Чем больше она размышляла, тем очевиднее становилось, что продукты, извлеченные из лишайника, затронут интересы многих могущественных людей. Получалось, что сделать выбор совсем не просто — уж слишком велики ставки в игре. Она начала понимать, с какой дилеммой столкнулся Френсис месяцы назад. Однако Диана не позволила себе стать жертвой сочувствия; наобо-

рот, она считала, что судьба бросает ей вызов: если Френсис Саксовер не смог решить задачу, ей это окажется по плечу!

Всю зиму она продолжала размышлять, но пришла весна, а ей ни на йоту не удалось приблизиться к решению.

Когда Диане исполнилось двадцать пять лет, она вступила в права наследования. Теперь девушка могла распоряжаться крупным состоянием своего деда. Она отпраздновала это, купив одежду в нескольких самых дорогих и престижных магазинах, порог которых раньше и не надеялась переступить. И небольшой автомобиль. И тем не менее Диана не сразу решила покинуть «Дарр», что весьма позабавило ее мать.

— С какой стати, мамочка? Что я буду делать? Мне нравится местоположение «Дарра», я занимаюсь там интересной и полезной работой, — заявила она.

— Теперь, когда ты имеешь независимый источник дохода... — возразила миссис Брекли.

— Да знаю я, мамочка. Разумная девушка должна выйти в свет и купить себе мужа.

— Мне совсем не нравится такая постановка вопроса, дорогая! Каждая женщина должна выйти замуж; только в этом случае она может быть счастлива. Тебе уже двадцать пять лет. Если ты сейчас всерьез не подумаешь о создании семьи — знаешь, время не стоит на месте. Ты и оглянуться не успеешь, как тебе исполнится тридцать, а потом сорок. Жизнь коротка. Это становится очень заметно, когда начинаешь смотреть на нее с другого конца. Нам отпущено не так уж много времени.

— А я совсем не уверена в том, что хочу завести семью, — ответила Диана. — Сейчас и так полно семей.

На лице миссис Брекли появился ужас.

— Но ведь каждая женщина в глубине души мечтает иметь семью! — воскликнула она. — Это совершенно естественно.

— Так принято, — возразила Диана. — Один только Бог знает, что было бы, если бы мы стали все делать только потому, что это естественно.

Миссис Брекли нахмурилась:

— Я тебя не понимаю, Диана. Неужели ты не хочешь иметь собственный дом и семью?

— Не слишком, мамочка, в противном случае я бы уже давно что-нибудь для этого сделала. Может быть, я попыта-

юсь — позднее. Возможно, мне это понравится. У меня еще достаточно времени.

— Не так много, как ты думаешь. Женщина постоянно борется со временем, не стоит забывать об этом.

— Я уверена, ты права, дорогая. Но если постоянно беспокоиться, результаты могут оказаться отвратительными, не так ли? Не волнуйся из-за меня, мамочка. Я знаю, что делаю.

Таким образом, Диана еще некоторое время продолжала работать в «Дарре».

Стефани, вернувшись домой на пасхальные каникулы, пожаловалась, что Диана выглядит озабоченной.

— Нет, не усталой, как в те дни, когда много работала, — заявила девочка, — а именно озабоченной. Ты так ужасно много думаешь!

— Ну, когда занимаешься биохимией, думать просто необходимо. Часто именно в этом и заключается работа, — отрезала Диана.

— Но не все же время.

— Возможно, дело тут не только во мне. Вот ты стала думать гораздо меньше, чем до того, как отправилась в школу. Если будешь брать только то, что там дают, и не думая, ты быстро превратишься в добычу для рекламы и кончишь свою жизнь домохозяйкой.

— Но так случается почти со всеми... Я хочу сказать, что почти все превращаются в домохозяек, — немного растерянно ответила Стефани.

— Именно — домохозяйки, жены, домоправительницы, экономки... Ты этого хочешь? Это специальные слова, необходимые для того, чтобы облапошить женщин, милая. Скажи женщине: «место женщины в доме» или «иди в свою кухню» — и это ей не понравится; назови это «быть хорошей женой», что означает абсолютно то же самое, и она станет ишачить и вдобавок сиять от гордости.

Моя двоюродная тетя боролась за права женщин, несколько раз попадала в тюрьму; и чего она добилась? Изменился только метод: раньше заставляли, теперь облапошивают — уже выросло целое поколение внучек, которые даже не подозревают, что их перехитрили, боюсь, что если они и поймут это, то не станут особенно переживать. Наш самый страшный недостаток состоит в желании

подчиняться, а главное достоинство — в умении принимать мир таким, какой он есть. Так что смотри, чтобы тебя не облапошили, милая. Нужно быть чрезвычайно осторожной в мире, где в качестве высшей жизненной ценности почитаются тушеные бобы.

Стефани молча восприняла этот совет, однако не дала сбить себя с толку.

— Тебе плохо, Диана? — спросила она. — Неужели ты все время об этом думаешь?

— Боже милостивый, нет, конечно, милая. Просто возникли проблемы.

— Вроде задачки по геометрии?

— Пожалуй, да. Человеческой геометрии. Не огорчайся. Постараюсь хотя бы на время забыть о них. Давай-ка лучше съездим куда-нибудь на машине, ладно?

Но от проблем уйти не удавалось. У Дианы росла убежденность, что Френсис сдался и решил отложить окончательное решение на будущее, а это только укрепило ее желание справиться с задачей самостоятельно.

Пришло лето. В июне вместе с подругой по Кембриджу Диана отправилась в Италию. Южный темперамент произвел на подругу впечатление: она даже обручилась — впрочем, роман оказался недолгим. Диана тоже прекрасно провела время, но вернулась домой одна, с ощущением, что подобное времяпрепровождение должно быстро надоесть.

Она успела прожить в «Дарре» уже две недели, когда вернулась Стефани, чтобы провести вместе с отцом часть летних каникул.

Как-то вечером они с Дианой забрели на большой луг, где только что скошили траву, и удобно устроились у стога сена. Диана поинтересовалась успехами Стефани в этом семестре.

Совсем не так уж плохо, скромно призналась Стефани, во всяком случае с учебой и теннисом; правда, вот с крикетом...

Диана согласилась насчет крикета.

— Очень скучно, — сказала она. — Это проявление эмансипации. Свобода для девочек, состоящая в том, чтобы делать то же самое, что и мальчики, каким бы скучным это ни показалось.

Стефани продолжала рассказывать школьные новости, сдабривая их собственными оценками. В конце Диана кивнула.

— Ну, во всяком случае, они учат тебя не только тому, чтобы стать домашней хозяйкой, — одобрительно заметила она.

Стефани немного подумала.

— Ты не собираешься выходить замуж, Диана?

— Ну, наверное, когда-нибудь, — ответила Диана.

— А если этого не произойдет, что ты будешь делать? Станешь такой, как твоя двоюродная тетя, и начнешь бороться за права женщин?

— Ты все немного перепутала, милая. Моя двоюродная тетя и другие двоюродные тети уже много лет назад завоевали все необходимые права. Теперь женщинам просто не хватает гражданского мужества, чтобы их использовать. Моя двоюродная тетя и остальные думали, что, теоретически добившись равенства, они одержали великую победу. Они не понимали, что главным врагом женщин являются не мужчины, а сами женщины: глупые, ленивые и самодовольные. Самодовольные женщины хуже всех; их профессия состоит в том, чтобы быть женщинами — они ненавидят всех женщин, которые добились успехов в любом другом деле. У них сразу просыпается комплекс неполноценности-превосходства.

Стефани задумчиво посмотрела на нее:

— Мне кажется, ты не очень-то любишь женщин, Диана.

— Ну, это слишком сильно сказано, милая. Мне не нравится в нас готовность быть запрограммированными — так ведь проще всего заставить нас хотеть стать не чем иным, как самыми обычными скво, гражданами второго сорта, научить женщин считать себя придатком, а не людьми, обладающими всеми правами.

Стефани снова задумалась, а потом проговорила:

— Я рассказала мисс Робертс — она ведет у нас историю, — что ты говоришь о женщинах, о том, как их сначала заставляли все делать силой, а теперь просто облапошивают.

— Ну да? И что она тебе на это ответила?

— Знаешь, она согласилась. Только она говорит... ну, так устроен мир, в котором мы живем. В нем много неправильного и несправедливого, но ведь жизнь так коротка. Поэтому самое лучшее, что может сделать женщина, — принять его законы, стараясь при этом сохранить свою индивидуальность. Она сказала, что все было бы иначе,

если бы мы имели больше свободного времени, но тут люди не в состоянии ничего изменить. К тому моменту как подрастают дети, ты уже начинаешь стареть, так что нет смысла ничего предпринимать с целью исправить положение вещей, а потом лет через двадцать пять все повторяется снова — только уже для твоих детей и... Ой, Диана, что случилось?

Диана молчала. Она сидела, глядя прямо перед собой широко раскрытыми глазами, словно ее неожиданно заколдовали.

— Диана, ты в порядке? — Стефани дернула ее за рукав.

Диана медленно повернула к ней голову, но ничего не видя вокруг себя.

— Вот решение! — воскликнула она. — О Господи, я его нашла! Оно было у меня под самым носом все это время, а я ничего не замечала...

Она приложила руку ко лбу и прислонилась спиной к стогу сена. Стефани озабоченно склонилась над ней.

— Диана, что произошло? Может быть, тебе что-нибудь нужно?

— Ничего плохого не произошло, Стефани, милая. Со всем ничего. Просто я наконец сообразила, что стану делать.

— Не понимаю... — озадаченно проговорила Стефани.

— Я знаю, каким будет мой дальнейший путь в жизни... — пояснила Диана, при этом ее голос звучал довольно странно. А потом она начала смеяться. Смеясь, откинулась на стог, а потом заплакала. Она вела себя так странно, что Стефани почувствовала тревогу.

На следующий день Диана зашла к Френсису и сказала, что в конце августа намерена покинуть «Дарр».

Френсис вздохнул, посмотрел на левую руку Дианы, а затем озадаченно уставился на нее.

— О! — воскликнул он. — Вы покидаете нас не по обычной причине?

Диана заметила его взгляд.

— Нет, — ответила она.

— Вам следовало взять колечко напрокат, — сказал он. — А так я попытаюсь вас отговорить.

— У вас ничего не выйдет, — заявила Диана.

— Подождите, давайте обсудим эту проблему. Про меня известно, что я стараюсь переубедить ценных работников,

пожелавших расстаться с нами, даже тогда, когда на пути у меня стоит Гименей, ну а во всех остальных случаях я никогда не сдаюсь без боя. Так в чем же дело? Что мы такого натворили... или, наоборот, не делаем?

Диана рассчитывала, что разговор с Френсисом будет кратким и абсолютно официальным, однако он продолжался довольно долго. Она объяснила, что получила наследство и намеревается предпринять кругосветное путешествие. Френсис ничего не имел против путешествия. Он даже сказал: «Отличная мысль. Вы сможете собственными глазами посмотреть, как претворяются в жизнь некоторые из наших изобретений, те, что имеют отношение к тропикам. Возьмите годичный отпуск, отдохните, считайте это чем-то вроде длинного выходного».

— Нет, — твердо отказалась Диана. — Не хочу.

— Вы не хотите к нам возвращаться? Жаль. Знаете, нам будет вас не хватать. Не только в профессиональном смысле.

— Нет, нет, дело совсем не в этом, — Диана чувствовала себя совершенно несчастной. — Я... я... — Она замолчала, только не сводила с Френсиса глаз.

— Если кто-то предложил вам более выгодную работу...

— О, да нет же... нет. Я просто решила оставить все это.

— Вы хотите сказать, что решили покончить с исследовательской работой, навсегда?

Диана кивнула.

— Но это же возмутительно, Диана! С вашими способностями, с вашим талантом, ну... — Френсис говорил еще некоторое время, а потом смолк, заглянув в серые глаза Дианы и поняв, что она не слышала ни одного слова из его пылкой речи. — Это на вас совсем не похоже. Должна быть какая-нибудь серьезная причина, — сказал он в заключение.

Диана колебалась, словно стоя на краю глубокой пропасти.

— Я... — начала она, а потом замолчала, будто у нее перехватило дыхание и она не могла больше говорить.

Она просто стояла и смотрела на Френсиса, сидевшего за своим рабочим столом. Он видел, что она дрожит. Но прежде чем он пошевелился, чтобы хоть чем-нибудь ей помочь, Диана оказалась жертвой странной борьбы чувств, разрушивших ее обычно спокойную манеру держаться.

Френсис поднялся и попытался обойти стол, чтобы приблизиться к ней, но в этот момент ей удалось немного справиться с собой, и Диана выдохнула:

— Нет, нет! Вы должны меня отпустить, Френсис. Вы должны меня отпустить!

И прежде чем он успел хоть что-то сделать, выбежала из комнаты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 4

— Я рад, что вам обоим удалось выбраться, — сказал Френсис своим детям.

— Мне не следовало бы здесь находиться, но твое приглашение звучало достаточно настойчиво, — проговорил Пол.

— Дело очень важное, однако у меня есть сомнения относительно его срочности. Я рассчитывал, что к настоящему моменту все прояснится, только вот четвертый участник нашего квартета задерживается. Не знаю, помните ли вы ее. Она рассталась с «Дарром» около пятнадцати лет назад — Диана Брекли.

— Мне кажется, я ее помню, — ответил Пол. — Высокая, довольно красивая, не так ли?

— А я помню ее прекрасно, — перебила его Стефани. — Я была влюблена в Диану. Мне казалось, что она самая красивая и самая умная, после тебя, конечно, папочка. Я так горевала, когда она уехала.

— Все это произошло ужасно давно. Не знаю, что у нее может быть такого срочного для нас. Что она собирается нам сказать? — спросил Пол.

— Тут я должен вам кое в чем признаться, — сказал Френсис. — Это даже лучше, что она задерживается. У меня будет возможность разъяснить вам ситуацию.

Саксовер оценивающе посмотрел на сына и дочь. Пол, которому уже исполнилось двадцать семь лет и который работал инженером, по-прежнему напоминал озорного мальчишку, несмотря на бороду — специально отстригил, чтобы выглядеть посolidнее. Стефани стала гораздо красивее, чем он ожидал: у нее золотистые, вьющиеся волосы, унаследованные от матери, и его черты лица, смягченные женственностью, темно-карие глаза — ни у него, ни у Кэролайн таких не было. Она сидела в его кабинете в легком летнем платье, волосы немного растрепаны после

поездки в машине... — Стефани скорее напоминала девушку, заканчивающую школу, чем выпускницу университета.

— Вы наверняка посчитаете, что я должен был рассказать вам об этом раньше. Возможно, оно и так, однако существует немало серьезных причин, которыми я руководствовался. Надеюсь, вы со мной согласитесь, когда обдумаете услышанное.

— О Господи, это звучит так страшно, папочка. Неужели мы найденыши или еще что-нибудь такое же отвратительное? — спросила Стефани.

— Нет. Ни в коем случае. Но история довольно длинная, и чтобы вам все было ясно, я начну сначала и постараюсь рассказать покороче. В июле того года, когда умерла ваша мама...

Он поведал о том, как был найден кусочек лишайника в блюде с молоком, а потом продолжил:

— Я отнес колбу с лишайником в лабораторию, чтобы заняться ею позже. Вскоре после этого умерла ваша мама. Мне кажется, я совершенно расклеился — теперь мне трудно вспомнить, как все происходило, только однажды утром я проснулся и неожиданно понял, что, если не займусь какой-нибудь работой и не уйду в нее с головой, мне придет конец. Тогда я отправился в лабораторию, где меня поджидали разные дела, в которые и погрузился, забыв о смене дня и ночи, стараясь не думать ни о чем другом. Среди прочего я занялся лишайником, на который Диана обратила внимание.

Лишайники — довольно странная штука. Они не являются единым организмом, на самом деле две формы жизни существуют в симбиозе — грибы и водоросли, зависящие друг от друга. Довольно долгое время их никак не применяли — лишь один вид шел в пищу оленям, а другой использовался для производства красителей. Затем, сравнительно недавно, было обнаружено, что некоторые из них обладают свойствами антибиотиков, самым распространенным элементом которых является усниковая кислота, но здесь еще остается много неясного и требуется проделать серьезную работу.

Естественно, как и любой на моем месте, я считал, что ишу антибиотик. Этот лишайник до определенной степени обладал всеми необходимыми свойствами, однако... ну, подробно я вам объясню в другой раз... дело в том... В

общем, через некоторое время я понял, что это не антибиотик... нечто, для чего еще даже имени не существует. Так что мне пришлось его изобрести. Я назвал эту штуку антигерон.

У Пола сделался озадаченный вид. А Стефани прямо спросила:

— И что же это значит, папочка?

— Анти — против; герон — возраст, или, в буквальном смысле, старик. Теперь никого не смущает смешение латинских и греческих корней, отсюда — антигерон. Конечно, можно было бы придумать что-нибудь более подходящее, но меня вполне устраивало и это название. Активное вещество, которое мне удалось выделить из лишайника, я назвал просто «лишанин». Детали физико-химического воздействия лишанина на живой организм чрезвычайно сложны и требуют серьезных исследований, но окончательный эффект можно сформулировать в нескольких словах: скорость метаболических процессов в организме существенно замедляется.

Сын и дочь некоторое время молчали, осмысливая услышанное. Первой заговорила Стефани.

— Папочка, неужели... нет, этого не может быть!

— Все это правда, дорогая. Дело обстоит именно так, — сказал Френсис.

Стефани застыла на месте, не сводя с отца глаз, не в силах выразить словами охватившие ее чувства.

— Ты, папочка, ты!.. — только и смогла воскликнуть она.

Френсис улыбнулся:

— Ну, я, моя дорогая — хотя ты не должна приписывать весь этот успех только мне. Рано или поздно кому-нибудь удалось бы сделать аналогичное открытие. Мне просто повезло больше других.

— «Просто повезло»!.. Боже мой! Как просто повезло Флемингу, когда он открыл пенициллин. Папочка, я... все это так странно...

Стефани встала и неуверенной походкой подошла к окну. Прижалась лбом к холодному стеклу и выглянула в парк.

Пол растерянно проговорил:

— Мне очень жаль, папа, но, боюсь, я не все понял. Похоже, твои слова потрясли Стеф, так что, наверное, ты

сделал нечто грандиозное, однако не забывай, я всего лишь обычный инженер.

— Ну, это совсем не трудно понять, вот поверить — гораздо труднее, — начал объяснять Френсис. — Тут дело в процессе деления и роста клеток...

Стефани, продолжавшая стоять у окна, вдруг замерла, а потом резко повернулась. Ее взгляд застыл на профиле отца, затем она перевела глаза на большую фотографию в рамке, на которой он был снят рядом с Кэролайн; снимок сделали за несколько месяцев до ее смерти. Когда Стефани снова взглянула на отца, ее глаза округлились. словно сомнамбула, она медленно подошла к зеркалу и посмотрела на себя.

Френсис прервал на полуслове свои объяснения и повернул голову к дочери. Несколько секунд они стояли в полной неподвижности. Продолжая смотреть в зеркало, Стефани негромко спросила:

— Как долго?

Френсис не ответил. Казалось, он ее не слышит. Его взгляд скользнул к стене, где висел портрет его жены. Стефани наконец пришла в себя, к ней вернулась способность говорить. Она быстро повернулась к отцу и в ее голосе зазвучали жесткие нотки.

— Я спросила тебя, как долго? — повторила она. — Как долго я буду жить?

Френсис поднял голову. Их глаза встретились, но через несколько секунд он не выдержал и отвернулся. Некоторое время внимательно рассматривал свои руки, а потом снова взглянул на дочь. Бесцветным голосом, словно читая скучную лекцию, он ответил:

— Предположительная продолжительность твоей жизни, дорогая, по моим прикидкам, составит около двухсот двадцати лет.

Наступившую тишину нарушил стук в дверь. Мисс Берчетт, секретарша Френсиса, заглянула в комнату.

— Звонит мисс Брекли из Лондона, сэр. Она говорит, что это очень важно.

Френсис кивнул и вышел вслед за ней из кабинета, дети проводили его изумленными взглядами.

— Он что, это все всерьез? — воскликнул Пол.

— Ой, Пол! Неужели папа может сказать что-нибудь подобное и не быть при этом абсолютно серьезным?

— Нет, конечно, нет И мне тоже? — потрясенно проговорил он

— Естественно. Только немного меньше, — пояснила Стефани

Она подошла к одному из кресел и устало опустилась в него

— Что-то не могу взять в толк, как тебе удалось так быстро понять, в чем тут дело, — с подозрением поинтересовался Пол.

— Понятия не имею. Знаешь, похоже на головоломку Он просто встряхнул ее, и все части встали на место.

— Что встало на место?

— Ну, части. Разные мелочи.

— Все равно не понимаю. Он ведь только сказал...

Пол замолчал, потому что дверь открылась, и Френсис вернулся в кабинет.

— Диана не придет, — сказал он. — Она говорит, что все образовалось.

— А в чем была проблема? — спросила Стефани.

— Пока не очень в курсе — она боялась, что может подняться шумиха, поэтому посчитала своим долгом предупредить меня. А я решил, что пришла пора рассказать вам.

— Не понимаю, какое отношение ко всему этому имеет Диана? Она что, выступает в роли всего агента или что-нибудь в этом же роде? — поинтересовалась Стефани.

Френсис покачал головой:

— Она не является моим агентом. Еще несколько дней назад я не имел ни малейшего представления о том, что кому-нибудь, кроме меня, известно про эти свойства лишайника. Тем не менее она вполне однозначно дала мне понять, что все знает, причем уже довольно давно.

Пол нахмурился:

— Никак не могу уразуметь. Она что, украла твоё изобретение?

— Нет, — ответил Френсис — Не думаю. Диана говорит, что сама работала над изучением активного вещества и что может показать мне свои записи в качестве доказательства. Я ей верю. Являются ли результаты экспериментов законной собственностью Дианы, уже другой вопрос

— А какие проблемы у нее возникли? — продолжала настаивать Стефани.

— Насколько я понял, Диана применяла лишанин. Что-то произошло, и ее привлекли к ответственности за нанесение ущерба. Она боится, что если дело передадут в суд, то в процессе слушания наше изобретение перестанет быть тайной.

— А она не может, или не хочет, платить, поэтому решила одолжить у тебя денег, чтобы не доводить дело до суда? — предположил Пол.

— Я был бы тебе очень признателен, Пол, если бы ты постарался не делать скоропалительных выводов. Ты плохо помнишь Диану, в отличие от меня. Дело возбуждено против какой-то фирмы, в которой она работает. Они вполне в состоянии заплатить, в этом можешь не сомневаться, так она по крайней мере говорит. Но они оказались в очень тяжелом положении. Утверждается, что нанесен серьезный урон, так что все это напоминает шантаж. Если они заплатят, другие тоже захотят предъявить столь же возмутительные требования; а если они откажутся платить, возникнет шумиха. Очень неприятное положение.

— Не понимаю... — начала Стефани и тут же смолкла. Глаза у нее широко раскрылись. — Ты хочешь сказать, что она давала это вещество...

— Лишанин, Стефани.

— Лишанин. Неужели Диана давала его людям, которые ничего про него не знали?

— Конечно, а как могло быть иначе? Как ты думаешь, если бы они знали, эта новость не разнеслась бы по всему свету за какие-нибудь пять минут? Почему, ты думаешь, я вел себя настолько осторожно, что до сих пор даже вам ничего не говорил?.. Чтобы спокойно пользоваться полученным веществом, мне пришлось прибегать к разным уловкам; вероятно, и ей тоже.

— Прививки! — вдруг воскликнул Пол. — Так вот что это было такое.

Он вспомнил: когда ему исполнилось семнадцать лет, отец довольно подробно объяснил, что определенные бактерии развили в себе свойство, позволяющее им оказывать сопротивление антибиотикам, и уговорил его согласиться на прививку нового активного вещества, повышающего иммунитет организма. Кроме того, Френсис сказал, что это вещество еще несколько лет не станет достоянием широкой публики. У Пола не было причин отказываться, поэтому они отправились в лабораторию. А там отец сделал надрез

у него на предплечье, вложил туда миниатюрный шарик, а потом наложил несколько швов и забинтовал руку

— Этого хватит на год, — сказал тогда Френсис. И с тех пор процедура стала ежегодной и происходила примерно в районе дня рождения Пола. Позже, когда Стефани исполнилось шестнадцать, Френсис подверг ее такой же процедуре

— Вот именно Прививка, — согласился Френсис.

Сын и дочь смотрели на отца несколько секунд, потом Стефани нахмурилась.

— Все это очень хорошо, папа. Мы это мы, а ты это ты, так что с нами все было очень просто. Но ведь Диана — совсем другое дело. Как ей удалось?.

Она замолчала, неожиданно вспомнив Диану, когда та сидела, прислонившись спиной к стогу сена, и смеялась, как безумная. Что она тогда сказала? «...я знаю, что стану делать...»

— Что это за фирма, в которой работает Диана, папочка? — спросила она.

Френсис с сомнением посмотрел на дочь.

— Что-то ужасно необычное, — проговорил он. — Египетское какое-то смешное название.. нет, нет, не Клеопатра.

— Случайно не «Нефертити»? — поинтересовалась Стефани

— Да, да, именно. «Нефертити Лимитед».

— О Господи! А Диана.. не удивительно, что она так тогда смеялась, — воскликнула Стефани.

— С моей точки зрения, назвать фирму «Нефертити» — настоящее безобразие, и ничего в этом нет смешного, — возмутился ее отец. — Чем они там занимаются?

— Ой, папочка! Ну ты даешь! Где ты живешь? Это один из ну, это салон красоты в Лондоне. Ужасно дорогой и престижный.

Френсис не сразу понял значение ее слов, а когда до него постепенно дошел смысл сказанного, у него на лице отразилась вся гамма чувств. Сначала он молча уставился на Стефани, не в состоянии произнести ни единого слова, затем глаза его лишились осмысленного выражения, он неожиданно наклонился вперед, спрятав лицо в руках, и принялся смеяться.. или всхлипывать?

Стефани и Пол несколько мгновений удивленно смотрели друг на друга. Пол явно не знал, что следует делать в

подобной ситуации. Он подошел к отцу и положил руки ему на плечи. Казалось, Френсис этого не заметил. Тогда Пол сжал руки и немного встряхнул отца.

— Папа! — сказал он. — Перестань!

Стефани же отправилась к шкафчику, дрожащей рукой плеснула в стакан коньяку и вернулась к отцу. Френсис уже выпрямился, по щекам у него текли слезы, а глаза были какими-то пустыми. Он взял стакан из рук дочери и одним глотком осушил его наполовину. Постепенно в глазах Френсиса Саксовера появилось осмысленное выражение.

— Простите, — с трудом произнес он. — Ужасно забавно, разве вы со мной не согласны? Все эти годы... все годы я хранил тайну. Величайшее открытие в истории человечества. Страшная тайна. Никто не должен знать. Слишком опасно. И на тебе! Салон красоты... Действительно смешно, правда? Разве эта история не кажется вам забавной? — Он снова принялся смеяться.

— Ш-ш-ш! Папочка, ложись и попытайся расслабиться. Ну вот, хорошо. Вот так, милый. Выпей еще немного. Ты почувствуешь себя лучше.

Френсис устроился в углу дивана и заглянул Стефани в лицо. Затем опустил пустой стакан на пол и, потянувшись, взял ее за руку. Поднес руку дочери к глазам, внимательно посмотрел на нее, поцеловал, а потом перевел взгляд на портрет жены.

— О Господи! — сказал он и заплакал.

Через полтора часа, хорошенько поужинав, Френсис окончательно пришел в себя и снова отправился с детьми в свой кабинет, чтобы продолжить прерванный разговор.

— Как я уже говорил, — сказал он, — я не считаю, что честь открытия лишанина принадлежит только мне — все произошло случайно, и Диана воспользовалась тем же стечением обстоятельств. Мои тревоги начались в тот момент, когда я понял, что удалось открыть. В настоящий момент сложилась очень интересная ситуация: вот-вот будет сделано сразу несколько значительных открытий, но никто даже не пытается подготовить к ним людей. Какой-нибудь антигерон, или даже несколько его разновидностей,

должен был появиться уже давным-давно, однако я не слышал ни о ком, кто всерьез задумался бы над проблемами, которые могут возникнуть, когда это вещество будет изобретено. Я и сам не имею ни малейшего представления о том, какой из возможных путей его применения является правильным и принесет человечеству — в конечном итоге — наименьший вред. Я много думал, и в конце концов меня охватило ужасное беспокойство: мне стало ясно, что появление лишанина может иметь грандиозные последствия. Конечно, не такие впечатляющие, как фейерверки, что устраивают парни, занимающиеся атомом, но действие лишанина может оказаться куда более разрушительным в потенциале...

Вы только представьте себе, что произойдет после того, как будет сделано официальное сообщение. Люди узнают о возможности увеличения продолжительности жизни. Новость распространится по всему миру, как пожар в прерии. Что напишут газеты! Самая древняя мечта человека наконец осуществилась. Подумайте о двадцати миллионах листовок, в которых каждому будет обещано, что он сможет стать Мафусаилом! Интриги, взятки — может быть, даже войны — люди пойдут на все, чтобы получить несколько дополнительных лет жизни; хаос, в который будет повергнут наш и без того перенаселенный мир. Перспективы казались мне — да и сейчас кажутся — ужасными. Три или четыре столетия назад, возможно, мы сумели бы справиться с ситуацией, взять ее под контроль, но в современном мире

У меня начались кошмары. Они и сейчас изредка меня посещают.

Но это еще далеко не самое худшее. Открытие, сделанное не в том столетии, — это плохо уже само по себе, но здесь неприятности не заканчиваются: я открыл не тот антигерон.

Я убежден, что если существует один вид, значит, есть и другие. Они более эффективны или менее, но их просто не может не быть. Основная проблема, связанная с лишанином, состоит в том, что лишайник, из которого выделено активное вещество, прислал нам ботаник-путешественник Макдональд, а он утверждает, что этот лишайник растет только в одном месте, причем на территории всего в несколько квадратных миль. Иными словами, его катастрофически мало. А то, что есть, нельзя собирать крупными

партиями. По моим подсчетам, запасов хватит на постоянные прививки трем, максимум четырем тысячам человек

Нетрудно себе представить, чем это все чревато: мы сообщим о нашем открытии, а потом поясним, что воспользоваться им смогут три или четыре тысячи человек. А ведь это, видит Бог, проблема жизни и смерти — кто будет тем счастливецом, который получит право жить дольше других? Почему именно он? Цена лишайника сразу же подскочит до астрономических размеров. К нам вернутся времена золотой лихорадки — только развязка наступит гораздо быстрее. Одна, две недели, может быть, даже несколько дней... и ничего не останется. С лишайником будет покончено. Навсегда!

Чтобы получить нужное количество вещества, необходимо культивировать лишайник на тысячах квадратных миль, а это совершенно нереально. Если даже не принимать в расчет сложности, которые неминуемо возникнут при приобретении такой огромной территории, вырастить его все равно не удастся, поскольку абсолютно невозможно организовать надежную охрану — слишком велика цена.

Все эти пятнадцать лет я считал, что существует только один выход из сложившегося положения — нужно найти способ синтезировать антигерон, однако до сих пор мне это не удалось...

Впрочем, существовал еще один вариант: если набраться терпения и подождать, кто-нибудь обязательно откроет другой вид антигерона, источник которого не будет таким ненадежным. Но это по-прежнему остается одной из тех проблем, что может быть решена завтра или через много лет...

Что мне оставалось делать? Я нуждался в человеке, которому мог бы все рассказать, для проведения экспериментов требовались ассистенты. Передо мной встала очень серьезная проблема: кому доверить тайну? Как отобрать людей, способных устоять перед соблазном получить миллионы фунтов — ведь хватило бы всего нескольких ключевых фраз? Даже если бы я и нашел таких людей... нельзя сбрасывать со счетов проблему утечки информации: вскользь брошенного слова, намек было бы достаточно, чтобы кто-то серьезно призадумался и попытался разнюхать, чем мы тут в «Дарре» занимаемся. Профессионалу понять это не стоило бы никакого труда — и тогда, как я и предсказывал, с лишайником будет покончено!

Я не знал, кому мог бы доверять безоговорочно. Вероятно, в подобной ситуации легко потерять чувство реальности. Но вот представьте себе: вы нашли очень надежного человека, а потом в один прекрасный момент он произносит всего лишь одно важное слово, и урон нанесен... В конце концов я пришел к выводу, что в мире есть одна-единственная личность, которой можно полностью доверять, — я сам. До тех пор пока я принимаю все меры предосторожности, никому ничего не рассказываю, утечка информации исключена — только так можно рассчитывать на сохранение полной секретности...

С другой стороны, если никто не способен извлечь никакой пользы из моего открытия, его и делать не стоило. Меня абсолютно удовлетворили результаты, полученные при введении лишанина лабораторным животным. Следующая ступень — попробовать действие вещества на себе. Все первоначальные выводы подтвердились. Тогда встал вопрос о вас. Кто, как не вы, должен был в первую очередь выиграть от изобретения вашего отца?

Однако тут снова возникала проблема сохранения тайны. Вы были еще совсем юными. Подобный секрет был бы для вас непосильным бременем. Кроме того, вы могли случайно проговориться — а ведь ваша фамилия Саксовер, соответствующие выводы сделать было бы совсем нетрудно. Значит, следовало провести все таким образом, чтобы вы ничего не знали.

Теперь я понимаю, что моя затея была обречена на провал. Когда-нибудь вы сами заметили бы, что с вами что-то не так, а потом сомнения появились бы и у всех тех, кто вас окружает. Однако мне сопутствовала удача, и на несколько лет я получил передышку. С тех пор как я сделал первую прививку Полу, прошло десять лет. К сожалению, за все эти годы мне так и не удалось синтезировать лишанин.

Мне кажется, я сделал все, что мог, но этого оказалось недостаточно. Ну а что касается проблем, которые возникли у Дианы Брекли... Удалось ли ей и в самом деле с ними разобраться, теперь уже не имеет принципиального значения. Пройдет совсем немного времени, и вокруг заговорят: «Вы только посмотрите, как молодо выглядят эти Саксоверы», и кто-нибудь обязательно захочет проведать, в чем тут дело. Так что пришла пора вам узнать всю правду. Но я считаю, что нужно постараться как можно дольше

продержать мое открытие в секрете — может быть, удастся избежать кризиса. Здесь каждый месяц на счету.

Наступило долгое молчание, которое прервала Стефани:

— Папочка, а что ты думаешь о роли Дианы?

— Это очень сложный вопрос, моя дорогая.

— Ты довольно спокойно ко всему отнесся, тебя только возмутило название, которое она выбрала для своего салона.

— Да, я повел себя глупо. Сожалею. Сначала я просто разозлился. Потом злость прошла. Конечно, Диана нарушила контракт, но это не кража — ни секунды не сомневаюсь. У меня было пятнадцать лет на раздумья, а я так и не смог решить, как поступить со своим открытием. Не знаю, чем именно занимается Диана, но ей каким-то образом удалось сохранить наше изобретение в тайне. Если бы она этого не сделала, могла бы произойти трагедия, но теперь... Ну, как я уже говорил, скоро наш секрет станет всеобщим достоянием. Нет, я уже не сержусь — в каком-то смысле я даже испытал облегчение, узнав, что больше не должен оставаться наедине со своими мучительными мыслями. Но я все равно хотел бы выиграть еще немного времени...

— Если то, что сказала Диана, правда и ей удалось успешно разрешить кризис — тогда ничего существенно не изменилось? — спросила Стефани.

Френсис покачал головой:

— Три дня назад я был один. Теперь мне известно, что Диана все знает, а после сегодняшнего разговора количество людей, которым открылась правда, удвоилось.

— Но только мы, папочка, Пол и я. Если только Диана не рассказала еще кому-нибудь...

— Она утверждает, что нет.

— Тогда все в порядке.

Пол наклонился вперед.

— Конечно, — перебил он Стефани, — для тебя все осталось по-прежнему, но вот что касается меня, тут гораздо сложнее. Я ведь женат.

Выражение лиц его отца и сестры почти не изменилось.

— Пока я ничего не знал — я ничего не знал, и все. Но теперь, когда мне стала известна правда... ну, моя жена тоже имеет право ее знать.

Френсис и Стефани молчали. Стефани сидела не шевелясь, ее волосы разметались по темной обивке кресла.

Казалось, девушку совершенно неожиданно заинтересовал рисунок на ковре. Френсис тоже избегал смотреть сыну в глаза. Молчание затянулось и стало неловким. Стефани не выдержала и нарушила его.

— Ты не обязан сразу ей все говорить, Пол. Нам же необходимо время, чтобы самим привыкнуть. увидеть в правильном свете.

— А ты попытайся поставить себя на ее место, — предложил Пол. — Как бы ты стала относиться к мужу, который не посчитал нужным сообщить тебе о подобном повороте в его судьбе?

— Подобных поворотов в судьбе до сих пор еще не случалось, — возразила Стефани. — Это очень необычное и странное событие. Я не говорю, что ты не должен ей рассказать, но можно же отложить разговор до тех пор, пока мы не разработаем какой-нибудь разумный план.

— Она имеет право рассчитывать на то, что ее муж будет вести себя с ней предельно честно, — упрямо заявил Пол.

Стефани повернулась к Френсису:

— Папа, скажи ему, чтобы он немного подождал — пока мы не поймем, как все это может обернуться.

Френсис не сразу заговорил. Он погладил рукой свою трубку, несколько минут задумчиво ее разглядывал, а потом поднял глаза и посмотрел на сына.

— Именно это, — сказал он, — и мучило меня четырнадцать лет. Я молчал, потому что не мог доверить свою тайну ни единому человеку; я никому не доверял абсолютно — с тех пор как умерла ваша мать. Как только идея возникает, никто и никогда не в состоянии предсказать, когда она прекратит развиваться. Единственно надежный способ установить над ней контроль — это сделать все, чтобы она не возникла, не позволить ей дать ростки. Так я считал. И, похоже, это было даже разумнее, чем я предполагал.

Он посмотрел на часы.

— Прошло три с половиной часа с той минуты, — продолжал Френсис, — как я выпустил свою тайну на свободу — с тех пор как рассказал вам о своем открытии. И вот идея уже пустила ростки и сражается за жизнь.. Если бы я мог воззвать к холодному голосу разума, думаю, у нас не возникло бы никаких сложностей. Однако, к несчастью, мужья часто забывают о доводах рассудка, ког-

да речь идет об их женах, а те, в свою очередь, ведут себя еще менее благоразумно. Поверь, Пол, я понимаю твои проблемы.

И тем не менее я должен сказать вот что: если ты готов рискнуть и взять на себя ответственность за то, что из-за тебя мир погрузится в пучину трагедии, масштаба которой тебе и не снился, ты сделаешь то, что считаешь благородным; но если тебе хватит мудрости, ты никому, совсем никому, ничего не скажешь.

— И все же, — заявил Пол, — ты несколько минут назад дал нам понять, что, если бы мама была жива, ты ей все рассказал бы.

Френсис ничего не ответил, только не сводил с сына глаз. Пол нахмурился:

— Ну хорошо, я понимаю. Что уж тут говорить! Мне прекрасно известно, что вам обоим Джейн никогда не нравилась. А теперь вы даете мне понять, что не доверяете ей. Ведь именно так обстоит дело, правда?

Стефани пошевелилась, словно собиралась возразить, но передумала. Френсис тоже молчал.

Пол встал и, не глядя на сестру и отца, вышел из комнаты, с грохотом захлопнув за собой дверь. Через несколько секунд они услышали, как мимо окон промчалась машина, направляющаяся в сторону шоссе.

— Не очень хорошо у меня получилось, — печально проговорил Френсис. — Наверное, он ей все-таки скажет?

— Боюсь, что да, папочка. Знаешь, в каком-то смысле он действительно прав. Кроме того, Пол побаивается Джейн — он не знает, как она себя поведет, когда узнает, что ему все было известно, а ей он ничего не рассказал.

— И что будет потом?

— Вероятно, она придет к тебе и захочет, чтобы ты сделал ей прививку лишанина. Впрочем, не думаю, что она это сделает сразу.

Френсис ничего не сказал, лишь кивнул. Чуть позже Стефани добавила:

— Папочка, прежде чем я уйду, хотелось бы узнать побольше... как все это на мне скажется.

ГЛАВА 5

Стефани вышла из лифта и принялась искать в сумочке ключ от своей квартиры. На неудобном стуле, поставленном

на площадке исключительно для уюта, а не для того, чтобы на нем сидели, устроился кто-то очень большой. Когда Стефани подошла к двери, человек встал и приблизился к ней. Задумчивость мгновенно покинула лицо девушки, она узнала человека, вспомнила свое обещание и ужасно расстроилась — и все за единую долю секунды.

— О Господи! — не к месту воскликнула она.

— Вот уж это точно, — мрачно произнес молодой человек. — Я должен был зайти за тобой час назад. Что я и сделал.

— Мне страшно стыдно, Ричард. На самом деле я...

— Только ты забыла.

— Да нет, вовсе нет, Ричард... по крайней мере сегодня утром я помнила. Но с тех пор столько всего произошло. Поэтому... у меня просто вылетело из головы.

— Вот уж это точно, — снова проговорил Ричард Треверн.

Он стоял на площадке — высокий, светловолосый, довольно плотный молодой человек — и внимательно смотрел на Стефани. Искреннее смущение девушки немного остудило его возмущение.

— Что произошло? — поинтересовался он.

— Да... семейные проблемы, — неопределенно ответила Стефани и положила руку на лацкан его пиджака. — Пожалуйста, Ричард, не сердись. От меня ничего не зависело. Нужно было срочно съездить домой. Ты же знаешь, иногда возникают неотложные дела... Мне ужасно жаль, что все так получилось... — Она принялась снова шарить в сумочке, пока наконец не нашла ключ. — Заходи, садись. Дай мне минут десять — я приму душ, переоденусь и буду готова.

Ричард фыркнул, следуя за Стефани в квартиру.

— Через десять минут занавес уже будет поднят вот уже пять минут. Если ты действительно уложишься в десять минут.

Стефани остановилась и с сомнением посмотрела на своего приятеля.

— Ой, Ричард, а ты очень расстроишься, если мы совсем не пойдем? Может быть, лучше отыщем какое-нибудь тихое место, пообедаем и все? Я знаю, с моей стороны это страшное свинство, но сегодня мне совсем не хочется идти

в театр. Я думаю, если ты им позвонишь, они смогут продать наши билеты...

Ричард пристально посмотрел на нее.

— Семейный скандал? Кто-нибудь умер? — спросил он.

Стефани покачала головой:

— Просто я пережила некоторое потрясение. Это пройдет... если ты поможешь мне справиться.

— Ладно, — согласился Ричард. — Позвоню. Все в порядке, только я есть хочу.

Стефани положила руку ему на плечо, подставила щеку для поцелуя и, сказав:

— Ты такой милый, Ричард, — умчалась в спальню.

После столь неудачного начала вечер продолжал казаться под гору. Стефани решила прибегнуть к искусственному способу улучшения настроения. Прежде чем уйти из дома, она выпила две порции martin и еще две в ресторане. Это не очень помогло, и тогда она сообщила Ричарду, что только шипучее вино в состоянии поднять ей настроение — так и случилось, но в такой форме, что Ричард был несколько обеспокоен. Впрочем, продолжалось это недолго. В конце обеда Стефани принялась так настойчиво требовать двойную порцию бренди, что Ричард, несмотря на сомнения, посчитал нужным уступить. После этого Стефани раздумала пить и решила поплакать. Похлюпав несколько минут носом, она потребовала еще бренди. Получив категорический отказ, она почувствовала себя несчастной жертвой жестокого обращения и со слезами на глазах воззвала к милосердию официанта, который с удивительным тактом помог Ричарду вывести ее протестующее тело из ресторана.

Доставив Стефани домой, Ричард помог ей снять пальто, после чего посадил девушку в уголок дивана, стоящего в гостиной, где она, устроившись поудобнее, принялась тихонько плакать. Сам же отправился на кухню и поставил чайник. Через некоторое время Ричард вернулся в гостиную с чашкой дымящегося крепкого кофе в руках.

— Давай, всю чашку, — приказал он, когда Стефани на время перестала плакать.

— Не буду! Что это ты тут раскомандовался?!

— Будешь! — настаивал на своем Ричард и оставался возле Стефани, пока она не допила кофе до конца.

После этого девушка снова откинулась на спинку дивана. Она больше не плакала, слезы пролились, не оставив никаких следов — сияющие глаза, чуть покрасневшие веки, а в остальном ясное, чистое лицо — такое могло бы быть у ребенка. Действительно, подумал Ричард, внимательно глядя на Стефани, именно так: у нее лицо ребенка. Трудно было поверить, что расстроенной девушке, сидящей на диване с мокрым платочком в руках, больше семнадцати лет.

— Ну, — ласково промолвил он, — что происходит? В чем дело?

Стефани молча покачала головой.

— Перестань дурить, — мягко проговорил Ричард. — Люди вроде тебя обычно не напиваются без причины. А те, у кого к этому делу привычка, нуждаются в гораздо большем количестве спиртного.

— Ричард! Ты что, хочешь сказать, будто я напилась? — с возмущенным видом поинтересовалась Стефани.

— Именно. Ну-ка выпей еще чашку кофе, — велел он.

— Нет!

— Да, — Ричард был непреклонен.

Стефани с обиженным видом выпила полчашки.

— А теперь давай выкладывай, — сказал он.

— Нет. Это тайна, — ответила Стефани.

— Ну и черт с ним. Я умею хранить секреты. Разве я смогу тебе помочь, если не буду знать, что произошло?

— А ты не сможешь, и никто не сможет. С-секрет, — заявила она.

— Иногда помогает просто поговорить, — посоветовал Ричард.

Стефани долго смотрела на него, потом глаза у нее заблестели, и в них снова появились слезы.

— О Господи! — сказал Ричард. Поколебавшись, он подошел к ней, уселся рядом на диван и взял за руку. — Послушай, Стефи, милая, иной раз кажется, будто весь мир ополчился против тебя... когда ты один. Все это так на тебя не похоже, Стефи.

Она вцепилась в его руку, по щекам потекли слезы.

— Я б-боюсь, Ричард. Я не хочу этого. Не хочу.

— Чего ты не хочешь? — ничего не понимая и беспомощно глядя на Стефани, спросил Ричард.

Она покачала головой.

Неожиданно он весь напрягся, задумчиво посмотрел на нее, а потом сказал:

— О! — И после короткого молчания добавил: — Ты только сегодня узнала?

— Сегодня утром, — объяснила Стефани. — Но я, на самом деле... ну, сначала мне это показалось таким восхитительным.

— О! — снова выдохнул Ричард.

Повисло молчание, которое продолжалось почти целую минуту. Затем он неожиданно повернулся к Стефани и обнял ее за плечи.

— Господи, Стефи... милая... почему ты не подождала меня?

Стефани печально и удивленно посмотрела на него.

— Кто? — сердито спросил он. — Ты только скажи мне, кто это, и я... я... Кто это сделал?

— Как кто? Папа, конечно! — ответила Стефани. — Он хотел как лучше, — прибавила она, стараясь быть справедливой.

У Ричарда отвисла челюсть и сами собой опустились руки. В течение нескольких секунд он выглядел так, словно его треснули по голове каким-то очень тяжелым предметом. Ему явно нужно было время, чтобы прийти в себя. Наконец он мрачно заявил:

— Похоже, мы говорим о разных вещах. Давай-ка выясним: чего это ты так страстно не хочешь иметь?

— Ричард, почему ты такой злой? — жалобно проговорила Стефани.

— Я злой? Проклятье, я тоже только что пережил потрясение. А теперь я бы хотел, черт побери, знать, о чем мы с тобой говорим? И больше ничего.

Стефани растерянно посмотрела на него:

— Как о чем, обо мне, конечно. Обо мне и о том, что я буду продолжать, и продолжать, и продолжать. Ты только подумай об этом, Ричард. Все постареют, устанут от жизни, умрут, а я буду продолжать одна, продолжать и продолжать. Теперь мне это уже не кажется восхитительным, Ричард, я боюсь. Я хочу умереть, как все остальные. Не продолжать и продолжать — а просто любить и жить, а потом стать старой и умереть. Больше мне ничего не надо. — Она умолкла, и слезы снова потекли по щекам.

Ричард внимательно ее разглядывал.

— Началась стадия мрачных рассуждений, — констатировал он.

— Это и правда ужасно мрачно — продолжаешь, и продолжаешь, и продолжаешь. Кошмар, — уверенно заявила она.

Ричард же твердо сказал:

— Знаешь что, Стефи, хватит этой чепухи — «продолжаешь и продолжаешь» Кончай, пора отправляться в постельку. Попробай утешиться размышлениями о грустной стороне данного вопроса: «Утром все зеленое и растет — а вечером его срубают и высушивают». Лично я предпочитаю, чтобы оно продолжалось и продолжалось, а высушивание можно было бы отложить.

— Но двести лет — это слишком много, чтобы продолжать, и продолжать, и продолжать — так я думаю. Это такой длинный, длинный путь, чтобы идти по нему в полном одиночестве. Двести лет... — Она вдруг замолчала, глядя на Ричарда широко раскрытыми глазами. — Ой-ой-ой! Нельзя говорить. Забудь, Ричард. С-секрет. Ужасно важный.

— Да ладно, Стефи, милая. Со мной твой секрет в безопасности. А теперь давай отправляйся спать.

— Не могу. Помоги мне, Ричард.

Он поднял ее на руки, отнес в спальню и положил на кровать. Стефани крепко обняла его за шею.

— Останься, — попросила Стефани. — Останься со мной. Пожалуйста, Ричард.

Он с трудом расцепил ее руки.

— Ты перебрала, милая. Постарайся расслабиться и заснуть. Утром все будет в порядке.

На глазах Стефани снова появились слезы.

— Мне так одиноко, Ричард. Я боюсь. Совсем одна. Ты умрешь, все умрут — кроме меня, а я буду продолжать, и продолжать, и продолжать...

Ричарду удалось высвободиться, и он решительно опустил руки Стефани на кровать. Девушка отвернулась и заплакала, уткнувшись лицом в подушку. Он постоял несколько минут около ее постели, затем наклонился и нежно поцеловал в ухо. Оставив дверь в спальню слегка приоткрытой, Ричард вернулся в гостиную и закурил. Не успел он докурить свою сигарету, как рыдания начали стихать, а

потом и вовсе прекратились. Когда Ричард погасил свет, Стефани уже тихонько посапывала.

Ричард осторожно прикрыл дверь, взял шляпу и пальто и вышел из квартиры.

Рассказать Джейн оказалось совсем не так просто, как предполагал Пол. Начать с того, что он забыл о приглашении на коктейль, на который Джейн очень хотелось пойти. Его опоздание было встречено холодным недовольством; когда же Пол предложил вообще не ходить на вечеринку, последовал ледяной отказ. Весь вечер они ели что-то при помощи маленьких вилок — а-ля фуршет, — и настроение совсем испортилось. Так что дома им пришлось устроить поздний ужин — что тоже не способствовало созданию подходящего настроения для столь важного заявления. Поэтому Пол решил подождать до того момента, когда они окажутся в постели. Но, забравшись под одеяло, Джейн решительно повернулась к нему спиной, явно намереваясь спать.

Пол выключил свет. Сначала он хотел было рассказать обо всем в темноте, но потом, наученный горьким опытом, отказался от этой мысли. Пока он колебался, дыхание Джейн стало ровным, и вопрос решился сам собой. Откровения придется отложить до завтра.

Характер Джейн сложился под влиянием обстоятельств, которые практически не коснулись Саксоверов; самыми важными из них были финансовые проблемы, в то время как в семье Саксоверов деньги всегда являлись побочным продуктом и имели свойство увеличиваться почти что самостоятельно. Джейн же, сколько себя помнила, постоянно слышала разговоры о том, что денег становится все меньше и меньше.

Ее отец, полковник Партон, всю жизнь прослуживший в регулярной армии, вышел в отставку и поселился в своем поместье в Камберленде; обстоятельства складывались так, что ему постоянно приходилось распродавать его по частям, так что в результате остался лишь маленький клочок земли. Единственный сын полковника от первого брака, Генри, был весьма симпатичным парнем, имевшим успех у женщин. Однако он не использовал свой шанс — скандал с дочерью ректора положил конец надеждам полковника на

удачную женитьбу сына. Угроза окончательно потерять поместье становилась все реальнее.

Таким образом, полковник Партон с неохотой обратил свой взор на дочь, поскольку даже в нынешние времена послушная дочь, хорошо знакомая с жесткими фактами жизни, могла спасти положение. Если у девушки есть определенные способности, стоит вложить в нее капитал. В любом случае без риска никак не обойтись: нет никакого смысла откладывать деньги на черный день, когда министерство финансов нависает над ними, как неотвратимый рок. Итак, Джейн отправили в дорожную частную школу, выпускной год она провела в Париже, потом сезон в Лондоне и, после ряда разочарований, вышла замуж за Пола.

Френсису хотелось бы, чтобы его сыну досталась не такая жена, он не сомневался, что семейное состояние сыграло существенную роль в принятии решения. Однако он тут же вспомнил других кандидаток, которые нравились ему еще меньше, — и не стал особенно возражать. Кроме броской внешности Джейн обладала известной толикой уверенности в себе. Ее манера держаться точно соответствовала правилам поведения молодой женщины ее круга. Она знала, как вести себя в обществе, жестко подчинялась запретам и с необходимым почтением относилась ко всем заповедям, выполнение которых стало модным в последние годы. Вне всякого сомнения, Джейн обладала всеми необходимыми качествами, чтобы стать отличной женой и хозяйкой дома.

Кроме того, она прекрасно знала, чего хочет и что намеревается предпринять в будущем, а это, с небольшими допущениями, с точки зрения Френсиса, было полезным качеством. Полу не подошла бы женщина со слабым характером.

И тем не менее Пол был прав, когда сказал, что ни его отец, ни сестра не любили Джейн. Они пытались, Френсис был готов предпринимать все новые и новые попытки, но Стефани довольно быстро сдалась.

— Мне ужасно жаль, папа, — призналась она однажды Френсису, — я сделала все, что могла, однако мне кажется, мы с ней живем в разных мирах и смотрим на вещи по-разному. Она ни о чем не думает — точно ее запрограммировали, как компьютер, в котором заложена заранее определенная система реагирования. Она слышит что-то, оценивает, отказывается от всего лишнего, при-

ходит в действие механизм реагирования, шелк-шелк-шелк — и появляется закодированный ответ, который могут расшифровать люди, владеющие ключом.

— А не слишком ли ты нетерпима? — спросил Френсис. — В конце концов, мы все ведем себя так, когда нам представляется, что мы правы, разве нет?

— До определенной степени, — согласилась Стефани. — Только некоторые, как кассирша, всегда ошибаются в свою пользу.

Френсис задумчиво посмотрел на дочь.

— Думаю, нам следует отказаться от этой аналогии, — сказал он. — Мы должны сделать все возможное, чтобы сохранить в нашей семье отношения, принятые среди цивилизованных людей.

— Естественно, — ответила Стефани, а потом добавила, словно эта мысль пришла ей в самый последний момент: — Хотя это как раз то, о чем я тебе и говорила — «цивилизованный» одно из слов, которые Джейн понимает совсем иначе, чем мы с тобой.

С тех пор Стефани намеренно избегала Джейн, что устраивало обеих.

А это, подумал Пол, когда решал, как лучше сообщить новость жене, не сделает предстоящий разговор приятнее.

Он понимал, что утро — не самое лучшее время для обсуждения этой проблемы. С другой стороны, вечером им снова предстояло идти в гости, поэтому завтра утром он окажется в точно таком же положении, а Пол знал, что чем больше он откладывает, тем уверенней будет себя чувствовать Джейн. В конечном счете он решил на прямые действия: за второй чашкой кофе обо всем рассказал.

Правила поведения не предусматривали подходящего ответа для молодой женщины, муж которой сообщил за завтраком, что собирается прожить двести лет.

Сначала Джейн Саксовер посмотрела на него пустыми глазами, потом ее взгляд стал более внимательным. Большая часть лица Пола была скрыта бородой, однако в таких случаях нужно прежде всего наблюдать за глазами. Она искала веселые искорки розыгрыша, сдерживаемое напряжение, но ничего подобного ей увидеть не удалось. Отсутствие улик, к несчастью, не могло ее удовлетворить: жена всегда чувствует себя спокойнее, когда всякое отклонение от нормы можно объяснить традиционными причинами, и чем они банальнее, тем лучше. Даже тот факт, что вчера

она ничего особенного не заметила, был с легкостью отброшен. Она решила сделать вид, что плохо расслышала, чтобы дать мужу возможность отказаться от своих слов и выйти из затруднительного положения без потери лица.

— Ну, — рассудительно проговорила Джейн, — за последние пятьдесят лет средняя продолжительность жизни заметно увеличилась. Вероятно, уже следующие поколения смогут жить лет до ста.

Человек всегда начинает злиться, когда его полное драматизма заявление встречают подобным образом.

— Я не говорил «сто лет», — раздраженно возразил Пол. — Я говорил «двести».

Джейн еще раз внимательно взглянула на мужа:

— Пол, а ты хорошо себя чувствуешь? Я ведь просила не пить разных коктейлей. На тебя это всегда плохо...

Терпение Пола лопнуло.

— О Господи, до чего же женщины банальны! — воскликнул он. — Неужели у тебя совсем нет воображения?

Джейн мрачно посмотрела на него через стол:

— Если ты собираешься меня оскорблять...

— Сядь на место! — рявкнул он. — И перестань отвечать мне стандартными фразами. Сядь и послушай. То, что я говорю, касается и тебя тоже.

Джейн хорошо знала, что в соответствии с неписаными законами стратегии сейчас самый подходящий момент уйти — противник будет смущен, его атака потеряет стройность, а состояние духа упадет. С другой стороны, Пол казался серьезно озабоченным, поэтому, что было для нее совсем не характерным, Джейн заколебалась.

Когда он снова закричал: «Сядь и послушай!», она так удивилась, что не стала спорить.

— А теперь, — заявил Пол, — если ты хоть немного подумаешь, прежде чем начнешь опять пороть чепуху, то поймешь: сейчас я собираюсь сказать тебе нечто очень важное.

Джейн выслушала его, не перебивая. Когда Пол закончил, она сказала:

— Пол, неужели ты думаешь, что я тебе поверю? Это совершенно фантастично! Твой отец, наверное, просто пошутил.

Пол сжал кулаки. Он сердито посмотрел на жену, потом выражение его лица изменилось, и он вздохнул.

— Да, похоже они были правы, — устало произнес он. — Лучше бы я ничего тебе не говорил.

— Кто был прав?

— Ну, отец и Стефани, конечно.

— Иными словами, они не хотели, чтобы ты мне рассказал?

— Да. Какое это имеет значение?

— Так, значит, ты не шутишь?

— Ради Бога! Во-первых, ты достаточно хорошо знаешь моего отца — он не станет так шутить, во-вторых, предполагается, что шутка должна быть смешной. Ну а теперь скажи, что в этом смешного, я с удовольствием послушаю.

— Почему они не хотели, чтобы я обо всем узнала?

— Ну, дело не простое. Они хотели, чтобы я рассказал тебе попозже, когда будет решено, как вести себя дальше.

— И это несмотря на то, что я твоя жена и член семьи?

— Проклятье! Старик ничего не говорил ни мне, ни Стефани до вчерашнего дня.

— Но ты ведь мог догадаться. Сколько времени это уже продолжается?

— С тех пор, как мне исполнилось семнадцать, а Стеф — шестнадцать.

— И ты хочешь, чтобы я поверила в то, что ты ни о чем не догадывался?

— Ну, ты же не поверила, когда я тебе прямо все сказал, не так ли? Сама подумай: можно догадаться о какой-нибудь возможной ситуации, но кому придет в голову предполагать нечто совершенно невероятное? Дело было так...

И он рассказал Джейн о том, что отец говорил им со Стефани, когда ежегодно вшивал детям маленькие капсулы с лишанином.

— Заживало все очень быстро, — закончил Пол, — оставался лишь едва различимый бугорок под кожей, вот и все. Как я мог догадаться, что за этим стоит на самом деле?

Джейн с сомнением посмотрела на него:

— Но должен же был быть какой-то эффект. Неужели ты ничего не замечал?

— Почему же, — ответил Пол, — я видел, что очень редко подхватываю простуду. За десять лет только один раз болел гриппом, да и то в легкой форме. И еще я обратил внимание на то, что любые царапины и порезы быстро заживают и никогда не гноятся. Я заметил то, что мог

заметить. Почему я должен был обратить внимание на что-нибудь другое?

Джейн решила переключиться на другие вопросы.

— А почему именно двести лет? Откуда такая точность? — поинтересовалась она.

— Потому что эта штука так действует. Я еще не знаю всех деталей, да мне и не понять механизма. Отец сказал, что лишанин уменьшает скорость деления клеток примерно в три раза — таким образом, за каждые три года, с тех пор как отец начал делать мне прививки, мой организм старел на один.

Джейн задумчиво посмотрела на мужа.

— Понятно. Значит, при том, что тебе двадцать семь, твоему организму — около двадцати лет. Именно это ты имел в виду?

Пол кивнул:

— Да, я понял объяснения отца именно так.

— Но ты не заметил такой мелочи?

— Конечно, я заметил, что для своего возраста выгляжу очень молодо — поэтому и отпустил бороду. Но и другие люди нередко кажутся моложе своих лет.

Джейн бросила на него скептический взгляд.

— Ну, что ты теперь придумала? — сердито спросил Пол. — Пытаешься убедить себя, что я все от тебя скрывал? Теперь, когда мы знаем, в глаза начинают бросаться многие детали. Черт побери, разве ты сама не замечала, как редко мне нужно стричься, как долго росла моя борода? Почему у тебя не возникло никаких подозрений?

— Ну, — задумчиво заметила Джейн, — если ты мог не обратить внимания на все эти мелочи, Стефани должна была.

— Не понимаю, почему ей следовало догадаться раньше. Наоборот — ей ведь не нужно бриться, — ответил Пол.

— Дорогой, — заметила Джейн язвительно, — со мной тебе не обязательно прикидываться дурачком.

— А я и не прикидываюсь... Ах вот ты о чем, понимаю, — ответил немного смущенно Пол. — И все же я не думаю, что она догадалась. Тому не было никаких свидетельств. Правда, она сообразила, что к чему, быстрее меня, когда отец нам все рассказывал.

— Она должна была догадаться, — повторила Джейн. — Стефани очень часто бывала в «Дарре». И даже если она

сама не сообразила, кто-нибудь мог обронить неосторожное слово, считая, что она в курсе дела.

— Но я же говорил тебе, — терпеливо сказал Пол. — Никто об этом не знает — по крайней мере отец так считал до тех пор, пока не позвонила Диана.

Джейн еще немного подумала, а потом покачала головой:

— Как можно быть таким наивным? Пол, ты, я вижу, даже не сообразил, что все это значит. Миллионы, многие миллионы! Существуют сотни мужчин и женщин, которые с удовольствием заплатят тысячи фунтов, чтобы продлить свою жизнь. Ведь даже самые богатые никогда не могли купить себе одного лишнего дня. Неужели ты думаешь, я поверю в то, что твой отец так ничего и не сделал со своим изобретением, лишь вшивал вам со Стефани эти волшебные шарики? Ради Бога, Пол, у тебя есть хоть немного здравого смысла?

— Ты просто не понимаешь. Дело совсем не в этом. Конечно, он не равнодушен к славе, да и от денег не стал бы отказываться. Но отца беспокоит другое. Теперь у него есть время, чтобы...

Джейн неожиданно перебила его:

— Ты хочешь сказать, что он и себе вводит лишанин?

— Естественно. Как он мог начать давать его нам, не проверив сначала?

— Но, — Джейн так сильно вцепилась в стол, что костяшки ее пальцев побелели, — ты хочешь сказать, что он тоже проживет двести лет? — нервно спросила она.

— Ну, конечно нет. Он же начал, когда был гораздо старше.

— Тем не менее он сумеет продержаться больше ста лет?

— Несомненно.

Джейн пристально взглянула на мужа. Она уже открыла было рот, чтобы что-то сказать, но потом передумала.

Пол добавил:

— Проблема заключается в том, что он не знает, как преподнести свое изобретение. Он хочет избежать катаклизмов.

— Мне не понятно, какие тут могут быть проблемы, — заявила Джейн. — Покажите хоть одного богатея, который с удовольствием не расстался бы с целым состоянием, чтобы получить подобное лечение! Кроме того, этот чело-

век будет сам заинтересован в сохранении тайны. Я не сомневаюсь, что именно так все и происходит.

— Ты хочешь сказать, что мой отец может так поступать?

— Да брось ты! Он толковый бизнесмен и разумно ведет свои дела, ты же это сам всегда говорил. Поэтому я тебя и спрашиваю, как мог деловой человек в течение четырнадцати лет упускать такую возможность? Бессмыслица!

— Значит, ты считаешь, что, раз отец не смог начать продавать лишанин, как какое-нибудь моющее средство, он решил продавать его тайно?

— А какая от лишанина польза, если его нельзя продавать тем или иным способом? Рано или поздно это все равно придется сделать. Очевидно, не выкинув на открытый рынок свое изобретение, он может получить очень высокую цену, продавая это чудодейственное средство избранным. И какую высокую! Как только ему удастся убедить покупателя в качестве продукта, любой отдаст ему половину своего капитала. — Джейн немного помолчала, затем продолжила: — А ты какое к этому имеешь отношение? Он все это время наживался, а ты даже ничего не знал, пока не произошло утечки информации и твой папаша не сообразил, что сливки уже сняты, ты обязательно все узнаешь. Вот тогда-то он и решил поделиться с тобой своим секретом!

Он уже, наверное, сделал на этом миллионы — и держит их при себе... а еще он увеличил продолжительность своей жизни. Сколько пройдет времени, прежде чем мы что-нибудь получим — столетие, или еще больше?

Пол смущенно посмотрел на жену. Теперь пришла его очередь колебаться. Заметив выражение его лица, Джейн заявила:

— Нет ничего дурного в том, чтобы смотреть правде в глаза. Старики умирают, а молодые получают наследство — это вполне естественно.

Тут Пол не выдержал и принялся возражать:

— Ты все неправильно поняла, — повторил он. — Если бы отец хотел быть очень богатым, он уже давно изменил бы свою жизнь: все в «Дарре» было бы устроено иначе, более того, фирма уже давно прекратила бы свое существование. Отца прежде всего интересует работа, и так было всегда. Его беспокоят последствия. А что до

твоего предположения относительно тайных продаж, вроде врача, который делает подпольные аборты — это просто чушь собачья. Ты же прекрасно знаешь, что он не такой.

— Каждый человек имеет свою цену... — начала Джейн.

— Кто же спорит, но это не обязательно выражается в деньгах.

— Если не деньги, значит, власть, — заявила Джейн. — Деньги это и есть власть. Если у тебя их достаточно, твоя власть ничем не ограничена, так что в конечном счете результат тот же.

— Отец никогда не страдал манией величия. Он ужасно беспокоится о том, к чему может привести обнародование его открытия. Если ты с ним поговоришь...

— Если! — воскликнула она. — Мой дорогой Пол, я обязательно поговорю с ним. Мне очень многое нужно ему сказать — например, почему он скрыл от нас свои планы и признался лишь тогда, когда все пошло наперекосяк. И не только это. Похоже, ты не понимаешь, что он сделал со мной — твоей женой, своей невесткой. Если все, что ты сказал, правда, значит он сознательно дал мне стать на два года старше, хотя это могло бы быть всего восемь месяцев. Он хладнокровно лишил меня шестнадцати месяцев жизни. Ну, что ты на это скажешь?..

ГЛАВА 6

— Я бы хотел написать об этом статью. Там происходит что-то интересное. Не сомневаюсь, — сказал Джеральд Марлин.

— Очень модное заведение, «Нефертити». Тут нужно быть абсолютно уверенным в своих источниках, — ответил редактор «Санди Проул».

— Естественно. Именно такое заведение и интересует наших читателей, в особенности скандал. Скандал из жизни богатых.

— М-м, — с сомнением промычал редактор.

— Послушайте, Билл, — продолжал настаивать на своем Джеральд. — Эта женщина по фамилии Уилберри встрясла из них пять тысяч фунтов. Пять тысяч — я сильно сомневаюсь, что ей удалось бы получить столько же, обратиться она в суд. Конечно, крылышки ей малость подрезали: она хотела получить десять тысяч. Вы же не станете спорить: это дурно пахнет.

— Роскошные заведения, вроде «Нефертити», готовы заплатить баснословные суммы, чтобы только их не стали таскать по судам. Такая слава им не нужна.

— Но ведь пять тысяч!

— Всего лишь обычные расходы, вроде налогов, что нужно платить министерству финансов. — Редактор немного помолчал. — По правде говоря, Джеральд, я очень сомневаюсь, что тут что-то нечисто. У этой Уилберри всего лишь аллергия. С любым может случиться.

И очень даже часто случается. Раньше было очень модно снимать под этим предлогом денежки с парикмахеров, пользующихся разными новыми красками для волос. Одному Богу известно, что кладут во всякие кремы, лосьоны, примочки и что там еще они применяют в этих заведениях. Предположим, у тебя аллергия на китов.

— Если бы у меня была аллергия на китов, точнее, на китовый жир, мне не нужно было бы идти в шикарный салон красоты, чтобы об этом узнать.

— Представь себе, пришел кто-нибудь и сказал: «Вот последнее достижение науки, которое будет верой и правдой служить Красоте! Потрясающая вещь, редкий дар Природы, которую можно обнаружить только в июне в левом желудочке осы, откуда опытные ученые, посвятившие всю свою жизнь тому, чтобы подарить ВАМ новую красоту, извлекают драгоценное вещество по капле!» Ну и как ты узнаешь, есть у тебя аллергия именно на эту муть или нет, пока не попробуешь ее на собственной шкуре? Кроме того, большинство будут чувствовать себя прекрасно, и лишь время от времени, в одном случае из тысячи найдется кто-нибудь, у кого этот препарат вызывает, скажем, сыпь. Несколько неудач — всего лишь несчастный случай на производстве, коим и можно считать эту Уилберри. Она что-то вроде предусмотренного профессионального риска, как, например, процент брака на заводе. Однако, естественно, шумиха никого не устраивает, и они стараются ее избежать.

— Да, но...

— Знаешь, старик, мне кажется, ты не понимаешь, что значит связываться с подобными заведениями — со всеми вытекающими последствиями.

— Билл, мы с вами явно не о том говорим. Я не сомневаюсь, что здесь дело нечисто; не знаю, в чем это заключается, просто чувствую. Эта Уилберри с радостью

согласилась бы на триста, или даже двести фунтов, но ее адвокаты твердо стояли на пяти тысячах и получили их. Должна быть какая-то причина — ясно, наркотики тут ни при чем — по крайней мере Скотленд-Ярд не нашел ничего, указывающего на применение наркотиков; они ведь присматривают за подобными заведениями, это всем известно.

— Ну, если они удовлетворены...

— Следовательно, раз дело не в наркотиках, значит, в чем-то другом.

— Предположим, однако дорогостоящие салоны красоты кричат на всех углах, что владеют баснословно ценными секретами — только я не понимаю вот чего: если то, что они говорят, правда, почему же тогда все женщины поголовно не превратились давным-давно в ослепительных красоток.

— Ну хорошо, будем считать, что дело всего лишь в профессиональном секрете, который позволил создать заведение высокого класса, приносящее его владельцам немалый доход... Тогда почему бы нам не попытаться разнюхать, в чем там у них дело, и не порадовать наших читателей, приоткрыв завесу тайны?

Редактор задумался.

— В этой идее что-то есть, — признал он наконец.

— Конечно, есть! Что-то в ней точно есть. Если дело тут нечисто, или нам удастся выведать потрясающий рецепт, дарующий всем и каждому неувядаемую красоту, мы в любом случае окажемся в выигрыше.

Оба задумались.

— Кроме того, эта Брекли — владелица заведения — очень странная особа. Совсем не типичная. Умна — я имею в виду не обычную деловую хватку. Я немного тут покопался, кое-что узнал про нее.

Марлин нащупал в кармане несколько сложенных листов бумаги и протянул их своему шефу.

Редактор развернул листки и прочитал заголовок: «Диана Присцилла Брекли — предварительные заметки». Заметки были напечатаны на машинке кем-то, кого гораздо больше занимала скорость, чем правильность написания. Не обращая внимания на опечатки, ошибки и сражаясь изо всех сил с дикими, с точки зрения здравого смысла, сокращениями, редактор прочитал:

«Д. П. Брекли, тридцать девять лет, говорят, выглядит гораздо моложе (следует проверить, правда это или вымы-

сел, может иметь отношение к ее профессии). Красива. Пять футов десять дюймов, темно-рыжие волосы, правильные черты лица, серые глаза. Водит роскошный «роллс-ройс», который стоит примерно семь тысяч. Адрес: Дарлингтон-мэншнс, 83, платит за квартиру астрономические деньги.

Отец: Гарольд Брекли, умер, банковский служащий (Уэксекский Банк), примерный работник, постоянный член театральной труппы банка. Жена Мальвина, вторая дочь Валентина де Траверса, богатого подрядчика, сбежала с мужем без согласия родителей. В. де Т. — суровый отец: отказал от дома и заявил, что не даст ни пенни.

Семья Брекли жила в доме номер 43 Деспент-роуд, Клэпхэм, в особняке на две семьи, небольшой залог. Интересующая нас особа — единственный ребенок. Местная частная школа — до одиннадцати лет. Затем колледж святого Меррина. Училась прекрасно. Получила стипендию в Кембридже. Разного рода награды и дипломы. Биохимия. Три с половиной года работала в “Дарр Девелопментс”, в Окинхэме.

Тем временем В. де Т. умер. Так и не простил дочь и зятя, но оставил наследство внучке. Интересующая нас особа получила около сорока или пятидесяти тысяч в возрасте двадцати пяти лет. Через полгода оставила работу в “Дарре”. (Примечание: после — очень разумно.) Построила дом для родителей возле Эшфорда, Кент. Предприняла кругосветное путешествие — отсутствовала год.

Вернувшись, купила партнерство в маленьком салоне красоты “Фрешет”, где-то в Мейфере. Через два года выкупила долю своего партнера. Через год превратила “Фрешет” в новое заведение под названием “Нефертити Лимитед” (частное предприятие: уставной капитал 100 фунтов). С тех пор имеет дело только с самыми богатыми и знатными членами общества.

Подробностей о личной жизни почти нет, несмотря на специфический характер ее занятий. Насколько известно, замужем до сих пор не была — по крайней мере сохранила свою девичью фамилию. Живет на широкую ногу, но не вызывающе. Много тратит на одежду. Никаких побочных занятий, хотя проявляет интерес к Джойнингам, производящим химические вещества. В темных делах не замешана. Производит впечатление честного человека.

Безукоризненная деловая репутация. Весь персонал «Нефертити» тщательно отбирается. Слишком хорошо, чтобы быть правдой? Думаю, нет. Просто старательно поддерживаемая безупречная репутация. Даже нападки конкурентов незначительны.

Личная жизнь: не известно. Складывается впечатление, что в данный момент отсутствует, как и в недавнем прошлом, однако изучение данного вопроса продолжается».

— Гм-м, — проворчал редактор, дочитав до конца. — Портрет не вырисовывается.

— Ну, это же всего лишь предварительное исследование, — проговорил Джеральд. — Можно узнать подробнее. Я считаю, что это интересно. Работа в «Дарре», например. Туда принимают только самых толковых — это своего рода знак отличия. Так вот мне страшно интересно, что может заставить исследователя такого калибра оставить серьезные занятия наукой и с головой погрузиться в мир косметики?

— Вполне естественное желание иметь «роллс-ройс» со всеми надлежащими аксессуарами, — предположил редактор.

Джеральд покачал головой:

— Нет, этого недостаточно, Билл. Если бы она хотела заработать побольше денег, реклама была бы поставлена по-другому. Обычно они стараются переплюнуть конкурентов и править бал в одиночку. Давайте посмотрим на дело с иной стороны. Брекли, полнейший чужак, врывается в этот парфюмерный мир, где каждый источает яд, а за улыбками скрывается желание воткнуть нож в спину. И что же? Она не только сумела выжить, но и добилась успеха, настоящего, классического успеха — не воспользовавшись при этом обычным оружием. Как? Есть только один ответ на этот вопрос, Билл, — изобретение. У нее есть то, чего нет у других. Судя по ее досье, я полагаю, что она наткнулась на что-то во время работы в «Дарре» и решила сделать на этом деньги. Носит ли это изобретение сомнительный характер, сейчас сказать трудно, но я считаю, нам следует попытаться выяснить.

Редактор еще немного подумал, а потом кивнул:

— Ладно, Джерри, попробуй разнюхать, что же там все-таки происходит. Только действуй крайне осторожно. Многие очень известные женщины посещают «Нефертити».

Если дело выльется в серьезный скандал, в нем могут оказаться замешанными жены высокопоставленных особ. Не забывай об этом, пожалуйста.

— Я передам мадам, что вы пришли, мисс, — сказала молоденькая горничная и удалилась, прикрыв за собой дверь.

Комната была чересчур строгой, на вкус Стефани, ей она даже показалась немного старомодной, слишком застывшей по современным стандартам, но в этом был особый шарм — вкус декоратора не вызывал сомнений, и после первой реакции отторжения вам даже начинало нравиться. Стефани подошла к окну. Она увидела, что через прозрачную стеклянную дверь можно выйти на крышу в маленький садик. На нескольких клумбах уже расцвели карликовые тюльпаны. В тени тщательно подстриженных кустов росли фиалки. В одном из углов миниатюрной лужайки был устроен красивый фонтан. Сбоку от ветра сад защищала стеклянная стена. За невысокой изящной железной оградой виднелись теряющиеся в тумане очертания зданий и свежая зелень парка.

— Вот это да! — воскликнула Стефани с откровенной завистью.

Услышав, что дверь открылась, она обернулась. На пороге стояла Диана в простом, но отлично сшитом костюме из серого шелка. Единственными украшениями служили простой золотой браслет на запястье, золотая булавка на лацкане пиджака и тонкая золотая цепочка на шее.

Они молча смотрели друг на друга.

Диана почти не изменилась. Стефани знала, что ей сейчас около сорока; выглядела она, ну, скажем, лет на двадцать восемь, никак не больше.

Стефани смущенно улыбнулась:

— У меня такое ощущение, что я снова стала маленькой девочкой.

Диана улыбнулась ей в ответ.

— Ну, сейчас ты выглядишь так, словно с нашей последней встречи прошло совсем немного времени, — сказала она Стефани.

Они продолжали разглядывать друг друга.

— Это правда. Оно действует, — прошептала Стефани, скорее для себя, чем для Дианы.

— Посмотри в зеркало, — сказала Диана.

— Ну, этого недостаточно. Моя внешность еще ничего не доказывает. А вот ты — ты такая же красивая, Диана — и совсем не постарела.

Диана взяла ее за руки, а затем обняла.

— Ты, наверное, была потрясена, когда все узнала.

Стефани кивнула.

— Сначала, да, — призналась она. — Я чувствовала себя такой одинокой. Теперь начинаю привыкать.

— По телефону твой голос звучал немного напряженно. Я посчитала, что лучше встретиться здесь, где мы сможем спокойно поговорить, — объяснила Диана. — Впрочем, об этом позже. Сначала я хочу услышать о тебе, как ты и твой отец жили все это время, расскажи и про «Дарр» тоже.

Они заговорили, и постепенно Диане удалось успокоить Стефани. Девушка уже не чувствовала, что неожиданно вернулась в прошлое. К тому моменту, когда наступило время ужина, впервые после того, как Френсис во всем признался, внутреннее напряжение немного отпустило Стефани. Однако когда они вернулись в гостиную, Диана обратилась наконец к причине ее визита.

— Ну а теперь, моя дорогая, что ты хочешь, чтобы я сделала? В чем проблема? С твоей точки зрения.

Стефани неуверенно ответила:

— Ну, некоторые мои сомнения ты уже развеяла. Разговор с тобой придал мне уверенности. У меня было ощущение, что я стала каким-то уродом — не знаю даже, как поточнее выразиться. Я действительно хочу понять, что происходит. В голове у меня все перепуталось. Папочка сделал открытие, которое должно... ну, оказать влияние на все последующие века. Он станет так же знаменит, как Ньютон, Дженнер* и Эйнштейн, ведь правда? И вместо того чтобы насладиться славой первооткрывателя, он просто затаился. И считал, что тайна известна ему одному, а оказалось, ты все знала — но почему-то тоже молчала все эти годы. Не понимаю. Конечно, папа говорит, что лишанина совсем немного, чтобы с ним можно было что-нибудь делать, но ведь с новыми открытиями так часто бывает. Как только становится известно, что это возможно, считай, полдела уже сделано: все, как безумные, начинают заниматься исследованиями, и на свет рождаются альтер-

* Эдвард Дженнер (1749—1823) — английский врач, получил вакцину против оспы.

нативные варианты. Да и вообще, если даже этого лишайника действительно совсем мало, какой может быть вред, если взять и предать гласности открытие, чтобы люди занялись поисками другого антигерона, как его называет папа? Но потом я подумала, а вдруг он имеет какой-нибудь побочный эффект, ну, вроде... например, если ты принимаешь лишайник, у тебя не будет детей, или что-нибудь в таком же духе.

— Тут можешь быть совершенно спокойна, — ответила Диана. — Никакого воздействия — только, естественно, тебе вряд ли захочется, чтобы беременность продолжалась так же долго, как у слонов, поэтому придется на время отложить прием лишайника. Что же касается других побочных эффектов, скрытых — насколько мне известно, их нет. Возникает совсем незаметное замедление реакций, которое можно зафиксировать только при помощи специальных исследований, гораздо менее чувствительное, чем после двойной порции джина. Остальное лежит на поверхности — по крайней мере для тебя.

— Прекрасно, — сказала Стефани, — одним опасением меньше. Но все равно, Диана, у меня такое чувство, будто я попала в полутемную комнату. Мне не понятно, какое ты имеешь к этому отношение и при чем тут «Нефертити», твой салон красоты, и о каких проблемах ты говорила — они возникли, а потом вдруг разрешились, ну и...

Диана взяла сигарету и стала внимательно ее разглядывать.

— Хорошо, — сказала она. — Знание наполовину — опасная штука. Пожалуй, начну с самого начала. — Диана закурила и принялась рассказывать про то, как Френсис принес блюдечко с молоком, и про то, что из этого получилось. — Итак, по закону, — сказала она в заключение, — правда не на моей стороне, хотя с точки зрения справедливости я имею на это открытие столько же прав, сколько и твой отец. Впрочем, сейчас это не имеет значения. Дело в том, что мы оба завязли в одной и той же проблеме — что делать с нашим изобретением. Я поняла это далеко не сразу. Мне казалось, пройдет время и выход найдется, но чем больше я об этом размышляла, тем отчетливее понимала, какие могут возникнуть трудности. Только тогда я сообразила, что все очень серьезно. Я не могла придумать, как следует посту-

пить, — а потом ты кое-что сказала, и я увидела выход из положения.

— Я что-то сказала? — удивленно переспросила Стефани.

— Да. Мы говорили о том, как в нашем обществе манипулируют женщинами, помнишь?

— Помню. Ты любила порассуждать на эту тему, — улыбнувшись, проговорила Стефани.

— И сейчас просто обожаю, — призналась Диана. — А тогда ты сказала, что говорила об этом со своей учительницей и она заявила, что мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы хорошо жить в тех обстоятельствах, в которые попадаем, потому что жизнь слишком коротка, чтобы пытаться изменить мир, или что-то в таком же духе.

— Не очень помню.

— Конечно же, эти идеи бродили и у меня в голове, в том или ином виде. Нам с твоим отцом удалось сделать новый шаг в эволюции. Возможно, единственный шаг вперед по эволюционной лестнице, сделанный человеком за миллион лет. Он совершенно изменит историю.

Если бы жизнь не была такой короткой, имело бы смысл попытаться навести в ней порядок. Но когда я услышала твои слова, на меня снизошло озарение. Я вдруг поняла как.

— Что «как»? — с недоумением спросила Стефани

— Я представила себе, как женщины начнут жить дольше, сначала сами того не сознавая. Позднее они, конечно, узнают правду, но к тому времени их будет достаточно, чтобы оказать существенное влияние на дальнейшее развитие событий. Необходимо было каким-то образом собрать группу людей — любую группу — убедить их в реальности продления жизни и заставить бороться за признание нового человека — Homo superior. И я знала, как это можно сделать. Люди, получившие долгую жизнь, никогда не смогут от нее отказаться. Они будут отчаянно сражаться за право ее сохранить.

Стефани нахмурилась.

— Я не совсем понимаю, — призналась она.

— А следовало бы, — сказала Диана. — Сейчас ты смущена и расстроена, но в конечном счете ты не станешь отказываться от долгой жизни, верно? И постарайся защитить свое право на нее, если кто-нибудь захочет у тебя его отнять, ведь так?

— Да, пожалуй, ты права. Однако лишайника недостаточно..

— Ну, как ты сама только что сказала, ученые скоро решат эту проблему — будет спрос, будет и предложение. Если вложить достаточное количество денег...

— Но папа говорил, что может начаться настоящий хаос.

— Конечно, хаос возникнет обязательно. Появление Ното сирегиог невозможно без родовых мук. Но это неизбежно. Главное, чтобы его не задушили при рождении. Вот в чем проблема.

— Тут я тебя не понимаю. Как только открытие станет достоянием широкой публики, люди начнут бороться за то, чтобы получить долгую жизнь.

— Ты говоришь об отдельных личностях, дорогая, но они подчиняются различным учреждениям. Суть проблемы заключается в том, что именно эти учреждения не захотят применения лишанина.

В конечном счете есть две основные причины существования учреждений: одна состоит в том, что производится крупномасштабное управление, другая заключается в обеспечении преемственности, смягчении проблем, возникающих от того, что наша жизнь слишком коротка. Эти системы — продукт реальных обстоятельств, они создавались так, чтобы преодолеть недостатки человеческой природы, постоянно заменяя изношенные части новыми. Иначе это называется продвижением по служебной лестнице.

Понятно? Прекрасно, а теперь попытайся представить себе, многие ли люди согласятся получить долгую жизнь, если в результате им придется двести, а то и триста лет оставаться на вторых ролях? Неужели кому-нибудь понравится мысль о том, что в течение двух столетий во главе их компании, например, будет стоять один и тот же директор, президент, судья, комиссар полиции, правитель, лидер партии, папа или ведущий модельер? Подумай немного и ты поймешь: все наши учреждения рассчитаны на определенную продолжительность жизни — семьдесят лет, или около того. Как только это условие перестанет соблюдаться, большинство из них потеряет *raison d'être**.

* Разумное толкование, смысл (фр.).

— Ну, это уж слишком, — с сомнением заметила Стефани.

— А ты подумай как следует. Возьми какой-нибудь конкретный пример. Скажем, ты поступила на государственную службу и стала каким-то мелким клерком; конечно, ты не откажешься от продления жизни — пока не сообразишь, что в результате тебе придется оставаться таким клерком лет пятьдесят—шестьдесят: тогда ты уже не будешь так уверена, что тебе хочется принимать антигерон.

Или ты окажешься на месте одной из множества молоденьких девушек, которые мчатся вперед, словно лемминги, стараясь побыстрее выскочить замуж, — не думаю, что тебя вдохновит перспектива провести следующие сто лет с одним и тем же партнером.

А что произойдет с образованием? Запаса знаний с трудом хватает на пятьдесят лет — что будет потом?

Так что интересы человека и общества могут сильно разойтись — твой отец прав: начнется повальная шизофрения.

И тут нельзя понадеяться на свободу выбора, поскольку всякий человек, избравший долгую жизнь, автоматически блокирует продвижение по службе тому, кто этого не сделал.

Поэтому все эти учреждения есть нечто большее, чем сумма составляющих их частей, а каждое является частью общественных или профессиональных организаций; получается, что будет предпринята решительная попытка запретить применение лишанина.

Стефани покачала головой:

— Нет, я не могу в это поверить. Подобное поведение противоречит инстинкту самосохранения!

— Неважно. Все цивилизованные люди постоянно подавляют множество инстинктов. Я считаю, что вероятность отказа от лишанина весьма велика.

— Но даже если будут приняты соответствующие законы, что может помешать сотням и тысячам людей тайно делать прививки? — не сдавалась Стефани.

— Ну, это уж совсем несерьезно. За колоссальные деньги, и всего лишь крошечная группа людей — не более того. Нечто вроде черного рынка на продление жизни. Не думаю, что у них что-нибудь получится — ведь скрыть это

не удастся, не так ли? Во всяком случае, на длительный срок.

Стефани повернулась к окну. Некоторое время она наблюдала за маленькими, залитыми солнцем белыми облачками, плывущими по голубому небу.

— Когда я шла сюда, мне было немного страшно — за себя, — сказала она. — Но и взволнована я была тоже, мне показалось, что я начинаю понимать значение папиного открытия — ну, твоего и папиного, — как одного из грандиозных шагов вперед, сделанных человеком. Нечто полностью изменившее течение истории, чудесная новая эра... Однако он считает, что люди начнут сражаться за обладание лишанином — а ты полагаешь, что будет сделана попытка помешать его распространению. Какая же тогда от него польза? Если это изобретение принесет только войны и страдания, лучше уж было совсем его не делать.

Диана задумчиво посмотрела на нее:

— Но ты ведь так не думаешь, моя дорогая. Ты ведь не хуже меня знаешь, что мир и без того с каждым днем все глубже погружается в неразрешимые проблемы. Лишь с колоссальным трудом нам удастся сдерживать силы, которые мы сами же и вызвали к жизни, — и при этом мы пренебрегаем решением действительно необходимых проблем. Взгляни на нас — каждый день рождаются тысячи... Пройдет сотня лет, и наступит Столетие Голода. Нам удастся немного отсрочить его приближение, но нельзя же назвать это решением — когда начнется решающий кризис, водородная бомба покажется нам проявлением милосердия.

Меня никогда не привлекали пустые рассуждения. Я говорю о том неизбежном времени, когда люди будут охотиться друг за другом среди руин, пытаясь раздобыть пищу. Мы демонстрируем полную несостоятельность и безответственность, а мир все дальше сползает в пропасть — каждый рассчитывает, что его жизнь слишком коротка и он не увидит последствий. Разве наше поколение беспокоится о будущем своих детей? Нет. «Это их проблемы, — говорим мы. — Нам плевать на наших внуков, с нами ведь все в порядке».

А вот если хотя бы какая-то часть людей будет жить достаточно долго, чтобы начать бояться за себя... А еще мы сумеем больше узнать. Нельзя так жить дальше: мы познаем мудрость лишь на пороге смерти. Нам необходимо

время, чтобы обрести знания, без которых мы не сможем разобраться с множеством проблем. Если этого не произойдет, то, как и всякое животное, которое слишком быстро размножается, мы станем жертвами голода. Миллионы будут голодать — средневековые покажется настоящим раем.

Вот почему нам необходима долгая жизнь, пока еще не поздно. Чтобы выиграть время и обрести мудрость, которая наконец позволит нам стать хозяевами своей судьбы. Чтобы мы перестали быть самыми талантливыми из всех животных и окончательно создали цивилизованное общество.

Диана замолчала и печально улыбнулась Стефани.

— Извини за напыщенность, моя дорогая. Ты не представляешь, какое облегчение — иметь возможность поговорить об этих проблемах. Я хочу сказать: какие бы катаклизмы ни вызвало к жизни наше открытие, альтернатива может быть неизмеримо ужаснее.

Стефани довольно долго молчала.

— Работая в «Дарре», ты тоже так считала?

Диана покачала головой:

— Нет, я только сейчас стала так думать. Тогда я рассматривала наше открытие как дар, который мы должны обязательно использовать, мне казалось, что это следующий шаг в эволюции, дающий человеку возможность действительно подняться над животными. Лишь значительно позднее я начала понимать, насколько наше открытие необходимо людям. Если бы я с самого начала думала так же, то многое сделала бы иначе. Возможно, мне следовало просто-напросто опубликовать результаты — и больше в этом не участвовать.

Однако я считала, что торопиться некуда. Мне казалось, что необходимо создать группу людей, которые поначалу не будут знать о том, что их жизнь очень существенно удлинилась, и которые потом, когда придет время, приложат все силы, чтобы защитить наше открытие.

По ее лицу скользнула быстрая улыбка.

— Я знаю: то, что сделано, выглядит довольно странно. А твой отец, я уверена, был возмущен — все равно как налить шипучего лимонада в чашу Святого Грааля или что-то в этом роде. Но я и сейчас продолжаю считать, что у меня не было другой возможности успешно выполнить поставленную задачу. Понимаешь, теперь они проглотили наживку. Почти тысяча женщин, большинство из них либо замужем, либо приходится родственницами очень влия-

тельными людям. Как только они все поймут, мне будет очень жаль тех, кто попытается лишить моих женщин дополнительных лет жизни.

— А как ты это делаешь? — поинтересовалась Стефани.

— Едва у меня появилась идея, я начала ее обдумывать, и она мне ужасно понравилась. Тут я как раз и вспомнила историю о человеке, который занимался контрабандой жемчуга; так вот, он прятал нитки с настоящим жемчугом среди большого количества фальшивых...

В любой женской газете полно предложений «сохранить вашу юность». Никто, естественно, не верит ни единому слову, но людям нравится мечтать, всякий раз они надеются на лучшее. Поэтому, если я смогу продемонстрировать положительные результаты, они будут в восторге, но в то же время их так часто обманывали, что никто еще долгие годы не сможет окончательно мне поверить. Они будут просто радоваться тому, что оказались более удачливыми, чем другие. Припишут успехи диете. Возможно, даже придут к выводу, что я действительно более талантлива, чем мои конкуренты. Однако поверить, что им предлагают настоящий товар после тысяч лет фальшивых рецептов вечной молодости... Нет, нет и нет!

Должна признаться, поначалу эта идея меня несколько шокировала. Тогда я сказала себе: «Это двадцатое столетие со всеми плюсами и минусами. Не век здравого смысла и даже не девятнадцатое столетие — эра пустых обещаний и дьявольских обманов. Здравый смысл удалился за кулисы, где строят козни и придумывают способы заставить людей двигаться в заданном направлении. И когда я говорю «люди», я имею в виду женщин. К дьяволу здравый смысл! Задача состоит в том, чтобы любым способом заставить их купить то, что нам хочется. Таким образом оказалось, что мой план очень хорошо соответствует принципам современной торговли.

Как только я поняла, как это можно сделать, я решила начать с того, что позаботилась о запасах. Мне хотелось быть уверенной в постоянных поставках материала, который твой отец назвал лишанином — я дала ему имя тертианин. Вот тогда-то я и заявила, что решила предпринять кругосветное путешествие.

Сказано — сделано, хотя большую часть времени мне пришлось провести в Восточной Азии. Сначала я направи-

лась в Гонконг, где вошла в контакт с поставщиком твоего отца. Он, в свою очередь, познакомил меня с мистером Крейгом. Мистер Крейг был другом мистера Макдональда, который и присылал нам лишайник *tertius*, однако мистер Макдональд умер за год до этого. Тем не менее мистер Крейг свел меня с несколькими людьми, работавшими с мистером Макдональдом, а через некоторое время я встрети-лась с мистером Макмэрти — он участвовал в экспедиции, во время которой удалось найти тот самый лишайник. Я без проблем сумела договориться с этим Макмэрти, он даже получил разрешение от китайцев.

Наверное, отец говорил тебе, что в названии лишайника присутствует слово *mongolensis*, так я назвала первую партию, только это оказалось неправильным. На самом деле он поступает из Хокианга, в Маньчжурии, севернее Владивостока. К счастью, разрешение прибыло весной, так что мы смогли заняться добычей сразу.

Макмэрти доставил нас на место без каких бы то ни было проблем, но там я испытала настоящее разочарование. Тertiуса оказалось совсем мало. Он рос вокруг небольшого озера на территории, равняющейся примерно тысяче акров, причем небольшими полянами. Все оказа-лось гораздо хуже, чем я предполагала. Мы нашли чело-века, чья семья занималась сбором и поставками лишай-ника, и, когда мы с ним поговорили, мне стало ясно, что если я договарюсь с ними собирать лишайник в этом месте, он очень скоро кончится. Однако этот человек предпо-лагал, что есть и другие места, поэтому мы организовали экспедицию и прочесали довольно большую территорию. Нам никто не мешал — это пустынная болотистая мест-ность, где в основном растет жесткая трава. Всего удалось обнаружить еще пять районов с тертиусом. Три из них были гораздо больше того, откуда получал лишайник твой отец, а два меньше, все они располагались в радиусе двадцати пяти миль.

Это нас порадовало, но, если лишайник не растет где-нибудь в совершенно другом месте, вне всякого сомнения, его запасы весьма ограничены. Тем не менее удалось дого-вориться с местными властями, что я буду ежегодно по-лучать определенное количество лишайника, а мистер Мак-мэрти все устроил таким образом, что грузы отправляются в Дайрен, после чего через Нагасаки прибывают сюда на пароходе. Я прикинула, какое количество лишайника можно

собирать, чтобы его количество не уменьшилось до критических размеров, но тертиус растет очень медленно, так что особенно тут не разгуляешься. К сожалению, не существует другого надежного способа узнать, как там обстоят дела, — только поехать и посмотреть собственными глазами. Мы не можем рассчитывать на увеличение поставок, пока не обнаружим какие-нибудь новые районы, где растет лишайник, или не откроем новые виды, из которых можно получать лишанин.

Если честно, положение с запасами меня всегда беспокоило. Пока все в порядке — только потому, что кроме нас никто тертиусом не интересуется. Но стоит возникнуть каким-нибудь неприятностям в тех местах, и мы будем полностью отрезаны от всех поставок. Более того, дело не только в том, что китайцы контролируют территорию, где растет наш лишайник. Русские могут о нем узнать и начать исследовать: это место в Маньчжурии находится совсем недалеко от русской границы, до нее не более двухсот миль.

Я рассказываю тебе все это, поскольку считаю, что кто-то должен знать. У меня такое ощущение, что нам не удастся хранить тайну долго, а когда все выяснится, ни в коем случае не следует разглашать местонахождение источника лишанина. Не сомневаюсь, что твой отец тоже это понимает, но все же я бы хотела, чтобы ты еще раз это ему повторила. Я сама сделала все, чтобы направить поиски по ложному следу, и, надеюсь, он тоже. Что касается тебя, ты всего лишь один из пациентов, получивших препарат. Если тебе когда-нибудь станут задавать вопросы, ты должна, во-первых, сказать, что ничего не знаешь ни про какие лишайники, во-вторых, что не имеешь ни малейшего представления, где их берут. Тайна источника должна быть сохранена — это жизненно необходимо; но так же важно, чтобы это знание не пропало. Я, или твой отец, или мы оба станем, естественно, главными мишенями — как дело обернется, никто не ведает. Возможно, речь пойдет о жизни и смерти.

— Кажется, я начинаю понимать, — произнесла Стефани.

— Так вот, когда проблема добычи была решена, — продолжала Диана, — я вернулась сюда и занялась делом. И, — добавила она, оглядывая комнату и сад, видневшийся за окном, — я неплохо справилась. Как по-твоему?

Стефани молчала. Девушка сидела, глубоко задумавшись, остановив невидящий взгляд на картине, висевшей на стене. Затем она повернулась и посмотрела на Диану.

— Зря ты мне это сказала — про источник лишайника.

— Если б только ты знала, как часто я жалела о том, что этот лишайник вообще попался мне на глаза, — горько произнесла Диана.

— Нет, просто мне нельзя доверять, — призналась Стефани и рассказала про Ричарда.

Диана задумчиво посмотрела на нее:

— Ты пережила потрясение, и немалое. Не думаю, что подобное может повториться.

— Да, пожалуй. Теперь я понимаю ситуацию гораздо лучше. Раньше у меня в голове была полнейшая путаница. Мне казалось, что я осталась совсем одна. Одна лицом к лицу со всеми сомнениями. Но сейчас, когда я знаю, что нас много, все совсем по-другому. И все же меня это не извиняет, мне не следовало так поступать.

— А он тебе поверил или просто посчитал, что ты говоришь глупости?

— Я... я не уверена. Он, наверное, подумал: что-то в этом есть.

Диана задумалась.

— Этот молодой человек, Ричард, что он из себя представляет? Ум или сила?

— И то и другое, — ответила Стефани.

— Повезло парню. Ты ему доверяешь?

— Я собираюсь за него замуж, — резко ответила Стефани.

— Это не ответ. Женщины частенько выходят за мужчин, которым не доверяют. Чем он занимается?

— Он адвокат.

— Ну, тогда он должен уметь хранить тайны. Если ты в нем уверена, приведи его к отцу и поговорите начистоту. Если же у тебя есть сомнения, скажи мне об этом сейчас.

— Я в нем уверена, — твердо заявила Стефани.

— Вот и отлично. Тогда не жди, что он начнет сам интересоваться этим вопросом.

— Но...

— А какие еще есть варианты? Ты можешь либо рассказать ему все, либо попытаться заставить его молчать.

— Да, — кротко согласилась Стефани.

— Прекрасно, — вздохнула Диана, давая понять, что вопрос решен. — Теперь я хочу побольше узнать о тебе. Какой коэффициент использует для тебя отец?

— Какой что?

— Коэффициент. Он увеличивает твоё время в три, четыре или пять раз?

— А-а, понятно. Он сказал, в три раза, для Пола и для меня.

— Ясно. Осторожничают... ну, с вами он не мог поступить иначе. Могу спорить, что для себя он использует куда больший коэффициент.

— Ты хочешь сказать, что можно жить ещё дольше? Я об этом не знала.

— Я использую коэффициент пять. Это достаточно надёжно, но более заметно. Для моих клиентов эта цифра изменяется от двух до трех.

— Как тебе удастся сделать это без их ведома?

— О, совсем просто. Ради сохранения красоты они с готовностью подвергаются самым разнообразным процедурам — и кто может знать, что именно даёт искомый результат.. Да и потом, кого это интересует, если все довольны? — Диана нахмурилась. — Меня беспокоят только те женщины, которые не сообщают о своей беременности, чтобы мы вовремя успели прекратить делать инъекции лишанина. Я всегда опасалась, что настанет день, когда доктора сообразят: клиенты “Нефертити” почти всегда дольше вынашивают детей. Это может привести к неприятностям, будет довольно трудно все объяснить. К счастью, до сих пор ничего подобного не случилось...

Все шло отлично, пока мы не связались с миссис Уилберри и ее проклятой аллергией. Тут и нам, и ей не повезло. Бедняжке крепко досталось. Ее раздуло, вдобавок вся она покрылась ярко-красной сыпью; из-за астматических явлений затруднилось дыхание. Несомненно, ей пришлось несладко, но она вполне согласилась бы на компенсацию в несколько сотен фунтов и была бы даже этим довольна, если бы в дело не вмешался ее адвокат. Он убедил миссис Уилберри потребовать компенсацию в десять тысяч фунтов! Десять тысяч — и это из-за того, что всякий раз, когда она поест грибов, возникают те же симптомы, хотя и в не ярко выраженной форме. Разве можно было такое предположить! И этот тип уперся на пяти тысячах, как настоящий мул — а у нас могли возник-

нуть серьезные неприятности, если бы в дело вмешалась пресса. Грибы, черт бы их побрал!..

Диана помрачнела, потом решительно тряхнула головой.

— Может быть, нам удастся с этим справиться, — сказала она. — А если нет — что ж, нельзя же убежать до бесконечности...

ГЛАВА 7

Секретарша остановила Пола, когда он уже собирался уйти из офиса.

— Вас просит к телефону доктор Саксовер, сэр.

Пол вернулся и взял трубку.

— Это ты, Пол? — голос Френсиса звучал холодно.

— Да, отец.

— Меня сегодня утром навестила твоя жена, Пол. Мне кажется, ты мог бы сообщить мне, что все ей рассказал.

— Я же тебе говорил, что должен поставить ее в известность, отец. И объяснил, как понимаю сложившуюся ситуацию. Я не изменил своего мнения.

— Ты когда ей сказал?

— На следующее утро.

— Пять дней назад, да? А она говорила, что собирается меня навестить?

— Ну да, говорила. Только я не был уверен, что она это сделает. Мы... ну... обсуждение было довольно бурным. А потом, когда она не отправилась в «Дарр» сразу, я решил, что она передумала и хочет немножко подождать.

— Не очень-то она долго ждала.

— А чего она хотела?

— Ну знаешь, Пол! Как ты думаешь, чего она хотела... нет, потребовала?

— А ты?..

— Да, сделал. Я посчитал, что будет лучше, если ты об этом узнаешь.

Послышался щелчок, Френсис закончил разговор. Пол продолжал еще несколько секунд держать трубку в руке, а потом медленно положил ее на место.

Когда он пришел домой, Джейн не было. Она вернулась после девяти и направилась прямо в спальню. Через некоторое время Пол услышал, как она пустила в ванной воду. Через полчаса она появилась в гостиной в белом стеганом халате. Пол, который уже допивал третий стакан виски,

сердито на нее посмотрел, но Джейн не обратила на него ни малейшего внимания.

— Я была в «Дарре», — сообщила она, прежде чем Пол успел открыть рот.

— Знаю. Почему ты мне не сказала, что собираешься туда?

— А я сказала.

— Да, только не уточнила когда.

— А что, это имеет какое-нибудь значение?

— Существуют разные способы делать дела. Я бы предупредил отца заранее.

— А я не хотела, чтобы ты его предупреждал. Совершенно ни к чему было давать ему время придумать причины, по которым меня исключат из всего этого — заставят прожить короткую жизнь, в то время как вам всем будет обеспечена длинная. Я знала, что хочу получить — и получила.

— Я это понял. Отец разговаривал со мной по телефону довольно сухо.

— Да, мой визит не доставил ему удовольствия. А как ты думаешь, мне понравилось то, что он сознательно исключил меня?

— Это не было сознательным действием — по крайней мере не так, как ты это понимаешь. Он же должен соблюдать осторожность, неужели тебе не ясно? Ему придется делать все, чтобы информация не просочилась. Ведь он понимает, какой хаос может возникнуть даже при малейшем намеке на это открытие. Ответственность... Почему ты так на меня смотришь? Это же не смешно, Джейн, совсем не смешно.

— А мне все это кажется забавным. Знаешь, ты такой наивный и даже немного трогательный. Благослови тебя Боже, дружок, ты и вправду веришь тому, что говорит тебе твой умник папаша, не так ли? Может, пора немножко повзрослеть, радость моя; или этот ваш препарат действует на мозги так, что они тоже остаются в младенческом состоянии?

Пол вытаращил на нее глаза:

— О чем, черт побери, ты тут рассуждаешь?

— О твоём папочке, миленький, о его чувстве ответственности, сознании и долге перед человечеством. Наверное, тебя ужасно удивит, если я сообщу, что твой

великий папаша, кроме всего прочего, еще и потрясающий лицемер?

— Ну знаешь, Джейн, я не...

— Да, кажется, тебя это удивляет.

— Джейн, я не собираюсь...

Джейн не обратила ни малейшего внимания на его слова. Она продолжала:

— Ты всему поверил, что тебе сказали, не так ли? Тебе даже в голову не пришло поинтересоваться, кто такая эта Диана Брекли и чем она занимается.

— Мне известно, чем она занимается. Она хозяйка «Нефертити Лимитед».

На мгновение на лице Джейн появилась растерянность.

— Мне ты про это не сказал.

— А зачем?

Она сердито посмотрела на него:

— Мне кажется, твой отец тебя загипнотизировал или еще что-нибудь в этом духе. Ты знал — и тебе даже не пришло в голову, что все эти годы твой папаша поставлял ей свой препарат. Нет, она, конечно, не употребляет его как антигерон. Она просто содержит роскошный салон красоты. Берет за свои услуги столько, сколько пожелает, вот так-то. Именно это и происходит с секретом, являющимся слишком взрывоопасным, чтобы он стал достоянием широкой публики. Неплохо они обстрипали это дельце, и уж наверняка немало получили за эти годы!

Пол не сводил с нее глаз:

— Я не верю.

— Тогда почему он ничего не отрицал?

— Он отрицал, когда Стефани спросила, является ли Диана его представителем. Он категорически это отрицал.

— Со мной обстояло иначе.

— Что он сказал?

— Да ничего особенного. Даже если бы он и стал отрицать, вряд ли это имело бы какой-нибудь смысл. По крайней мере теперь, когда я все узнала.

— Да, я начинаю понимать, как он ко всему этому отнесся, — медленно проговорил Пол. — Что он сделал?

— Он сделал то, что я просила. — Она погладила правой рукой левое предплечье. — Он не мог мне отказать, правда?

Пол не сводил с нее глаз, он думал.

— Пойду-ка позвоню ему.

— Зачем? — резко спросила Джейн. — Он лишь подтвердит мои слова.

— Я рассказал тебе все, так как считал, что, будучи моей женой, ты имеешь право узнать истину сразу же, едва она стала известна мне. Ты ведь знала, что я так этого не оставляю. Ты знала, что я сделаю все, чтобы отец ввел тебе препарат. Почему же ты не могла подождать несколько дней, а вместо этого прибегла к шантажу?

— Шантаж! Знаешь что, Пол...

— А как это иначе называется? Что ты прикидываешься? Одному Богу известно, к чему могут привести твои расспросы о Диане.

— Я не идиотка, Пол.

— Но ведь ты же задавала вопросы, а имя твоего мужа — Саксовер. Мне следует позвонить в «Дарр».

— Я же сказала тебе, что произошло. Он был холоден, на грани приличий — но все сделал.

— Ты думаешь, будто он это сделал. Я хочу знать, что произошло в действительности.

— В каком смысле? — с опаской спросила Джейн.

— Ну, если бы ко мне кто-нибудь пришел и стал угрожать и требовать, я совсем не уверен, что сделал бы именно требуемое — в особенности учитывая, что этот человек все равно не сможет ничего проверить. Заменить препарат совсем несложно...

Он неожиданно замолчал, потрясенный тем, как побледнела Джейн, и тем, как она на него посмотрела.

— Не волнуйся, — попытался успокоить ее Пол. — Ничего опасного он тебе не стал бы вводить.

— А как... откуда мне это знать? — спросила Джейн. — Если он может такое сотворить... Нет, у него не было времени. Он же не знал о моем приезде, — неуверенно добавила она.

Пол поднялся на ноги:

— По крайней мере, нужно увидеть, похоже ли это на то, что он вшивал мне. Дай-ка я посмотрю на размер.

— Нет! — воскликнула она, и ее тон удивил Пола.

— В чем дело? — нахмурившись, спросил он. — Разве ты не хочешь узнать, ввел отец тебе то, что нужно, или нет?

Он протянул руку в сторону Джейн, но она отодвинулась от него, прижавшись к спинке кресла. — Нет! —

повторила она. — Естественно, все в порядке. Отойди от меня! Оставь меня в покое.

Пол остановился и удивленно посмотрел на нее.

— Бессмыслица какая-то, — медленно проговорил он. — Чего ты боишься?

— Боюсь? Что ты имеешь в виду?

Пол стоял, не шевелясь и не сводя с нее глаз.

— Меня тошнит от всего этого. Я же рассказала тебе, что произошло, и вообще, я устала. Пожалуйста, отвяжись от меня. Я хочу спать.

Однако Пол приблизился к ней:

— Ты что, все наврала, Дженни? Не было никакой имплантации?

— Была, конечно.

— В таком случае я хочу посмотреть.

Она покачала головой:

— Не сейчас, я смертельно устала.

Пола охватил гнев, он быстрым движением сдернул рукав халата с левого предплечья своей жены — и увидел аккуратную белую повязку. Пол внимательно на нее посмотрел.

— Понятно, — сказал он.

— Жаль, что ты не веришь мне на слово, — холодно проговорила Джейн.

Он опять медленно покачал головой.

— Ты делаешь все, чтобы тебе было трудно верить, — сказал он ей. — Я прекрасно знаю, как мой отец накладывает повязки. Это не его рук дело.

— Не его, — согласилась Джейн. — Кровь просочилась, и мне пришлось наложить новую повязку.

— И тебе удалось сделать это так аккуратно одной рукой? Да ты просто настоящая умелица. — Пол помолчал, а затем сердито продолжал: — Итак, мне это уже все смертельно надоело. Что еще ты задумала? Что ты от меня скрываешь?

Джейн попыталась не выпускать инициативы, но у нее ничего не получилось. Пол еще никогда не вел себя с ней так, и она начала сомневаться в своей способности манипулировать им.

— Скрываю? — растерянно повторила она. — Не понимаю, о чем ты. Я только рассказала тебе...

— Ты только что мне рассказала, что угрожала моему отцу. Я хочу знать, что еще ты задумала, и можешь не сомневаться, я это узнаю, — заявил Пол.

На пятом этаже ничем не примечательного здания, расположенного неподалеку от Керзон-стрит, располагались офисы «Нефертити Лимитед». Коммуникатор на столе Дианы тихонько зазвенел. Она нажала на кнопку и услышала негромкий голос своей секретарши:

— Тут у меня мисс Брендон со второго этажа. Очень хочет вас видеть. Я сказала, что ей следует сначала обратиться к мисс Роллридж, но она настаивает на встрече с вами, говорит, что у нее к вам личное дело. Она приходит уже второй раз за сегодняшний день.

— Она сейчас с тобой, Сара?

— Да, мисс Брекли.

Диана задумалась. Она знала, что даже десятый заход не помог бы никому пробраться мимо Сары Толлуин, если бы причина была недостаточно уважительной.

— Ну хорошо, Сара. Я ее приму.

Мисс Брендон вошла в кабинет. Небольшого роста, хорошенькая золотоволосая девушка, немного похожая на куколку, с решительным подбородком, твердой линией рта и голубыми глазами, в которых горела готовность идти до конца. Диана внимательно изучала ее, а та так же откровенно рассматривала Диану.

— Почему вы не захотели поговорить сначала с мисс Роллридж? — спросила Диана.

— А я бы так и сделала, если бы проблема была административной, — ответила девушка. — Но вы моя начальница, и я посчитала, что вам следует знать. Кроме того

— Да?

— Ну, мне показалось, будет лучше, если об этом никто не узнает.

— Даже управляющий вашим отделом?

Мисс Брендон колебалась.

— Люди здесь так любят болтать, — неуверенно начала она.

Диана кивнула.

— Ну, что вы слышали?

— Вчера я ходила на вечеринку, мисс Брекли. Просто ужин, ну, и танцы. Нас было шестеро. Я знала только парня, который пригласил меня. Пока мы ели, кто-то заговорил про миссис Уилберри. Один из мужчин сказал, что интересуется разного рода аллергиями, и спросил, что могло быть причиной ее неприятностей. Мой приятель сказал, что я работаю в «Нефертити», мол, мне и карты в руки. Конечно, я ответила, что ничего не знаю — это же правда. Однако тот, другой человек продолжал об этом рассуждать, без конца задавая разные вопросы. Постепенно я поняла, что разговор о миссис Уилберри возник совершенно не случайно. Ну так вот, тот человек был очень ко мне внимателен, а в конце пригласил меня прогуляться. Мне не хотелось, поэтому я ему отказала. Тогда он попытался назначить мне свидание на следующий день. А я ответила, что мы еще созвонимся, мне казалось, по телефону легче отказаться, — она немного помолчала. — Наверное, со стороны я кажусь совсем молоденькой, но на самом деле это не так. Меня заинтересовало, почему это он вдруг включил свое обаяние на полную катушку, и я стала размышлять о вопросах, которые он задавал про «Нефертити». Навела справки, и выяснилось, что он журналист, довольно-таки известный, его зовут Марлин. Работает на «Санди Проул».

Диана задумчиво кивнула, не сводя глаз с лица девушки.

— Да, теперь я вижу, что вы девушка опытная, мисс Брендон. Насколько я понимаю, вы об этом никому не сказали?

— Нет, мисс Брекли.

— Хорошо. А теперь, я думаю, лучше всего будет сделать так — если вы, конечно, не возражаете — вы встретитесь с мистером Марлином завтра вечером и ответите на все его вопросы.

— Я не знаю, что...

— Никаких проблем. Я попрошу мисс Толлуин ввести вас в курс дела.

Мисс Брендон казалась удивленной.

— Вы ведь уже давно в нашем бизнесе, не так ли, мисс Брендон? — спросила Диана.

— В «Нефертити» я работаю меньше года, мисс Брекли.

— А до этого?

— Я училась на медсестру, но потом умер мой отец. У мамы осталось совсем мало денег, поэтому мне пришлось пойти работать.

— Понятно... Когда вы лучше узнаете наше дело, мисс Брендон, вы поймете, как здесь все непросто. Конечно, тут не принято перерезать друг другу глотки, но девяносто процентов наших конкурентов наполняют наши спасательные круги свинцом или продадут своих бабушек в Южную Америку, если на этом можно будет хорошенько заработать. Вы откажетесь разговаривать с этим мистером Марлином, и бедняге придется искать другую девушку, которая у нас работает.

Мне бы хотелось знать, о чем этот журналист станет вас расспрашивать. Кроме того, если он толковый профессионал, вы не будете его единственным источником информации. Он захочет проверить ваши слова. Придется облегчить ему жизнь. Было бы неплохо ненавязчиво познакомиться с еще одной девушкой, работающей на нас.

Мисс Брендон почувствовала себя гораздо свободнее, когда они начали обсуждать тактические вопросы. К концу разговора девушка уже явно наслаждалась возможностью поинтриговать.

— Ну что же, — сказала в завершение Диана, — постарайтесь получить удовольствие от свидания. Не забывайте об имидже нашей фирмы: мы никогда не заказываем в ресторанах дешевых блюд. В противном случае у него могут возникнуть подозрения; кроме того, чем дороже ему обойдется информация, тем скорее он в нее поверит. Когда он предложит вам деньги, удвойте сумму, а в конце соглашайтесь на среднем. Такая торговля еще больше уверит его в том, что он получает истинные сведения.

— Понятно, — проговорила мисс Брендон, — а что мне делать с деньгами, мисс Брекли?

— Благослови вас Бог! Делайте с ними, что хотите! Ну кажется, все. Зайдите к мисс Толлуин после работы, и она вам все расскажет. Сообщите мне, как прошло свидание.

После того как она ушла, Диана нажала на кнопку внутренней связи:

— Сара, принесите мне личное дело мисс Брендон, пожалуйста.

Довольно быстро появилась Сара Толлуин и положила на стол тонкую папку.

— Хорошая девушка... удачная получится сделка, — сказала Диана.

— Способная, — согласилась мисс Толлуин. — Из таких выходят хорошие медсестры. Жаль, что она не сумела закончить образование.

— Милая Сара, вы такая тактичная, — сказала Диана, открывая папку.

— И все? — спросил Ричард.

Он посмотрел на левую руку и аккуратную повязку, затем тихонько погладил ее пальцами.

— Да, боюсь, никаких фейерверков не будет. В кино все происходит совсем не так, — сказал ему Френсис, а потом добавил: — Оно рассасывается очень медленно и постепенно усваивается. Можно, конечно, делать инъекции, откровенно говоря, я с этого начинал на себе, но такой способ менее удобен, да и результаты не столь впечатляющи. Возникает что-то вроде скачков, в то время как этот способ надежен и дает стабильный эффект.

Ричард снова посмотрел на повязку.

— Просто невозможно поверить. Не знаю, что и сказать, сэр.

— А ничего и не нужно говорить. Посмотрите на вопрос с практической точки зрения — как только я узнал, что вам все известно, предложить воспользоваться плодами моего открытия было только естественно. Помимо этого, Стефани все равно настояла бы на том, чтобы я это сделал. Важно, чтобы вы об этом никому не рассказывали.

— Я не стану. Но... — продолжал Ричард после некоторых колебаний, — разве вы не рискуете, сэр? Ну, я хочу сказать, мы встречались раза три или четыре, но ведь вы про меня ничего не знаете.

— Вас это, наверное, удивит, дружище, но в «Дарре», — проговорил Френсис, — мы работаем сразу над несколькими проектами, некоторые из них потенциально могут принести большую прибыль. Естественно, наши конкуренты заинтересованы в том, чтобы узнать о нас как можно больше. Кое-кто из них не очень-то разборчив в средствах. И чтобы добиться своей цели, они готовы воспользоваться любыми возможностями. Если у тебя есть привлекательная дочь — должен сразу сказать, что это не очень приятная обязанность, — ты вынужден принимать меры, чтобы по-

лучить информацию о ее друзьях и их связях. Если обнаруживается, что они как-то связаны с химической промышленностью или их дядюшки являются директорами крупных концернов... Обычно для того, чтобы отвести таких ухажеров, хватает одного намека. — Он задумчиво посмотрел на Ричарда. — Кстати, мне придется позаботиться о том, чтобы мистеру Фарье ничего не стало известно.

В глазах Ричарда появилось удивление.

— Том Фарье? Он же работает в рекламном бизнесе. Мы вместе учились в школе.

— Да, но недавно вы с ним случайно встретились и представили его Стефани, не так ли? А вам известно, что его мать снова вышла замуж три или четыре года назад и ее новый муж возглавляет исследовательский отдел «Кемикалчез Лимитед»? Понятно, вижу, что вы этого не знали. Да, мой мальчик, мы живем в очень непростом мире.

Давайте спустимся вниз. Кстати, я думаю, не стоит говорить об этом Стефани. Я уже сказал вам, что это весьма неприятная, но необходимая мера предосторожности.

— Привет, Ричард, — сказала Стефани, когда они вошли в гостиную. — Чешется, да? Скоро пройдет. И ты про все забудешь.

— Надеюсь, нет, — с сомнением проговорил Ричард. — Первой огорчительной мыслью было: раз один мой день, будет равняться трем дням обычного человека, мне придется есть всего один раз в сутки.

— Если ты не впадешь в апатию, или в спячку, или что-нибудь в том же духе, твой организм, чтобы нормально функционировать, будет продолжать нуждаться в прежнем количестве калорий, — сказала Стефани таким тоном, словно это было очевидно и младенцу.

— Но... да, ладно, поверю тебе на слово, — проворчал Ричард. — Мне не остается ничего другого. В это вообще довольно трудно поверить. Честно говоря, если бы на обложке не стояло имя «Саксовер» — Он пожал плечами, нахмурился и продолжал: — Вы должны простить меня, доктор, но я до сих пор до конца не могу поверить в этот секретный рецепт... если я правильно выражаюсь. Да, вы мне все объяснили с удивительным терпением, тут мне не на что жаловаться. Со временем, наверное, дойдет, но сейчас у меня такое чувство, что я неожиданно оказался

среди алхимиков — не сочтите мои слова за оскорбление. Просто мы живем в двадцатом веке, и ученые — во всяком случае по моим представлениям — так себя не ведут; я хочу сказать, никто не боится, что теперь его будут преследовать за колдовство, — закончил он совсем смутившись.

— Могу вас уверить, что никто действительно так себя не ведет, — ответил Френсис. — И если бы у нас были достаточные запасы препарата, или если бы мы смогли его синтезировать, никаких проблем не возникло бы. Все дело именно в этом. Ну а теперь прошу извинить, мне еще нужно успеть до обеда много сделать, — заявил Френсис и ушел.

— Полагаю, — сказал Ричард, когда дверь за Саксовером закрылась, — придет день, когда я поверю. В настоящий момент для меня это лишь некое предположение.

— Да, наверное, так оно и будет, — согласилась Стефани, — но это совсем нелегко. На самом деле до конца поверить оказалось гораздо труднее, чем я думала. Для этого придется отказаться от многих основ, которые мы усвоили с самого детства. Юные дети, родители среднего возраста, пожилые бабушки и дедушки — сама идея разных поколений теперь поставлена под сомнение. Нам нужно отказаться от прежних понятий. Очень многие из них потеряли всякий смысл.

Она заглянула Ричарду в глаза:

— Десять дней назад я была счастлива провести с тобой пятьдесят лет — если нам повезет, конечно. Естественно, я не думала об этом так. Я просто собиралась прожить с тобой жизнь. Сейчас — даже не знаю... Могут ли люди прожить вместе сто пятьдесят, а то и двести лет? Могут ли двое так долго любить друг друга? Что будет? Как сильно изменится человек за такой срок? Нам не дано знать. Никто не может рассказать об этом.

Ричард подошел к ней и обнял за плечи:

— Дорогая, никто не в силах пересечь мост, даже длинной в пятьдесят лет, не подойдя к нему. Может быть, многие трудности возникают именно потому, что у нас в запасе есть всего пятьдесят лет? На этот вопрос тоже нет ответа. Конечно, придется иначе строить свою жизнь, но все равно нет никакого смысла беспокоиться о том, что произойдет через сто лет. Что же до остального — какая разница на самом деле? Мы не могли знать о том, что нас ждет, десять дней назад; мы и сейчас не можем ничего

знать — кроме того, что проживем намного дольше, чем предполагали. Почему бы нам не вести себя так, словно ничего не изменилось — к лучшему или худшему? Мы ведь все равно хотим этого, не так ли?

— О да, Ричард, да. Только вот...

— Только что?

— Я и сама толком не пойму... Потеря многовековых традиций... Стать, например, бабушкой, когда тебе — по физическому состоянию — двадцать семь, или прабабушкой, когда тебе тридцать пять.. Иметь возможность завести ребенка в девяносто лет... И это при коэффициенте всего лишь три. Все так ужасно перепутается! Я даже не знаю, хочу этого или нет...

— Дорогая, ты сейчас рассуждаешь так, словно до сих пор каждый человек планировал свою жизнь. Тебе ведь известно, что это не так. Люди учатся в процессе жизни — а когда они уже все знают, наступает время умирать. Нет возможности исправить ошибки. Мы же сможем сначала всему научиться, а потом насладиться жизнью. Все это еще не стало для меня реальным, но мне уже кажется, что твоя Диана совершенно права. Очень важно иметь в запасе время. Если мы будем жить дольше, мы сможем лучше познать жизнь. Начнем больше понимать. Наша жизнь будет более полной и богатой. Так должно быть. Невозможно заполнить двести лет банальностями, которых вполне хватает на пятьдесят...

Перестань, дорогая, не стоит беспокоиться. Надо просто жить. Нам предстоит удивительное приключение. Ты должна настроиться именно на это. Мы получим удовольствие от того, что будем вместе. Ну, разве ты со мной не согласна?

Стефани посмотрела на него. Ее лицо прояснилось, и она улыбнулась.

— О да, Ричард, дорогой. Мы. конечно, мы

ГЛАВА 8

Среди почты, полученной Френсисом Саксовером в понедельник утром и лежащей возле его тарелки с завтраком, выделялся пухлый конверт, адрес на котором был написан размашистым, но незнакомым почерком. Вскрыв конверт, он обнаружил вырезку из газеты и короткое письмо

Зная, что по воскресеньям в «Дарре» принято изучать лишь первые полосы «Обсервера» или «Таймс», я предполагаю, что эта статья не попала вам на глаза. Думаю, вам стоит ознакомиться с ее содержанием.

Дело в том, что ловушка, в которую я намеревалась заманить тех, кто страдает излишним любопытством, сработала — надеюсь, результаты не заставят себя долго ждать. К тому же нам повезло, что правая рука Флит-стрит* не ведает, что делает левая и что А, возможно, возмущена поведением Б.

Извините за короткую записку, я ужасно спешу.

Искренне Ваша Диана Брекли.

Сильно озадаченный, Френсис взял сложенную газетную вырезку, помеченную буквой А. Оказалось, что это целая страница из «Санди Радар»; некоторые абзацы были помечены красными крестиками, а наверху страницы красовалось четыре фотографии и заголовок.

СЕКРЕТ ОДНОГО ИЗ САЛОНОВ КРАСОТЫ РАСКРЫТ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ «РАДАРА».

Внизу было напечатано:

«Потрясающие новости только для ВАС!

Говорят, что за деньги можно купить далеко не все. Например, утреннее солнце или ночную луну, радостные улыбки и любящие сердца и множество других вещей, на которых нет ярлыков с ценой. Но нам-то с вами прекрасно известно: современный мир устроен таким образом, что деньги обеспечивают безмятежную жизнь — те, у кого они есть, даже могут рассчитывать, если повезет, конечно, что по дорогам судьбы они промчатся в золотом «даймлере».

А теперь посмотрите на эти фотографии, и вы поймете, что я имею в виду. Верхняя фотография сделана десять лет назад, а на нижней изображено то же лицо, только сейчас. Теперь возьмите какую-нибудь из ваших фотографии десятилетней давности и посмотрите на себя в зеркало. Видите? Разница колоссальная, в отличие от приведенных нами снимков, не так ли?

* Улица, где сосредоточены почти все редакции лондонских газет.

Так сколько же платит дама из высшего общества за то, чтобы десять лет прошли мимо, не оставив на ее лице никаких следов? Ну, нам сказали, что в одном из самых модных салонов красоты, расположенных на Мейфере в Лондоне, это стоит 300 или 400 фунтов в год, иногда больше.

Возможно, так оно и есть — если у вас водятся такие денежки и вы можете спокойно потратить их на что пожелаете.

Впрочем, большинство наших читателей с грустью вынуждены будут признать, что они об этом и мечтать не могут. Однако нет. Они ошибаются. Теперь, благодаря «Радару», каждый, понимаете, каждый сможет себе это позволить».

Дальше в статье рассказывалось о том, что журналистам «Радара» удалось раскрыть секрет сохранения красоты, который позволяет «Нефертити» получать огромные прибыли. На самом деле секрет стоит совсем не триста фунтов в год: трехсот пенсов было бы вполне достаточно. Газета готова поделиться своим знанием с читателями.

«На следующей неделе “Санди радар” начнет печатать серию статей, в которых будет приоткрыта завеса тайны, и каждая женщина сможет узнать, как сохранить юность и красоту.

Так что поспешите заказать номер нашей газеты на следующей неделе — нам известно то, что ВЫ хотите знать!»

Френсис, испытывая раздражение от того, что ему сообщили лишь самый минимум информации, отложил газету в сторону. Интересно, подумал он, сколько выйдет выпусков «Радара», прежде чем они наконец выпустят джинна из бутылки. Впрочем, с его точки зрения самым интересным в статье были обведенные красным карандашом фотографии, рядом с которыми было написано: «Клиенты!»

Затем он взял другую вырезку, покорооче — две колонки из «Санди проул». Вначале тоже были напечатаны пары контрастных фотографий, только на этот раз их было всего две и меньшего формата. Да и дамы, изображенные здесь, были не теми же самыми, что появились на страницах «Радара». Заголовок гласил:

Ниже шло имя журналиста: Джеральд Марлин. Он начал свою статью так:

«На этой неделе все на Мейфере говорят о том, что некий салон красоты, чье название известно во многих домах, — если, конечно, жители этих домов обладают сверхвысокими доходами, которые могут тратить совершенно свободно, — согласился заплатить огромную сумму по обвинению в нанесении ущерба, лишь бы не привлекать к себе вульгарного внимания суда и, возможно, не оказаться в положении, когда им пришлось бы отвечать на бесцеремонные вопросы при широкой публике. Итак, шелковые юбки, прикрывавшие грязное белье, приподняты, а право на частную жизнь или даже добродетель сохранено, но какой ценой?»

Аллергия — странная вещь, она проявляется в самых неожиданных ситуациях и иногда доставляет нам немало хлопот. Мы сочувствуем даме, которая не только пережила массу неприятных моментов, но еще и вынуждена была страдать в одиночестве, не имея возможности прислониться к надежному плечу своего мужа, которого срочные дела призвали в Южную Америку около года назад и не дали ему возможности находиться возле постели жены в самый критический момент ее жизни — он даже не смог вернуться в Англию. Эта дама заслуживает не только нашего сочувствия, она заслуживает еще и самых искренних поздравлений. Потому что она прекрасно справилась с такой сложной ситуацией.

Однако аллергия доставляет неприятности не только тому, кто от нее страдает; ее виновник, вне всякого сомнения, тоже не испытывает по этому поводу особой радости, особенно если виновником является фирма, которая занимается тем, что помогает богатым дамам обманывать природу и возраст. Наши фотографии несомненно подтверждают, что слава этой фирмы, конечно же, абсолютно заслужена. Естественно; в их работе иногда случаются сбои, но они предпочитают устраивать все таким образом, чтобы об этом знало как можно меньше народа. Во-первых, совершенно ни к чему волновать богатых клиентов. Во-вторых, в каждом деле есть свои тайны и, следовательно, имеет смысл заплатить щедрую компенсацию, чтобы потом не пришлось публично признать, что источником весьма

солидных прибылей является не какой-нибудь экзотический продукт арабской пустыни или изысканное вещество из Черкесии, а всего лишь простое нечто, которое можно отыскать неподалеку от дома и которое почти ничего не стоит».

Френсису Саксоверу слегка надоел напыщенный стиль умолчания и намеков, которым пользовался мистер Марлин, поэтому он просмотрел среднюю часть статьи по диагонали и более внимательно прочитал лишь последний абзац:

«Источник страданий чувствительной клиентки, впрочем, как и предосторожностей, которым она должна следовать, чтобы избежать повторения приступа аллергии, остается до сих пор ей неизвестен. Нам кажется несправедливым, что леди так и осталась в состоянии неопределенности, не зная, в какой момент она может вновь столкнуться с веществом, причинившим ей такое беспокойство, тем более что на этот раз уже вряд ли удастся получить за него вторичную компенсацию. Поэтому, сочувствуя ее положению, мы вправе предложить следующий совет: избегать по возможности посещения берегов залива Голуэй — но если уж ей и придется туда отправиться, то ни в коем случае не купаться; однако если обстоятельства сложатся так, что избежать купания будет невозможно, она должна приложить все силы, чтобы не коснуться определенного вида водорослей, которые там водятся. Таким образом, соблюдая эти простые предосторожности, наша леди сможет спокойно насладиться той немалой суммой, которую она получила, — если только и другие косметологи не попытаются заработать целые состояния на этой волшебной водоросли, стоящей, как выяснилось, гораздо дороже собственного веса в золоте».

Закончив завтрак, Френсис нарушил свою многолетнюю привычку и не пошел прямо в лабораторию, а направился к себе в кабинет. Здесь, положив руку на телефон, он задумался, не зная, какой номер набрать; в конце концов

он решил, что Диана скорее всего еще не вышла из дома. И оказался прав.

— Спасибо за газетные вырезки, Диана, — сказал он. — До тех пор пока никто не заинтересуется, почему у миссис Уилберри возникла аллергия на грибы в результате лечения водорослями, все, пожалуй, будет отлично.

— Никому это и в голову не придет, — ответила Диана. — Аллергии имеют такое странное происхождение, что это никого не удивит. Кроме того, я не согласна со словечком «пожалуй». Мой план сработал полностью — как разорвавшаяся бомба. Все мои ненавистные конкуренты целое воскресенье просидели на телефонах, отчаянно пытаясь узнать что-нибудь еще. Мистеру Марлину, должно быть, предлагали целые состояния за дополнительную информацию. Практически все женские газеты послали своих представителей ко мне в контору — они там сидят и ждут меня, а секретарша говорит, что нам следует нанять попугая, который бы повторял: «Никаких комментариев» репортерам, да и просто любопытным. На мое имя пришел запрос из министерства сельского хозяйства и рыбной ловли по поводу разрешения от министерства торговли на ввоз морских водорослей из Ирландской Республики.

— Это любопытно, — сказал Френсис. — Откуда взялось время на подобную реакцию? Ведь статья была напечатана только вчера, в воскресенье. По всей видимости, они получают информацию из другого источника.

— Конечно, — согласилась Диана. — Я знаю, откуда ее получил Марлин, но неделю назад я позаботилась о том, чтобы данная информация достигла ушей трех моих самых болтливых девушек — по страшному секрету. Теперь об этом уже знают все. Ну и повеселимся же мы.

— Послушайте, — сказал Френсис. — Мне не хочется портить вам настроение, но боюсь, у меня нет другого выхода. Пожалуй, я не стану вам ничего говорить сейчас, но сегодня я собираюсь в Лондон, и мне кажется, нам стоит это обсудить. Можете со мной пообедать? Как насчет «Клариджа» в восемь тридцать?

— Время подходящее, а место — нет. Сейчас очень важно, чтобы ваше имя не связывалось с моим. В ближайшее время на меня будут обращать самое пристальное внимание, поэтому вам не стоит приходить сюда. Давайте

встретимся в маленьком ресторанчике «Этомиум» на Шарлотт-стрит. Не думаю, что нас там кто-нибудь узнает.

— Да, мне это тоже кажется маловероятным, — согласился Френсис. — Договорились. «Этониум», в восемь тридцать.

— Хорошо, — сказала Диана. — Я с нетерпением буду ждать встречи, после стольких лет, Френсис. Мне очень хочется с вами поговорить и многое объяснить. — Она помолчала, а потом добавила: — У вас такой голос... Это очень серьезно, Френсис?

— Да. Боюсь, что да.

— А, это ты? — проворчал редактор. — Кажется, ты собой страшно доволен.

— И с полным основанием, — ответил Джеральд Марлин.

— Возможно, это к лучшему, потому что у меня нет никакой уверенности, что я... полностью на твоей стороне, надеюсь, ты меня понимаешь. Мне звонил Уилкс из «Радара» — моя телефонная трубка источала яд, он самым натуральным образом желал моей смерти. Ты испортил ему грандиозную кампанию, которую он только начал разворачивать.

— Какая досада, я ужасно сожалею, — весело проговорил Джеральд.

— Что произошло?

— Ну, как я вам и говорил, величина суммы, уплаченной Уилберри, недвусмысленно указывала на то, что «Нефертити» не хочет, чтобы это известие просочилось в газеты. И не удивительно. В этом заведении, похоже, и в самом деле делают с клиентами потрясающие вещи. Я познакомился с одной хорошенькой девушкой, ужасно невинного вида, которая обожает икру и шампанское, а торгуется не хуже старого лавочника. Я решил, что «Куаглино» будет самым подходящим местом; когда мы вошли, мне в глаза бросилась молодая женщина, которая с удивлением посмотрела на мою новую подружку, а потом быстро отвернулась, сделав вид, что она ее не заметила. Моя спутница тоже слегка удивилась, поэтому я начал ее расспрашивать. Она как раз пустилась в объяснения, что другая девушка тоже из «Нефертити», когда к ней подошел Фредди Раммер из «Радара» — как вам это нравится? Я

отвернулся, чтобы он меня не заметил, а когда они вышли из фойе и направились к своему столу, мы решили пообедать в другом месте.

Ну а потом из своих источников информации я узнал, что «Радар» планирует грандиозную серию статей о косметическом салоне, и тогда мне все стало ясно. Для меня это было ударом. Я хочу сказать, что собирался немного потянуть время и попробовать каким-то образом заполучить права на добычу водорослей в заливе Голуэй. Однако ждать больше было нельзя, поэтому я послал телеграмму приятелю в Дублине, чтобы тот навел справки о возможности приобретения прав на добычу морских водорослей в соответствии с ирландскими законами.

— Тебе придется посылать прошение папе римскому или еще что-нибудь в таком же духе, — покачивая головой, заявил редактор. — Весьма вероятно, что могут возникнуть очень серьезные проблемы с Ирландией. Они эту штуку едят.

— Они... что?!

— Едят. И называют ее «красная водоросль».

Теперь пришла очередь Джеральда покачать головой, впрочем, трудно было понять: сочувствует ли он ирландцам или сомневается в том, что сказал редактор.

— Так или иначе, я опоздал. Мне оставалось либо позволить «Радару» обойти нас, либо вставить им пару маленьких палочек в колеса. Моего несчастного приятеля, того, кто живет в Ирландии, уже, вероятно, затоптали до смерти. Я, можно не сомневаться, не единственный, кому пришла в голову мысль застолбить участок. Дублин, наверное, выглядит просто потрясающе сегодня утром, когда полчища вагончиков мчатся наперегонки, стремясь побыстрее покинуть пределы города и унося отлично экипированные команды на запад, к болотам.

— О чем, черт подери, ты говоришь? — спросил редактор.

— Золотая лихорадка, старина, — ответил Джеральд и пропел себе под нос:

Как много золота, говорят, — хэй!
На дальних берегах залива Голуэй!

Должен заметить, — продолжал он, — что и у меня там есть представители. Вчера мне звонили из всех круп-

ных компаний королевства, занимающихся косметикой — кроме «Нефертити», естественно, — чтобы разузнать подробности. Я сделал все, чтобы еще сильнее подогреть их интерес, но боюсь, это слишком рискованно. Единственное, что мешает мне заработать состояние, — признался он, — неприятный факт: в заливе Голуэй водится несколько дюжин разновидностей этих проклятых водорослей, а я, откровенно говоря, не имею ни малейшего представления о том, какая же из них является волшебной. А эта деталь, как выяснилось, является жизненно важной. Если «Радар» сумеет это выяснить, они нас обойдут.

Редактор «Санди Проул» задумался, а потом покачал головой.

— Нет. Тогда бы Уилкс так бы не возмущался. Хотя... Возможно, он полагает, что мы нашли ответ на этот вопрос, но пока держим секрет про запас. В любом случае следует выяснить, где они добывают эту дрянь, и заполучить образец. Игра стоит свеч. Мы можем привлечь к нашей газете множество женщин...

Диана сдвинулась в сторону от толстой красной свечи, стоявшей между ними. Они изучали друг друга. Наконец Френсис удивленно проговорил:

— Странно: оказалось, что знать — совсем не то же самое, что увидеть.

Диана продолжала пристально смотреть на него. Она вдруг почувствовала, что ее рука, лежащая на столе, задрожала, и поспешно спрятала ее. Медленно и внимательно изучала она каждую черточку его лица. Наконец, сделав над собой усилие, спросила:

— Вы очень на меня сердиты, Френсис?

Он покачал головой:

— Теперь я не сержусь. Раньше — да. Сначала я был возмущен, но потом до меня начал доходить смысл того, что произошло. Когда я сумел разобраться в своих чувствах — изумление, оскорбленное тщеславие и тревога — больше всего именно тревога, мне стало ясно, что не следует давать волю злости. Прежде всего я должен был взглянуть на собственные действия — за четырнадцать лет я потерял право на возмущение, но не на тревогу. Я по-прежнему очень обеспокоен.

Он помолчал, продолжая изучать лицо Дианы.

— Теперь я стыжусь своего раздражения. Мой Бог! Сердиться на вас! Сожалеть о том, что я не смог вам помешать! Это будет мучить меня всю жизнь. Непростительно. Нет, я не сержусь, мне стыдно. Но не только... — Френсис смолк, почувствовав, как она коснулась его руки. — В чем дело?

Официант принес меню.

— Нет, нет, позже, — раздраженно сказал Саксовер. — Принесите нам шерри... Так что я говорил? — Он снова повернулся к Диане.

Диана не могла ему ничем помочь. Она не слышала ни единого слова из того, что он сказал. Они продолжали смотреть друг на друга.

Наконец Френсис проговорил:

— Вы не замужем?

— Нет, — ответила Диана.

Он озадаченно посмотрел на нее.

— Я думал... — начал он и остановился.

— Что вы думали?

— Ну, я не совсем уверен... из-за этого?

— В той степени, что я не воспринимаю мир, как большинство женщин. Впрочем, вряд ли меня можно считать типичной: я знала только одного мужчину, за которого действительно хотела бы выйти замуж... Откровенно говоря, мне интересно, как брак будет сочетаться с новым порядком вещей. Люди, которые смогут любить друг друга на протяжении двухсот или трехсот лет, вряд ли встречаются часто.

— А разве он сочетается, если говорить вашими словами, с нынешним порядком вещей? — поинтересовался Френсис. — Люди просто приспособляются. Не вижу причин, почему бы они не стали приспособляться и дальше. Например, браки, заключенные на определенный срок, с заранее оговоренными условиями — так составляются договоры на аренду собственности.

Диана покачала головой:

— Все гораздо сложнее. С точки зрения антропологии: в настоящее время главной социальной ролью западной женщины является роль жены; затем — матери; в высших и средних слоях общества она иногда имеет статус соратницы, в остальных классах эта роль находится в самом конце списка, а в большинстве не западных стран она и вовсе сведена к нулю. Однако как только возникает пер-

спектива продления срока союза от пятидесяти до двухсот или трехсот лет, возможны самые разнообразные варианты. Я практически не сомневаюсь, что в такой ситуации сотрудничество выйдет на первое место. А поскольку наши социальные законы, общественная пропаганда и часть торговли пытаются убедить девушек в необходимости приобретения статуса жены, перенесение акцента вызовет самую настоящую социальную революцию.

К счастью, это станет ясно только через некоторое время, иначе против нас ополчились бы все молодые женщины. Быть женой так легко — за тебя почти все делает природа. Мозги тут не нужны, достаточно привлекательной внешности, да и ее можно получить за деньги. Быть сородичей — гораздо более сложная штука; приходится шевелить мозгами, и тут не купишь бутылочки с притираниями — они все равно не помогут. Эта идея не будет пользоваться популярностью, но сначала они ничего не сообразят. Просто не поверят, даже если им кто-нибудь и объяснит. Все склонны считать, что нынешние антропологические принципы поведения являются законами природы. Поэтому все женщины должны быть хорошенькими милашками с куриными мозгами, и все любящие мужья, все страдающие ленью мысли будут на нашей стороне, ибо единственное, что они увидят в возможности долгой жизни, — дополнительное время для игр в спальне.

Не сводя с нее глаз, Френсис медленно улыбнулся.

— Вот это настоящая Диана, — сказал он. — Кое-что за эти годы я успел забыть.

Диана застыла.

— Тут нет ничего... — начала она, а потом смолкла. Быстро заморгала. — Я... — снова начала она. И вскочила на ноги. — Через минуту я вернусь, — бросила она уже на ходу и, прежде чем Френсис успел что-нибудь сказать, была уже в другой части ресторана.

Он сидел, потягивая шерри, бессмысленно уставясь на оставленную Дианой шаль. Подошел официант и положил перед ним и перед тарелкой Дианы большое меню. Френсис заказал еще один бокал шерри. Примерно через десять минут Диана вернулась.

— Пора заказывать, — сказал он.

Официант принял заказ и ушел. Наступившее молчание грозило затянуться. Диана слегка наклонила красную свечу,

так что воск начал медленно стекать вниз по одной ее стороне. Потом довольно резко спросила:

— Вы слышали шестичасовые новости?

Френсис не слышал.

— Так вот, примите к сведению, что министерство сельского хозяйства Ирландской Республики опубликовало указ, запрещающий добычу морских водорослей без соответствующей лицензии. — Она сделала паузу. — «И после того как ты занялся экспортом водорослей... тут-то ты и превратился в Пэдди*?» — «Вовсе нет!» — «А вот и да! Правительство-то заявило, что ты не можешь заниматься своим промыслом без бумажки»... Лицензии, — добавила она, — очевидно будут выдаваться, когда правительство придет к решению, какую пошлину следует взимать. Тут все здорово развлекутся.

— Кроме тех несчастных женщин, которые с надеждой ждут чуда, — напомнил Френсис.

— Ну, их это не очень удивит, — успокоила его Диана. — Слово «чудо» часто встречается в женских журналах. Никто и не думает, что оно что-нибудь действительно означает. Это нечто вроде украшения для дерьма, чтобы не угасала надежда.

— А зачем вам вообще потребовалось затевать эти глупости с водорослями? — поинтересовался Френсис.

— Чтобы отвлечь их, — объяснила Диана. — Мои конкуренты страдают от излишней доверчивости. Пройдет немало времени, прежде чем они сообразят, что это полнейшая чепуха. А пока клиенты будут требовать крем из водорослей, лосьон из водорослей, станут употреблять водоросли на завтрак и все такое прочее, так что конкурирующие фирмы не очень пострадают в материальном отношении. Я заранее заготовила несколько статей и могу поместить их в разных газетах; в одной из них говорится, что рецепт сохранения красоты, в состав которого входят водоросли, был придуман еще в глубокой древности, его удалось восстановить только сейчас — миф о Венере, выходящей из морской пены, символизирует связь моря и красоты в представлении древних. Здорово, правда? По моим расчетам, должно хватить как минимум на два года, может быть, на четыре, а затем кто-нибудь заметит, что все эти глупости с водорослями не дают тех результатов, которых добивается «Нефертити». К тому времени выяснится,

* Шутливое прозвище ирландца.

что «Нефертити» применяет в своей практике абсолютно новый электронный прибор — при помощи ультразвуковой стимуляции клеток, расположенных под эпидермой, восстанавливает эластичность тканей, что и является секретом истинной глубинной красоты. Знаете, если требуется, я могу придумывать такие штуки до бесконечности.

Френсис покачал головой.

— Хитро, — признал он. — Только я очень боюсь, что все это зря, Диана.

— О нет! — воскликнула она, неожиданно обеспокоенная его тоном. — Френсис, что случилось?

Френсис еще раз огляделся по сторонам. Он не знал никого из обедающих. Соседние столики пустовали, а в зале было достаточно шумно, чтобы никто не мог подслушать их разговор.

— Вот о чем я хотел вам рассказать, — начал он. — Не очень-то приятно в этом признаваться, но в данных обстоятельствах вам может грозить опасность, если я не буду полностью откровенным. Это связано с женой моего сына.

— Понятно. Стефани говорила мне о ней. Иными словами, Пол ей все рассказал?

— Да, — кивнул Френсис. — Он считал, что это его долг. Пол рассказал ей на следующий день. Как я понял, разговор получился не очень приятным. Они поругались — а в результате Пол никак не может вспомнить, что именно он успел ей сказать. Однако он упомянул лишанин и вас.

Пальцы Дианы сжались в кулаки.

— Это, — сказала она, с трудом сдерживаясь, — было уж совсем ни к чему.

— О да, этого вообще не стоило делать, черт бы его побрал. Но когда Пол начал ей рассказывать, он никак не мог объяснить, почему я открыл этот секрет ему и Стефани именно сейчас.

Диана кивнула.

— А что было потом?

— Джейн отнеслась к известию довольно своеобразно. Несколько дней она размышляла, а затем навела кое-какие справки. После чего явилась в «Дарр», прямо ко мне. — Он рассказал Диане о визите Джейн.

Диана нахмурилась:

— Иными словами, она прижала вас к стенке. Малосимпатичная молодая особа.

— Ну, — ответил Френсис, стараясь соблюдать объективность, — в ее доводах о том, что, как жену моего сына, ее несправедливо лишили благ, которые я должен был ей предоставить, есть некоторый резон. Только вот вела она себя чересчур уж агрессивно.

— Но вы ведь сделали то, чего она хотела? Вы дали ей лишанин?

Френсис кивнул.

— Мне было бы совсем не трудно обмануть ее и вшить что-нибудь безвредное, — признался он. — Однако я подумал, что таким образом ничего не выиграю. Мне бы все равно пришлось признаться, иначе она сама обнаружила бы подмену, а отношения еще сильнее ухудшились бы. Я полагаю, серьезный урон уже и так нанесен — хотя бы тем фактом, что она знает о нашем открытии. Поэтому я дал ей лишанин. Насколько я понял, вы используете инъекции, но мне представляется удобнее делать имплантации лишанина в растворимой оболочке, так я вводил его Полу и Стефани. Как я теперь жалею, что не использовал для этого обычные инъекции!

— Я не совсем понимаю, в чем разница.

— Сейчас поймете. Когда Джейн пришла домой, она рассказала Полу, что была у меня — видимо, считала, что так будет лучше; он бы все равно заметил повязку у нее на руке. Пол догадался о том, как она со мной разговаривала, и ужасно рассердился. Как только он увидел повязку, он сразу же понял, что она сделана несколько необычно. У него уже возникли подозрения — видимо, Джейн вела себя немного странно. Пол настаивал на том, чтобы посмотреть надрез и... оказалось, что капсулы с лишанином там нет.

Джейн упрямо утверждала, что капсула, вероятно, выпала, когда она делала перевязку. Полнейшая ерунда, конечно, капсулу извлекли, а потом зашили рану парой стежков, так, как это было сделано мной.

Но Джейн продолжала настаивать на своих словах, какими бы дурацкими они ни казались. Кончилось тем, что она кинулась в свою спальню и там заперлась. Пол всю ночь провел в соседней комнате. Когда на следующее утро он проснулся, Джейн исчезла — с двумя чемоданами... Больше ее никто не видел.

— Может, все это произошло случайно? — после секундного раздумья спросила Диана.

— Исключено.

— Вы хотите сказать, что она получила капсулу у вас для того, чтобы передать ее кому-нибудь другому?

— Очевидно. Скорее всего это сопровождалось обещанием, что они вернут ее на место, когда как следует изучат.

— И заплатят хорошие деньги — судя по тому, что вы рассказали о Джейн. Что можно выяснить, исследовав капсулу?

— Гораздо меньше, чем они рассчитывают, полагаю. Ни вам, ни мне за долгие годы не удалось синтезировать вещество. Мы должны предположить худшее и быть готовыми к тому, что она рассказала все, что знает. Таким образом, они получают направление дальнейшего научного поиска.

— Джейн знает, откуда берется лишайник?

— Нет. К счастью, я не успел рассказать об этом Полу

— Как вы думаете, каким будет следующий шаг?

— Они попытаются навести справки о нашем импорте, а затем выследить источник поставок, так я полагаю.

— Если им удастся преодолеть мою систему защиты менее чем за пару лет, — тут Диана не удержалась от улыбки, — я буду сильно удивлена. Что же до «Дарра», вы постоянно получаете грузы самого странного происхождения со всех концов света.

— К несчастью, в «Дарр» доставляется очень мало лишайников, — сказал ей Френсис. — Естественно, я старался соблюдать осторожность и принял меры против случайностей, но тщательное расследование — это дело серьезное... — он пожал плечами.

— Даже если и так, — проговорила Диана, — кто сможет идентифицировать именно этот вид лишайника? Мы дали ему отличное длинное название, но сказать, какому именно растению принадлежит это имя, можем только мы — вы и я.

— Если они найдут сборщиков, то без труда смогут определить, какой вид лишайника нас интересует, — объяснил Френсис.

Они молча сидели, пока официант суетился возле столика и наполнял бокалы. Френсис нарушил молчание и философски сказал:

— Так должно было случиться, Диана. Мы же знали, что рано или поздно это произойдет.

— Лично меня устроило бы, если бы это произошло позже, — нахмурившись, ответила Диана, — однако я думаю, что чувствовала бы себя точно так же, когда бы этот момент ни наступил. Черт побери проклятую Уилберри и ее аллергию... Надо сказать, у нее не обычный вид аллергии, иначе я бы с ней столкнулась раньше. Впрочем, все равно уже ничего не изменишь. — Диана еще немного помолчала, потом продолжила: — Мы все время говорим «они». Можем ли мы предположить, кто «они» такие?

— Понятия не имею, — пожав плечами, проговорил Френсис. — Ни одна уважающая себя фирма не стала бы связываться с таким сомнительным делом и в подобных обстоятельствах. Однако имя «Саксовер» могло открыть Джейн двери в любых других заведениях, работающих над тем же, чем занимаемся мы.

— Да. Вероятно, это кто-то из них.

— Похоже на то. Джейн не стала бы платить комиссионные промежуточному звену.

Диана нахмурилась:

— Мне это нравится все меньше и меньше, Френсис. Ведь нашим лишанином можно воспользоваться таким образом, что он будет приносить колоссальную прибыль.. пока его будет хватать. — Она хитро улыбнулась. — Я и сама совсем неплохо устроила свои дела, но если у человека нет принципов... — Она немного помолчала, а потом заговорила снова: — Простая утечка — это одно, но то, что вы рассказали, — совсем другое. Иными словами, если для них не имеет значения, каким способом добывать информацию, то вряд ли они будут руководствоваться соображениями морали, когда поймут, что дело пахнет миллиардами.

— Они — кем бы они там ни были — не смогут сохранить дело в тайне, — покачав головой, сказал Френсис. — Посмотрите, что произошло, когда я рассказал о своем открытии собственным детям.

— Может быть, вы и правы, — согласилась Диана. — Только я имела в виду вот что: возможно, мы сумеем им помешать, предав наш секрет гласности. Как только они убедятся, что заполучили самое настоящее сокровище, они захотят захватить как можно больше вещества, а единственный способ сделать это... ну, естественно, украсть его, разузнать, в чем заключается суть процесса, а еще лучше поймать одного из нас. Или обоих.

— Об этом я тоже подумал, — кивнул Френсис. — В «Дарре» теперь вряд ли можно отыскать что-нибудь полезное, а если я исчезну, немедленно появится статья в газете. Полагаю, вы приняли такие же меры предосторожности?

Диана кивнула.

Они внимательно посмотрели друг на друга.

— Френсис, — проговорила Диана. — Это же так глупо и мелко. Единственное, что мы хотим, — подарить людям нечто. Чтобы их древняя мечта сбылась. Мы можем предложить им жизнь и дадим им время, чтобы эту жизнь прожить. Вместо короткой борьбы за существование... и быстрого конца. Они смогут стать мудрыми и построить новый мир, станут настоящими мужчинами и женщинами, вместо того чтобы до конца дней оставаться детьми-переростками. И посмотрите на нас — вы представляете себе картины хаоса, а я уверена в том, что наш проект встретит жестокое сопротивление, что он будет уничтожен силой. Ничего не изменилось — для нас с вами.

Она налила себе еще кофе. Целую минуту внимательно разглядывала содержимое чашки, словно в ней было какое-то колдовское зелье, а потом сказала:

— Дело зашло слишком далеко, Френсис. Больше нельзя держать наше открытие в секрете. Вы опубликуете заметки?

— Пока еще нет, — сказал Френсис.

— Предупреждаю, я начинаю готовить своих дам.

— А почему бы и нет? — согласился он. — Это же не имеет никакого отношения к обоснованной научной статье.

— Ну, придется и статью публиковать, если зазвучат громкие требовательные голоса. — Она немного помолчала. — Да, вы правы, Френсис, вам лучше появиться на сцене немного позже... Но я предложила вам первенство.

— Я этого не забуду, Диана.

— А пока я тщательно проинструктирую своих дам — всего их девятьсот восемьдесят — и отправлю на поле боя сражаться за наше дело. Сомневаюсь, что они добровольно согласятся на то, чтобы наша идея была тихо похоронена. — Диана снова помолчала, а потом рассмеялась. — Жаль, что с нами нет моей воинственной тетушки Анни! Тут она была бы в своей стихии. Молотки для витрин, бензин для почтовых ящиков, бурные сцены в суде!

— Как я посмотрю, вы с нетерпением ждете всего этого, — в голосе Френсиса появилось осуждение.

— Конечно, — согласилась Диана. — Со стратегической точки зрения я бы не возражала, если бы у нас было еще немного времени, но лично я... Ну, когда в течение двенадцати лет разрабатываешь идею, погрузившись в окутанную розовыми тенями, напоенную ароматом цветов, усталую мягкими коврами, одетую в шуршащие шелка и в целлофановые обертки сказочную страну, населенную нежно мурлычущими, коварными, циничными, жадными, безжалостными кошками, которые ох как часто выпускают когти и которые зарабатывают себе на жизнь тем, что помогают другим женщинам использовать на максимум свои сексуальные прелести... так вот, вы бы тоже радовались любым переменам.

Френсис рассмеялся:

— Мне говорили, что вы отличный бизнесмен.

— Ну, эта сторона дела бывает иногда достаточно интересной, — призналась Диана, — да и выгодной. Однако поскольку я обеспечиваю клиенток тем, о чем мои конкуренты могут только мечтать, вряд ли я могу проиграть, не так ли?

— А как насчет будущего? У вас ведь впереди долгая жизнь.

— У меня масса планов, — весело проговорила Диана. — План А, план Б, план В. Ну ладно, хватит обо мне. Расскажите мне про себя и про «Дарр»...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 9

Проходя через приемную в свой кабинет, Диана остановилась.

— Доброе утро, Сара. Есть сегодня что-нибудь интересное?

— В почте нет, мисс Брекли, — ответила мисс Толлуин, — а вообще есть. Вы, наверное, еще не видели этого.

Она держала в руках номер «Рефлектора». Как и обычно журнал был скорее похож на слоеный пирог, чем на информационное издание. Жирные заголовки, набранные шрифтами разных размеров и видов, сразу привлекали внимание. А вот объявление, на которое указывала пальцем мисс Толлуин, не бросалось в глаза.

В нем говорилось:

«КРАСОТА! Вечная красота! Больше чем просто внешняя красота! Море, великий прародитель всего живого, дарит Вам новую, истинную красоту — красоту вместе с ГЛАМАРОМ! ГЛАМАР — это великолепное сияние моря, попавшего на ваш туалетный столик. В ГЛАМАРЕ Вы найдете истинный, пряный, восхитительно терпкий аромат морского ветра!

Из всех элементов, имеющихся в море, всего лишь одно морское растение выделяет, поглощает и концентрирует те свойства, что хранят секрет настоящей, вечной красоты. Благодаря усилиям опытных химиков и косметологов чудесная суть этого растения, до сих пор являющаяся дорогостоящей привилегией всемирно известного роскошного салона красоты, стала теперь доступна ВАМ...

Воздействие ГЛАМАРА носит глубинный характер. Чувство внутренней красоты...»

— Отлично, — заявила Диана. — И это всего лишь через месяц после пробного выстрела. Совсем неплохо.

— Насколько мне известно, по-прежнему запрещено до-
бывать и вывозить любые водоросли из залива Голуэй,
ирландское правительство все еще пытается выяснить, ка-
кой именно вид водорослей интересует англичан, ну и,
конечно, определить размер пошлины, — сказала мисс Тол-
луин.

— Сара, дорогая, сколько лет вы уже в этом бизнесе? —
поинтересовалась Диана.

— А я вовсе не в этом бизнесе, — заявила мисс Тол-
луин. — Я всего лишь ваш секретарь.

— Вряд ли вы захотите заключить пари на то, что через
пару дней после снятия запрета появятся «специалисты»,
которые станут утверждать, что они применяют в своей
практике только настоящие водоросли из залива Голуэй?

— Я не играю в азартные игры, — объявила мисс Тол-
луин.

— Многие так считают, — сказала Диана. — Ладно,
еще что-нибудь?

— С вами хотела поговорить мисс Брендон.

Диана кивнула:

— Скажите ей, чтобы зашла, как только освободится.

— Леди Тьюли хотела бы записаться к вам на прием.

— Но... ко мне? Зачем?

— Она сказала, что по личному делу. Леди была очень
настойчива. Я предварительно договорилась на три часа.
Могу позвонить и отменить встречу.

Диана покачала головой:

— Нет, наоборот, подтвердите ее, Сара. Леди Тьюли не
стала бы настаивать без серьезной на то причины.

Диана зашла в свой кабинет, занялась письмами, ко-
торые мисс Толлуин сложила у нее на столе. Минут через
пятнадцать к ней вошла мисс Брендон.

— Доброе утро, Люси. Садитесь. Как идут дела в сек-
ретной службе тайного агента Брендон?

— Ну, мисс Брекли, одним из самых интересных от-
крытий было то, что наша секретная служба не един-
ственная, действующая на данной территории. Я считаю,
вам следовало сказать мне об этом — а им обо мне. Пару
раз возникли весьма неприятные ситуации.

— Понятно, вы столкнулись с агентами Тани, да? Не
беспокойтесь. У них другие задачи. Они скорее выполняют
розыскные функции. Я поговорю с Таней. Я не хочу, чтобы

вы тратили время, играя друг с другом в шпионов. Еще что-нибудь?

Мисс Брендон слегка нахмурилась.

— Тут довольно сложно разобраться, — неуверенно начала она, — столько людей проявляет к нам интерес. Ну, во-первых, этот тип, Марлин, из «Проула». Появился снова и предложил мне пятьдесят фунтов за образец водоросли, которую мы используем...

— Он начинает действовать опрометчиво, — перебила ее Диана. — Откуда он может знать, что мы не используем какой-нибудь обычный вид водорослей?

— Ну, на его месте я бы просто выяснила, какие виды водятся в заливе Голуэй, а какие распространены в других местах. Таким образом, можно было бы сузить круг до нескольких вариантов. И если я передам ему что-нибудь другое, он сразу сообразит, что мы пытаемся его обмануть.

— Да, следует подумать об этом. Продолжайте, — попросила Диана.

— От него мне удалось узнать, что этим делом заинтересовалась полиция. Инспектор расспрашивал его о нас и о женщине, ставшей жертвой аллергии, о миссис Уилберри. Его фамилия Эверхаус — репортер «Проула» по уголовным делам утверждает, что он специализируется на наркотиках. Инспектора сопровождал сержант Мойн — так получилось, что Эверил Тодд, которая работает на верхнем этаже, рассказала мне, что за ней ухаживает молодой человек по имени Мойн, утверждающий, что состоит на государственной службе.

— Итак, «Проул» и полиция. Кто еще? — спросила Диана.

— Журналист из «Радара», Фредди Раммер, продолжает обрабатывать Бесси Холт, но она ничего не может рассказать и продолжает вешать ему лапшу на уши, не отклоняя приглашений в дорогие рестораны. Кое-кто из девушек завел себе новых поклонников, часть из них определенно связана с косметическими фирмами, остальные, возможно, тоже, но я еще не успела выяснить наверняка.

— Они слетаются к нам, как мухи на мед, — усмехнулась Диана. — И все хотят выяснить, какие именно водоросли мы используем?

— Большинство, — подтвердила ее догадку мисс Брендон. — Только мне не совсем понятно, почему нами заинтересовалась полиция. Кстати, через пару дней после того,

как инспектор Эверхаус посетил миссис Уилберри, она направилась к кому-то на Харли-стрит, очевидно, на обследование.

— Ребята из полиции ведут себя традиционно. Не думаю, что нам следует опасаться обвинения в распространении наркотиков. Мне удалось нагнать на наших девушек страху, объяснив, что с ними будет, если они, не дай Бог, возьмут в руки наркотики; к тому же Танина команда следит за ними, как коршуны за цыплятами — да и не только за персоналом. — Диана сделала небольшую паузу. — С другой стороны, существует возможность, что кто-нибудь смог придумать нечто, отличное от наркотиков. Если бы удалось узнать, что именно интересует полицию, я была бы вам очень признательна.

— Я постараюсь сделать все, что в моих силах, мисс Брекли, — заверила мисс Брендон, собираясь уходить.

Диана остановила ее жестом. Она долго и внимательно смотрела на девушку, пока та не покраснела.

— Если вы закончили... — начала она.

Диана резко ее прервала:

— Мы не закончили, Люси. Осталось еще кое-что, очень важное. Приближается время, когда мне понадобится человек, близкий мне человек, которому я смогу доверять. Я хочу сделать тебе предложение. Мне многое о тебе известно, гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Ты рассказала мне о том, почему пришла к нам; и, надеюсь, я знаю, что именно ты думаешь о нашем заведении. Того, что я расскажу тебе сейчас, никто здесь не знает... никто, кроме меня. После этого я сделаю тебе предложение.

Диана встала и закрыла дверь на задвижку. Затем вернулась за свой стол и взяла телефонную трубку.

— Пожалуйста, Сара, ни с кем меня не соединяйте, — попросила она и положила трубку на место.

— А теперь... — начала она...

Ровно в три часа мисс Толлуин открыла дверь в кабинет и объявила:

— Леди Тьюли, мисс Брекли.

Леди Тьюли вошла. Высокая, стройная, в элегантном сером костюме из мягкой кожи. Все, от кончиков туфель и до маленькой шляпки, было тщательно продумано — не

принималась в рассмотрение лишь цена. Такой клиент делал честь «Нефертити».

Когда дверь закрылась, Диана сказала:

— Дженет, дорогая, вы меня встревожили. Всякий раз, стоит мне вас увидеть, я думаю о том, что тоже внесла вклад в создание этого потрясающего произведения искусства.

Леди Тьюли наморщила носик:

— Когда это говорите вы, Диана, возникает подозрение, что вы напрашиваетесь на комплименты. Но получилось очень мило, не так ли? — Она одобрительно оглядела себя. — Кроме того, безработным приходится находить себе занятие.

Она изящно присела на стул. Диана предложила ей сигарету и помогла прикурить, воспользовавшись большой настольной зажигалкой. Дженет Тьюли выпустила облачко дыма и откинулась на спинку. Они посмотрели друг на друга, и Дженет усмехнулась.

— Я знаю, о чем вы думаете. Мне очень льстит, что у вас такой самодовольный вид.

Диана улыбнулась. Она и в самом деле вспомнила их первую встречу, десять лет назад. Леди Тьюли, которая тогда смотрела на нее через тот же самый стол, выглядела совсем иначе. Высокая нервная девушка двадцати двух лет, с приятной внешностью, прелестной фигурой и длинными ногами, но без малейшего представления о том, как следует одеваться и пользоваться макияжем, с крайне неудачной прической, угловатая, как шестнадцатилетняя девчонка. Она несколько мгновений внимательно рассматривала Диану, а потом заявила:

— Вот это да. — Казалось, она говорит это скорее себе.

Уголки рта Дианы дрогнули, и она слегка приподняла брови.

— Прошу прощения, — смутившись, сказала девушка, — я не хотела быть невежливой. Мне никогда не приходилось бывать в подобных местах, — призналась она. — Я почему-то думала, что таким салоном руководит женщина лет шестидесяти, с крашеными волосами, напудренным лицом, в жестком корсете, в общем похожая на королеву Викторию.

— Но, несмотря на это, вы пришли сюда, — заметила Диана. — Я рада, что ваши худшие ожидания не оправдались. А теперь скажите, чем я могу вам помочь?

— Мне требуется нечто похожее на то, что сделал Пигмалион, — немного поколебавшись, ответила девушка. Дальше она заговорила увереннее: — Видите ли, я... согласилась работать в качестве леди Тьюли, поэтому мне бы хотелось выполнять свои обязанности честно. Я и представить себе не могла, что со мной такое произойдет, и мне, нужна помощь. Меня... — Девушка снова немного поколебалась, — меня не очень устраивает помощь, которую до сих пор мне предлагали, и я решила, что следует обратиться к профессионалу, незаинтересованному... — Она не закончила предложения, и оно словно повисло в воздухе.

Диана на короткое мгновение представила себе тетюшек и сестер молодой леди Тьюли, которые наверняка принались за дело, не очень заботясь о такте.

Девушка добавила:

— Я в состоянии научиться выглядеть как надо, только у меня никогда не было настоящих педагогов. Мне просто некогда было обращать внимание на подобные вещи.

— Конечно, вы сможете прекрасно выглядеть, — откровенно призналась Диана, — Я об этом позабочусь. Вы получите прекрасных наставников и педагогов, но вот что вы от них возьмете, чему научитесь — будет зависеть только от вас.

— Я в состоянии научиться, — снова повторила девушка. — Сейчас мне нужна хорошая отработка всех правил. И если я не сумею в самое ближайшее время победить этих пустоголовых идиотов в их собственных играх... ну, я получу то, что заслуживаю.

— Прекрасно вас понимаю, — кивнув, сказала Диана. — Но вы не должны их недооценивать. Они действуют на своей территории и целеустремленно устраивают свою жизнь в обществе — в конечном итоге, им не на кого больше рассчитывать, кроме как на самих себя.

— Добиться своего — это, конечно, замечательно, но вряд ли вы победите, если будете принимать все так близко к сердцу.

— Я не стану принимать все близко к сердцу. У меня нет особых амбиций. А если бы и были, я употребила бы их на что-нибудь стоящее, — завершила Диану девушка. —

Но я согласилась стать леди Тьюли, так что мне не остается ничего иного, как одержать над ними победу.

В ее голосе появилась горечь, и Диана заметила, что глаза девушки подозрительно заблестели.

— А чем вы занимались раньше? — поинтересовалась она.

— Полгода назад я училась на четвертом курсе, хотела стать врачом и жила в крошечной квартирке в Блумсбери, — ответила леди Тьюли. — Хорошо знала законы той жизни и представить себе не могла, что они совершенно отличаются от тех, которым мне приходится подчиняться теперь.

Диана несколько мгновений раздумывала над обстоятельствами, заставившими девушку так круто изменить свою жизнь, а потом заявила напрямик:

— Не вижу причин, которые могли бы помешать вам добиться успеха. По правде говоря, я абсолютно уверена, что у вас все получится, нужно только захотеть. Но это будет стоить дорого.

— Как раз то, что мне нужно, — ответила леди Тьюли. — Это один из первых уроков — следует тратить на себя много денег, из самоуважения, поступать иначе очень буржуазно.

— Отлично, — сказала Диана, и они приступили к делу.

Глядя на одетую с безукоризненным вкусом, уверенную даму с прекрасными манерами, коей стала леди Тьюли, Диана улыбнулась своим воспоминаниям о девушке, пришедшей к ней за помощью.

— Я не самодовольна, это не то слово, которое следовало бы употребить, — сказала она. — Удовлетворена и рада — восхищена, скорее, да, именно так.

— Я принимаю ваше восхищение, — скромно проговорила леди Тьюли. — Знаете, когда нужно, я умею очень здорово притворяться.

— Но это по-прежнему остается притворством? Вы не изменились и не стали такой, как те, кто вас окружает?

— Диана, дорогая, вы же скорее, чем кто-либо другой, должны узнавать притворство. Именно это и озадачивало меня, когда я на вас смотрела. Я притворяюсь, потому что вышла замуж и обстоятельства требуют от меня соответствующего поведения. Но почему, спрашивала я себя рань-

ше, притворяется Диана? И никак не могла найти ответа на свой вопрос.

— Раньше? — переспросила Диана. — А теперь вам это известно?

— Вопрос, на который постоянно ищешь и не находишь ответа, может наскучить, не так ли? — уклончиво ответила леди Тьюли. — Вероятно, вам интересно, зачем я пришла.

Диана кивнула.

— Боюсь, новости не очень приятные, — продолжала Дженет. — Наша шикарная и страшно богатая компания напоминает прачечную по понедельникам, куда прибывают целые кучи грязного белья, впрочем, вам это должно быть хорошо известно.

— В общих чертах, да, — согласилась Диана.

— Вот что меня в вас восхищает, Диана. Вашему персоналу известна масса самых разнообразных грязных подробностей о личной жизни клиентов, а вас они совершенно не интересуют.

— А мне следовало бы ими заинтересоваться?

— Ну, учитывая, что вы стоите во главе этого клуба по обмену сплетнями... Ладно, насколько я понимаю, вы еще не слышали о моей интрижке с мистером Смелтоном?

Диана покачала головой.

Дженет пошарила в сумочке, которая безукоризненно подходила к ее костюму, вытащила золотой браслет, усыянный бриллиантами, и положила его на стол Дианы.

— Красивый, правда? Гораций Смелтон подарил мне его на день рождения. Кажется, рыбаки называют это блесной, а я — сверкающей наживкой. Ну, такая штука, которую заглатывают... — она задумчиво посмотрела на браслет. — Самое забавное, что подарил его мне Гораций, только вот деньги заплатил мой муж. Я лишь сейчас узнала об этом. И представил мне Горация тоже мой муж, несколько месяцев назад...

Короче говоря, вашему персоналу, возможно, это известно, даже если до вас еще не дошли слухи: мой муж и я... ну... вот уже три года у нас достаточно официальные отношения... На людях мы изображаем из себя примерную супружескую пару, и больше ничего. Так вот, я никак не могла понять, что же происходит.

Можно было бы подумать, что он намерен поставить меня в положение, когда сможет потребовать развод. Мой

муж не очень приятный человек. Но, обдумав все как следует, я пришла к выводу, что существует несколько причин, по которым такое объяснение не проходит. Тогда я решила, что он, вероятно, хочет что-то узнать, но, поскольку мы практически не разговариваем друг с другом, он не имеет возможности задать мне свои вопросы напрямую. Ну, Гораций вполне привлекательный молодой человек, даже если и знаешь, что он самый настоящий вун, так что я решила им подыграть — не очень его поощряла, но и не отталкивала. — Дженет Тьюли бросила догоревшую сигарету в пепельницу и сразу закурила следующую.

— Короче говоря, — продолжала она, — я заметила, что в наших разговорах постоянно мелькает слово «Нефертити». О, Гораций делал свое дело достаточно тонко, но я постоянно следила, не возникнет ли какая-нибудь повторяющаяся тема, и сразу испробовала несколько ловушек — стала восхвалять результаты вашего открытия с водорослями. Он повел партию очень аккуратно: не заявил, что все эти разговоры про морские водоросли — полнейшая чепуха; он сказал об этом значительно позже. А когда наступил подходящий момент, Гораций сделал мне предложение. Если мы сумеем добыть образцы всех препаратов, которыми вы пользуетесь в «Нефертити», в особенности то, что вводится пациентом в виде инъекций... он знает людей, которые готовы заплатить за них хорошую цену. Если я уговорю какую-нибудь из ваших девушек рассказать мне что-нибудь об исходных материалах, за это тоже неплохо заплатят. Ну а если девушка достанет совсем маленький кусочек вполне определенного материала, который скорее всего напоминает лишайник, они и вовсе отвалят целое состояние.

Обдумывая его слова, я вспомнила, что Алек, мой муж, находится в давних приятельских отношениях с директором Сентвордской химической корпорации.

Дженет снова замолчала и задумчиво покачала головой.

— На самом деле, Диана, у меня создается впечатление, что игра практически окончена.

Диана спокойно посмотрела на нее.

— Игра? — осведомилась она.

— Моя дорогая, — сказала Дженет. — Мы знакомы уже десять лет. И вот что интересно — мы обе за это время почти не изменились, не правда ли? Кроме того, вы

должны помнить, что я четыре года изучала медицину. Вероятно, я единственная из ваших клиентов владею соответствующими знаниями. Факт интересный. По правде говоря, если моя догадка верна, вполне возможно, что я снова займусь медициной. Конечно, приятно носить дорогую одежду и тому подобное, но цена за такую жизнь оказалась гораздо выше, чем я предполагала, не говоря уже о том, что заниматься этим долго скучно, вы со мной согласны?

Диана не отвела взгляда.

— И как давно вас посетили подобные мысли?

Леди Тьюли пожала плечами:

— Трудно сказать, моя дорогая, потому что в это трудно по-настоящему поверить. Пожалуй, мои подозрения переросли в уверенность около трех лет назад.

— Но вы никому ничего не рассказали?

— Нет. Меня это просто завораживало. Я хотела сама увидеть, что произойдет дальше. В конце концов, если я не ошиблась, у меня достаточно времени на ожидание. А если ошиблась, тогда это и вовсе не имело никакого значения. Я знаю вас, Диана. И верю вам. У меня не было никаких оснований вмешиваться — во всяком случае до сих пор. Теперь же, когда они появились, я просто сгораю от нетерпения, у меня к вам множество вопросов.

Диана посмотрела на нее. Дженет Тьюли слишком хорошо овладела манерами, присущими женщинам ее круга, — вежливое внимание на лице, и больше ничего. Диана улыбнулась и бросила взгляд на запястье, где были часы.

— Ладно, — согласилась она, — но сейчас у меня есть только полчаса.

— Тогда я начну с главного вопроса, — сказала Дженет. — Сопровождается ли замедление процесса старения ускорением процесса распада, если лечение приостанавливается?

— Нет, — ответила Диана. — Метаболизм просто возвращается в свое нормальное состояние.

— Это большое облегчение. Меня преследовала мысль, что однажды, за каких-нибудь пять минут я превращусь из женщины средних лет в старуху, пораженную маразмом. Теперь о вторичных эффектах и реакциях на различные стимуляторы. Мне показалось, что я заметила...

Вопросы продолжались более получаса, пока их не прервал телефонный звонок. Диана взяла трубку. Мисс Толуин сказала:

— Мне очень жаль, мисс Брекли. Я знаю, вы не хотели, чтобы вас беспокоили, но мисс Саксовер звонит уже в третий раз. Она говорит, что у нее к вам срочное дело.

— Хорошо, Сара. Соедини меня с ней.

Диана помахала рукой леди Тьюли, которая уже собралась уходить.

— Привет, Стефани. Что случилось?

— Я насчет «Дарра», Диана, — услышала она голос Стефани. — Папа считает, что ему лучше тебе не звонить.

— Что произошло?

— Пожар. Жилое крыло нашего дома практически все сгорело. Папа едва спасся.

— С ним все в порядке? — с беспокойством быстро спросила Диана.

— О да. Ему удалось выбраться на крышу и по ней перейти в главное здание. Пожарные смогли отсечь огонь, но папа хотел, чтобы ты знала: полиция практически уверена, что пожар явился результатом поджога.

— Кому это может быть нужно? Нет никакого смысла...

— Полиция предполагает, что, скорее всего, сначала была предпринята попытка ограбления, а уж потом они устроили пожар, чтобы замести следы. Удалось найти место, где взломаны замки. Конечно, невозможно узнать, что именно взяли грабители. Однако мне поручено сообщить, что тебе не следует беспокоиться ты знаешь о чем. Там не было ничего, имеющего к этому отношение.

— Что ж, прекрасно, я все поняла, Стефани. А твой отец? Ты совершенно уверена, что он не пострадал?

— Только немного поцарапал колено и испортил пижаму.

— Слава Богу, — сказала Диана.

После того как они обменялись еще несколькими фразами, Диана положила трубку, ее рука дрожала. Почти полминуты она неподвижно смотрела на противоположную стену, пока движение Дженет Тьюли не заставило ее оторваться от своих мыслей.

— Слишком многим удалось подобраться к нам чересчур близко, — заметила она скорее для себя. — Пришло

время предпринять встречные шаги — нет, нет, не уходите, Дженет. У меня есть к вам дело. Подождите минутку...

Она снова подняла телефонную трубку:

— Сара, вы помните тот пакет, что лежит в углу большого сейфа?.. Да. В нем полно писем. На них уже наклеены марки и подписаны адреса. Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы они были немедленно отправлены. Сегодня же вечером.

Она снова повернулась к Дженет Тьюли.

— Что ж, — сказала она, — пора снимать крышку. В письмах приглашения моим клиенткам и кое-кому из журналистов на встречу, которая состоится в следующую среду днем — всего их там больше тысячи. Я постаралась составить письма так, что возникает ощущение срочности и важности встречи, но, к сожалению, написала одно и то же — а это означает, что кое-кто отнесется к ним несерьезно, а кое-кто посчитает обычной рекламной кампанией. Так вот, вы хорошо знаете наших клиенток. Я хочу, чтобы вы распустили слух, который дополнил бы письма и заставил всех моих клиенток собраться в назначенное время. Я дам такое же задание и некоторым из моих девушек. Однако если слухи поползут извне, они будут более убедительными.

— Хорошо, — согласилась Дженет. — А какой слух я должна распустить? Вы же не хотите, чтобы правда выплыла раньше, чем все соберутся вместе, не так ли?

— Нет, конечно. Временно будем придерживаться версии о водорослях. Что касается слухов... ну, например, нашей работе угрожают, клиенты могут лишиться услуг салона, потому что ирландцы собираются установить такую высокую пошлину на водоросли, что министерство торговли отказывается санкционировать платежи по таким грабительским ценам. Мы организуем митинг протеста против дискриминационных мер правительства, которые поддерживают конкурирующие фирмы и направлены на то, чтобы лишить наших клиентов возможности и в дальнейшем пользоваться услугами «Нефертити». Как вы думаете, пойдет?

— Думаю, да, — согласилась Дженет. — Эту историю можно здорово приукрасить. Сказать, к примеру, что министерство торговли, или министерство финансов, или кто-нибудь еще находится под влиянием конкурирующих фирм. А

все это вместе является грязным заговором людей, которым совершенно наплевать, что произойдет с вашими клиентами, они лишь хотят заполучить «Нефертити» и ваши секреты. Да, эта история, безусловно, вызовет справедливое негодование.

— Отлично, Дженет. Займитесь этим. А я организую утечку информации через персонал — это гораздо более эффективный способ, чем сообщить что-нибудь напрямую. Будем надеяться, что в среду у нас соберется полный зал.

ГЛАВА 10

Их обогнал черный фургон. На боку крупными буквами было написано «Полиция». Из окошка высунулась рука и решительным жестом показала, что им следует остановиться.

— Какого дьявола?.. — спросил Ричард, притормаживая.

— Ну мы же ничего плохого не сделали? — удивленно проговорила Стефани.

Как только они остановились, подъехал другой фургон, на котором ничего не было написано. Дверца распахнулась, и из фургона вышел человек. Он посмотрел назад и спросил:

— Все правильно, Чарли?

— Полный порядок, — ответил чей-то голос.

Человек засунул руку в карман. В следующую секунду он одной рукой распахнул дверь со стороны Ричарда, а другой навел на него пистолет.

— Выходи! — коротко приказал он.

С такой же неожиданностью дверь распахнулась с другой стороны, и второй мужчина предложил Стефани выйти из машины.

— В фургон, — добавил он, угрожающе ткнув ей в спину пистолетом.

Стефани хотела было что-то сказать.

— Заткнись. Залезай, — снова приказал мужчина.

Послышался сухой щелчок выстрела с той стороны автомобиля, где стоял Ричард.

— Видишь? Он стреляет. Пошли, нечего время тянуть, — сказал первый мужчина.

Ричарду и Стефани, к спинам которых были приставлены дула пистолетов, ничего не оставалось, как забраться в фургон. Оба незнакомца быстро залезли в машину вслед за ними и захлопнули за собой дверцы. Вся операция заняла чуть меньше минуты.

Комната была довольно большой. Мебель казалась старомодной и немного потертой, но достаточно удобной. Мужчина, сидящий за письменным столом, повернул лампу так, чтобы она светила Стефани прямо в глаза, а его лицо бледным расплывчатым пятном оставалось в тени. Девушка стояла немного правее от него, а за спиной у нее находился один из доставивших их сюда бандитов. Ричард стоял слева — руки связаны за спиной, рот залеплен большим куском пластыря; его охранял второй бандит.

— Мы не желаем вам зла, мисс Саксовер, — сказал человек, сидящий за столом. — Я просто хочу получить от вас кое-какую информацию, и я ее получу. Для всех будет гораздо лучше, если вы быстро и честно ответите на мои вопросы. — Он немножко помолчал, бледное пятно его лица было по-прежнему повернуто в сторону Стефани.

— Нам известно, — продолжал он, — что ваш отец сделал замечательное открытие. Я уверен, вы знаете, о чем я говорю.

— Мой отец сделал множество важных открытий, — заявила Стефани.

Мужчина, ведущий допрос, стукнул левой рукой по столу. Бандит, охранявший Ричарда, сжал кулак и нанес ему сильный удар в живот. Ричард сдавленно застонал и наклонился вперед.

— Давайте не будем терять время, — сказал человек за столом. — Вы прекрасно знаете, какое открытие меня интересует.

Стефани беспомощно огляделась по сторонам, хотела было пошевелиться, но две руки крепко ухватили ее чуть повыше локтей. Тогда она ударила бандита каблуком. Тот мгновенно больно наступил ей на другую ногу. Прежде чем Стефани успела что-нибудь предпринять, он быстро сорвал с нее туфли и отбросил в сторону.

Человек за письменным столом снова легонько стукнул левой рукой по столу. На сей раз удар кулака пришелся Ричарду в лицо.

— У нас нет никакого желания причинять вам боль, мисс Саксовер, — продолжал человек за столом, — но с вашим приятелем мы можем себе позволить сделать все, что пожелаем. Однако если это не произведет на вас никакого впечатления, придется заняться непосредственно вами. А если вы будете продолжать упрямиться, нам все расскажет ваш отец. Как вы думаете, если он получит вот это колечко — внутри которого, как вы, надеюсь, понимаете, будет ваш пальчик — он захочет сотрудничать с нами? — Бандит снова немного помолчал. — Ну а теперь, мисс Саксовер, вы расскажете мне все об этом открытии.

Стефани решительно сжала зубы и покачала головой. Справа донесся глухой звук нового удара и стон. Она вздрогнула. Еще один удар.

— О Господи! Прекратите! — крикнула она.

— Все в ваших руках, — сказал человек за столом.

— Вас интересует... увеличение срока жизни?.. — несчастным голосом спросила Стефани.

— Так-то лучше, — улыбнулся он. — А применяемое вещество является экстрактом... чего? Не говорите «водорослей». Вашему другу будет только хуже.

Стефани колебалась, затем увидела, как он поднял левую руку.

— Лишайник. Это лишайник, — ответила она.

— Верно, мисс Саксовер. Вы же знаете, что нужно отвечать на наши вопросы. И как называется этот лишайник?

— Я не могу вам сказать, — проговорила она. — Нет, нет, не бейте его. Я не могу вам сказать. У него нет настоящего имени. Его не классифицировали.

Человек за столом подумал немного и решил принять этот ответ.

— Как он выглядит? Опишите его.

— Тоже не могу, — сказала Стефани. — Я его никогда не видела. — Она вздрогнула, услышав новый удар. — О, не нужно... не делайте этого, я не в силах... Остановите его. Вы должны мне верить. Я не знаю!

Человек поднял левую руку, и удары прекратились, до Стефани доносились лишь стоны Ричарда и его тяжелое дыхание. Она повернулась к столу, по ее лицу текли слезы. Человек выдвинул ящик и достал большой лист бумаги, на

котором было приклеено более десятка образцов различных лишайников.

— На какой из этих классов он больше всего похож? — спросил он.

Стефани беспомощно покачала головой:

— Не знаю. Я же вам сказала, мне ни разу не приходилось его видеть. Ричард, о Господи, прекратите, прекратите! Он говорил, что это *imperfectus*. Больше я ничего не могу вам сказать.

— Существуют сотни видов лишайников, которые можно назвать *imperfecti*.

— Понимаю. Но это все, что я могу вам сказать. Клянусь.

— Ну хорошо, остановимся пока на этом и займемся другим вопросом. Имейте в виду: я много знаю и вашему дружку грозят очень серьезные неприятности, если вы станете мне лгать. Меня интересует, откуда ваш отец получает лишайник?..

— Нет, она в порядке — физически. Они не причинили ей никакого вреда, — произнес Френсис. — Но, конечно же, она перенесла шок и страшно расстроена.

— Бедняжка Стефани, — сказала Диана в телефонную трубку. — А как молодой человек, Ричард?

— Боюсь, ему крепко досталось. Стефани говорит: когда она пришла в себя, оказалось, что они лежат на траве возле машины, стоящей на том же месте, где их остановили. Светало, бедняга Ричард выглядел просто ужасно. Тут появился какой-то фермер, и они вдвоем засунули Ричарда в машину, а потом Стефани отвезла его в больницу. Ей сказали, что на самом деле все не так страшно, как кажется. Он лишился нескольких зубов, однако никаких серьезных повреждений ему не нанесли, хотя врачи советуют подождать результатов рентгена. Стефани вернулась в «Дарр». Она ужасно переживает. Но разве она могла что-нибудь сделать? Ведь она не знала, что бандиты ее обманули, сказав, что им все известно, в то время как на самом деле они ничего не знали. К тому же каждый раз, когда она пыталась что-нибудь скрыть, страдал Ричард. Не сомневаюсь, они избили бы и ее, если бы она стала упрямиться.

— Бедняжка. Что она им сообщила? — спросила Диана.

— Почти все, что знала — только не упомянула о вас.

— Так что теперь им известно, откуда мы получаем лишайник?

— Боюсь, что да.

— О Господи. Это все моя вина. Мне не следовало ей рассказывать. Надеюсь, не возникнет никаких серьезных неприятностей. Теперь мы уже ничего не можем с этим поделать. Попробуйте успокоить ее. Полагаю, вы не знаете, кто эти типы?

— Понятия не имею, — ответил Френсис.

— Вряд ли это приятели вашей невестки, как вы думаете? Если бы они были с ней связаны, мое имя почти наверняка всплыло бы. Похоже, по нашим следам идет полдюжины разных фирм, не считая журналистов и полиции. Вы знаете, я объявила своим клиентам и прессе о большом собрании в среду. Создается впечатление, что наша тайна в любом случае не продержится больше нескольких дней.

На другом конце провода молчали.

— Вы меня слышите? — спросила Диана.

— Да, — отозвался Френсис.

— Послушайте, Френсис, мне не нужна слава первооткрывателя. Ведь мы оба сделали открытие. Вы не решите мне сказать об этом в среду?

— Я все еще считаю, что лучше подождать...

— Но...

— Моя дорогая, теперь это вопрос тактики. Откровенно говоря, то, что вы сейчас делаете, — сенсация на уровне обывателя. Серьезные люди посчитают, что это очередной рекламный трюк вашей фирмы.

— Возможно, сначала так и будет, однако очень не надолго.

— Я продолжаю считать, что принесу больше пользы, если буду оставаться в резерве.

Диана раздумывала над его словами.

— Хорошо, Френсис, — со вздохом согласилась она. — Я бы хотела только... ну, ладно.

— Диана, будьте осторожны, берегите себя. Слишком многих интересует наше открытие.

— Не беспокойтесь обо мне, Френсис. Я знаю, что делаю.

— У меня такой уверенности нет, моя дорогая.

— Френсис, все эти годы я работала именно ради наступяющего момента. Люди должны...

— Ну что ж, сейчас это уже невозможно остановить. Но я еще раз повторяю, пожалуйста, Диана, будьте осторожны...

ГЛАВА 11

В четверг утром Диана взялась за пачку газет с нетерпением восходящей звезды на следующей день после премьеры. Однако по мере того как она просматривала их, ее энтузиазм заметно убавлялся.

«Таймс» вообще проигнорировала ее пресс-конференцию — ну, откровенно говоря, трудно было рассчитывать на интерес со стороны консерваторов. В «Гардиан» — тоже ничего. И в «Телеграф»... А вот это уже несколько странно: ведь на встрече было немало людей с громкими титулами.

В маленькой заметке на женской страничке «Нью Кроникл» говорилось, что знаменитый косметолог с улицы Мейфер заявила о новом виде лечения, позволяющем сохранить красоту юности.

«Мейл» писала:

«Если пример знаменитого салона красоты, находящегося в Вест-энде и объявившего о новом виде лечения с помпой, которая обычно сопровождает показ очередных коллекций известного модельера, получит широкое распространение, можно легко себе представить, что скоро наступит время парадов новой моды на лица — осенне-зимнего, или весенне-летнего сезона, которыми будут руководить наши ведущие косметологи».

«Экспресс» сделала следующее заявление:

«Скромность никогда не была характерной чертой салонов красоты, и уж, конечно, вы бы и следов ее не обнаружили во время выступления известного специалиста, состоявшегося вчера во время собрания женской элиты на улице Мейфер. Никто не собирается отрицать: то, что можно сделать и уже сделано для женского лица и фигуры, превращает наш мир в куда более симпатичное место, но чрезмерные обещания способны привести лишь к волне разочарования, которая обрушится на своего создателя».

Заголовок к небольшой статье в «Миррор» гласил:

«ВСЛЕД ЗА МОРСКИМИ ВОДОРΟΣЛЯМИ?»

«Нашим читателям, недавно пережившим крушение надежд на чудесное превращение, которое им могут дать

морские водоросли, не следует предаваться печали. Вчера выяснилось (причем информация исходит из того же знаменитого салона), что далеко не все еще потеряно. Обещания, которые даются теперь, производят сильное впечатление — морские водоросли, оказывается, совершенно ни при чем; секрет остался нераскрытым, но если вы готовы потратить двести или триста фунтов, то сможете испытать новое чудодейственное средство на себе»

«Геральд» поместил похожую заметку:

«В СОРОК, КАК В ВОСЕМНАДЦАТЬ?»

«Женщины, которые имели счастье удачно выйти замуж, вправе сегодня радоваться. Отличные новости из салона красоты на Мейфер: двери вечной молодости открыты — если вы готовы платить за это триста или четыреста фунтов в год. Вне всякого сомнения, учитывая распределение денег в нашей стране, капиталисты, которые все это организовали, будут очень собой довольны. Многие считают, что восемь фунтов в неделю можно было бы использовать с гораздо большей пользой для нашего общества, но пока правительство тори стоит у власти...»

«Скетч» писал:

«Говорят, молодость дается человеку один раз, однако некий эксперт по косметическому бизнесу утверждает, что это высказывание устарело. Современные девушки могут быть молодыми два раза или даже три, если захотят. Нужно только обратиться за помощью к науке и заплатить баснословную сумму. Лично мы считаем, что подобные предложения делались еще до того, как на свет появилась наука; и, вполне возможно, на тех же условиях».

— Очень огорчительно, — сказала мисс Толлуин, в ее голосе звучало сочувствие. — Если бы только вы могли придать этим новостям вес, — добавила она.

Диана удивленно посмотрела на нее:

— Силы небесные, Сара! Что это значит? Речь идет о самой величайшей новости — со времен сотворения мира!

Мисс Толлуин снова покачала головой.

— Новость и то, как ее воспринимают, — это разные вещи, — заметила она. — Все решили, что это рекламные штучки. А британская пресса до смерти боится оказаться обвиненной в том, что она делает кому-нибудь бесплатную рекламу.

— Они просто притворились, что до них ничего не дошло. А большинство клиентов все прекрасно поняли. Я

же из всех сил старалась говорить попроще, — запротестовала Диана.

— Вы жили с этим долгое время и привыкли. А они — нет. Что же до клиентов... ну знаете, большинство из них и сами уже начали задумываться — они были готовы к вашему объяснению, даже ждали его. Однако журналисты. Поставьте себя на их место, мисс Брекли. Их посылают составить отчет о лекции, посвященной проблеме сохранения красоты, они могут рассчитывать на пару абзацев на женской странице. Наверное, ваши слова заставили некоторых из них задуматься; вы подготовили почву для дальнейшего. Ну хорошо, а теперь представьте себе, что они станут говорить своим многоопытным редакторам? Я-то знаю. Мне уже приходилось сталкиваться с подобными вещами. Сейчас вам нужна настоящая сенсация...

— Ради всего святого, Сара, если то, что я им сказала, не является

— Вам нужна сенсация в газетном смысле, вот что я имела в виду. Хороший импульс на эмоциональном уровне. Вы дали нам факты; чтобы осознать их, требуется время.

— Возможно, с моей стороны было наивно рассчитывать на немедленный взрыв, — с надеждой проговорила Диана. — Но ведь будут еще воскресные выпуски. У них достаточно времени, чтобы все переварить, ведь это как раз то, что нужно газетам, не так ли? Мне абсолютно все равно, как они станут обращаться с полученной информацией, главное, чтобы они ее не проигнорировали. Ну и, конечно же, не следует забывать о женских еженедельниках и журналах. Некоторые из них обязательно должны раздуть эту историю.

Но все сложилось таким образом, что Диане не пришлось ждать ни еженедельников, ни воскресных газет, потому что вечером в четверг, после того как закрылась биржа, страховая компания «Треднидл и Вестерн» объявила мораторий на ежегодные выплаты и гарантированные доходы — на неопределенный срок. Они заявили, что этот шаг является «временной мерой, на которую Компания вынуждена пойти до выяснения законности обязательств Компании в тех случаях, когда были применены определенные средства для продления обычного срока жизни». С точки зрения многих, в особенности держателей акций этой самой компании и некоторых других страховых компаний, эта мера, временная или нет, была абсолютно разум-

ной. «Зачем, — раздавались возмущенные голоса, — зачем идиоты, входящие в правление, вообще раскрывали рты? Даже если во всем этом что-то и есть, им следовало хранить молчание до тех пор, пока они не узнают мнение Совета, бездарные кретины».

В пятницу акции «Треднидл и Вестерн» опустились на пять шиллингов. На биржу просочился слух, что накануне вечером некий член Королевского Совета заявил в Национальном либеральном клубе, что в обязанности врача входит продление жизни пациентов, которым грозит смерть, подобные вещи происходят ежедневно, и он не понимает, какие здесь могут возникнуть вопросы. Ни Бог, ни закон не говорят о том, какой должна быть продолжительность жизни. В то время как о термине «естественная продолжительность жизни» можно спорить, соотнося его с «неестественной продолжительностью жизни», любому здравомыслящему человеку очевидно одно: жизнь длится до тех пор, пока ее не пресечет смерть.

Акции страховых компаний упали еще ниже.

Споры о том, есть ли какой-нибудь резон в разговорах о пресловутом «продленном сроке жизни», ни к чему не привели. Постепенно стало распространяться мнение, что слухи эти сильно преувеличивают истину.

Падение акций страховых компаний прекратилось.

Три небольшие компании последовали примеру «Треднидл и Вестерн» и объявили о моратории на все выплаты. Значит, слухи имеют под собой некоторую почву.

Акции страховых компаний снова начали падать.

Около двух часов дня появились первые выпуски вечерних газет. В разделе городских новостей было напечатано: «Вчерашнее заявление о временном моратории на ряд выплат, сделанное страховой компанией “Треднидл и Вестерн”, привело к волнениям на лондонской бирже. Акции страховых компаний начали медленно падать. Позднее падение прекратилось и наступило короткое затишье. Однако в конечном счете те, кто сохранил верность своим компаниям, проиграли, и акции снова стали падать».

Неожиданный шаг, предпринятый компанией “Треднидл и Вестерн”, был вызван пресс-конференцией, которую в прошлую среду устроила мисс Диана Брекли, владелица широко известного салона красоты “Нефертити Лимитед”, во время которой она заявила, что был достигнут существенный прогресс в замедлении процесса старения челове-

ческого организма, а это в самое ближайшее время приведет к существенному увеличению продолжительности жизни

Тот факт, что заверения мисс Брекли были встречены страховыми компаниями с такой серьезностью, вероятно, объясняется тем, что она является известным ученым, с отличием закончила факультет биохимии в Кембридже и в течение нескольких лет занималась серьезными научными исследованиями и лишь после этого обратила свои таланты на развитие нового бизнеса в области, где очень высока конкуренция и весьма специфические нравы...»

Один молодой человек, слегка нахмурившись, показал на этот абзац своему коллеге.

— Иными словами, она чего-то добилась. «Существенное увеличение продолжительности жизни» — не слишком исчерпывающая информация, но этого оказалось достаточно, чтобы напугать «Треднидл» и других. Полагаю, стоит продать наши акции, пока они не упали совсем.

Он не был оригинален в своих суждениях.

Все словно с цепи сорвались.

«Таймс» ограничилась комментариями на странице, посвященной финансам: речь шла об акциях страховых компаний. Не упоминая о причинах паники, газета порицала тех, кто принимал решения, основываясь на неподтвержденных слухах, породив тем самым смятение в одной из самых стабильных областей финансовой жизни

«Файненшиал таймс» придерживалась фактов, но тон ее статьи был достаточно осторожным. Здесь тоже выражалось недоумение по поводу безответственных заявлений, но газета привлекала внимание своих читателей к заметному росту акций химических компаний, в особенности «Юнайтед коммонвелс кемиклз», которые подскочили в цене, когда начался второй круг падения страховых акций «Экспресс», «Мейл» и «Ньюс кроникл» упомянули о заявлении мисс Врекли, однако воздержались от подробного изложения ее выступления — например, нигде не сообщалось, насколько именно может увеличиться продолжительность жизни; всего лишь неопределенно говорилось о том, что люди смогут жить дольше, в каждой из этих газет статьям отводилось не очень заметное место на женской странице

Впрочем, «Миррор» немного опередила своих коллег. Им удалось обнаружить, что миссис Макмартин (миссис Маргарет Макмартин, так называли даму в этой газете), жена председателя совета директоров страховой компании «Треднидл и вестерн», вот уже восемь лет является клиенткой «Нефертити». В газете была напечатана фотография миссис Макмартин, а рядом с ней снимок, сделанный десять лет назад. Лица на фотографиях до такой степени не отличались одно от другого, что это производило сильное впечатление. В статье приводились слова самой миссис Макмартин: «Я ни секунды не сомневаюсь в том, что мисс Брекли говорит правду. И я в этом не одинока. Сотни женщин, чья жизнь подверглась столь революционным переменам вследствие ее открытия, так же искренне ей благодарны, как и я сама». И тем не менее никаких подробностей в газете не сообщалось.

«Телеграф» проинтервьюировал леди Тьюли, которая заявила среди прочего: «Природа несправедлива к женщинам. Период нашего цветения так трагически короток. До сих пор наука, изменяющая мир, не обращала на нас никакого внимания, но вот, словно посланница Олимпа, появилась мисс Брекли и предложила нам то о чем мечтает каждая женщина: долгое лето, наполненное цветением. Мне кажется, это приведет к уменьшению числа разводов»

Суббота началась для Дианы просьбами об интервью. Нарастающее напряжение, однако, заставило ее отказаться от личных встреч и организовать самую настоящую пресс-конференцию. Вначале преобладали легкомысленные, циничные, а иногда и резкие высказывания, потом она от этого устала и, прервав свою вступительную речь, заявила:

— Послушайте, не я настаивала на этой встрече. Вы хотели меня видеть. Я не собираюсь вас ни в чем убеждать, и мне совершенно безразлично, поверите вы или нет. С точки зрения фактической стороны вопроса это не имеет ни малейшего значения. Если вы намереваетесь покинуть сейчас зал и как следует повеселиться на наш счет, пожалуйста — но только краснеть потом придется вам, а не мне. А пока давайте займемся делом. Вы задаете вопросы — я на них отвечаю.

Никто не в состоянии убедить представителей прессы в чем бы то ни было на все сто процентов, и успех, как

правило, становится сомнительным, если отвечающий отказывается обсуждать некоторые основополагающие вопросы. Однако когда журналисты расходились, кое-кто выглядел гораздо более задумчивым и тихим, чем когда пришел сюда.

Трудно сказать, какие из воскресных газет не захотели напечатать этот рискованный, с их точки зрения, материал, а какие решили, что новость не стоит того, чтобы менять заранее спланированное распределение материалов. Кое-где появились осторожные упоминания, но ни «Проул», ни «Радар» не сомневались в том, что материал заинтересует читателей, и в своих последних выпусках уделили большое внимание новой сенсации. «ХОЧЕТ ЛИ ЖЕНЩИНА ЖИТЬ ДВЕСТИ ЛЕТ?» — спрашивал «Проул». «СКОЛЬКО ЖИЗНЕЙ ВЫ ПРОЖИВЕТЕ?» — интересовался «Радар». «Наука, не остановившаяся на создании водородной бомбы, так потрясшей государственных деятелей всего мира, теперь ставит перед нами самую серьезную проблему человечества, — сообщалось в газете. — В лабораториях родилось обещание новой жизни, которая уже началась — для избранных — с открытия антигерона. Как подействует антигерон на вас?» И так далее, и тому подобное... а в конце автор статьи требовал немедленного правительственного заявления относительно положения пенсионеров в новых условиях.

«Антигерон (говорилось в "Проуле"), вне всякого сомнения, является величайшим открытием в медицинской науке со времен пенициллина. Это еще одна победа британского интеллекта, инициативы и технологии. Он дарит вам длинную жизнь; открытие антигерона окажет серьезное влияние на всех нас. Возможно, на возраст, при котором заключаются браки. Понимая, что впереди долгая жизнь, юные девушки не будут очертя голову бросаться замуж. Семьи в будущем станут многочисленнее. Многие из нас смогут поддержать в руках прапраправнуков, а может быть, даже их детей. Больше никто не будет считать, что женщина, которой исполнилось сорок лет, приблизилась к своему среднему возрасту, а это, естественно, повлияет на моды...»

Когда раздался телефонный звонок, Диана с грустной улыбкой просматривала газеты

— О, мисс Брекли, это Сара, — услышала Диана взволнованный голос своей секретарши, — у вас включен приемник?

— Нет, — ответила Диана. — Я просматриваю прессу. Мы заметно продвинулись, Сара.

— Мне кажется, вам стоит послушать, что они говорят, мисс Брекли, — сказала мисс Толлуин и повесила трубку.

Диана включила радио. Комнату сразу наполнил экзальтированный голос.

— ...занились не своим делом, вторглись во владения, находящиеся в ведении Всемогущего Господа. Ко всем прочим грехам науки, а их и так уже набралось немало, добавился грех гордости — они воспротивились воле Господней. Разрешите мне еще раз напомнить текст девяностого псалма*: «Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет; и самая лучшая пора их — труд и болезнь, ибо проходят быстро и мы летим».

Это закон Господен, потому что это Он дал нам смертные тела. Наш конец, так же как и наше начало, часть его замысла. «Дни человека, как трава; как цвет полевой, так он цветет», говорится в сто третьем псалме**. Обратите внимание: «как цвет полевой»; не как цветок, рожденный в результате научных экспериментов.

И вот наука в своем безбожье и тщеславии бросает вызов великому Архитектору Вселенной. Она выступает против воли Господней, утверждая, что способна превзойти Творца. Она предлагает себя в качестве нового золотого тельца, окончательно отказываясь от Бога.

Она грешит, как Дети Израилевы грешили.

Даже преступления и грехи физиков кажутся незначительными по сравнению с наглостью людей, души которых настолько лишились Господа, что они осмелились бросить вызов Его законам. Сатанинский соблазн, предложенный нам, будет отвергнут всеми, кто чтит Господа нашего и уважает Его повеления, мы должны позаботиться о том, чтобы защитить слабых духом от их собственной глупости. Законы нашей христианской земли не должны

* Автор допускает ошибку — это текст восемьдесят девятого псалма.

** Опять ошибка — это цитата из сто второго псалма.

страдать от угроз изменить природу человека, такого, каким создал его наш Господь...

Диана дослушала до конца. Как только закончилось обращение и зазвучала религиозная музыка, снова раздался телефонный звонок. Она выключила приемник.

— Еще раз доброе утро, мисс Брекли. Вы слышали? — спросила мисс Толлуин.

— Слышала, Сара. Возвышенная проповедь. Начинаешь думать, что лечить больных или передвигаться со скоростью, превышающей возможности пешехода, есть греховное вмешательство в природу человека, не так ли? Во всяком случае, теперь никто не сможет сказать, что нашего открытия не существует. Спасибо, что позвонили. А сейчас я ухожу. Не думаю, что до выхода завтрашних газет появятся еще какие-нибудь новости.

«Роллс-ройс» Дианы остановился возле здания «Дарра», словно большая яхта у причала. Занятая своими проблемами, Диана забыла о пожаре и сейчас с ужасом смотрела на сгоревшее жилое крыло дома. Большая часть мусора была убрана, строительные материалы, сложенные неподалеку, показывали, что восстановительные работы уже начаты, но жить здесь сейчас, конечно же, было невозможно.

Она включила двигатель и направила автомобиль на стоянку. Возле единственной машины с поднятым капотом склонилась миловидная молодая женщина. «Роллс-ройс» бесшумно остановился рядом, лишь негромко прошуршал гравий. Молодая женщина подняла голову и удивленно посмотрела на роскошный автомобиль. Диана спросила ее, где можно найти доктора Саксовера.

— Он временно перебрался в многоквартирный дом для персонала, — ответила девушка. — Господи, вот это машина! — добавила она с нескрываемой завистью. Тут только она более внимательно взглянула на Диану. — Скажите, а не вашу ли фотографию я видела в «Санди Джадж» сегодня утром? Вы мисс Брекли, не так ли?

— Да, — призналась Диана, нахмурившись, — но я буду вам весьма благодарна, если вы не станете по этому поводу распространяться. Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, что я здесь была — думаю, доктор Саксовер придерживается того же мнения.

— Хорошо, — согласилась девушка, — меня это не касается. Только ответьте на один вопрос: антигерон, про который пишут газеты, действительно обладает чудодейственными свойствами?

— Я не знаю, что именно написано в «Джадже», — ответила Диана, — но в основном так оно и есть.

Девушка серьезно посмотрела на нее и сочувственно покачала головой:

— В таком случае не хотела бы я оказаться на вашем месте — хоть у вас и есть «роллс-ройс». Желаю удачи. Вы найдете доктора Саксовера в квартире номер четыре.

Диана пересекла двор, поднялась по знакомой лестнице и постучала в дверь.

Френсис удивленно уставился на нежданную гостью:

— Боже мой, Диана! Как вы здесь оказались? Заходите!

Она вошла в гостиную. На столе было разбросано с полдюжины воскресных газет. Комната показалась ей меньше, чем по воспоминаниям, и не такой аскетичной.

— У меня здесь все было чистым и белым. Так, пожалуй, лучше. Представляете, Френсис, когда в этой квартире жила я... — заметила Диана, но Саксовер ее не слушал.

— Дорогая, — сказал он, — вы знаете, я всегда рад вас видеть, но мы же решили, что не должны встречаться, чтобы никто не догадался... А вы пришли в такое время! Конечно, вы уже, наверное, читали газеты. Мне кажется, вы поступили неразумно, Диана. Вас кто-нибудь видел?

Она рассказала о девушке на стоянке и о том, что предупредила ее. Френсис был явно обеспокоен.

— Пойду-ка поговорю с ней, чтобы у нее не осталось никаких сомнений. Подождите меня минутку.

Оставшись одна, Диана подошла к окну, выходящему в сад. Когда Френсис вернулся, она по-прежнему неподвижно стояла у окна.

— На нее можно положиться, — сказал он. — Симпатичная девушка, химик, да и работник хороший. Очень похожа на вас... какой вы были раньше — относится к «Дарру» как к месту работы и не ставит перед собой задачу побыстрее выскочить замуж.

— Вы считаете, что я была именно такой? — спросила Диана.

— Ну конечно же, вы были одним из самых трудоспособных сотрудников «Дарра» — тут Френсису пока

залось, что он уловил какие-то странные нотки в ее голосе. — Что вы хотите этим сказать?

— Ладно, сейчас не стоит. Ведь все было так давно, не правда ли? — Диана повернулась, чтобы еще раз посмотреть на сад, а потом перевела взгляд на дверь, ведущую в маленькую спальню. — Как странно, — продолжала она, — мне следовало бы ненавидеть «Дарр», а я отношусь к нему с любовью. Я нигде не была так же несчастлива, как здесь. — Она кивнула в сторону двери. — В этой спальне я не одну ночь проплакала в подушку.

— Я и не представлял. Мне всегда казалось... Но почему? Или это слишком личное? Вы были очень молоды тогда.

— Да. Я была совсем молоденькой. Наблюдать за тем, как постепенно тускнеет твой мир, очень тяжело, когда ты молод. Некоторым требуется много времени, чтобы понять, что на самом деле тускнеет лишь внешняя сторона, а истинная сущность остается без изменений.

— Я всегда плохо разбирался в метафорах, — признался Саксовер.

— Мне это хорошо известно, Френсис. Я тоже не умею выражать свои эмоции. Юные девушки так болезненно нетерпеливы. Они стремятся к абсолюту, лишь время помогает им понять окружающий мир. Давайте оставим эту тему, ладно?

— Ладно, — согласился Френсис. — Не думаю, что вас привели сюда воспоминания.

— Как ни странно, вы ошибаетесь... в некотором смысле. Я пришла сюда именно сейчас потому, что потом у меня просто может не появиться такой возможности. Похоже, в ближайшем будущем я буду очень занята.

— Что верно, то верно. Только я считаю слово «занята» слишком слабым — ведь мы разворошили осиное гнездо.

— Вы по-прежнему уверены, что я выбрала дешевый и вульгарный путь, Френсис?

— Должен признаться, мне подобный вариант вряд ли мог прийти в голову. А вас он устраивает? — Он махнул рукой в сторону мятых газет.

— В целом, для начала, вполне, — ответила Диана. — Я создала свою армию — живое доказательство собственной правоты. Следующий шаг — довести необходимую информацию до сведения широкой публики, пока наше открытие не успели погубить, а если подход был глупым и

вульгарным, так это всего лишь мнение редакторов о читателях.

— Любопытно, — заметил Френсис, — складывается впечатление, что все они сделали два вывода во-первых, все их читатели женщины, и во-вторых, только женщины выигрывают от нашего открытия

Диана кивнула:

— Я думаю, такая ситуация сложилась из-за того, что все исходит от «Нефертити», да и психологически так проще — люди стараются сохранять осторожность гораздо легче, если в этом возникнет необходимость, откresтиться от статьи, посвященной женщинам, — с мужчинами такие номера проходят гораздо сложнее. И тут они совершенно правы. Ответная реакция будет куда более жесткой.

— Если вы хотите сказать, что женщины стремятся пожить подольше, а мужчин подобная перспектива мало интересует, я с вами совершенно не согласен, — возразил Френсис. — Как ни странно, мысль о смерти их радует так же мало, как и женщин.

— Ну, естественно, — терпеливо сказала Диана, — но они относятся к этому по-другому. Мужчина может ничуть не меньше бояться смерти, но в целом старость и смерть не вызывают в нем такого отвращения, как в женщине. Словно женщины находятся в более интимных отношениях с жизнью, что ли; ближе с ней знакомы, если вы понимаете о чем я говорю. И еще мне кажется, что мужчину не преследуют постоянные мысли о времени и возрасте так, как это происходит с женщинами. Конечно, подобные общие рассуждения применимы лишь к средним людям. Меня не удивляет, что существует связь между этим фактом и куда большей тягой женщин к мистике, религии и обещаниям загробной жизни. В любом случае в женщинах очень силен фактор отвращения к возрасту и смерти. Отсюда их готовность схватиться за любое оружие.

— Это прекрасно отвечает моим целям. Моя армия, состоящая из женщин, будет истово сражаться за право принимать антигерон. Теперь о нем стало известно миллионам других женщин, которые потребуют антигерон для себя; любая попытка лишить их этого чудодейственного препарата вызовет волну гнева, и тогда появятся очень полезные для нас лозунги о том, что «они» — правительство, состоящее из мужчин, — пытаются лишить жен

щин права на более долгую жизнь. Возможно, это не очень логично, но, похоже, логика тут не будет иметь никакого значения. Именно поэтому я и говорю «да», — в заключение заявила Диана.

Френсис печально вздохнул:

— Не могу вспомнить во всех подробностях ту басню, но мне кажется, я слышал историю о человеке, который показал людям потрясающе вкусный пирог, потом отрезал от него кусочек и съел его... а затем сказал, что ему ужасно жаль, но пирога всем не хватит; и тогда, естественно, его разорвали на мелкие куски.

— Но пирога им все равно хотелось, — продолжила Диана. — Толпа направилась ко дворцу и швыряла в окна камни до тех пор, пока на балконе не появился король и не пообещал им национализировать все пекарни и всех пекарей в королевстве — чтобы каждый мог получить свой кусок пирога.

— Однако это не возродило того, первого, пекаря, — добавил Френсис и с беспокойством посмотрел на Диану. — Вы не собираетесь сворачивать с намеченного пути, дорогая? Впрочем, теперь уже поздно пытаться что-либо изменить. Но, пожалуйста, будьте осторожны, будьте осторожны. Может быть, мне все-таки следовало бы...

— Нет, — перебила его Диана. — Рано, Френсис. Вы были совершенно правы. Оппозиция еще не организовала свои усилия. Подождите немного, мы должны посмотреть, как будет развиваться сражение. Если наше положение станет незавидным, тогда вы и подкатите свои пушки в виде научных обоснований, и начнете палить по врагам, устроившись где-нибудь на господствующей высоте

— Я никак не могу понять, чего вы хотите, Диана, — нахмурившись, проговорил Френсис. — Вы что, представляете себя марширующей во главе огромной армии женщин? Собираетесь устраивать массовые митинги? Или, может быть, дух вашей воинственной тетки соблазняет вас видениями. Ну, например, вы сидите на передней скамье в палате общин, положив ноги на стол? Вы жаждете власти?

— Вы путаете средства с целью, Френсис, — снова покачав головой, сказала Диана. — Я совсем не хочу вести всех этих женщин за собой. Я всего лишь пользуюсь ими — обманываю их, если угодно. Им ужасно нравятся идея долгой жизни. Многие из них понятия не имеют, какое значение для них все это будет иметь. Женщины еще не понимают, что им придется повзрослеть — они просто

не смогут в течение двухсот лет вести то же ничтожное и бесполезное существование; никто не выдержит...

Они думают, что я предлагаю им продлить их прежнюю жизнь, а это вовсе не так. Я их обманываю.

Все эти годы я наблюдала за тем, как потенциально способные женщины губили свой талант. Иногда мне было обидно до слез; они многое могли сделать, могли бы стать.. Дайте им двести, триста лет — и они либо будут вынуждены воспользоваться своими талантами, чтобы окончательно не сойти с ума, либо покончить с собой... так, от безделья.

К мужчинам это тоже относится, почти в такой же степени. Я сомневаюсь, что даже самые одаренные из них в состоянии развить свой потенциал за какие-то семьдесят лет. Способные финансисты устанут делать для себя деньги лет эдак за шестьдесят и займутся чем-нибудь другим, более полезным. У людей появится время, чтобы наконец иметь возможность совершить по-настоящему великие дела...

Вы ошибаетесь, когда думаете, что мне нужна власть, Френсис. Я хочу лишь увидеть, как на свет появится *homo diuturnus**. Мне совершенно неважно, что он будет отличаться от нас, будет чужим; он должен получить свой шанс. Если для того, чтобы он смог жить, нужно произвести кесарево сечение... ну что ж... Не захотят помочь хирурги... значит, мне придется стать главной повитухой и сделать все самой. Это же первый прогрессивный шаг за миллионы лет истории человечества, Френсис! Мы не должны допустить крушения надежды, чего бы нам это ни стоило!

— Диана, это уже осталось позади. Даже если бы теперь кто-нибудь и стал мешать, довольно быстро будет открыто и запущено в производство новое вещество с такими же свойствами. Вы уже сделали все, что можно. Нет никакой необходимости подвергать себя опасности.

— Ну вот мы и вернулись к нашим основным разногласиям, Френсис. Вы считаете, что наше открытие может самостоятельно двигаться вперед, а я уверена, что оно встретит очень сильное сопротивление. Только сегодня утром я слушала по радио одного проповедника... — Она передала ему суть проповеди. — Определенные организации вступили в бой за право на существование, и вот

* Человек долголетний (*лат.*).

их-то я и боюсь, — добавила она. — Они могут приостановить прогресс на целое столетие или даже больше.

— Вы очень рискуете — ставите на карту двести пятьдесят лет жизни, — напомнил ей Френсис.

— Такое заявление не достойно вас, Френсис, — покачив головой, проговорила Диана. — С каких это пор стало принято рассматривать риск с точки зрения количества лет, отпущенных человеку? Если такие рассуждения возникают в результате влияния нашего препарата, нам следует собственными руками уничтожить весь лишайник! Только я не думаю, что это так.

Френсис переплел пальцы и посмотрел на нее.

— Диана, за годы существования «Дарра» здесь работало много разных людей, несколько сотен. Они приходили и уходили. О большинстве у меня не осталось никаких воспоминаний. Других невозможно забыть. Иные были самодостаточны; за других я чувствовал себя ответственным. Разумеется, здесь все ощущают ответственность друг за друга, но только по отношению к некоторым это превращается в обязанность; иногда дело становится очень личным — совсем на ином уровне. И как только ты начинаешь испытывать такую ответственность, она не исчезает только потому, что человек уехал; это чувство дремлет, пока его что-нибудь не разбудит — некая, возможно, иррациональная тревога, — все это время она подспудно дремлет в тебе. Словно ты оказал влияние на некоторых людей, может быть, сам того не осознавая, вывел их на некую дорогу и, таким образом, взял на себя своего рода ответственность за то, что произойдет с ними дальше. Я чувствую это сейчас.

Диана надолго задумалась, разглядывая кончики своих туфель.

— Не понимаю почему, — промолвила она наконец. — Да, если бы вы с самого начала знали, что мне известно про лишайник, тогда понятно. Но вы же не знали.

— Нет, — сказал Френсис. — Дело тут вовсе не в нем. В вас; здесь с вами что-то произошло. Я не знал, что именно, но я это почувствовал.

— Но вы ничего не сделали по этому поводу, за столько лет, не так ли?

— Человек, которому сопутствует успех так, как это произошло с вами, не нуждается ни в совете, ни в помощи, — объяснил Френсис.

— Однако вы считаете, что сейчас я нуждаюсь в помощи?

— Я только советую вам соблюдать осторожность и не подвергать себя опасности.

— После стольких лет вы решили почувствовать некоторую ответственность за меня! — возмутилась Диана.

— Мне очень неприятно, что вы рассматриваете мои слова как вмешательство в ваши дела, — покачав головой, заметил Френсис. — Я надеялся, что вы поймете.

Диана подняла глаза и внимательно на него посмотрела.

— А я понимаю, — с неожиданной горечью проговорила она. — Я все прекрасно понимаю. Вы как отец — чувствуете себя ответственным и заботитесь о дочери. — Губы у нее задрожали. — Будьте вы прокляты, Френсис, прокляты! О Господи, я знала, что мне следует держаться отсюда подальше!

Она поднялась и подошла к окну. Френсис посмотрел на ее спину, и морщины возле его глаз стали еще глубже. Помолчав немного, он сказал:

— Я был намного старше вас.

— Как будто это имело значение, — не поворачиваясь, ответила Диана. — Как будто это когда-либо имело значение!

— Я мог бы быть вашим отцом...

— «Могли бы быть», сказали вы. Даже если и так — это не имело никакого значения. И уж определенно не имеет никакого значения теперь. Неужели вы не понимаете, Френсис? Ведь мы же с вами и это тоже изменили. Насколько вы теперь меня старше?

Он не сводил глаз с ее спины; только теперь в них появилось новое, смущенное выражение.

— Я не знаю, — медленно проговорил он, помолчал, а потом добавил: — Диана...

— Нет! — крикнула Диана и повернулась. — Нет, Френсис, нет! Я не позволю вам воспользоваться... я... я...

Не договорив, она умчалась в другую комнату.

ГЛАВА 12

Воскресные газеты словно прорвало. Заголовки в понедельник гласили:

«ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕОТРАЗИМЫ В ВОСЕМЬДЕСЯТ?» — «Миррор»

«МЕСТА ДЛЯ МОЛОДЕЖИ В ПАРЛАМЕНТЕ?» — «Скетч».

«ДОРОГУ СТАРИКАМ!» — «Мейл».

«ПРИОРИТЕТ ДОМАМ И ЛЮДЯМ» — «Экспресс».

«АНТИГЕРОН И ПРОБЛЕМЫ МОРАЛИ» — «Ньюс крикль».

«НИКАКИХ ПРИВИЛЕГИЙ БОГАТЫМ» — «Трампетер».

«НОВЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ВОЗРАСТА» — «Гардиан».

Практически только «Таймс», прежде чем вынести окончательный приговор, постаралась уделить проблеме серьезное внимание.

Без какой бы то ни было на то причины, просто потому, что газета оказалась под рукой, Диана взяла «Трампетер» первым и принялась читать передовую статью:

«То, что правительство тори допустило, чтобы величайшее открытие в истории человечества было использовано в частной практике и принесло владельцам предприятия баснословные барыши, поскольку было доступно только праздным богачам, — самый настоящий национальный скандал. То, что только богатые, только те, кто в состоянии платить, имеют право жить дольше тех, кто такой возможности не имеет, является возмутительным нарушением демократии и вообще противоречит принципам Государства Всеобщего Благополучия».

«“Трампетер” от имени народа требует, чтобы правительство национализировало антигерон. Он не может оставаться привилегией горстки богачей и должен быть справедливо распределен между всеми. Следует изъять запасы антигерона, выпустить специальные карточки, раздать их населению и открыть в больницах отделения, где любой сможет подвергнуться бесплатному лечению в соответствии с законом о здравоохранении. Распределение — и распределение всем поровну — вот наш лозунг! А семьи рабочих, тех, кто обеспечивает благополучие нашей страны, должны получить преимущественное право на получение антигерона...»

Потом Диана открыла «Мейл».

«Прежде всего нас беспокоят старики. Нужно постараться продлить жизнь именно им. Наша страна покрывает себя позором, если позволит молодым захватить новое

чудо-средство, предоставив пожилым людям умирать. Жесткий режим приоритета для пожилых людей, невзирая на богатство и социальное положение, должен быть введен немедленно...»

«Телеграф» писал:

«Ни принцип “первым обслуживается тот, кто пришел первым”, ни страх перед возмущением высших слоев общества не дают возможности принять правильное решение относительно применения новейшего научного чуда, которое, если все, что сообщается по этому поводу, правда, попало к нам в руки. Естественно, оно должно быть доступно каждому, однако Рим был построен не за один день, и проблема распределения препарата таким образом, чтобы максимально выиграли национальные интересы, требует серьезного рассмотрения. Нет никаких сомнений по поводу того, что благосостояние нашего народа будет в огромной степени зависеть от мудрости и опыта тех, кто руководит нашей экономикой и управляет промышленностью. Именно они должны как следует задуматься — ведь способность размышлять позволила им занять нынешнее положение, но даже и эту способность необходимо до определенной степени контролировать напоминанием о том, что многие не доживут до того дня, когда станут очевидны результаты их трудов. Однако, если срок жизни будет продлен...»

А в «Миррор» появилась такая статья:

«Что? — спрашивают себя сегодня женщины по всей стране — Что чувствует человек, когда остается не только молодым в душе, но еще и молодым внешне?»

Ну, во-первых, это означает, что многие годы вы сможете спокойно и без страха смотреть в зеркало, вы сможете отделаться от мысли, которая постоянно терзает вас по ночам: «Неужели я теряю красоту и вместе с ней его любовь?»

А еще вы станете увереннее. Сколько раз вы говорили себе: “Если бы только я знала в молодости все, что знаю сейчас”? Так вот, в будущем, которое подарит вам антигерон, больше не придется спрашивать себя об этом; чудесный препарат сохранит вашу юность, но еще у вас останется жизненный опыт — простая и одновременно сложная перспектива...»

А в «Газетт» писали:

«Более длинная жизнь для ВАС — БЕСПЛАТНО!.

Шесть счастливиц из числа читателей "Газетт" будут первыми, кто получит возможность насладиться новым веком. Вы можете оказаться среди тех, кто получит самое новейшее лечение антигероном совершенно бесплатно. Вам нужно сделать только одно: расположить эти двенадцать преимуществ более долгой жизни в том порядке, который вы считаете правильным. »

Диана просмотрела остальные газеты, а потом несколько минут раздумывала над прочитанным. Затем подняла телефонную трубку и набрала номер

— Доброе утро, Сара, — сказала она.

— Доброе утро, мисс Брекли. Хорошо, что вы воспользовались нашей внутренней линией. Коммутатор уже, по моему, дымится. Бедняжке Вайолет крепко достается. У меня такое впечатление, что все газеты, все придурки, какие только есть в нашей стране, и практически представители всех торговых организаций одновременно пытаются добраться до вас.

— Скажите ей, пусть передаст на телефонную станцию чтобы с нами никого не соединяли, — сказала Диана. — Кто дежурит в холле?

— Кажется, Хиксон.

— Хорошо. Пусть Хиксон закроет двери и пропускает только клиентов, записанных на сегодня, ну и, конечно персонал. Он может взять кого-нибудь в помощь, а если снаружи соберется толпа, пусть вызовет полицию. Возле служебного и черного входов поставьте водителей и упаковщиков. Скажите, что они получают сверхурочные

— Понятно, мисс Брекли.

— И еще, Сара, вы не могли бы позвать к телефону мисс Брендон?

Через некоторое время Диана услышала голос Люси Брендон.

— Люси, — сказала Диана, — я просматривала газеты. Во всех чувствуется предубеждение, в той или иной степени. Я бы хотела знать, что на самом деле думают и говорят самые разные люди. Выбери пять или шесть толковых девушек из нашего персонала и поручи им это выяснить. Вам следует отправиться в кафе, бары, общественные прачечные ну и тому подобное в места, где люди общаются, и попытаться понять, как они ко всему

этому относятся. Договоритесь между собой, чтобы охватить как можно больше таких мест.

Не выбирай тех, кто может перебрать спиртного. Мисс Трэфффорд выдаст каждой из девушек по четыре фунта на расходы. Ты все поняла?

— Да, мисс Брекли.

— Хорошо. Тогда давай действуй, и постарайтесь организовать все как можно быстрее, не теряя времени. Скажи, пожалуйста, мисс Толлуин, чтобы она соединила меня с мисс Трэфффорд.

Диана решила несколько финансовых проблем с мисс Трэфффорд, а затем снова позвонила мисс Толлуин.

— Пожалуй, мне сегодня следует уйти в подполье, Сара.

— Вне всякого сомнения, — согласилась мисс Толлуин. — Хиксон говорит, что в холле собралось около полудюжины человек — они отказываются покинуть здание, пока не повидают вас. Мне кажется, тут может возникнуть нечто вроде осады. Во время перерыва на ленч будут проблемы.

— Посмотрите, нельзя ли устроить так, чтобы персонал мог входить и выходить через соседнее здание. Я не хочу распускать всех по домам, потому что, если кому-нибудь из клиентов удастся к нам прорваться, они должны быть уверены, что у нас все в порядке, какие бы глупости ни болтали за нашими стенами. Все должно идти по-прежнему и как можно дольше.

— Да-а-а, — с сомнением протянула мисс Толлуин. — Я постараюсь.

— Я очень на вас рассчитываю, Сара. Если я вам понадобится, позвоните мне по этому, внутреннему, телефону.

— Они попытаются добраться до вас дома, мисс Брекли.

— Об этом не беспокойтесь. У нас там есть два очень больших швейцара, они получили самые подробные инструкции. Желаю удачи.

— Она мне понадобится, — проворчала мисс Толлуин.

— Ну, это же неэтично, — пожаловался управляющий.

Он оглядел всех, кто собрался на утреннее совещание в конференц-зале «Апил артс Лимитед».

— Я четыре раза пробовал убедить эту особу вести дела с нами, и всякий раз она отвечала одно и то же: ее не

интересуют большие предприятия, выход на рынок ей не нужен, она полагается на личные рекомендации. Я говорил, что рано или поздно она обязательно захочет расширить свое дело, а мы как раз находимся в таком положении, что можем организовать для нее грамотную рекламную кампанию; кроме того, мы располагаем превосходными специалистами, консультирующими на самых различных уровнях. Я предлагал ей разнообразные услуги. Но она только отвечала: «Нет, спасибо». Говорила, что у нее есть все, что ей необходимо. А я рассказал ей обычную историю: что ее предприятие ждет смерть, если она не станет расширяться, но она все равно сказала «нет». И только взгляните на это! Кому удалось ее прихватить? Кто занимается ее счетами — занимается, так я, кажется, сказал? Возьмите в руки сегодняшние газеты. Кто-то, кто даже не получает денег!

— Ну, тот, кто это делает, засунул ее прямо в... грязь, — заметил бухгалтер. — Ни на кого из знакомых не похоже. Настоящее безобразие! Любители!

— По-моему, нужно его найти и нанять на работу, — предложил голос. — Надо признать, он неплохо работает, если сумел повернуть такое.

Управляющий фыркнул.

— Наше агентство обещает своим клиентам, что сделает все возможное, чтобы они получили максимальную выгоду, а не наоборот. Попав в газеты, конечно, можно стать известным, но не более того; дело зашло слишком далеко, — холодно сказал он. — Кто бы это ни совершил, он является угрозой для нашего бизнеса, потому что сможет поколебать веру публики в честность рекламы. Внушать надежду и веру — одно, а обещать чудеса — совсем другое.

Один из молодых работников, присутствующих на совещании, откашлялся. Он совсем недавно закончил Оксфорд и проработал в фирме немногим больше года, но управляющий приходился ему дядей, поэтому все внимательно на него посмотрели.

— Вот что я подумал, — начал он, — ну, я хочу сказать, мы все не сомневаемся в том, что это фальшивка. Однако практически все утренние газеты... — он не договорил, смущенный взглядами, которые бросали на него другие сотрудники. — Ну, это всего лишь... мысль... — тихо закончил молодой человек.

Управляющий терпеливо покачал головой:

— Я понимаю, Стив, трудно ожидать, что за несколько месяцев ты в состоянии разобраться во всех нюансах нашего дела. Афера задумана очень умно, это приходится признать, но рано или поздно все обязательно выйдет на свет. И мне наплевать, кто ее провернул.

Главное, это неэтично.

Телеграмма министру внутренних дел:

«Сэр, на специальном, внеочередном заседании Генерального британского Общества владельцев похоронных бюро, созванном сегодня, было единодушно принято следующее решение: наш совет должен выразить правительству серьезную озабоченность членов Общества по поводу появления препарата под названием антигерон. Если употребление препарата будет разрешено, это, вне всякого сомнения, приведет к тому, что потребность в услугах, обеспечиваемых представителями нашей профессии, упадет, а это, в свою очередь, повлечет за собой рост безработицы среди членов Общества. Мы настоятельно просим вас принять соответствующие меры для того, чтобы деятельность по производству и использованию антигерона была признана незаконной».

— Я... гм-м... ну, я хотела бы узнать ваше мнение, доктор, по поводу моего возраста.

— Мадам, в мои обязанности не входит делать лестные комплименты пациентам, так же точно, как и разгадывать загадки. Могу дать вам совет: если у вас нет экземпляра свидетельства о рождении, немедленно обратитесь в мэрию Сомерсета.

— Но ведь может возникнуть путаница. Я хочу сказать, путаница случается, правда? Это может оказаться не мое свидетельство, кто-то совершил ошибку, когда делал запись, разве такое не возможно?

— Возможно, но очень маловероятно.

— И тем не менее, доктор, я хочу быть уверена. Не могли бы вы?..

— Если на самом деле вы пытаетесь играть со мной в какие-то игры, мадам, учтите, я не игрок.

— Ну знаете, доктор...

— Я практикую вот уже тридцать пять лет, мадам. И за все это время ни один мой пациент, если только он был в своем уме, не сомневался на предмет своего возраста. Сегодня меня посетили вот уже две дамы, которые интересуются своим возрастом. Это просто возмутительно, мадам!

— Но... бывают совпадения...

— Кроме того, вы просите невозможного. Максимум, что я могу, — сделать предположение. Приблизительное... просто мнение... практически не профессиональное.

— Для той, другой, дамы вы сделали именно это?

— Я... ну... да, сделал грубое предположение.

— В таком случае я не сомневаюсь, что вы не откажетесь сделать предположение и на мой счет тоже, не так ли, доктор? Знаете, для меня это очень важно.

— Пожалуйста, три кофе, Крисси... Слушайте, ребята, дело принимает серьезный оборот, вы так не считаете? На выходных говорили, что к сегодняшнему дню все утрясется. В субботу утром целая куча народа не могла понять, каким образом получилось так, что в пятницу их ловко обвели вокруг пальца.

— Да, вначале все было так серьезно. Минут десять, а потом опять началась паника. Цены стали падать, словно листья осенью.

— Но... о, спасибо, Крисси, умница. Нет, Крисси, если ты меня ударишь, я пожалуйюсь лорд-мэру, и тебя закуют в кандалы... Так о чем я говорил?

— Ты говорил «но».

— Да? Интересно, что я хотел сказать?.. Ну, если антигерон не фальшивка, тогда почему же никто не подтвердил, что он и вправду существует? Хотя с другой стороны, ведь никто этого и не отрицал... официально. Тогда мы знали бы, как к нему относиться.

— Ты что, не видел сегодняшнюю газету?

— В газете про это ничего нет.

— Ну, старик, некоторые другие Важные Персоны имеют жен, которые ходят в «Нефертити», и в парламенте проносятся слух: мол, они так во все это верят, что сумели убедить своих мужей. Теперь вам понятно, кто там ворочает делами?

— Слушайте, ребята, вы можете протрезветь на парочку минут? Это же очень серьезно! Мне кажется, Билл

правильно говорит Конечно, все может быть не так сенсационно, как оно звучит, но если бы это была пустышка, их давно бы уже вывели на чистую воду. Эта штука взбудоражила рынок! Если и дальше так пойдет, парламент вполне может приостановить биржевые операции вплоть до какого-нибудь особого официального заявления. По крайней мере, меня бы это совсем не удивило.

— Ты думаешь, такое возможно?

— А почему бы и нет, черт побери? Ради соблюдения интересов своих членов. Лично я ставлю на то, что антигерон действительно существует — иначе дело никогда не зашло бы так далеко.

— И что?

— Следовательно, пришло время покупать — цены же колоссально упали, разве нет?

— Что ты собираешься покупать, объясни мне ради всего святого!

— Ну хорошо, только постарайтесь не трепаться. Магазины.

— Магазины?!

— Ты можешь вести себя потише?... Старик, не будь таким идиотом. А теперь слушайте, все же очень просто и совершенно очевидно. Вам известно, что семьдесят процентов одежды, которая продается в нашей стране, покупают женщины в возрасте от семнадцати до двадцати пяти?

— Правда? Не очень-то справедливо, по-моему, только я не понимаю...

— Чистейшая правда. Так вот, если то, что говорят про антигерон, тоже чистейшая правда и он увеличивает срок жизни, к примеру скажем, в два раза — возникнет в два раза больше женщин, которые будут считать, что они находятся в возрасте от семнадцати до двадцати пяти лет, значит, они станут покупать в два раза больше одежды, не так ли?

— А.. разве им всем не понадобится в два раза больше одежды в любом случае?

— Ну и прекрасно. А если антигерон в действительности дает коэффициент три, еще и лучше. Но ведь и сто процентов прибыли это тебе не кот чихнул. Тряпки — залог успеха!

— Да, только я все равно никак не могу понять, какое отношение имеют семьдесят пять процентов..

— Ладно, неважно. Ты просто возьми и хорошенько поразмышляй над тем, что я тебе сказал, приятель. А я отправляюсь вкладывать свою капустирию в женское белье.

Телеграмма премьер-министру от секретаря Общества сохранения священного таинства Отдохновения:

«Дней лет наших — семьдесят....»

— Спиллер! Спиллер! Где ты?

— Здесь, сэр Джон.

— Не очень-то ты спешил. Спиллер, что тебе известно про антигерон?

— Только то, что пишут в газетах, сэр Джон.

— Что ты по этому поводу думаешь?

— По правде говоря, не знаю, сэр Джон.

— Я тут с женой обсуждал ситуацию, так вот она верит в эту историю на все сто процентов. И много лет ходит в салон «Нефертити». А я склонен с ней согласиться. Она выглядит точно так же, как когда мы поженились, — ничуть не постарела, верно?

— Леди Каттерхэм потрясающе сохранила привлекательность, сэр Джон.

— Черт возьми, приятель, не говори так, словно она престарелая дама. Посмотри на фотографию! Ее сделали девять лет назад. Сейчас она такая же хорошенькая, как и тогда. Ей не дашь больше двадцати двух.

— Вы совершенно правы, сэр Джон.

— Или тут какая-то хитрость, или в этом что-то есть.

— Как скажете, сэр Джон.

— Я хочу, чтобы ты повидал женщину, которая держит это заведение, — мисс Брекли. Договорись с ней о курсе лечения. И никаких проволочек. Если она начнет твердить, что все, мол, уже зарезервировано, предложи ей двадцатипятипроцентную надбавку за срочность.

— Но, сэр Джон, я так понял, что леди Каттерхэм уже...

— Боже мой! Спиллер, это не для моей жены, это для меня!

— Э-э... да... Понятно. Очень хорошо, сэр Джон.

— Генри, в завтрашнюю повестку дня включено обсуждение антигерона. У нас собраны по нему данные?

— Боюсь, что нет, сэр. Во всяком случае, ничего заслуживающего доверия.

— Ну так надавите на них, старина. Мы же не хотим, чтобы министр поднял шум, не правда ли?

— Конечно, не хотим, сэр.

— Генри, между нами, а что вы сами думаете по этому поводу?

— Ну, как вам сказать, сэр. Моя жена знакома с не сколькими женщинами, являющимися клиентками «Нефер тити». Ни одна из них не сомневается, что все это правда. Конечно, следует сделать поправку на любовь прессы к преувеличению, однако, учитывая все факты, я склонен верить, что возможность появления такого препарата существует. Более того, он уже применяется.

— Я боялся получить от вас именно такой ответ, Генри. И мне это не нравится, мой мальчик. Совсем не нравится. Если то, что утверждают в газетах, правда — или соответствует истине хотя бы наполовину, — последствия будут э-э

— Апокалиптические, сэр?

— Благодарю вас, Генри. Вы совершенно правы.

— На всякий случай, инспектор. Судя по тому как развиваются события, рано или поздно ее придется изолировать — хотя бы для того, чтобы защитить. Я предчувствую серьезные неприятности. Вы говорите, что нельзя инкриминировать ей применение и распространение наркотиков?

— Комиссар и я уже обсуждали эту возможность, сэр. У нас нет никаких доказательств применения наркотиков, за исключением тех редких случаев, когда это предписывает современная медицина.

— А если попробовать задержать ее по подозрению в хранении?

— Слишком рискованно, сэр. Я уверен, что мы не найдем ничего стоящего.

— Ну, всегда можно что-нибудь найти. Нужно только очень захотеть. А как насчет бродяжничества?

— Бродяжничества, сэр?

— Она же говорит им, что они проживут двести лет, а это предсказание судьбы, не так ли? Значит, она зани

мается мошенничеством и ее можно привлечь по статье за бродяжничество и мошенничество.

— Весьма сомнительно, сэр. Она не занимается в чистом виде предсказанием судьбы. Насколько я понимаю, она всего лишь утверждает, что у нее есть нечто существенно увеличивающее предполагаемую продолжительность жизни.

— Тем не менее это может оказаться обманом.

— Может, сэр. В этом и заключается главный вопрос. Только вот ответа на него, похоже, никто не знает.

— Ну, не можем же мы ждать двести лет, чтобы выяснить истину, не так ли? Как мне кажется, лучше всего выписать ордер на арест — за попытку сознательного нарушения мира и порядка — и держать ее столько, сколько нам будет нужно.

— Я очень сильно сомневаюсь, что на основании имеющихся у нас фактов кто-нибудь подпишет такой ордер.

— Возможно, Эверхаус, возможно. Однако ситуация, может статься, завтра или послезавтра изменится. Вы еще вспомните мои слова. В любом случае собирайте информацию. У меня такое впечатление, что она скоро понадобится.

— Есть, сэр, так я и сделаю.

«КОРОЛЕВА И АНТИ-Г»

«“Вечерний Флаг” не сомневается, что выражает мнение большинства своих читателей, когда требует, чтобы Первая Леди немедленно воспользовалась новейшим достижением британской науки...»

— Две пинты, дружище... Тогда я так прямо ей и сказал: «Слушай сюда, моя девочка. Есес-с-сенное есть есес-с-сенное, а это — нет. Раз-зе моя ма возникала начет того, чтоб прожить двести лет? Или твоя ма? Не-е-е — и тебе нечего. Это неесссес-с-сенно!» Сп-с-сибо, дружище, выпьем.

— Верно, Билл. Это, черт возьми, неессес-сенно. И чего она сказала?

— Она голову задрала и говорит: «Уж если на то пошло, в этом нет ничего плохого». «А я и не спорю, — с-сказал я, — только пре-пре-упрежаю, мне понятно, че те надо. Ты бы с удовольствием виляла своей жадницей,

нацепив бикини, а меня бы заколотили в ящик. Ну так вот, не видать тебе этого, и все тут! Когда они там говорят «Пока смерть не разлучит нас», они же не имеют в виду всякие там глупос-си про то, как один буит жить дольше друоо, так что мо...жишь выкинуть этот твой... как его там... из головы, не для тебя он. А как узнаю, шо занималась этими глупоссями, моя крошка, я тебе врежу по п-првое число — и не говори, будто я тебя не п-прждал Неессес-сенно это». Я ей все прямо шказал, можешь не сомневаться.

— Ей не понравилось?

— Не-е. Ныть начала, ныть, нечестно мол, дескать, у нее есть пожить подольше. «Ладно, тогда, — грю, — можешь попробовать, и посмотришь, что с тобой буит».

Ну, тут она включилась на всю катушку, а я как заору, шоб заткнулась, а она не перестает. Птом грит: «Я имею право!» А я на нее как посмотрю!.. «И ты тоже имеешь право, — она грит, — только не имеешь права грить, что я не имею права». «Может быть, — это я грю, — попробуй... увидишь». И тода она бросила хныкать и так строго на меня пошмотрела. «Билл, — грит, — а если бы и ты получил эту... ну... антиштуку, тоже? Мы бы тода оба...» Я на нее как зыркну. «Слушай, мол, сюда. Из двух неев. тев... тес-сенных не получится один нормальный. Что ж это выходит, мне придется челых двести вонючих лет чирпеть твой вонючий язык? Лучше не придумаешь! Тоже мне счастье!»

— Берт, эй, Берт! Включи «Би-би-си», ладно? Вот молодец. Там выступает та женщина, которая говорит, что надо делать, чтобы жить двести лет. И не то чтобы мне так уж хотелось столько прожить. Иногда наступают моменты, когда я знаю, как себя при этом чувствуешь. Однако было бы интересно послушать...

— Добрый вечер, леди и джентльмены. Добро пожаловать на очередной выпуск программы новостей. Наша передача последнее время занимает одно из первых мест по популярности. Мисс Диана Брекли... Руперт Пиджен берет интервью у мисс Брекли...

— Ваше заявление на прошлой неделе, мисс Брекли, ужасно всех нас взволновало.

— Ну, мистер Пиджен, этого следовало ожидать.

— На тот случай, если кто-то из наших слушателей не читал последних газет, напомните, пожалуйста, основные моменты своего заявления — так, чтобы всем было понятно.

— А разве непонятно? Если кто-то хочет жить подольше, теперь это стало вполне возможно.

— Да чего уж тут не понять! И вы утверждаете, что открыли способ лечения, благодаря которому достигается желаемый результат?

— Я не думаю, что следует задавать риторические вопросы.

— Прошу прощения?

— Вы утверждаете, что ели сегодня завтрак, или правильнее будет спросить: завтракали ли вы сегодня, мистер Пиджен?

— Ну, я...

— Именно, мистер Пиджен. Получается несколько навязчиво, не так ли?

— Э-э... в вашем заявлении утвер... я хочу сказать, вы заявили, что есть люди, уже прошедшие курс лечения.

— Заявила.

— Сколько человек?

— Несколько сотен.

— И все они женщины?

— Да, но это просто результат случайного стечения обстоятельств. На мужчин средство действует аналогично.

— Сколько лет проживут эти люди?

— Ну, как я могу ответить на этот вопрос, мистер Пиджен? Сколько собираетесь прожить вы?

— Но, насколько я понял, вы утверждали... то есть я хотел...

— На самом деле я сказала, что увеличивается предполагаемая продолжительность жизни; если курс не прерывать, она может удвоиться и даже утроиться, в зависимости от выбранного варианта лечения. А это совсем не то же самое, что знать наверняка, сколько проживет каждый человек. Когда, например, вдвое увеличивается предполагаемая продолжительность жизни, одновременно вдвое увеличивается вероятность несчастного случая или возникновения какой-нибудь болезни.

— Значит, тот, кто втрое увеличил предполагаемую продолжительность своей жизни, не может с высокой степенью вероятности рассчитывать реализовать ее?

— Верно.

— Однако если удастся избежать несчастных случаев и серьезных болезней, можно дожить до двухсотлетнего юбилея?

— Да.

— Ну а теперь, мисс Брекли... В нескольких газетах было написано, что никто из этих людей, которым вы давали антигерон... Правильно я произношу это слово?

— Да, я назвала наше средство антигерон.

— До вашего заявления для прессы несколько дней назад никто из ваших клиентов не знал о том, что именно вы им даете.

— Одна или две женщины догадались.

— Вы хотите сказать, что не отрицали этого?

— А зачем мне было отрицать?

— Ну, дело очень серьезное. Женщины приходили к вам, оказывая доверие, вы давали им антигерон, который позволит им дожить до двухсот лет, а они даже не знали об этом. Мне кажется, тут могут возникнуть очень серьезные проблемы.

— Совершенно с вами согласна. Так оно и есть. Перед ними открываются такие перспективы...

— Я имел в виду элемент обмана — ведь вы обманывали своих пациенток.

— Обманывала? Что вы этим хотите сказать? Никакого обмана не было — в действительности все наоборот.

— Боюсь, я не совсем...

— Все очень просто, мистер Пиджен. Я занимаюсь бизнесом, о сути которого не принято говорить вслух. Женщины приходили ко мне с одной-единственной просьбой, желая сохранить юность и красоту. Ну конечно, это некая фигура речи — никто не в состоянии добиться подобного эффекта. Однако я отвечала, что способна сделать то, что им нужно. Они именно на это и рассчитывали; таким образом, я была вправе начать лечение. И где же здесь обман?

— Ну, вряд ли они могли рассчитывать на столь головокружительные результаты, мисс Брекли.

— Получается, будто мои клиентки рассчитывали на обман. Я же давала им то, что они просили, — и в этом, по-вашему, состоит моя вина? Правильно ли я поняла, мистер Пиджен? Ваша позиция по данному вопросу пред-

ставляется мне весьма уязвимой. Цель бизнеса, которым я занимаюсь, заключается в том, чтобы как можно дольше сохранять юность и красоту моих клиенток. Я всего лишь делаю то, что они просят, — доставляю заказанный товар. Вы же говорите об «обмане». Я вас просто не понимаю, мистер Пиджен.

— Вы утв... ну, я хотел сказать... лечение при помощи антигерона на сто процентов приводит к успеху и совершенно безопасно?

— Из нескольких сотен пациенток только у одной возникли проблемы. Неожиданная и очень редкая аллергия.

— Значит ли это, что ваше средство действует безотказно?

— Конечно, нет. Однако его надежность превышает девяносто девять процентов.

— Мисс Брекли, многие предполагают, что, если антигерон будет широко применяться — точнее, если он вообще будет применяться, — это приведет к серьезным последствиям для нашего общества. Вы согласны с этими прогнозами?

— Конечно.

— А что, по вашему мнению, может произойти?

— Неужели вы думаете, что останутся вопросы, на которые не окажет влияние увеличение возможной продолжительности жизни?

— Насколько мне известно, мисс Брекли, научных экспериментов с целью проверки вашего открытия до сих пор поставлено не было.

— Вы ошибаетесь, мистер Пиджен. Я сама, как биохимик, провела самые тщательные исследования.

— Я... э-э... ну... лучше, наверное, сказать — независимого расследования?

— Пока не было.

— Будете ли вы рады подобному расследованию?

— А почему я должна ему радоваться? Меня вполне устраивает эффективность антигерона.

— В таком случае давайте поставим вопрос следующим образом: станете ли вы возражать против исследований?

— И снова — почему я должна возражать? По правде говоря, мистер Пиджен, мне совершенно на это наплевать. В пользу исследований говорит только одно: оно может

привести к открытию других, возможно, более предпочтительных видов антигерона.

— Мисс Брекли, всех интересует природа чудо-средства.

— Это химическое вещество, которое относится к классу субстанций, вырабатываемых микроорганизмами. Оно обладает свойством тормозить определенные процессы метаболизма и имеет отдаленное сходство с антибиотиками.

— Понятно. А не могли бы вы нам рассказать, откуда берется эта субстанция?

— Я предпочла бы пока не отвечать на этот вопрос.

— Не кажется ли вам, мисс Брекли, что... ну, ваши слова вызовут гораздо больше доверия, если вы сообщите нам хоть какие-нибудь факты?

— У нас с вами, похоже, совершенно разные цели, мистер Пиджен. Интересно, почему вы так уверены в том, что я хочу, чтобы мои слова «вызвали доверие»? Я не политик и не знахарка. Антигерон действительно существует. Результаты его воздействия... ну, совсем как с касторовым маслом, совершенно не зависят от того, верят в него люди или нет. Вера тут ни при чем, она никоим образом не воздействует на его свойства...

— О, Берт, переключись на «Ай-ти-ви», вот молодец. Она все равно ничего не скажет. Можно было не сомневаться, что в конечном итоге интервью выльется в обычную заумную болтовню. В «Би-би-си» такое просто обожают ..

— Милый... Ты не спишь?

— М-м-м...

— Милый, я тут думала... про этот антигерон.

— М-м-м?

— Ну, это ведь ужасно долго, правда? Гораздо дольше, чем мы думали, так ведь? Как ты считаешь, двести лет — это хорошо или плохо, милый? Я... ну... ффффу!

— Что, черт подери, ты там бормочешь?

— Бормочу! Какая прелесть!.. Мне было нечем дышать! Лично я считаю, что следует запретить брать бороды в постель. Я... фу-ф... ф-ф-ф...

Через десять минут:

— Послушай, лапочка, ты же так и не ответил на мой вопрос.

— Конечно, это плохо. Определенно, плохо.

- О, милый, ну ты и свинья!
- Должно быть триста лет, по крайней мере.
- А-а-а, мерзавец... О ми-и-и-илый!..

«Говорит радио Москвы.

Относительно сообщений, напечатанных в лондонских газетах, московская газета "Известия" сообщает в своем сегодняшнем номере:

"Заявление британской прессы о том, что был открыт препарат, который увеличивает нормальную продолжительность жизни, нисколько не удивило хорошо информированных граждан республик Советского Союза. Наши люди прекрасно знакомы с исследованиями ученых, работающих в Отделении гериатрического лечения при государственной клинике в Комске под руководством Героя Советского Союза доктора А. Б. Кристановича. На ученых в СССР не произвели никакого впечатления необоснованные утверждения, сделанные в Лондоне. Они указывают, что работы британских ученых основаны, вне всякого сомнения, на достижениях А. Б. Кристановича и эксплуатируются в интересах капиталистов, а информация, сообщенная в британских газетах, может рассматриваться не иначе как преувеличение, основанное на желании получить максимальную личную выгоду.

Таким образом, работы А. Б. Кристановича вот уже в который раз демонстрируют всему миру, что прогрессу советской науки невозможно помешать..."»

- Доброе утро, констебль.
- Доброе утро, сэр. У вас все в порядке?
- Я немного перебрал, констебль. Не обращайтесь внимания. Прекрасно себя чувствую и все соображаю. Просто перебрал немного.
- Вам бы лучше пойти домой, сэр.
- А я как раз туда и направляюсь, констебль. Живу совсем рядом. Просто потрясающе... потрясающе.
- Рад это слышать, сэр. И тем не менее на вашем месте я бы...
- Вы же не знаете, почему я надрался, правда же? Хотите, скажу? Эта особа с ее анти... анти... ну, анти-что-то...
- Антигерон, сэр?

— Вот именно. Антигерон. Видите ли, меня интересует стасис... статистика. Я этим занимаюсь. Как только эта анти... антиштука станет широко применяться... нам всем грозит голод. Меньше, чем двадцать лет... Все будут голодать. Очень печально. Поэтому я пошел и напился. Просто потрясающе, ужасно.

— Знаете, сэр, придется нам проследить за тем, чтобы антигерон не получил широкого распространения, вы со мной согласны?

— Не поможет, констебль. Воля к жизни сильнее всего на свете. Мы не сумеем их остановить. Воля индивидуума к жизни является частью его жизненной силы. Все дело в балансе. Когда слишком много жизненной силы, она сама себя уничтожает. Вам когда-нибудь приходило это в голову, констебль?

— Да не очень, сэр. Слушайте, может, вам все-таки стоит отправиться домой? Знаете, уже сильно за полночь.

— Ладно, констебль. Иду. Я просто хотел с вами поделиться, и только. Двадцать лет — и все начнут голодать. Очень серьезное положение дел. Не забудьте, я вас предупредил.

— Запомню, сэр. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, констебль.

ГЛАВА 13

— Вы где? — спросила леди Тьюли.

— Здесь. Заходите, Дженет, — донесся голос Дианы.

Дженет Тьюли подошла к окну:

— Ой, Диана, какой прелестный сад, и прямо тут. Кто бы мог подумать?

— Я люблю мой садик, — сказала Диана, выпрямляясь и снимая перчатки. — Хорошо, что вы смогли до меня добраться.

— Дорогая, без вашего специального разрешения меня бы и на километр к вам не подпустили. Такое впечатление, что вас тут охраняет целый полк швейцаров.

— К сожалению, это совершенно необходимо, — объяснила Диана. — Мне пришлось потихоньку забраться в грузовик, чтобы попасть на ту передачу, в понедельник, и послать в своей машине к парадному входу в дом другую девушку, чтобы иметь возможность спокойно сюда вернуться. С тех пор я нахожусь в заточении. Заходите,

садитесь. Вы мне расскажете, что происходит в мире, а я угощу вас кофе.

— Я к вам совсем ненадолго. У меня куча дел.

— Все в порядке?

— Вас интересует Лига? Да. Лидия Вашингтон избрана председателем. Она очень подходит для этой роли, потому что готова положить все силы ради нашего дела, а еще — никого и ничего не боится. Она уже создала надежное ядро — Совет — и получает от всего этого колоссальное удовольствие.

— Глядя на вас, можно сказать, что и вы тоже, Дженет

— О да. Только вот спать совершенно некогда. Впрочем, неважно, потом наверстаю. Диана, дорогая, я снимаю перед вами шляпу. Мы тут взяли и внимательно на себя посмотрели — мы ведь и в самом деле жены или дочери половины Больших Людей. Нашими мужьями являются четыре министра, входящие в состав кабинета, еще три министра, два епископа, три графа, пять виконтов, дюжина глав больших компаний, около полудюжины банкиров, двадцать три члена правительства, восемь представителей оппозиции и многие другие. Кроме того, мы тесно связаны с массой влиятельных людей. Так что вряд ли есть что-нибудь, чего мы не знаем или не можем узнать.

— Это как раз то, что мне нужно. За последние три дня я практически ничего не узнала, кроме того, что печатается в газетах и что мне сказали на «Би-би-си». Ну, и кое-какую информацию мне сообщила Сара, которая возглавляет оборону в офисе. Насколько я понимаю, главные проблемы возникли из-за «рампетера»?

— Да, там была такая чудесная драчка. В понедельник они узнали, что с партийной точки зрения поставили не на ту лошадку, и бедняге редактору пришлось ох как несладко. А на следующий день они напечатали оппозиционную статью «Эксплуатация рабочих. Перспектива провести три срока жизни у станка. Неизбежный рост безработицы, невозможность выплаты нормальных пенсий, даже если возраст выхода на пенсию будет изменен на сто лет. Никаких возможностей продвижения по службе. Преимущества богатым. Преимущества интеллектуалам. Преимущества всем высшим административным и управляющим структурам. Посягательство на монархию (впрочем, это была уж совсем идиотская идея, и они от нее быстро отказались). Молодые лишаются перспективы. Рост цен из-за повышения численности населения. Проблемы в системе здраво-

охранения — опять же из-за изменения численности... Ну и тому подобное. Призыв ко всем союзам объединиться и заявить единоголосный мощный протест. Намеки на всеобщую забастовку до тех пор, пока использование антигерона не будет признано противозаконным.

По дороге сюда я проходила мимо какой-то стены, по-моему, в Ноттинг-Хилле*. На ней красовалась надпись:

**«ЗАПРЕТИТЬ АНТИ-Г! ВСЕ НА ДЕМОНСТРАЦИЮ!
ТРАФАЛЬГАРСКАЯ ПЛОЩАДЬ, ВОСКРЕСЕНЬЕ».**

За них многие проголосуют, можете не сомневаться. Вам же известно, как ловко они умеют манипулировать цифрами. Кроме того, никому не нравится, когда угрожают или бойкотируют. Никакого тайного голосования; предки, участники чартистского движения, проливали за это кровь, но они... Да и вообще, голосование все равно не будет иметь никакого значения. Жены против запрещения антигерона, что бы они там ни говорили своим мужьям. Во-первых, было неуместное выступление в адрес королевы; во-вторых, им не очень нравится мысль, что мужья станут голосовать за более короткую жизнь для них.

— А церковь? Я слышала в субботу проповедь...

— Беспокоиться не о чем. Тот проповедник струхнул и его понесло не в ту сторону. Кентерберийский епископ — профессионал. В Йорке церковь возглавляет опытный профессионал. В Уэльсе и Бате тоже, по правде говоря, они все в той или иной степени профессионалы, хотя Ньюкасл и Ландафф вызывают некоторые опасения. Но ведь выступать против антигерона и лишать человека возможности жить дольше — все равно что санкционировать самоубийство, не так ли? Существуют какие-то небольшие секты, которые утверждают, что следуют, как они сами это называют, принципиальной линии. Похоже, Рим все еще не знает, как ко всему этому относиться, — тут, по вполне очевидным причинам, наши связи не отличаются надежностью и прочностью.

Биржа совершенно запуталась и была вынуждена закрыться на неопределенное время. Впрочем, думаю, вам это известно.

В целом, я считаю, что дела идут совсем неплохо. Наши представители вовсю занимаются тем, что создают пятую

* Бедный район в западной части Лондона, населен в основном иммигрантами.

колонну у себя дома и в обществе, складывается впечатление, что нам даже и не понадобится организовывать полноценную партию под названием «Партия новой жизни», но мы пока на это не очень рассчитываем. Я уже вам говорила, Лидия Вашингтон занимается организацией, которая готова начать действовать в любой момент, как только возникнет такая необходимость.

До нас дошли сведения, что премьер-министр ужасно огорчен, бедняжка. Если он санкционирует применение антигерона, повсюду возникнет хаос, а левые устроят самое настоящее безобразие. Если же он попытается его запретить, начнут раздаваться вопли протеста и разразится нечто, похожее на революцию, инспирированную Партией новой жизни, которая мгновенно станет очень могущественной силой. В настоящий момент в клубах ставят четыре против одного, что премьер санкционирует употребление антигерона на том основании, что рано или поздно он все равно появится снова, так зачем же отдавать право приоритета иностранцам? В результате возникнет население, имеющее солидный опыт и, следовательно, способное на гораздо более серьезные достижения на благо своей родины; таким образом, мы только выиграем, разрешив применение антигерона.

— По крайней мере, они начинают понимать значение нашего препарата, — кивнув, сказала Диана.

— Но это только часть проблем, которые мучают беднягу, — продолжала Дженет Тьюли. — Если он решит вопрос в пользу антигерона, возникает вопрос отношений с Китаем.

— С Китаем? — удивленно воскликнула Диана.

— Дорогая, не следует делать круглые глаза... для меня, — заявила Дженет

— Но я и в самом деле удивлена, — призналась Диана. А потом она вспомнила о том, что произошло с Ричардом и Стефани. Стефани говорила, что, когда она выдала источник поступления лишайника, в комнате присутствовало три человека. Утечка информации могла произойти по вине любого из них. — А при чем тут Китай?

— Говорят, он является единственным местом, где растет лишайник, из которого получают антигерон, — ответила Дженет, не сводя с Дианы глаз.

— Понятно, — проговорила Диана. Ее голос и выражение лица стали не очень дружелюбными

— Так вот, как только китайцы узнают, почему мы хотим покупать их лишайник... ну, всему придет конец. Они его оставят только для себя, а если даже этого и не произойдет, мы окажемся в самом конце списка покупателей.

Диана снова кивнула.

— Все может быть гораздо сложнее, — сказала она. — Стоит китайцам пронюхать про лишайник, тут же все станет известно русским. Дело в том, что лишайник поступает не совсем из Китая. Он растет в Северной Маньчжурии, совсем рядом с русской границей. Если русские сочтут, что он обладает достаточной ценностью для того, чтобы приложить серьезные усилия и захватить его, может начаться черт знает что.

— В любом случае мы его не получим, — сделала вывод Дженет. — И что тогда? Имеет ли вообще смысл затевать кампанию в защиту антигерона?

Диана колебалась.

— Я ведь не сказала, что это единственный источник, — заметила она.

— Ну хорошо. Соблюдайте осторожность, если вам угодно. Я ведь только пересказываю, что говорят другие — лишайник импортируется из Китая и обрабатывается для вас в «Дарре», где и получают антигерон.

Диана неожиданно выпрямилась в своем кресле.

— Но это же полнейшая чепуха! Я импортирую лишайник и он действительно проходит обработку, но «Дарр» тут абсолютно ни при чем. Натуральное вранье.

— Дорогая, прекратите так сердиться. Это же не я придумала.

— Да нет, конечно, не вы, Дженет. Но из всех гнусных глупостей, случившихся... Подождите здесь, пожалуйста, несколько минут, Дженет. Мне нужно подумать.

Диана вернулась к окну, затем вышла в небольшой сад. Она постояла там, глядя на деревья, растущие в парке, а потом вернулась в комнату. Ее манера изменилась, она стала более резкой.

— Дженет, я хочу сделать заявление по радио. Мне все равно, в какой передаче, лишь бы это было в субботу вечером. Подойдет любая информационная программа, которая состоит из самых разнообразных новостей. Десять минут. Впрочем, пяти будет достаточно. Я расскажу все про антигерон — отвечу на вопросы, на которые отка-

зывалась отвечать раньше. Как вы думаете, это можно организовать?

— В данных обстоятельствах, — улыбнувшись, ответила Дженет, — любое колебание со стороны любой информационной службы очень маловероятно. Только я не понимаю, что же такое можно сказать, чтобы заметно повлиять на сложившееся положение. По крайней мере... если только у вас и в самом деле есть другой источник?..

— Сейчас это не имеет значения. Сделайте то, о чем я вас попросила, будьте умницей. И проследите, чтобы все узнали о передаче — организуйте хорошую рекламу.

— Ну, они сами займутся рекламой. Только я не понимаю...

— Все в порядке, Дженет. Я знаю, что делаю. Просто выполните мою просьбу, а потом займитесь созданием Лиги. У меня такое ощущение, что она нам довольно скоро потребуется.

Дженет Тьюли ушла через несколько минут. Как только дверь за ней закрылась, Диана позвонила в свой офис.

— Сара, найдите, пожалуйста, мисс Брендон и пришлите ее сюда. Выдайте ей пропуск, чтобы она могла войти... Да, это очень важно. Сейчас я ничего не могу вам объяснить, тут кое-что произошло. Нам придется запустить машину... Да, думаю так, только у нас очень мало времени. Именно поэтому Люси нужна мне немедленно.

— Хорошо, мисс Брекли. Да, кстати, у меня здесь телеграмма из Америки. Адресовано в «Нефертити». В ней говорится:

«Прекратите все переговоры по продаже прав на антигерон до рассмотрения нашего предложения. Оно семизначно».

Подписано: «Бен Линденбаум, президент корпорации «Искатели Лекарства Счастья»». Что мне отвечать?

Большой автобус съехал с дороги на обочину и погасил огни. Один за другим из него вылезли несколько человек и остановились, пытаясь что-нибудь разглядеть, — глаза еще не успели привыкнуть к темноте. Раздался негромкий голос:

— Все в порядке? Никто ничего не забыл?
Донеслись утвердительные ответы.

— Ладно, повторяю. Один крик совы означает, что Джими перерезал телефонные провода — они имеют общий выход, так что будет изолировано все заведение. Потом ждем. Если вас кто-нибудь заметит, обезвредьте его прежде, чем он успеет поднять тревогу. Когда же услышите три крика совы подряд, делайте свое дело — но никак не раньше. Помните, три крика совы. Вам все ясно?

Хорошо. Двигайтесь осторожно и постарайтесь не заблудиться в темноте — мы не будем никого ждать. Ну, я пошел...

ГЛАВА 14

Диана проснулась от того, что зазвонил телефон, стоявший рядом с кроватью. Она неохотно подняла трубку:

— Алло.

— Доброе утро, мисс Брекли, — услышала она голос телефонистки. — Мне очень не хотелось будить вас, но с вами хочет поговорить мисс Саксовер. Девушка утверждает, что это очень важно, к тому же она в вашем списке.

Диана сразу проснулась.

— Хорошо. Соедините меня с ней.

— Диана? Это Стефани.

— Что случилось, Стефани?

— О Диана! Опять «Дарр». Снова пожар, но на этот раз все сгорело до основания. Папу отвезли в госпиталь и...

Сердце Дианы сжалось. Пальцы на телефонной трубке побелели.

— О Стефи! Что с ним? Что... что?..

— Ничего страшного, Диана. Он несильно пострадал. У него нет ожогов, я хотела сказать. Ему пришлось выпрыгнуть в окно, и он немного ушибся. Он ночевал в той квартире, ты знаешь...

— Да, да. Это все? Ничего себе не сломал?

— Нет. Несколько синяков — так, во всяком случае, сказали в госпитале.

— Слава Богу... Так что же произошло, Стефи?

— Мы сами точно еще не знаем. Похоже, в этой акции участвовало много людей. Они появились со всех сторон одновременно. Один из работников «Дарра» не спал, он ничего не слышал до тех пор, пока со всех сторон сразу не раздался звон бьющегося стекла. Судя по всему, они бросали в окна бутылки с зажигательной смесью. Не просто с

бензином, а с чем-то более горючим. Заполыхал жилой дом и лаборатории — и все практически одновременно.

Телефоны не работали, поэтому Остин сел в машину, чтобы вызвать подмогу. Но его автомобиль налетел на провод, натянутый у выезда на шоссе. Машина разбилась и загорела дорогу. Бедняга тоже попал в госпиталь — множество глубоких порезов и ссадин, сломано ребро.

И милый старый Тимпсон — ты помнишь старину Тимми, нашего сторожа? Его тело нашли в конюшне. Полиция говорит, что его ударили чем-то тяжелым по голове. Такого старого человека! Всего один удар, слава Богу! Он даже не успел понять, что произошло.

Ничего не осталось, Диана. Дом, лаборатории, склад — все сгорело. Только несколько домиков персонала, стоящих чуть в стороне. И никто ничего не мог поделать. К тому моменту когда выяснилось, что произошло с Остином, все уже успело сгореть. Папа сумел отползти подальше от дома, а иначе его завалило бы обломками, когда здание рухнуло.

— Благодарение Богу, — пробормотала Диана. — Полиция кого-нибудь подозревает?

— Не думаю. Они сказали Рейксу, который временно руководит «Дарром», что у них «есть основания предполагать», что нападение совершила группа бандитов, приехавших откуда-то на грузовике. Рейкс говорит, что это просто потрясающие чудеса дедукции.

— Стефи, ты уверена, что твой отец серьезно не пострадал?

— Он немного растянул левое запястье, но на данный момент, до рентгена, мы уверены, что никаких серьезных повреждений у него нет. Вот только мне страшно интересно, быстрее ли он придет в себя — я хочу сказать, быстрее ли, чем люди, которые не получали ты знаешь что?

— Понятия не имею, Стефи. Запястье, конечно, будет заживать дольше, синяки и царапины, если они имеются, тоже. Но общее потрясение, которое он пережил... Не знаю. Не думаю, чтобы все это было особенно заметно. Ты ведь именно это имеешь в виду?

— Не хотелось бы, чтобы доктора совали нос в наши дела.

— Естественно. За этим нужно будет проследить. Тебе Передай ему... сердечный привет от меня.

— Обязательно. Кстати, Диана, что там болтают о том, что ты собираешься завтра вечером снова выступить по радио? Это правда?

— Да. Как ты узнала?

— Сообщили сегодня утром перед сводкой новостей. Все звучало... Что ты собираешься им сказать?

— Правду, Стефи. Если не выступить публично и прямо сейчас, меня вполне могут заставить сделать это силой где-нибудь в тихом месте. Уж лучше пусть узнают все.

— Но ты ничего не скажешь про папу?

— Можешь спросить у него, но я думаю, он по-прежнему считает, что его авторитет поможет нам позже, в дальнейшей борьбе. Да и вообще, сейчас ему и без того хватает проблем.

— Ладно, я у него спрошу. И сообщу тебе.

— Хорошо. И не забудь передать ему... сказать ему, что я...

— Не забуду, Диана. Пока.

Диана просмотрела газеты, чтобы найти сообщение о несчастье в «Дарре». Похоже, все произошло слишком поздно вечером, даже лондонские издатели ничего о нем не знали. Зато про антигерон писали все. В «Таймс» ему была посвящена вторая передовая статья и еще напечатано около полудюжины писем, которые, хотя и отражали самые разные мнения — от сухого изложения фактов до почти суеверной тревоги — были переполнены серьезным беспокойством. «Гардиан», похоже, разрывался между либеральным уважением к любым формам научного знания и стеланиями по поводу последствий именно этого открытия. «Трампер» на этот раз не переменял своего мнения о проблеме в целом, однако отношение к ней стало несколько иным. И хотя они по-прежнему энергично призывали к запрещению АНТИ-Г, чистота эмоциональной реакции несколько страдала от приступов раздумий. В общем, больше не возникало ощущения, что партия получила в дар новенькую и невероятно соблазнительную приманку для полуграмотных масс.

На самом деле почти во всех популярных газетах чувствовалась некоторая перемена отношения, по Флит-стрит пронесся слух, что антигерон имеет гораздо более широкие

возможности, а не просто выступает в качестве средства заставить большее количество женщин читать газеты.

Самым интересным и внушающим удовлетворение, с точки зрения Дианы, был тот факт, что практически нигде не обсуждался вопрос о законности использования антигерона. А это не только позволяло клиенткам «Нефертити» почувствовать себя увереннее, но и давало им возможность влиять на мужей, приятелей и самых разнообразных знакомых. Об этом Диана не могла и мечтать. Похоже, она недооценила тот ослабляющий человеческий скептицизм эффект, который оказали на него многочисленные научные чудеса; именно поэтому там, где она рассчитывала увидеть баррикады, практически не возникло серьезного сопротивления.

Да и Этап Номер Два развивался совсем не по ее плану. Да, конечно, «Трампер» после фальстарта занял такую позицию, какой от него и ожидали, но до сих пор он оставался в одиночестве. Диана предполагала, что силы оппозиции объединятся между собой — клерки, продавцы, рабочие самых разных специальностей обнаружат, что возражения, выдвигаемые этими людьми, по крайней мере в данный момент, отвечают их собственным интересам, и поспешат консолидироваться с ними. Диана не могла понять: является ли этот союз просто отложенным во времени событием, или она в очередной раз переоценила возможную силу сопротивления масс научным достижениям. С другой стороны, подумав немного, она решила, что, видимо, несколько неверно понимала ситуацию с мужчинами. И, по всей вероятности, не учла два фактора. Один из них — абсолютно бредовый. Сопротивление перспективе продленной жизни, состоящей из однообразной работы, наталкивалось на желание человека выжить любой ценой и привело к тому, что многие оказались в состоянии полной нерешительности. Другой фактор был связан с покорностью судьбе: наука зашла настолько далеко, что человек не в состоянии ее контролировать, и каждое новое открытие теперь ничем не отличается от деяний Господа. Так что вряд ли имеет смысл тратить силы на то, чтобы по этому поводу что-нибудь предпринимать.

Во всяком случае, какими бы ни были истинные причины, борьба не будет такой отчаянной, как предполагала Диана — скорее крупномасштабный турнир с огромной

зрительской аудиторией, симпатии которой переходят от одного соперника к другому.

Рассмотрев создавшееся положение, Диана пришла к выводу, что исходный стратегический план скорее выигрывает от того, как развиваются события.

Тем не менее, хотя они и одержали легкую победу на первом этапе и при этом сумели обнаружить слабость в рядах противника, следовало создать хаос. Впрочем, необходимо еще решить, нужно ли воспользоваться резервами для того, чтобы употребить преимущества с максимальной пользой для себя.

Однако, прочитав в газетах объявления, что популярнейшая субботняя вечерняя инсценировка будет перенесена с девяти пятнадцати на девять тридцать, чтобы дать возможность мисс Диане Брекли сделать заявление относительно антигерона, она поняла, что пора приступать к следующей фазе плана.

Двери лифта открылись, и в холл вышла небольшая группа. Впереди — Диана в вечернем платье бледно-серого цвета, в длинных белых перчатках, с изумрудным кулоном на шее, на плечи накинута легкая, отороченная мехом накидка. За ней следовали Люси Брендон и Сара Толлуин. Люси была одета не так ярко, но соответственно случаю; Сара же была в довольно строгом платье темно-синего цвета, которое очень подходило к ее роли секретарши. Последней шла Оттилия, горничная Дианы.

Швейцар встал из-за стола и приблизился к женщинам с озабоченным видом.

— Снаружи собралась довольно большая толпа, мисс Брекли, — сказал он. — Мы могли бы поставить несколько стульев в одном из грузовиков и вывести вас тем же способом, если хотите.

Диана выглянула сквозь застекленную дверь наружу. На улице толпились около сотни человек, в основном женщины и всего несколько мужчин, включая двоих с камерами. У тротуара стояла машина, охраняемая одним из швейцаров.

— Мы и так уже немного опаздываем, сержант Трант. Я думаю, лучше все-таки воспользоваться машиной.

— Хорошо, мисс.

Сержант пересек зал, открыл дверь и вышел на улицу. Потом махнул рукой в сторону толпы. После некоторого колебания собравшиеся неохотно расступились, оставив узкий проход на ступеньках и тротуаре.

— Слава Богу, что мы стали знаменитостями лишь на время, — прошептала мисс Брендон, наклонившись к мисс Толлуин. — Представляете, какво подвергаться таким испытаниям по несколько раз в день!

Сержант, угрожающе оглядев толпу, которая посмела снова загородить дорогу, распахнул дверь. Три дамы с Дианой во главе выступили вперед, оставив взволнованную Оттилию в холле. На противоположной стороне улицы второй швейцар, который подъехал на сером «роллс-ройсе», выскочил из автомобиля и открыл дверцу. Люси услышала, как кто-то сказал:

— Говорят, ей сорок. А выглядит совсем как девочка, правда?

Диана подошла к широким верхним ступенькам и начала спускаться вниз. Оба фотографа защелкали вспышками.

Неожиданно один за другим раздались три громких выстрела.

Диана пошатнулась и схватилась за левый бок. Толпа застыла на месте. Под рукой Дианы начало расплываться алое пятно. На белой перчатке проступила кровь. Красная дорожка побежала по бледно-серому шелку. Диана сделала неверный шаг назад и медленно повалилась на ступеньки..

Фоторепортеры вновь защелкали камерами. Швейцар, стоявший у автомобиля, бросился к Диане. Сержант оттолкнул Люси Брендон в сторону и побежал вниз по ступенькам. Диана лежала неподвижно, глаза ее были закрыты. Швейцары собрались было ее поднять, однако чей-то голос остановил их.

— Не трогайте ее. — Сержант поднял голову и увидел молодого человека в роговых очках и хорошо сшитом темном костюме. — Я врач, — сказал он. — Вы можете навредить ей. Лучше немедленно вызовите «скорую помощь»

Он склонился над Дианой, взял ее за запястье и принялся нащупывать пульс.

Сержант бросился назад в холл, но оказалось, что его уже опередили. Оттилия сидела за столом с телефонной трубкой в руке.

— «Скорая помощь»? Да, да, пришлите сюда машину и побыстрее! — говорила она. — Немедленно приезжайте

к особняку Дарлингтон... Да, здесь только что стреляли в леди...

Она повесила трубку.

— Вы его поймали? — резко спросила Оттилия.

— Кого? — спросил сержант.

— Человека, который это сделал, — нетерпеливо ответила Оттилия. — Маленький такой, в дождевике и зеленой фетровой шляпе. Он стоял слева, — бросила она на ходу и помчалась по ступенькам к Диане и доктору.

Сержант последовал за ней и принялся вглядываться в толпу. Однако не заметил ничего особенного. Должно быть, стрелявший успел скрыться еще до того, как кто-нибудь сообразил, что произошло. Врач, стоящий на коленях возле Дианы, поднял голову.

— Вы можете заставить этих проклятых зевак отойти в сторону? — раздраженно спросил он.

Оба швейцара принялись разгонять толпу.

Глаза Дианы открылись, она пошевелила губами. Доктор наклонил голову, стараясь расслышать ее слова. Диана снова закрыла глаза. Врач нахмурился и поднял голову.

— «Скорая помощь»... — начал он.

Его прервал звук сирены. К дому на огромной скорости подъехала машина и затормозила возле «роллс-ройса». Из нее выскочили санитары с носилками и начали проталкиваться сквозь толпу.

Уже через полминуты Диану внесли в машину «скорой помощи». Врач и мисс Брендон забрались вслед за ними, и автомобиль с воем умчался прочь.

В девять пятнадцать по национальному радио сказали: «Мы с сожалением должны сообщить, что объявленные ранее изменения в программе не будут иметь место. Мисс Диана Брекли, которая собиралась выступить перед вами, чтобы рассказать о значении своего открытия, по дороге к нам на студию стала жертвой нападения. Преступник выстрелил в нее три раза. Мисс Брекли умерла в машине «скорой помощи» по дороге в больницу...

Днем в воскресенье распогодилось, но покрытие Трафальгарской площади оставалось влажным после утреннего

дождя С утра со всех концов города на площадь начали стекаться люди, и теперь, покончив с принесенными бутербродами, с нетерпением дожидались начала шествия, прислонив свернутые знамена к статуям львов. В передней части формирующейся колонны кто-то уже успел развернуть огромный белый транспарант, на котором было написано красной светящейся краской:

«ЗАПРЕТИТЬ АНТИ-Г!»

Среди участников марша были и сочувствующие из рядов родственников, так что народу собралось довольно прилично, но, учитывая причину митинга и столь традиционное время и место его проведения, толпа была не такой уж и большой. Повсюду гуляли туристы и просто люди, решившие провести воскресное утро в центре города — кому-то было просто любопытно, а кто-то искал компанию, чтобы убить время. Немного дальше за фонтанами собралась другая толпа, в основном женщины.

Несколько молодых людей суетились на постаменте, протягивая провода, устанавливая громкоговорители на треногах, проверяя микрофоны и удовлетворенно кивая друг другу. Наконец толпа зашевелилась. Небольшого роста плотный человек, которому расчищали дорогу несколько сопровождавших его крупных мужчин, пробился вперед, улыбаясь и помахивая рукой, приветствуя толпу. Протянулось сразу несколько рук, чтобы помочь ему забраться на постамент. В этот момент одному из молодых людей пришло в голову, что с точки зрения техники все организовано не лучшим образом, поэтому возникла небольшая заминка, пока он с важным видом оборачивал платком микрофон. Потом выступающий под приветственные крики и аплодисменты вышел вперед. Он широко улыбнулся толпе, помахал знакомым, а затем поднял руки, успокаивая собравшихся. Его лицо вдруг резко помрачнело — он ждал, когда толпа проникнется нужным настроением. Постоял неподвижно и вдруг неожиданно поднял правую руку, указывая на транспарант, развернутый у него над головой.

— Антигерон, — сказал он, — это самое грязное оружие из тех, что тори направляют против рабочих. Это бомба направленного действия. Те, чья жизнь наполнена комфортом и роскошью, радуются появлению анти-г — иначе и быть не может. Им он дарит многие годы —

великое множество лет — комфортабельной и роскошной жизни. А какое значение имеет антигерон для нас — рабочих, которые создают роскошь и богатство? Я вам скажу. Нам придется работать в течение трех жизней, вместо одной. А если вы собираетесь работать в течение трех жизней, где тогда ваши сыновья найдут себе работу? Да и сыновья ваших сыновей. Все это означает, что целых два поколения обречены на безработицу, два поколения будут вынуждены жить на пособие, два поколения будут рождены и умрут, испытав на себе все тяготы безработицы, которая приведет к тому, что ваша заработная плата станет намного меньше. Могу сказать вам, что никогда в истории борьбы рабочего класса...

На северной стороне площади, напротив Национальной Галереи, остановился фургон. Боковая стенка опустилась, открыв восемь громкоговорителей. Над толпой разнесся женский голос, усиленный мощными динамиками:

— Убийцы! Труссы! Убийцы женщин!

Оратор, пораженный столь неожиданным вмешательством, замолчал, сбитый с толку. Однако довольно быстро пришел в себя и снова заговорил:

— Два поколения...

Один из молодых техников быстро увеличил силу звука, но все равно его приспособления не могли соперничать с голосом, доносившимся с северной стороны площади, который продолжал:

— Убить можно только человека. Идея продолжает жить. Диана Брекли мертва, ее застрелили за открытие, которое она сделала. Но нельзя уничтожить достижение...

Почти все, кто находился на площади, повернулись, чтобы посмотреть на фургон и на бегущих к нему полицейских.

— Она подарила нам жизнь — а в награду получила смерть! Но идея есть порождение ума и духа, а вовсе не женского тела, которое легко уничтожить...

Полицейские добрались до фургона и принялись колотить в дверь. Голос продолжал:

— Что вы знаете о жизни, жалкие трусы? Вы боитесь ее настолько, что готовы растоптать! Какое право вы имеете лишать нас жизни? Какое право вы имеете говорить нам — вашим матерям, вашим женам и вашим дочерям — что мы должны умирать раньше?

Один из полицейских, которому удалось вытащить из кабины водителя фургона, занял его место и повел машину прочь.

— Конец, — сказали в микрофон сочным контральто.

Оратор на возвышении с облегчением наблюдал за отъезжающим фургоном. Он собрался продолжить свою речь, однако в этот момент раздался громоподобный женский голос — на сей раз он доносился с противоположной стороны.

— Не думайте, что, безнаказанно прервав одну жизнь, вы сумеете так же легко укоротить и другие. Мы уже сталкивались с вами. Вы бездарные болваны, луддиты. Теперь вы готовы довести луддизм до его логического завершения — мало уничтожить машины, нужно еще покончить и с изобретателем, чтобы он не мог больше творить.

Теперь рассерженные, вспотевшие полицейские бросились в другую сторону.

— Мешать, лишать, запрещать — и убивать! Таковы ваши убеждения? История знает много режимов, когда жизнь человека ценилась невысоко, но ни один из них не был настолько жесток, что намеренно сокращал срок жизни своего народа.

Полиция не стала тратить время и забираться во второй фургон. Они просто взяли его на прицеп и увезли. И снова отъезд фургона сопровождался прощальным криком:

— Конец!

Когда с запада донесся голос — из третьего фургона, — полицейские, которые только минуту назад сняли каски, чтобы вытереть взмокшие лбы, мрачно выругались и, нахлобучив каски, побежали выполнять свой долг.

Они поняли, что происходит.

Третий фургон был увезен почти сразу после того, как женщина произнесла несколько первых фраз.

Полицейские начали искать номер четвертый на восточной стороне площади и оказались перед ним как раз в тот момент, когда женщина, сидевшая в нем, начала передачу. Она успела сказать только:

— Помните Диану Брекли, уничтоженную глупцами и реакционерами, которые думают только о собственном благе!

После чего четвертый фургон последовал за остальными.

Все с надеждой посматривали на близлежащие улицы в поисках еще одного автомобиля, из которого мог бы доноситься женский голос. Но фургон номер пять так и не появился.

Толпа, собравшаяся у колонны, постепенно перенесла внимание на возвышение, однако теперь это внимание не было таким полным, как раньше, поскольку то тут, то там возникали жаркие споры. Оратор еще раз попытался завладеть аудиторией, подняв вверх руки и призывая публику к молчанию; соседи попросили спорящих немного помолчать. Оратор сделал глубокий вдох — и в этот момент его снова прервали.

Вторая толпа, собравшаяся за фонтанами, принялась скандировать, сначала неуверенно, потом с решительным энтузиазмом:

— Убийцы!.. Труссы!.. Убийцы женщин!..

Новые крики заставили людей у возвышения обернуться, причем выражения их лиц были совсем не дружелюбными. Толпа колебалась. Сам оратор делал все, чтобы привлечь к себе внимание, но до его слушателей долетали лишь обрывки фраз — женщины скандировали очень громко.

Наконец толпа мужчин приняла решение и двинулась в сторону женщин, возмутительниц спокойствия.

Полицейские тем временем уже сбегались со всех сторон, чтобы не дать двум враждебным группам встретиться, и вскоре, высекая копытами искры, на помощь пришли конные констебли.

Похороны состоялись в среду. Когда они закончились, огромная толпа начала медленно и спокойно расходиться. Большие полицейские отряды, вмешательства которых так и не потребовалось, стояли без дела. Докурив сигареты, полицейские забрались в машины и тоже разъехались.

Остались только горы цветов.

Однако два часа спустя многие из тех, кого можно было видеть на похоронах, пришли на Трафальгарскую площадь. За час огромное открытое пространство площади постепенно наполнилось людьми, по большей части женщинами.

Полицейские просили их разойтись. Женщины подчинялись, чтобы снова образовать небольшую группу в другой

части площади. Около семи часов над толпой появились транспаранты:

ПАРТИЯ НОВАЯ ЖИЗНЬ

И небольшие плакатики, на которых были выведены лишь первые буквы:

ПНЖ

Молодые женщины сновали в толпе и раздавали значки — белые диски с буквами «ПНЖ», нарисованными светящейся оранжевой краской.

Затем, словно по мановению волшебной палочки, возник огромный транспарант с широкой черной каймой, его несли четыре женщины. Конец каждого шеста украшал великолепный венок из живых цветов. Надпись гласила:

В ПАМЯТЬ ОБ УБИЕННОЙ ДИАНЕ БРЕКЛИ ОНА ДАВАЛА НАМ ЖИЗНЬ, А В НАГРАДУ ПОЛУЧИЛА СМЕРТЬ

Над толпой появилось несколько больших портретов Дианы. Среди них выделялась огромная фотография, сделанная в тот момент, когда она, истекая кровью, лежала на ступенях лестницы. Стало ясно, что толпа хорошо организована. Полиция начала стягивать силы, чтобы перекрыть Уайтхолл.

Толпа продолжала расти, постепенно люди начали скапливаться на улицах у южной стороны площади. Движение остановилось. Полиция торопливо перекрыла Уайтхолл, выставив мощный кордон. Демонстранты непрерывным потоком продолжали прибывать на площадь с близлежащих улиц, мимо остановившихся машин и автобусов, пока не упирались в кордон. Полицейские, сцепив руки, пытались удержать их, но совершенно безрезультатно. Несмотря на отчаянное сопротивление полицейских, кордон был прорван. С восторженными криками толпа, размахивая знаменами, транспарантами и плакатами, двинулась по Уайтхоллу. В передних рядах запели. Вскоре песню подхватили и те, кто шагал сзади:

Тело убитой Дианы Брекли лежит в могиле,
Тело убитой Дианы Брекли лежит в могиле,
Тело убитой Дианы Брекли лежит в могиле,
Но дело ее живет!

Часть демонстрантов покинула площадь, но она снова заполнялась теми, кто подходил с боковых улиц. Пассажиры застрявших автобусов вышли наружу и тоже присоединились к маршу.

Когда головная часть толпы проходила Даунинг-стрит, пение стало громче:

Можете нас перестрелять,
Как те, кто застрелил Диану,
Ее дело все равно не умрет!

В другом конце Уайтхолла расположился еще один кордон, мощнее первого, но он тоже пал под нажимом толпы и сдал свои позиции. Демонстрация вышла на Площадь парламента.

Неожиданно взревел неизвестно откуда взявшийся громкоговоритель:

— **МЫ ХОТИМ АНТИГЕРОН!**

Толпа получила новый импульс, поняла, что от нее требуется, и ее многоголосый вопль эхом прокатился мимо Аббатства, к правительственным особнякам, и еще дальше, к зданиям парламента.

— **МЫ... ХОТИМ... АНТИГЕРОН!.. МЫ... ХОТИМ... АНТИГЕРОН!..**

— Премьер-министр просто потрясен. Он сам мне признался, — сообщила Лидия Вашингтон Дженет Тьюли. — «Выдающееся представление, коих не знала история демонстраций», так он это назвал. Ну, тогда я ему и говорю: «Да, именно так, Вилли. И что вы собираетесь делать? Вы намерены обратить на это внимание? Или прогоните меня, и тогда я превращу Партию новой жизни в политическую организацию, которая во время следующей предвыборной кампании станет всеми силами сражаться против вас? Существует еще третий вариант: общественные беспорядки; то, на что были способны наши бабушки, нам тоже по плечу».

«Дорогая Лидия, — сказал он, — я против общественных беспорядков. Они причиняют убытки и от них масса грязи, я стал к ним относиться особенно отрицательно с тех пор, как разнообразные движения сопротивления внушили народу идеи, которые и в голову не могли прийти

вашей бабушке. Кроме того, должен признать, что наши сторонники в парламенте не очень обрадовались бы возникновению новой и, возможно, очень популярной партии. Оппозиции, я уверен, это понравится еще меньше: они и так уже довольно сильно пострадали от того, как развиваются события. Существует вероятность, что кто-нибудь из выдающихся личностей, принадлежащих оппозиции, придет к вам: в их рядах есть представители интеллигенции, обладающие весьма специфическими, если можно так сказать, способностями, которые и в самые лучшие для партии времена не доставляют удовольствия остальным ее членам. Так что, я думаю, они скорее согласятся проиграть нам, чем разбиться на два лагеря.

Надо признать, не все члены нашей партии придерживаются единодушного мнения относительно решения проблемы антигерона. Складывается впечатление, что многие еще не поняли — представляете, и это в наше-то время — что, если отворачиваться от науки, она может как следует лягнуть тебя сзади. И тем не менее, учитывая альтернативные варианты, я не сомневаюсь, что мы сможем провести нужное нам решение — если это будет в наших силах».

Дженет нахмурилась:

— Что он хотел этим сказать?

— Он получил письмо, написанное из какой-то больницы каким-то доктором Саксовером, который, как уверял меня Вилли, является известным биологом — или он сказал биохимиком? — ну что-то в этом роде. Письмо было отправлено в прошлый понедельник, через два дня после смерти Дианы. Этот доктор Саксовер утверждает, что ему было известно про антигерон и что он в течение многих лет производил его — не для Дианы. Он все скрывал, потому что надеялся найти другой источник сырья. Доктор Саксовер сообщил, что антигерон получают из какого-то там лишайника, растущего в Северной Маньчжурии — премьер-министр сказал, что его собственные информаторы подтверждают эти сведения. Так вот, утром того дня этот самый доктор Саксовер получил телеграмму от своего агента в Гонконге, где сообщалось, что китайские власти организовали некий колхоз, в состав которого вошли все территории, где растет лишайник, и что они в данный момент занимаются тем, что распахивают «новые» земли. Доктор Саксовер считает, что других мест, где этого лишайника

было бы в достаточном количестве для производства антигерона на три или даже четыре тысячи человек, нет. А теперь его совсем не будет! Следовательно, дальнейшее производство антигерона прекратится.

«Какой простак этот доктор Саксовер, — заметил премьер-министр. — Кажется, он рассматривает эти события, как простое стечение обстоятельств».

«А вы считаете, что это не так?» — спросила я.

«До сих пор, — заявил премьер-министр, — никто не относился к этому открытию серьезно — считается, что это дурацкий розыгрыш, в котором есть разве что крупица правды. Однако китайцы очень хитры. А кроме того, у них прекрасная разведка. Смотрите, как ловко у них все получилось, ужасно удобно. К нашему счастью, весь этот лишайник, из-за которого могли бы возникнуть ужасные неприятности, исчез. Остается только сказать, что мы «стлашно ласстлоены». Бессмысленно устраивать скандал и рвать на себе волосы из-за того, что уже просто не существует! Более того, у них очень серьезно стоит проблема перенаселенности; если к этому добавится долгожительство, страна очень быстро окажется на грани коллапса».

«Можно, конечно, сомневаться, — добавил премьер после некоторого раздумья, — что весь лишайник уничтожен. Интересно проследить за лидерами Китая: не будут ли они в последующие годы выглядеть слишком молодо для своих лет? Однако, как бы там ни было, лишайник стал недоступен. А мы остались с нашими проблемами».

«Совершенно с вами согласна, Вилли, — согласилась я. — Действительно, получилось ужасно удачно и для вашего правительства, не так ли? Так удачно, что никто в это просто не поверит — а значит, вы, ваша Партия, да и все мы окажемся в проигрыше».

«Верно, — не стал он спорить, — но что вы можете нам предложить? Мы не в силах выращивать эту штуку для всех. Даже если Саксовер передаст споры — кажется, так размножается этот лишайник? — в Кью*, а те сумеют его вырастить, пройдет много лет, прежде чем мы будем в состоянии производить антигерон в достаточных количествах».

«Тем не менее, — сказала я, — необходимо что-то делать, Вилли. В данном случае вряд ли будет правильно

* Знаменитые ботанические сады в Ричмонде.

применить знаменитый афоризм: “если у тебя чего-то нет, то ты и не знаешь, как без этого плохо”. Теперь, когда публике все уши прожужжали про антигерон, людям будет просто невтерпеж получить его — война с Китаем покажется самым естественным выходом для многих. Знаете, как вопят дети, когда у них отнимают любимую игрушку... В чем дело?» — спросила я, заметив, как у него вдруг широко раскрылись глаза.

«Ты поняла, Лидия!» — сияя, воскликнул он.

«Но я только сказала...»

«Что ты говоришь, когда нужно утешить ребенка, потравшего любимую игрушку?»

«Ну... не плачь, дорогая. Я куплю тебе другую».

«Именно», — ответил наш премьер, и его лицо снова расплылось в улыбке.

— Как уже известно нашим слушателям из прошлых выпусков, вчера вечером премьер-министр обратился к парламенту с речью относительно антигерона.

«Правительство, — сказал он, — уже некоторое время самым тщательным образом изучало этот вопрос. И если наша реакция может показаться широкой публике несколько запоздалой, то это лишь по той причине, что мы не хотели ни у кого вызывать ложных надежд. Однако сейчас наступил такой момент, когда желательно, чтобы граждане нашей страны были ознакомлены со всеми фактами. А они таковы: открытие антигерона было научным триумфом, который в очередной раз доказал, что британские ученые продолжают оставаться ведущими в мире. Однако, к сожалению, открытие антигерона не сопровождалось открытием источника неограниченного количества материала, из которого его можно производить. Более того, многие составные части чудодейственного средства очень редко встречаются в природе, а само производство является сложным и дорогостоящим. Как, например, алюминий, который вначале казался более редким, чем платина, а значит, более дорогим. Ситуация с антигероном в некотором смысле получилась похожей. В настоящее время его можно получать лишь в весьма и весьма ограниченных количествах из очень редкого вида лишайника. Правительство проконсультировалось с видными учеными о возможности существования методов увеличения выпуска препарата, чтобы его

хватало всем. И снова, к нашему величайшему сожалению, надо признать, что ученые не смогли сообщить никакого надежного метода немедленного улучшения ситуации. Однако правительство намерено приложить все силы для удовлетворительного разрешения этой проблемы, причем в самые короткие сроки.

Поэтому правительство выделяет миллион фунтов стерлингов для субсидирования исследований в этой области.

Премьер-министр не сомневается — наши достижения в области науки убеждают его в том, что ему не следует в этом сомневаться, — что британский интеллект и развитые технологии одержат победу, причем в самом ближайшем будущем, и создадут антигерон для всех мужчин и женщин, живущих в нашей стране и желающих его принимать...»

ГЛАВА 15

Френсис Саксовер остановил машину в том месте, где проселочная дорога кончалась белыми воротами. На верхней перекладине было аккуратно выведено: «ФЕРМА ГЛЕН». Немного левее виднелся дом, который казался уютным и прекрасно вписывался в окружающий пейзаж. Он был построен из серого камня, вероятно, около трех веков назад — создавалось впечатление, что дом является прямым продолжением холма, на котором стоит. Он примостился на небольшом уступе, сразу за ним начинался лес, а сияющие, с белыми рамами окна выходили на озеро. В маленьком саду пышно цвели хризантемы. С северной стороны какие-то низкие строения соединяли дом с большим сараем. Из трубы поднимался голубой дымок, который ветер относил к лесу. Вне всякого сомнения, самая настоящая ферма; и совершенно очевидно, что на этой ферме никто не работает.

Френсис некоторое время разглядывал дом, потом вышел из машины, открыл ворота, медленно проехал по дорожке, оставил машину в том месте, где дорожка немного расширялась, неподалеку от дома и, прежде чем выйти из машины, посидел несколько минут.

Он не отправился сразу к дому, а подошел к краю уступа, где остановился и принялся задумчиво смотреть в тихий сад и на неподвижные воды озера. Так прошло несколько минут. Потом, когда Френсис повернулся, чтобы

покинуть это место, нечто у самых ног привлекло его внимание. Он несколько минут смотрел на землю, затем наклонился и поднял то, что его заинтересовало. Целую минуту разглядывал лишайник, лежащий на ладони, усмехнулся, бросил его и направился прямо к дому.

Дверь открыла сурового вида деревенская девушка.

— Миссис Инглз? — спросил Френсис.

— Она, по-моему, в сарае, сэр. Я доложу о вас. Ваше имя?

— Ну, скажите, что я представитель администрации округа, — ответил он.

Его провели в большую, удобную гостиную: белая краска, серые стены, несколько великолепных натюрмортов, камин, в котором разожжен огонь, отполированная до блеска медная каминная решетка. Когда дверь открылась, Френсис смотрел в окно.

— Доброе утро... — услышал он знакомый голос.

Френсис повернулся.

— О! — воскликнула она. А затем чуть слышно повторила: — О!... Как глупо, — дрожащим голосом проговорила Диана. — Я сейчас расплачусь. — И тут же выполнила свое обещание. — Вообще-то я не из тех, кто любит это дело, вовсе нет, — бормотала она сквозь слезы. — Никто, кроме вас, не может заставить меня плакать. Вот проклятье!

Минут через десять она немного пришла в себя и проговорила:

— Как вы узнали, Френсис?.. И как догадались, где искать?

— Дорогая, я ведь не вчера родился на свет, кажется, так говорят? Вы проделали все просто великолепно. Но тем не менее всякие мелочи — ваш неожиданный визит в «Дарр», например, то, как вы держались, несколько отдельных слов и фраз... Узнать про миссис Инглз, живущую здесь, было гораздо сложнее, да и я сначала искал даму, которая совсем недавно инкогнито отправилась за границу.

— Я потратила немало сил, чтобы устроить миссис Инглз здесь и со всеми удобствами, — сказала Диана. — Все оказалось гораздо проще, чем могло бы показаться, потому что миссис Инглз — это я.

Потрясенный Френсис, не в силах произнести ни слова, уставился на нее.

— Ну уж такое мне и в голову не могло прийти. У меня было такое впечатление... вы говорили, что не замужем. Он . вы?..

Диана покачала головой:

— Когда я говорю, что являюсь миссис Инглз, это означает, что я могла бы ею быть в общепринятом смысле — хотя должна сказать, что практика сохранения фамилии мужа после развода кажется мне абсолютным идиотизмом — Она помолчала немного, а потом заговорила снова: — Это было очень давно. Когда вы молоды, когда испытали потрясение, когда то, о чем вы мечтаете, абсолютно недостижимо, вы отчаянно ищете возможность начать новую жизнь. Не очень подходящий повод для замужества. Оно было коротким и несчастливым — пока продолжалось... Так что я и не пыталась снова выйти замуж. Занялась работой, она отнимала у меня почти все время.

— А теперь ваша работа приносит вам удовлетворение? — спросил Френсис.

Диана внимательно посмотрела на него:

— Я знаю, вы меня осуждаете. Вы только что дали мне это понять в весьма мягкой форме, особенно если представить себе, что сказали бы обо мне многие, узнав правду..

Ну хорошо, это действительно было не очень красиво, самый настоящий обман. Впрочем, мне все равно, как это назвать. Существуют гораздо более важные вещи, гораздо более необходимые, чтобы несколько традиционных принципов могли помешать их существованию; и, что касается меня, в данном случае речь идет об одной из таких вещей. Не могу сказать, что горжусь тем способом, которым действовала, но меня удовлетворяет результат — пока. Могла пролиться кровь, могла начаться гражданская война — пока нам удалось этого избежать.

Если бы людям дали возможность как следует все обдумать, вот тут-то и возникли бы основные неприятности; впрочем, теперь беспокоиться об этом уже поздно — детям пообещали конфетку, и они устроят настоящий ад, если им ее не дадут. Но конфетку дадут рано или поздно. Американцы и русские уже сделали огромные капиталовложения в исследования, гораздо более серьезные, чем мы; они наверняка были просто в ярости, что им придется это делать, но у них не оставалось выбора — мы это затеяли, и, следовательно, их наука должна быть на уровне

Настоящие проблемы встанут гораздо позже. Может быть, даже удастся обойтись без кровопролития, но это будет ох как непросто. Если уже сейчас мы займемся проблемой увеличения запасов продуктов питания, чтобы не возникло голода, если можно будет придумать способ снизить нынешний безумный уровень рождаемости, мы справимся с грозящими нам неприятностями, лишь испытав временные трудности и неудобства. Посмотрим. В данный момент меня волнует только то, что за кулисами готовится к своему выходу на сцену *homo diuturnus*, или *homo vivax*, или как там они его назовут.

Диана помолчала немного, почти целую минуту всматривалась в лицо Френсиса, а затем отвернулась.

— Вы потрясены! Вы! — воскликнула она. — Интересно, можно ли сравнить ваше потрясение с шоком, испытанным молодой женщиной, которая обнаружила, точнее, думает, что обнаружила, как... ну, я и сейчас не совсем понимаю... она узнала, что... главный этический принцип ее призвания... нарушен человеком, человеком... О Френсис, неужели вы вынудите меня это сказать?..

Когда солнце село за дальние холмы и тени окутали озеро, машина Френсиса все еще стояла на ферме Глен. В доме было принято по-настоящему важное решение, а на кушетке рядом с камином по-прежнему продолжали возникать мелкие вопросы, которые тоже следовало урегулировать.

— Десять миллионов, — задумчиво проговорила Диана. — Не доверяю я политикам.

— Тут, мне кажется, все в порядке, — попытался успокоить ее Френсис. — Во-первых, многие выиграют от этого лично. Но что еще важнее, Лидия Вашингтон добилась того, что они с Дженет Тьюли стали членами Комитета. Мне трудно поверить, что они потерпят какие-нибудь безобразия.

— У тебя есть запас лишанина?

— Достаточно для того, чтобы обеспечить на некоторое время Стефани, Пола, Ричарда и себя. Остальное я отдал тебе для исследовательских целей. А у тебя?

— Совсем немного. Хватит для Сары, Люси и еще нескольких человек. Ну и, конечно, для Дженет и Лидии. Я должна о них позаботиться, если ученые не добьются по-

ложительных результатов в ближайшие два-три года. Не могу же я бросить их в беде.

— И таким образом, они узнают, что ты жива.

— Ну, рано или поздно они это все равно узнают.

— А когда ты собиралась сообщить об этом мне?

— Френсис, не нужно! Это было самой трудной частью моего плана. Не думаю, что я смогла бы продержаться долго.

— Ну а если, допустим, за три года никому не удастся добиться положительных результатов, у тебя будет новый запас лишайника? — спросил Саксовер.

— Ты заметил, не так ли? Похоже, он здесь неплохо прижился, но, конечно, получить можно будет только совсем небольшое количество — так что старая проблема по-прежнему висит в воздухе.

Они сидели и смотрели, как пламя лижет поленья в камине, а потом Френсис сказал:

— За все время я ни разу не слышал, чтобы предполагаемый срок увеличенной жизни превысил двести лет — и никаких намеков на что-нибудь другое. Почему?

— А почему ты выбрал для Стефани и Пола коэффициент три?

— Главным образом потому, что более высокий коэффициент рано или поздно вызвал бы у них подозрения. Позже можно было внести изменения, если бы мне удалось синтезировать лишайник и опубликовать результаты своих исследований.

— Именно по той же причине я использовала коэффициент два в работе со своими клиентками. Ну а когда встал вопрос о предании гласности нашего открытия... я посчитала, что двести — вполне понятная и приемлемая цифра. Достаточно для того, чтобы вызвать желание ее заполнить, но не настолько большая, чтобы напугать.

— А тебя пугает долгая жизнь, Диана?

— Порой пугала. Теперь нет. Теперь меня ничто не пугает, Френсис — разве что перспектива, что мне может не хватить времени...

Френсис взял ее за руку.

— Это будет совсем не просто, — сказал он ей. — Ты же не можешь взять и снова появиться после всей этой шумихи. Трудно себе представить, чем тебе это грозит. Так что даже если бы я и решил восстановить «Дарр», мы не

смогли бы туда поехать. Наверное, нам придется отправиться куда-нибудь за границу, где...

— Ну, это я устроила, — сообщила ему Диана. — Останемся здесь. Дом тут просто замечательный. Ты женишься на миссис Инглз. Без лишнего шума, потому что, если станет известно, что миссис Инглз является младшей сестрой Дианы Брекли, естественно, возникнет шумиха, а она никому не нужна. По той же причине мы оба решили пожить тихо, без лишнего шума несколько лет, пока все не уляжется. Тут полно места, Френсис; я тебе покажу после обеда. Знаешь, из комнаты над столовой получится отличная детская. А потом, когда ты снова станешь общественным деятелем, нам придется придерживаться истории о сестре бедняжки Дианы. Постепенно к этому все привыкнут и...

— Кстати, в бедняжку Диану выстрелили три раза. Расскажи про ее раны.

— Холостые патроны, милый — и кое-что еще, чем принято пользоваться в телесериалах. Надевается под одежду, стоит нажать — и красные чернила создают пятна отвратительного вида. Ну так вот, я говорила...

— Ты говорила что-то о том, что я снова стану «общественным деятелем». Ну, во-первых, я им никогда не был, насколько мне известно...

— Тебя же все знают, Френсис. Я подумала... Ладно, не будем спорить по этому поводу. Только не можем же мы оба сидеть здесь и ничего не делать целых двести или триста лет, разве я не права? С этой проблемой столкнутся все. На самом деле это самое интересное в эксперименте. У меня в сарае оборудована отличная лаборатория, так что мы сможем там работать. Именно там ты найдешь молекулу, определяющую антигерон, — а следовательно, станешь общественным деятелем... Пойдем, милый, я тебе покажу...

Содержание

Зов пространства , роман, <i>перевод с английского Г. Корчагина</i>	5
Во всем виноват лишайник , роман, <i>перевод с английского</i> <i>В. Гольдича и Н. Оганесовой</i>	137

МИРЫ ДЖОНА УИНДЕМА

Собрание фантастических произведений в 5 томах

Том третий

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *Т. Пикович*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Н. Дундина, А. Хиршфелде*

Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*

Художественный редактор *М. Захаренкова*

Иллюстрация на обложку и оформление форзаца:

И. Леонтьев

Оформление шмуцтитлов: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным
издательством

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 17.10.95. Формат 84×108/32.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 17,64. Тираж 15 000 экз.

Заказ № 1151. С 133.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Тверском ордена Трудового Красного Знамени

полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

Комитета Российской Федерации по печати.

170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Зов пространства

Не всем дано стать покорителями космоса. Но раз в поколение семья Трунов дарила человечеству одного из тех, кто слышит песню сирен, непреодолимый зов пространства...

Во всем виноват лишайник

Бессмертие всегда манило людей своей призрачной недостижимостью. Но когда оно рядом, оказывается, что овладеть им не так просто...

